

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 18. № 2

2019

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Документ как объект лингвистического исследования»

Document as an Object of Linguistic Research

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 18. No. 2

2019

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
2019
Том 18. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2019
Volume 18. No. 2

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2019. Vol. 18. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue:

Document as an Object of Linguistic Research

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Journal is registered in the Federal Service for Supervision
of Mass Media, Communications and Protection of
Cultural Heritage (Russia) (Registration Certificate
ПН № ФС77-25016 of June 29, 2006)

The journal is included into “**The Index of Peer-
Reviewed Academic Journals and Publications That
Must Publish the Main Academic Results of
Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree
Theses**” that came in force on December 1, 2015

Journal is included into **Web of Science Core
Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian
and international databases: **Russian Science Citation
Index; MLA (USA), CrossRef (USA), DOAJ
(Sweden), EBSCO (USA), ProQuest (USA),
CiteFactor (Canada), COPAC* (Great Britain), Google
Scholar (USA), Journalindex.net (USA),
JournalSeek (USA), ULRICHSWEB™ Global
Serials Directory (USA), OCLC WorldCat® (USA),
SHERPA/RoMEO (Spain), MIAR (Spain), ZDB
(Germany), “CyberLeninka” Scientific Electronic
Library (Russia), “Socionet” Information Resources
(Russia) et al.**

Address of the Editorial Office:
Prospect Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal Website: <https://l.jvolsu.com>
English version of the Website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Editorial Staff:

Prof. Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)
Prof. Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)
Prof. Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)
Prof. Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary and Copy
Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof. Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik); Prof. Dr. *N.S. Bolotnova*
(Tomsk); Prof. Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);
Prof. Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium); Prof. Dr.
V.Z. Demyankov (Moscow); Prof. Dr. *N.N. Zapolskaya*
(Moscow); Prof. Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);
Prof. Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd); Prof. Dr. *V.I. Karasik*
(Volgograd); Prof. Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);
Prof. Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia); Prof.
Dr. *L.P. Krysin* (Moscow); Prof. Dr. *O.A. Leontovich*
(Volgograd); Prof. Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);
Prof. Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Volgograd); Prof. Dr.
O.N. Prokhorova (Belgorod); Prof. Dr. *V.I. Terkulov*
(Donetsk, Ukraine); Prof. Dr. *E. Hoffmann* (Vienna,
Austria); Prof. Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd); Prof.
Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland); Dr. *R. Schmitt*
(Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova,*
M.V. Rassakhatskaya, I.V. Smetanina
Editor of English texts: *Yu.V. Chemeteva*
Making up: *O.N. Yadykina*
Technical editing: *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing 20.07.2019.
Date of publication 08.08.2019. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 22.0. Published pages 23.7.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–63).
Order 106. «C» 14.
Open price

Address of the Publishing House and Printing House:
Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

© Volgograd State University, 2019

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019. Т. 18. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера:

«Документ как объект лингвистического исследования»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25016 от 29 июня 2006 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**; **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шентухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия); д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия); д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва); д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва); д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург); д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград); д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия); д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия); д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва); д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург); д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород); д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина); д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия); д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград); д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша); д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова*,

М.В. Рассахатская, *И.В. Сметанина*

Редактор английских текстов *Ю.В. Чеметева*

Верстка *О.Н. Ядыкиной*

Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 20.07.2019 г.

Дата выхода в свет 08.08.2019 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 22,0.

Уч.-изд. л. 23,7. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–63).

Заказ 106. «С» 14.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

«ДОКУМЕНТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»

<i>Косова М.В.</i> Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман»)	6
<i>Русанова С.В.</i> Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века	16
<i>Кузнецов С.А., Соловьев А.А.</i> Конституция Российской Федерации в аспекте требований к русскому языку как государственному	27
<i>Литвишко О.М.</i> Структурные особенности биграмм-коллокаций в международных юридических документах	37
<i>Токарев Г.В.</i> Дискурсивные особенности личного дневника как камерного документа	48
<i>Маджаева С.И., Епанчина Л.В.</i> Композиционно-содержательная и речевая структура дневника практики студента-медика	57

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Карасик В.И., Китанина Э.А.</i> Осмысление совести и сознания в русской лингвокультуре	67
<i>Михеева С.Л.</i> Препозитивное прилагательное в русских пословицах как средство выражения каузальных отношений	83
<i>Джелалова Л.А.</i> Модель «Значение ↔ Применению» в изучении русских пословиц	94

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

<i>Моисеенко Л.В.</i> Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания	105
<i>Волошина Т.Г.</i> Особенности индигенизации английского языка в Нигерии	118
<i>Скрынникова И.В.</i> Кросслингвистический репозиторий политических метафор: структура и проблемы методологии	128

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Попов В.В., Штельмах Т.В.</i> Естественный текст: математические методы атрибуции	147
<i>Анисимова Т.В., Пригарина Н.К., Чубай С.А.</i> Система риторической аргументации в дискурсе социальной рекламы	159
<i>Королёва И.А.</i> Эпистолярный стиль как объект лингвокультурологического исследования	174
<i>Васильева Е.Ю.</i> Речевая стратегия контроля коммуникативной инициативы (на материале немецкого ток-шоу о здоровье)	183

<i>Кокина К.В.</i> Векторы эволюции ценностных ориентиров персональной аксиосферы в современном медийном дискурсе	195

ДИСКУССИИ

<i>Шаров К.С.</i> Гендерно-нейтральное описание Бога и категорий божественности с позиций феминистского лингвистического дискурса	204
<i>Проскура А.В.</i> Древнеанглийская молитва <i>The Lord's Prayer</i> как семантический способ трансляции христианской морали	217

РЕЦЕНЗИИ

<i>Новоженова З.Л.</i> Коммуникативный потенциал модальности: парадигмы интерпретаций (Рец. на кн.: Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка [Текст] : монография / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса, Н. А. Пробст, А. И. Ткаченко, А. Н. Черняков ; под ред. С. С. Ваулиной. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 206 с.)	228

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE: DOCUMENT AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

<i>Kosova M.V.</i> The Genre Parameters of the Passport of the Mid-Eighteenth Century (On Materials of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)	6
<i>Rusanova S.V.</i> Headings of the Pleading Documents in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18 th Century	16
<i>Kuznetsov S.A., Solovyev A.A.</i> The Constitution of the Russian Federation in the Aspect of Requirements for Russian as a State Language	27
<i>Litvishko O.M.</i> Structural Peculiarities of Bigram-Collocations in Legal English	37
<i>Tokarev G.V.</i> Private Diary as a Chamber Document: Discourse Peculiarities	48
<i>Madzhaeva S.I., Epanchina L.V.</i> Compositional and Speech Structure of the Medical Student's Practice Diary	57

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

<i>Karasik V.I., Kitanina E.A.</i> Conceptualization of Conscience and Conscientiousness in the Russian Language and Culture	67
<i>Mikheeva S.L.</i> Prepositive Adjective in Russian Proverbs as a Means of Expressing Causal Relations	83
<i>Dzhelalova L.A.</i> Model "Meaning ↔ Application" in Studying Russian Proverbs	94

**INTERCULTURAL COMMUNICATION
AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES**

Moiseenko L.V. Populism in Political Discourse:
Diagnostic Features and Linguo-Cognitive Techniques of
Formation 105

Voloshina T.G. Features of English Language
Indigenization in Nigeria 118

Skrynnikova I.V. Crosslinguistic Repository
of Political Metaphors:
Structure and Methodological Issues 128

MATERIALS AND REPORTS

Popov V.V., Shtelmakh T.V. Natural Text:
Mathematical Methods of Attribution 147

Anisimova T.V., Prigarina N.K., Chubay S.A. The System
of Rhetorical Argumentation in Discourse
of Social Advertising 159

Koroleva I.A. Epistolary Style as an Object
of a Linguoculturological Research 174

Vasil'eva E.Yu. Speech Strategy of Communicative
Initiative Control (On Material of German Talk-Show
About Health) 183

Kokina K.V. Vectors of Value Orientation Evolution
of Personal Assessment Area
in Modern Media Discourse 195

DISCUSSIONS

Sharov K.S. Attempts to Describe God
and Divine Categories in a Gender-Neutral Way
in the Modern Feminist Linguistic Discourse 204

Proskurina A.V. The Old English Prayer
The Lord's Prayer as a Semantic Way
of Conveying Christian Morals 217

REVIEWS

Novozhenova Z.L. The Communicative Potential
of Modality: Paradigms of Interpretations
(Book Review: The communicative potential
of modality in diachrony and synchrony
of the Russian language [Text] : monograph
/ S. S. Vaulina, I. Yu. Kuksa, N. A. Probst,
A. I. Tkachenko, A. N. Chernyakov ;
under the editorship of S. S. Vaulina. – Kaliningrad :
Immanuel Kant Baltic Federal University Publ.,
2018. – 206 p.) 228

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>

UDC 811.161.1:002.1
LBC 81.411.2-03

Submitted: 16.01.2019
Accepted: 08.04.2019

**THE GENRE PARAMETERS OF THE PASSPORT
OF THE MID-EIGHTEENTH CENTURY
(ON MATERIALS OF THE ARCHIVAL FUND
OF MIKHAILOVSKY STANITSA ATAMAN)¹**

Marina V. Kosova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article deals with an issue of designing a diachronic corpus of regional documents and from the point of documentary linguistics it justifies the necessity of distinguishing a set of parameters (constant features) of the document text that might be applied for identifying its genre references and scientific evaluation of its compositional, content and discourse organization. On the basis of a communication situation conditionality that is viewed as a gradable category the author proposes two types of parameters: 1) extralinguistic, that are directly determined by a communicative situation (title, addresser, addressee, function, structure, specificity of the information transmitted, spatial and temporal localization of a document); 2) linguistic (such as completeness, coherence, integrity, and uniformity of the text), that are associated with a communicative situation indirectly, by the extralinguistic parameters, and are referred to text categories. Theoretical basis is supported with the genre parameters of the passport, a document that is presented in the 18th Archive of documents of the Don Cossack Army offices (preserved in the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman, Volgograd Region State Archive). The integrated parameters and their discursive expression justifies the passport as a document with an informative-and-regulatory function, its discursive value in the Voisko Donskoye office work.

Key words: business language, history of the Russian business language, regional business writing, Don Cossack Host, document, passport, genre, genre parameters.

Citation. Kosova M.V. The Genre Parameters of the Passport of the Mid-Eighteenth Century (On Materials of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>

УДК 811.161.1:002.1
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 16.01.2019
Дата принятия статьи: 08.04.2019

**ЖАНРОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПАСПОРТА СЕРЕДИНЫ XVIII в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ФОНДА
«МИХАЙЛОВСКИЙ СТАНИЧНЫЙ АТАМАН»)¹**

Марина Владимировна Косова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье с позиций документной лингвистики, одной из задач которой в настоящее время является создание диахронического корпуса региональных документов, обоснована необходимость разработки системы параметров (общих признаков) документного текста для установления жанровой принадлежности, научной оценки его композиционно-содержательной и речевой организации. В зависимости от степени обусловленности коммуникативной ситуацией предложено разграничение двух типов параметров: 1) параметры экстралингвистического характера (название, адресант, адресат, функция, структура, характер передаваемой информации, пространственно-временная локализация документа), которые непосредственно детерминированы коммуникативной ситуацией и в своем большинстве соотносятся с реквизитами документа, и 2) параметры лингвистического характера (завершенность, связность, целостность, однотипность текста), которые связаны с коммуникативной ситуацией опосредованно (через параметры первого типа) и соотносятся с текстовыми категориями. Рассмотрены жанровые параметры паспорта. Материалом для исследования послужили документы канцелярии Войска Донского, хранящиеся в фонде «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области. Совокупность выделенных параметров и особенности их речевого выражения позволили определить паспорт как документ, выполняющий информативно-регулятивную функцию, и установить его роль в делопроизводстве Войска Донского.

Ключевые слова: деловой язык, история русского делового языка, региональная деловая письменность, Область Войска Донского, документ, паспорт, жанр, параметры жанра.

Цитирование. Косова М. В. Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>

Постановка проблемы

Современную науку отличают полипарадигмальность и интегративность, что проявляется в развитии смежных научных направлений, которые, используя различные подходы и методы исследования, позволяют формировать об объекте новое, более глубокое знание.

Особое место в обществе в настоящее время занимает деловая коммуникация, и документы как ее основное средство стали объектом изучения не только документоведения, но и других научных дисциплин, в частности лингвистики, новым вектором развития которой является исследование закономерностей формирования и функционирования документных систем, изучение свойств документного текста, выявление специфики его речевой организации.

В последние годы усилился интерес к языку региона, языку отдельных социальных групп, имеющих свою историю и этнокультурные особенности. В связи с этим ценными представляются документы XVIII в. фонда «Михайловский станичный атаман», хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области, – документы канцелярий Области Войска Донского [Документы канцелярии..., 2013], которая являлась административно-территориальной единицей Российского государ-

ства и характеризовалась социоэтническим и языковым своеобразием. Эти документы имеют разную жанровую принадлежность². Обращение к ним позволяет не только проследить закономерности развития русского литературного языка во всех формах его существования, историю региона, но и дополнить имеющиеся в науке сведения о жанре документа как лингвистическом явлении. Кроме того, одной из актуальных задач языкознания в настоящее время стало создание диахронического лингвистического корпуса деловых документов, что предполагает разработку принципов электронного представления источников и параметров разметки текстов документов, создание программных средств их реализации в электронно-поисковой системе в виде текстового корпуса. Решение такой задачи существенно расширит эмпирическую базу науки, откроет новые возможности в изучении делового языка.

В фонд «Михайловский станичный атаман» входят документы разных жанров: войсковые грамоты, доношения, записи, известия, отпускные билеты, подписки, предложения, прошения, письма, промемории, расписки, сообщения, справки, списки, свидетельские показания, указы и др. Некоторые из них уже становились предметом лингвистического анализа. Так, описана жанровая специфика войсковой грамоты, рапорта, предложения, доно-

шения, сообщения; выявлены и охарактеризованы речевые средства выражения основных текстовых категорий – пространства, времени, модальности и др. – в документах некоторых видов [Горбань, 2012; Горбань и др., 2016; Косова, 2016; Саидгасанова, 2013; Сафонова, 2017а; 2017б; 2018; Шептухина, Горбань, 2015 и др.]; предложены методы научной оценки документного текста [Балясова, Шептухина, 2017; Горбань, Шептухина, 2016 и др.]. Однако для создания лингвистического корпуса важным условием является разработка критериев оценки всего массива документов, образующих фонд, их систематизация, что требует в первую очередь установления жанровой принадлежности документа.

Для решения данной задачи необходима параметризация документных текстов на основе единого подхода к анализу их формы и речевой организации. Это позволит выявить структурно-текстовую, языковую специфику указанных источников, обусловленную исторически и территориально, рассмотреть текстовый массив как среду функционирования языка XVIII века.

Параметрами мы называем общие признаки текста, характеризующие его как особую единицу. Документный текст является сложным лингвистическим объектом, поскольку на его создание влияют как формальные правила, имеющие внелингвистическую природу, так и языковые законы построения письменной речи. Эта специфика позволяет по отношению к документному тексту разграничить 2 типа параметров: 1) экстралингвистического и 2) лингвистического характера. Данное разграничение основывается на степени их обусловленности коммуникативной ситуацией, связанности с действительностью. Параметры экстралингвистического характера непосредственно детерминированы коммуникативной ситуацией, формируют первый уровень ее отражения (большинство из них соотносится с реквизитами документа); параметры лингвистического характера связаны с коммуникативной ситуацией опосредованно – через параметры первого типа, они представляют второй уровень отражения коммуникативной ситуации в тексте (они соотносятся с текстовыми категориями).

Рассмотрим реализацию указанных параметров в тексте паспорта – документа, который в определенных условиях, в частности при командировании казака с каким-либо заданием, использовался на территории Войска Донского для удостоверения его личности.

Жанровые параметры экстралингвистического характера

Параметр «название» имеет для документа определяющее значение. Название эксплицирует его жанровую принадлежность, «характеризует типовое отношение текста к действительности» [Качалкин, 1988, с. 22]. В документном тексте этот метакомпонент является обозначением вида документа, соотносится с коммуникативной целью и выполняет текстообразующую функцию [Косова, 2015]. В анализируемых нами паспортах название не вынесено в заголовок, однако в тексте употребляется самоназвание документа, которое имеет варианты написания: *пошпортъ*, *пошпорт*, *пашпорт*. Можно предположить, что такая орфографическая вариативность, неустойчивость и незакрепленность говорят о еще не совсем сложившейся системе делопроизводства или о традициях, принятых в определенной канцелярии [Качалкин, 1988, с. 114], а возможно, связана с южнорусским говором (аканьем).

Использовался паспорт в делопроизводстве Войска Донского как в оригинале, так и в виде копии (в этом случае в начале текста ставилась отметка «копия»: копию делали в станичной канцелярии, где ее и оставляли, а оригинал возвращали в войсковую канцелярию).

Параметр «адресант» также является определяющим для жанра документного текста и может дифференцировать виды документов. Например, адресанты войсковой грамоты и рапорта имеют различные статусные характеристики (адресант войсковой грамоты занимает высокое положение: донские атаманы и казаки, все Войско Донское; адресант рапорта – подчиненную ступень в воинской иерархии: станичный атаман или старшина). Такое различие проявляется в организации документного текста [Косова, 2016].

Адресант паспорта имеет «обобщенный» характер – это Войско Донское (атаман и пра-

вительство выступали от имени всего Войска). Данный параметр реализуется в документах различными языковыми средствами. Так, в тексте при описании события, по поводу которого выдавался документ, используются:

а) местоимения *от нас, к нам, нашей* с собственным именем существительным, называющим территорию (место канцелярии – Войско Донское, Черкасский):

(1) 1734г(о) году сентебря 26г(о) дня посланъ **от нас Войска Донскаго из Черкаскаго** при промеморіи Новохоперскои крепости в канцелярию под карауломъ пойманной камандою **н(а)шеи** в казачьих городках с воровским пошпортомъ великоросиской бѣглець Семень Никиѳоровъ (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1)³;

(2) с прибытия ево в станицу всявъ у него сеи пошпортъ прислать **к нам Воиску Данскому в Черкаскаи** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

б) наречия *суда, здес (здесь)* с собственным именем существительным, именующим станицы, находящиеся в ведомстве Войска Донского:

(3) Тимоѳею Денисову которой высланъ был **суда** по воисковой грамоте для некоторой справки **от Черкаскаго в ведомстве Воиска Данскаго** по станицам (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(4) **касакъ** Иванъ Григоревъ находился **здесь** для некотораго дела ꙗ ныне отпущень в дом ево по прежнему того ради **от Черкаскаго в ведомстве Воиска Донскаго** по станицам да Михайловской станицы (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 39).

В конце паспортов, в заключительной речевой формуле, реализующей параметр «адресант», используется фраза *данъ в Черкасском* (она выполняет функцию современного реквизита «место составления»), а также местоимение *наша* при существительном *печатъ*: *У сеи грамоты Воиска Донскаго печатъ*.

Параметр «адресат» соотносится с разными субъектами и имеет неодинаковые характеристики в пределах одного документа.

В начале текста адресат обозначен обобщенно – субстантивным словосочетанием *Обявителем сего*. В основной части документного текста он представлен по-разному. Так, можно говорить о прямом персонифицированном адресате – это лица (станичные

атаманы и казаки, наделенные полномочиями), которым следовало предъявить паспорт:

(5) **станищным атаманом і касакам** принимая оног колодника вестъ при промеморіи н(а)шеи под крепкимъ карауломъ (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Кроме того, существует «косвенный адресат» – тот человек, кто предъявлял паспорт станичным атаманам и казакам. В тексте документа он может быть:

а) эксплицированным – персонифицированным единичным:

(6) обявителю сего реки Хопра Михайловской станицы скасачному **Тимоѳею Денисову** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

или персонифицированным коллективным:

(7) Обявителем сего реки Хопра Михайловской станицы **касакам Якову Сокину Михаиле Лабанову Михею Плетневу** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 32);

(8) обявителем сего реки Хопра разныхъ станицъ сказащ[ным]⁴ Урюпенской **Степану Ѳоми-ну Василю Алеѳееву Иван[у] Иванову Никите Леонтъеву Маѳиму Ѳилипову Родион[у] Кандрате-ву Григорию Лавренътьеву Ивану Кароткому Катовской Ивану Михайлову Аѳонасю Кирееву Семену Але[ксе]еву Василю Гарбунову Казме Аѳонасеву Кирею Иванову Тимоѳею Аѳонасеву Ѳедару Иванову Добренъской Барису Сергееву Якову Титову Степану Сергееву Симону Устинову Маѳиму Иванову Алеѳею Ѳедотову Тимаѳею Ларихину Ѳедару Гаврилову Ѳедоту Караткову Ѳедару Глухому Якову Иванову Михайловской Алеѳ[ею] Кабылину Петру Абрамеву (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 50);**

б) имплицированным персонифицированным; в этом случае адресатом является сопровождающее лицо на пути следования сопровождаемого, например, сопровождающий беглеца (имя последнего обязательно названо в паспорте):

(9) великоросиской бѣглець **Семень Никиѳоровъ прозванием Мякишевъ** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Параметр «функция» выражает цель документа и связанное с ней содержание – информацию. Паспорт выполнял *информативно-распорядительную функцию*. Он информировал о цели поездки казака и содержал распоряжение о том, чтобы на пути сле-

дования по станицам Войска Донского ему не чинили препятствий.

Параметр «структура» обусловлен параметром «функция». Сложившийся документ обычно характеризует определенная структура, называемая формуляром (набор реквизитов документа). Что касается паспорта, то здесь еще сложно говорить о формуляре, так как реквизиты графически и синтаксически не были выделены из текста, их функцию выполняли отдельные формулы в составе предложения. Однако часть документа, соответствующая реквизиту «текст», имеет строгую однотипную структуру.

Композиционно текст паспорта делится на две части, связанные с функцией этого документа.

В первой части в нейтральном тоне говорится о фактах, послуживших поводом для выдачи паспорта и распоряжения (мотивирующая часть), дается подробное изложение события, включающее элементы повествования. Здесь используются:

а) придаточные определительные предложения с союзом *который*:

(10) 1734г(о) году сентебря 26г(о) дня посланъ от нас Войска Донскаго из Черкаскаго при промеморіи Новохоперской крепости в канцелярию под карауломъ пойманной камандою н(а)шеи в казачьих городках с воровским пошпортомъ великоросиской бѣглець Семень Никиѳоровъ прозванием Мякишевъ: **которои** са побѣгъ на страх другимъ в войсковом кругу бить плетми (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(11) объявителю сего реки Хопра Михайловской станицы скасачному Тимоѳею Денисову **которон** высланъ был суда по войсковой грамоте для некоторой справки (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(12) Объявителем сего реки Хопра Михайловской станицы казакам Якову Сокину Михаиле Лабанову Михею Плетневу **которые** привозили сюда порутьчика Башкина крестьянъ и по приняти оных отпущены в дома их (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 32);

б) придаточные предложения причины и цели с соответствующими союзами *понеже*, *того ради*, которые в составе сложного предложения способствуют реализации функции информирования:

(13) **Понеже** объявитель сего Михайловской станицы казакъ Иванъ Григоревъ находился здес для некотораго дела ꙗ ныне отпущень в дом ево по пре-

жнему **того ради** от Черкаскаго в ведомстве Войска Донскаго по станицам да Михайловской станицы оному казаку Григореву чинит[ь] свободной пропускъ без садержания (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 39).

Вторая часть текста – это распоряжение и описание действий, которые адресат должен исполнить (предписывающая, распорядительная часть). Воля адресанта передается в императивном тоне – формой инфинитива в сочетании с языковыми единицами, конкретизирующими образ действия:

(14) і казакам принимая оногo колодника **весть** при промеморіи н(а)шеи **под крепкимъ караулом** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(15) от станицы **отправит** такожь под караулом Новохоперской крепости в канцелярию **бѣзо всякаго отрицания** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(16) по станицам да показанной станицы **пропускают бѣсадержания** а вышеписанной Михайловской станицы станишному атаману и казакам об отпуске ево **ведат** и с прибытия ево в станицу всявъ у него сеи пошпортъ **прислать** к нам Войску Данскому в Черкаскаой при репорте **немедлень** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27).

По прибытии в место назначения паспорт следовало отдать станичному атаману, который в свою очередь должен был вернуть его в канцелярию:

(17) а показанной Михайловской станицы станишному атаману и казакам об отпуске их **ведать и с прибытия их в станицу всявъ у них сеи пашпортъ прислат к нам Войску Данскому** при вашем репорте немедленно (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 32);

(18) с прибытия ево в станицу **всявъ у него сеи пошпортъ прислать к нам Войску Данскому в Черкаскаой при репорте немедленно** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 39);

(19) с прибытия их в станицу **всявъ у них сеи пашпортъ прислат к нам Войску Данскому при вашем репорте немедленно** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 32).

Параметр «характер передаваемой информации» реализуется при описании цели поездки, когда воссоздавались события, картины жизни Войска Донского, то есть речевая структура паспорта передавала фактуальную информацию:

(20) казакам разных хопёрских станиц, пригнавшим лес в Черкасский, для проезда домой (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 50);

(21) для сопровождения колодника (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(22) Тимофею Денисову, который был вызван в станицу для справки (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(23) казакъ Иванъ Григоревъ находился здес для некотораго дела ꙗ ныне отпущень в дом (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 39).

Жизнь Войска Донского, его территориально-этническая и служебная организация, специфика делопроизводства находят отражение в используемой в паспорте лексике определенных тематических групп, в частности:

– наименования воинских чинов и должностей (*станичные атаманы, казаки, порутьчик* и др.), социальных сословий (*крестьяне, диякон, колодник*);

– номинации населенных пунктов, географических объектов:

(24) посланъ от нас **Войска Донскаго** из **Черкаскаго** при промемории **Новохоперской крепости** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(25) от **Черкаскаго** по **донским и хоперским казачьим городкамъ** до **Михайлова Михайловской** от **станицы** отправит такожъ под караулом **Новохоперской крепости** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(26) реки **Хопра Михайловской станицы** от **Черкаскаго** в ведомстве **Войска Данскаго** по **станицам** да показанной **станицы** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(27) прислать к нам **Войску Данскому** в **Черкасской** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(28) данъ в **Черкасском** 1753г(о) году (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(29) в ведомстве **Войска Данскаго** по **станицам** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(30) прежнему от **Черкаскаго** по **станицам** да показанных **станицъ** чинит свободный пропускъ же **Михайловской станицы** Богоевленской церкви диякона (Ф. 332. Оп. 1. Д. 9. Л. 45);

– имена и фамилии казаков и других лиц:

(31) объявителю сего реки Хопра Михайловской станицы скасачному **Тимоѳею Денисову** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(32) казакам **Якову Сокину** **Михаиле Лабанову** **Михею Плетневу** которые привозили сюда порутьчика **Башкина** крестьянъ объявителъ сего Михайловской станицы казакъ **Иванъ Григоревъ** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 32);

(33) Объявител сего живущей на Хопре в Михайловской станицы не помнющѣи родства **Нил Ивановъ** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 9. Л. 45);

– наименования видов документов, которые использовались в канцелярии Войска Донского:

(34) посланъ от нас Войска Донскаго из Черкаскаго при **промемории** Новохоперской крепости (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(35) оног колодника вестъ при **промемории** н(а)шей под крепкимъ карауломъ (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(36) какъ о томъ ея императорского величества **указы** повелѣваютъ (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(37) объявителю сего реки Хопра Михайловской станицы **скасачному** Тимоѳею Денисову (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(38) прислать к нам Воиску Данскому в Черкасской при **репорте** немедленно (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(39) старшина Никихеоръ Сулинь присланноу при **репортѣ скаскою** представляет (Ф. 332. Оп. 1. Д. 9. Л. 45).

Фактуальную информацию передают вербально-цифровые обозначения пространственно-временных координат:

(40) 1734г(о) году сентебря 26г(о) дня (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(41) сего октебря 14 дня (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(42) получено маяя 12г(о) числа (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(43) дан в Черкасском маяя 26г(о) дня 1753г(о) году (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 32),

а также языковые средства, создающие объективированность изложения (слова, в значении которых содержится компонент ‘свидетельствование’):

(44) онъ **по свидетельству** онои же Михайловской станицы Богоевленской церкви диякона **Федора Траѳимова** и родной ево большой сестрѣ а козака Тихана Кажакина жены Агаѳьи Триѳоновои... (Ф. 332. Оп. 1. Д. 9. Л. 45);

(45) а потомъ **уведали** оне что она ево Нюл прижила не от законного мужа но от постороннего (Ф. 332. Оп. 1. Д. 9. Л. 45).

Фактуальная информация, отражающая реалии жизни на данной территории в рассматриваемый исторический период, составляет основу содержания паспорта, однако в тексте имплицитно представлены место и социокультурная информация, которую можно понимать как культурно-исторический фон, знания, обуславливающие достоверность интерпретации фактуальной информации. Передача такой информа-

ции не является целью этого документа, но содержание текста отражает определенную систему социальных координат, канонов отношений, правил, которые существовали в Войске Донском, а именно – соблюдение войсковой иерархии, надлежащее или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, приказов и др.:

(46) бѣглецъ Семень Никиѳорѳвъ прозваниемъ Мякишевъ: которой **за побѣгу** на страх другимъ в войсковомъ кругу **бить плетми** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(47) а ежели оногѳ посланного колодника кто чрез слабое смотрение упуститъ таковой послабител имеет **ответствоват пред судомъ** какъ о томъ ея императорского величества указы повелѣваютъ (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(48) Михайловской станицы **станищному атаману** об отпуске ево ведать из с прибытия **всяу него сеи пошпортъ** при порте **прислат к Воиску Данскому немедленно** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27).

Параметр «пространственно-временная локализация документа» реализуют расположенные в конце текста речевые формулы «место составления документа» и «дата составления документа»:

(49) данъ в Черкасскомъ июня 17 дня 1753г(о) году (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 39);

(50) данъ в Черкасскомъ 1753г(о) года июля 8г(о) дня (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 50),

«отметка о получении» (не на каждом документе):

(51) получено мая 12г(о) числа (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

после даты в паспорте следовала формула «печать»:

(52) А для верности у сего пашпорта **наша Воиска Донскаго печать** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(53) у сего пошпорта **наша Воиска Данскаго печать** (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 50).

Печать располагалась под текстом.

Жанровые параметры лингвистического характера

Текст паспорта имеет черты, свойственные документному тексту, что прояв-

ляется в реализации параметров «завершенность», «связность», «целостность», «однотипность».

Параметр «завершенность», отражающий логическое единство текста, соотношенность содержания с назначением документа, обнаруживается в структуре текста, в наличии типовой концовки.

Параметр «связность» реализуется в упорядоченности всех формальных элементов текста; показателем связности в тексте паспорта выступают, в частности, союзы, например, начальный союз *а*:

(54) **а** ежели оногѳ посланного колодника (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1);

(55) **а** для верности у сего пашпорта наша Воиска Донскаго печать (Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 2);

(56) **а** показанной Михайловской станицы станищному атаману и казакам (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 32);

(57) **а** потомъ уведали оне что она ево Нюл прижила не от законного мужа (Ф. 332. Оп. 1. Д. 9. Л. 45);

(58) **а** вышеписанной Михайловской станицы станищному атаману и казакамъ об отпуске ево ведать (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27),

союзы причины *понеже* и цели *того ради*:

(59) **понеже** объявитель сего Михайловской станицы казакъ Иванъ Григоревъ находился здес для некотораго дела ꙗ ныне отпущень в дом ево по прежнему того ради от Черкаскаго в ведомстве Воиска Донскаго по станицамъ да Михайловской станицы оному казаку Григореву чинит[ь] свободной пропускъ без садержания; **того ради** от Черкаскаго по донскимъ и хоперскимъ казачьимъ городкамъ до Михайлова (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 39).

Параметр «целостность» представляет текст не простой суммой смыслов формирующих его предложений, а качественно новым смыслом и воплощается в тематическом единстве документного текста.

Параметр «однотипность» реализуется в использовании предложений одинаковой структуры. Однотипность проявляется, например, в преимущественном употреблении простых инфинитивных предложений, которые включают однородные сказуемые и обстоятельства, выраженные деепричастным оборотом:

(60) а вышеписаньной Михайловской станицы станишному атаману и казакам об отпуске ведать и с прибытия ево в станицу **всявь у него сен пошпортъ** прислать к нам Воиску Данскому в Черкасской при репорте немедлень (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 27);

(61) а покасанной Михайловской станицы станишному атаману и казакам об отпуске их ведать и с прибытия их в станицу **всявь у них сен пашпортъ** прислат к нам Воиску Данскому при вашем репорте немедленью (Ф. 332. Оп. 1. Д. 8. Л. 32).

Речевая репрезентация параметров лингвистического характера, свойственная паспорту, является свидетельством начала процесса унификации текста документа и выработки норм делового стиля.

Заключение

Таким образом, анализ жанровых параметров экстралингвистического и лингвистического характера, рассмотрение их в совокупности позволило установить специфику паспорта как документа, который использовался в канцелярии Войска Донского XVIII в. для удостоверения личности казака и выполнял информативно-регулятивную функцию.

Исследование жанровой структуры документов фонда «Михайловский станичный атаман» на основе параметризации позволит дать им комплексную научную оценку как единого массива источников, подготовить базу данных для создания лингвистического корпуса. Обращение к материалам корпуса, разноаспектному анализу расширят имеющиеся в современной науке представления о формах документов, особенностях составления документных текстов и функционировании делового языка XVIII в. в разных регионах Российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса документов XVIII–XIX вв. канцелярий Войска Донского»).

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-012-00246

“Parameterization of Texts as a Basis for Creating Linguistic Corpus of Documents of the 18th – 19th c. of the Don Cossack Host Chanceries”).

² Термины «вид документа» и «жанр документа» в данной статье используются как синонимы.

³ При цитировании источников выносные буквы приводятся в строке; титла раскрываются, при этом восстановленные буквы заключаются в круглые скобки; иные надстрочные знаки не воспроизводятся; вышедшие из употребления буквы заменяются соответствующими буквами современного алфавита; предлоги, союзы и частицы передаются в раздельном написании с последующими или предыдущими словоформами; реконструированные фрагменты текста заключаются в квадратные скобки; в остальном сохранена орфография оригиналов.

⁴ Здесь и далее край листа поврежден. Буквы восстанавливаются из контекста, а также на основании рапорта от 30 июля 1753 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балясова Е. С., Шептухина Е. М., 2017. Региональные архивные документы XVIII века в аспекте корпусной лингвистики // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : материалы Междунар. науч. конф. (Волгоград, 9 января – 1 апреля 2017 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 31–37.
- Горбань О. А., 2012. Композиция и языковые особенности документов канцелярии правительства области Войска Донского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (16). С. 11–16.
- Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2016. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда Михайловский станичный атаман) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4 (157). С. 182–199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.
- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2016. Архивный фонд как целостный объект лингвистического описания // E1 Manuscript-2016: Rašytinis palikimas ir informacinės technologijos : VI tarptautinė mokslinė konferencija. Pranešimai ir tezės (Vilnius, 2016 m. rugpjūčio 22–28 d.) / ats. red. V. Baranovas, T. Timčenko. Vilnius : Iževskas. С. 251–255.
- Документы канцелярии Михайловского станичного атамана, 2013 / сост. и подгот. текстов О. А. Горбань (отв. ред.), Е. М. Шептухина [и др.]. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 44 с.

- Качалкин А. Н., 1988. Жанры русского документа допетровской эпохи. В 2 ч. Ч. 2. Филологический метод анализа документа. М. : МГУ. 119 с.
- Косова М. В., 2015. Параметры речевого жанра как модель документного текста // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. Т. 4, № 6. С. 16–19. DOI: <https://doi.org/10.12737/16551>.
- Косова М. В., 2016. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // Текст в языке, речи, культуре : сб. науч. ст. Минск : РИВШ. С. 123–134.
- Саидгасанова Э. У., 2013. Композиция текстов региональных документов XVIII века // STUDIUM JUVENIS : межвуз. сб. тр. молодых ученых / науч. ред. О. Н. Кондратьева, отв. ред. Н. Н. Кошкарлова. Челябинск : СИМАРС. Вып. 6. С. 63–65.
- Сафонова И. А., 2017а. Композиционно-речевые особенности текстов сообщений канцелярии Области Войска Донского // Язык, речь, действительность (онтологические и гносеологические концепции) : материалы науч. конф. / редкол.: Г. К. Хачатрян [и др.]. Ереван : Арман Асмангулян. С. 429–436.
- Сафонова И. А., 2017б. Структурные и речевые особенности доношений XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Документ как текст культуры. Тула : Тул. произв. полиграф. об-ние. Вып. 9. С. 48–52.
- Сафонова И. А., 2018. Композиционно-речевые особенности предложений канцелярии Области Войска Донского (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Национальные коды в языке и литературе : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (1–3 дек. 2017 г.). Н. Новгород : ДЕКОМ. С. 274–280.
- Шептухина Е. М., Горбань О. А., 2015. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 5 (29). С. 7–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.1>.
- korpusnoy lingvistiki [Regional Archival Documents of the 18th Century in the Aspect of Corpus Linguistics]. *Kommunikativnye aspekty sovremennoy lingvistiki i lingvodidaktiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Volgograd, 9 yanvaryya – 1 aprelya 2017 g.)* [“Communicative Aspects of Modern Linguistics and Linguodidactics”. Proceedings of the International Scientific Conference (Volgograd, January 9 – April 1, 2017)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 31-37.
- Gorban O.A., 2012. Kompozitsiya i yazykovye osobennosti dokumentov kantselyarii pravitelstva oblasti Voyska Donskogo [The Composition and Lingual Specifics of the Government Chancellery’s Documents of the Don Army Oblast]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (16), pp. 11-16.
- Gorban O.A., Ilyinova E.Yu, Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2016. Zhanrovye osobennosti voyskovykh gramot serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda Mikhaylovskiy stanichnyy ataman) [Genre Characteristics of the 18th Century Military Charters (With References to the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 18, no. 4 (157), pp. 182-199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.
- Gorban O.A., Sheptukhina E.M., 2016. Arkhivnyy fond kak tselostnyy obekt lingvisticheskogo opisaniya [Archival Fund as an Integral Object of Linguistic Description]. *El’Manuscript-2016: Rašytinis palikimas ir informacinės technologijos: VI tarptautinė mokslinė konferencija. Pranešimai ir tezės (Vilnius, 2016 m. rugpjūčio 22–28 d.)*. Vilnius, Iževskas Publ., pp. 251-255.
- Gorban O.A., Sheptukhina E.M. et al., eds. *Dokumenty kantselyarii Mikhaylovskogo stanichnogo atamana* [Documents of the Mikhailovsky Stanitsa Ataman’s Chancellery], 2013. Volgograd, Izd-vo VolGU. 44 p.
- Kachalkin, A.N., 1988. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi. V 2 ch. Ch. 2. Filologicheskiy metod analiza dokumenta* [Genres of the Russian Document in the Pre-Peter-the-First Period. In 2 Parts. Part 2. Philological Method of Analysis of the Document]. Moscow, MGU. 119 p.

ИСТОЧНИК

Фонд «Михайловский станичный атаман» // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332. Оп. 1. 1734–1836 гг.

REFERENCES

Balyasova E.S., Sheptukhina E.M., 2017. Regionalnye arkhivnye dokumenty XVIII veka v aspekte

- Kosova M.V., 2015. Parametry rechevogo zhanra kak model dokumentnogo teksta [Speech Genre Characteristics of the Documentation Text Model]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies. Modern Communication Studies], vol. 4, no. 6, pp. 16-19. DOI: <https://doi.org/10.12737/16551>.
- Kosova M.V., 2016. Dinamika zhanrovyykh parametrov regionalnykh dokumentov XVIII vek [Dynamics of Genre Parameters of the Regional Documents of the 18th Century]. *Tekst v yazyke, rechi, kulture: sb. nauch. st.* [Text in Language, Speech, Culture: Collected Articles]. Minsk, RIVSh, pp. 123-134.
- Saidgasanova E.U., 2013. Kompozitsiya tekstov regionalnykh dokumentov XVIII veka [The Composition of the Texts of Regional Instruments of the 18th Century]. *STUDIUM JUVENIS: mezvuz. sb. tr. molodykh uchenykh* [STUDIUM JUVENIS: Interuniversity Collection of Works of Young Scientists]. Chelyabinsk, SIMARS, iss. 6, pp. 63-65.
- Safonova I.A., 2017a. Kompozitsionno-rechevye osobennosti tekstov soobshcheniy kantselyarii Oblasti Voyska Donskogo [Compositional and Speech Features of Texts of Chancery's Messages of Don Cossack Host]. *Yazyk, rech, deystvitel'nost (ontologicheskie i gnoseologicheskie kontseptsii) : materialy nauch. konf.* [Language, Speech, Reality (Ontological and Gnoseological Views). Materials of Conference]. Erevan, Arman Asmangulyan Publ., pp. 429-436.
- Safonova I.A., 2017b. Strukturnye i rechevye osobennosti donosheniy XVIII veka (na materiale arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [Structural and Speech Features of the Relations of the 18th Century (On the Material of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Dokument kak tekst kulture* [Documents as a Text of Culture]. Tula, Tuskoe proizvodstvennoe poligraficheskoe obyedinenie, iss. 9, pp. 48-52.
- Safonova I.A., 2018. Kompozitsionno-rechevye osobennosti predlozheniy kantselyarii Oblasti Voyska Donskogo (na materiale arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [Composite and Speech Features of the Texts of Chancery's Messages of Don Cossack Host (Based on the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Natsionalnye kody v yazyke i literature: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. (1–3 dekabrya 2017 g.)* [National Codes in Language and Literature: Collection of Articles on Materials of the International Scientific Conference (1–3 December 2017)]. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., pp. 274-280.
- Sheptukhina E.M., Gorban O.A., 2015. Voyskovye gramoty serediny XVIII veka v aspekte kategorii modalnosti [Don Cossack Army Charters of the Mid 18th Century Via the Category of Modality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 5 (29), pp. 7-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.1>.

SOURCE

Fond «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman», 1734–1836 [The Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* [State Archive of Volgograd Region], F. 332, Op. 1.

Information about the Author

Marina V. Kosova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Информация об авторе

Марина Владимировна Косова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_kosova@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>

UDC 811.161.1:002.1
LBC 81.411.2-03

Submitted: 16.02.2019
Accepted: 10.04.2019

HEADINGS OF THE PLEADING DOCUMENTS IN RUSSIAN LEGISLATIVE ACTS AND REGIONAL BUSINESS WRITING OF THE 18th CENTURY

Svetlana V. Rusanova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is aimed at studying changes in the title of pleading documents of the 18th cen. Due to a comparative analysis of language specificity of Russian legislative acts and regional business documentation of the 18th cen. some differences in the system of descriptive heading were noticed and referred to constant features of this genre of business writing. It is pointed that the texts under analysis might be divided into two groups – applications which call for a judicial decision and the ones that do not require it. In the focus of linguistic analysis the changes in the titles of the pleading text are. The analysis of central and regional documents revealed some asymmetry in the usage of descriptive headings. It is evident that until the end of the 18th cen. the title *chelobitnaya* was used to head a private pleading, which was inherited from the *prikaz* letter style, but could be specified with modifiers like *iskovaja*, *mirovaja*, *javochnaja*, *apelljacionnaja*. It is proved that due to the time span in the regional business writing a *chelobitnaya* heading demonstrates decrease in its usage and its specialization is presented in some newly coined equivalents. By the end of 80-s (18th cen.) the tendency of the heading alignment in the applications that require judicial decisions is noted which may be explained by the Emperor order to keep it out of the documentation norms.

Key words: Russian language history, business language, business language of the 18th cen., document genre, legislative act, regional writing, pleading document, *chelobitnaya*.

Citation. Rusanova S.V. Headings of the Pleading Documents in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 16-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>

УДК 811.161.1:002.1
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 16.02.2019
Дата принятия статьи: 10.04.2019

НАИМЕНОВАНИЯ ПРОСИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ XVIII ВЕКА

Светлана Владимировна Русанова

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Объектом исследования избраны просительные документы XVIII века. В результате сопоставительного изучения языка законодательных актов и региональных памятников XVIII в. были обнаружены некоторые особенности в их наименовании. Установлено, что ключевым для жанровой характеристики просительных документов рассматриваемой эпохи является их деление в зависимости от функциональной направленности на две группы: требующие и не требующие судебного решения проблем, в них изложенных. Особое внимание в статье уделено наименованию челобитных, связанных с судебным решением проблем. В процессе анализа языка центральных и региональных документов за-

фиксирована асимметрия в используемой терминологии. Выявлено, что в законодательных бумагах вплоть до конца столетия в качестве видовых наименований частных прошений использовался унаследованный из приказного письма термин *челобитная*, который мог уточняться определениями *исковая*, *мировая*, *явочная* и появившимся позже других – *апелляционная*. Показано, что в региональной деловой письменности отражается постепенная специализация термина *челобитная* и его замена в отдельных случаях новыми лексическими эквивалентами. Тенденция к выравниванию в законодательных и региональных документах терминов, обозначающих просительные документы, связанные с судебным решением споров, актуализируется в конце 80-х гг. XVIII столетия в связи с императорским указом об исключении термина *челобитная* из документооборота.

Ключевые слова: история русского языка, деловой язык, деловой язык XVIII века, документный жанр, законодательный акт, региональная письменность, просительный документ, челобитная.

Цитирование. Русанова С. В. Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 16–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>

Введение

Совершенствование делопроизводства в начале XVIII в. требовало преобразования приказной жанровой системы и терминологии, ее обслуживающей. Изучение этих изменений сопряжено с определенными трудностями, в частности, с необходимостью учитывать актуальные в период формирования делового языка нового типа быстроту эволюционных процессов и характер взаимоотношения гетерогенных языковых средств: приказных, разговорных, книжно-славянских, заимствованных (прежде всего из западно-европейских языков).

Благодаря исследованиям последних десятилетий в области делового языка XVIII в. создан ряд классификаций жанров деловой письменности, отличающихся принципами систематизации документных текстов и позволяющих воссоздать многоаспектную картину их функционирования [Выхрыстюк, 2008; Гауч, 2013; Глухих, 2008; Горбань, Шептухина, 2013; Копосов, 2000; Косов, 2004; Майоров, 2004; 2006; Малышева, 1997; Никитин, 2000; Трофимова, 2002; Юнаковская, 2014], что дает возможность, с одной стороны, остановиться на более частных, но менее изученных вопросах жанрообразования, с другой – обнаружить некоторые тенденции и закономерности в формировании и совершенствовании терминологической системы делового языка рассматриваемого периода. Актуальным является сопоставительное изучение языкового материала законодательных актов и региональной документации.

Челобитная в законодательных актах XVIII в.: особенности семантики и функционирования термина

Одним из главных путей совершенствования жанровой системы в Петровскую эпоху является вытеснение старых жанров новыми и, как следствие, введение в речевой оборот терминов, чаще всего заимствованных. Так появились промемории, инструкции, ордера, рапорты (репорты), квитанции, дипломы и др. Однако на фоне интенсивного образования и введения в канцелярское делопроизводство новых жанров нельзя не отметить факт сохранения наряду с ними отдельных приказных жанров вместе с их прежними наименованиями. К таковым относится челобитная, удерживающая ключевые позиции в жанровой системе вплоть до конца XVIII столетия. Из активного употребления *челобитная* выходит под влиянием изданного Екатериной II в 1786 г. закона об исключении из формуляра челобитных таких слов и устойчивых выражений, как *бьет челом*, *челобитье*, *челобитная* и замене их словами *просит*, *прошение*, *приносит жалобу*; само же просительное заявление рекомендуется именовать *прошением* или *жалобницей* (ПСЗ, т. XXII, № 16.329). В связи с этим следует признать исторически устаревшей лексикографическую традицию, ограничивающую функционирование данной разновидности документов началом XVIII в., а место их подачи – приказами [Русанова, 2016].

Термин *челобитная* в деловом языке XVIII в., как и в предыдущий период [Волков, 1974], выступает и родовым наименова-

нием группы просительных актов, и видовым названием искового заявления, и эквивалентом видовых двучленных наименований разновидностей челобитных. Однако за внешним структурным сходством канцелярского термина с приказным обнаруживаются лексико-семантические различия. Не все разновидности челобитных сохранили свою актуальность в канцелярском делопроизводстве. Ядро составили документы, связанные с судебным решением споров: исковая, мировая, апелляционная и явочная челобитные¹. Причем, как свидетельствуют памятники, в наименовании данных разновидностей просительных документов в законодательных актах и региональных документах не обнаруживается тождества.

Для языка законодательных актов было характерно унифицированное обозначение всех разновидностей просительных документов приказным термином *челобитная*. Показательными в этом плане являются указы, посвященные титулам императоров (ПСЗ, т. VII, № 4755, 1725 г.; т. VII, № 5071, 1727 г.; т. VIII, № 5501, 1730 г.; т. XI, № 8475, 1741 г.; т. XVI, № 11.590, 1762 г.): на протяжении почти всего XVIII столетия среди основных документов, которые должны были оформляться на имя императора, называется челобитная – без уточнения какой-либо функциональной специфики, в то время как в других нормативных актах, начиная с петровских указов, термин *челобитная* стабильно используется как эквивалент двучленных наименований исковых, мировых, явочных и апелляционных прошений. Сравните примеры употребления термина для обозначения вышеперечисленных просительных документов в указах разных лет.

Исковая челобитная:

(1) которые истцы всяких чиновъ люди, впредь съ сего Его Великаго Государя указу, учнуть приносить *исковыя челобитныя* на ответчиковъ во всякихъ своихъ обидахъ о допросе: и темъ челобитчикамъ велеть въ *челобитныхъ* своихъ писать прямое дело, о чемъ они бьютъ челомъ, а лишняго и посторонняго ничего не писать (ПСЗ, т. IV, № 1806, с. 73, 1700 г.)²;

(2) А потомъ те *челобитныя* съ помянутымъ подписаниемъ подавать къ пометамъ судьямъ, и по ответчиковъ посылать, какъ надлежитъ; <...> когда вычтена будетъ *исковая челобитная*, прежде запис-

ки допроса велеть подписываться противъ того жъ (ПСЗ, т. V, № 3251, с. 600, 1718 г.);

(3) чтобъ всемъ Ея Императорскаго Величества вернымъ поданнымъ, каждому о своей обиде, такожь и о прочихъ всякихъ делахъ бить челомъ въ надлежащихъ местахъ, а на неправое решение и на волокиту Коллегий и Канцелярий; бить челомъ въ Сенате, <...>, и въ окончании оныхъ *челобитень* писцамъ писать чинъ свой и имя и где надлежитъ подать (ПСЗ, т. XV, № 10.980, с. 366, 1759 г.);

(4) Выслушавъ и рассмотревъ прошение его, ежели дело найдется принадлежащее не къ Намъ, а къ какому либо судебному месту, вышнему или нижнему, то оное на той же *челобитной* подписавъ съ именемъ своимъ, каждому челобитчику возвращать имеете съ темъ, чтобы проситель съ тою надписью въ то место, куда его дело принадлежитъ, неотменно самъ подасть (ПСЗ, т. XVI, № 11.868, с. 303, 1763 г.).

Апелляционная челобитная:

(5) у челобитчиковъ всякихъ чиновъ людей, *челобитень* такихъ, которыя будутъ бить челомъ на Коллегии и Канцелярии (кроме подчиненныхъ къ Коллегиямъ), въ которыхъ написано не будетъ, что вершено неправо, не принимать, а велеть писать въ *челобитныхъ*, что вершено неправо и противно указу, а какая неправость и противность указамъ, о томъ въ техъ челобитныхъ описывать именно (ПСЗ, т. VI, № 3643, с. 239, 1720 г.);

(6) Ежели въ Ратуше какое дело будетъ решено не право, то на Бурмистровъ *челобитныя* принимать, и неправо вершенныя дела для рассмотрения брать и вершить по Уложению и указамъ (ПСЗ, т. VIII, № 5333, с. 98, 1728 г.);

(7) а на Коллежския неправыя решения бить челомъ въ Сенате, и подавать *челобитныя* определенному для того Генераль-Рекетмейстеру, противно же того никому ни о какихъ своихъ делахъ, принадлежащихъ до расправы того учрежденнаго правительства, Самой Ея Императорскому Величеству *челобитень* отнюдь не подавать (ПСЗ, т. X, № 7599, с. 539, 1738 г.);

(8) и впредь подаваемыя отъ Малороссиянъ на Генеральную Войсковую и Министерскую Канцелярии, какъ въ долговременномъ нерешении, также и въ неправомъ решении дель ихъ *челобитныя* принимать Генералу-Рекетмейстеру (ПСЗ, т. XII, № 9285, с. 546, 1746 г.);

(9) и буде где въ чемъ дело будетъ решено неправильно, то которымъ Межевой инструкции пунктовъ въ противность, объявлять именно, безъ чего и *челобитень* не подавать (ПСЗ, т. XIV, № 10.669, с. 696, 1756 г.);

(10) На решенныя жъ съ сего времени дела *апелляционныя челобитныя* подавать, считая отъ

дня объявления решительного определения, всем находящимся внутри Государства полагается срока одинъ годъ (ПСЗ, т. XVI, № 11.629, с. 30, 1762 г.).

Явочная челобитная:

(11) Съ *явочныхъ челобитень*, которыя подаютъ о всякихъ делехъ для записки, пошлинь иматъ по 4 деньги с челобитной (ПСЗ, т. IV, № 1743, с. 2, 1700 г.);

(12) Съ подаваемыхъ во всехъ местахъ *челобитень явочныхъ* по 25 копеек, исковыхъ по 3 рубли, а апелляционныхъ по 6 рублей брать во всехъ техъ местахъ, и въ то время, где оныя по принадлежности поданы будутъ; но изъ сего исключаются *явочныя челобитныя*, подаваемыя въ убивствахъ, въ разбояхъ и въ грабежахъ (ПСЗ, т. XVI, № 11988, с. 460, 1763 г.).

Мировая челобитная:

(13) Которыя всякия вышеписанныя крепости меньше 50 рублевъ и *челобитныя мировыя* на площади, или где инде писать, на бумаге, которая подъ гербомъ величиною противъ золотого (ПСЗ, т. III, № 1703, с. 650, 1699 г.);

(14) Понеже, по Уложению 10 главы, по 121 пункту: которые истцы и ответчики, учнуть мириться до вершения судныхъ делъ, и имъ о томъ велеть, къ суднымъ деламъ подавать *мировыя челобитныя* за своими руками (ПСЗ, т. IX, № 6845, с. 654, 1735 г.);

(15) Которыя истцы и ответчики, по розыскнымъ деламъ, до подлиннаго розыска, и до вершения техъ делъ, межъ собою мирятся, и приносятъ *челобитныя*, а въ техъ *челобитныхъ* пишутъ, что они межъ собою розыскався, ни на кого не челобитчики (ПСЗ, т. IX, № 6845, с. 655, 1735 г.);

(16) однако же до разсмотрения и решения оными вступить отъ техъ тяжущихся *мировое челобитье*, что они по тому делу между собою помирились (ПСЗ, т. XXI, № 15.553, с. 712, 1782 г.).

Рубежным в законодательной регламентации вышеперечисленных терминов был указ от 19 июля 1764 г. «О сборах с явочных, апелляционных и исковых челобитен», утвержденный Екатериной Великой на заре ее правления (ПСЗ, т. XVI, № 12.210). Будучи формально связанным с одной из статей государственного дохода – сбором пошлин с челобитных, указ содержит систематизированное лексикографическое описание функциональных разновидностей просительных документов того времени, связанных с судебным решением споров:

(17) 1. Явочныя, которыми челобитчики, о чемъ бы то ни было, изъясняютъ впредь для своей

очистки или для иска. 2. Апелляционныя, те, которыми просить о переносе решенныхъ делъ изъ одного Судебнаго места в другое Вышнее. 3. Исковыя, единственно те, коими челобитчики ищутъ искомъ, то есть, штрафовъ, какъ за причиненныя имъ обиды, такъ и за держание беглыхъ людей, пожилыхъ летъ, и за владенныхъ денегъ, за завладенныя жъ, какъ земли, такъ всякия пожитки и вещи, равнымъ образомъ с заемныхъ денегъ процентовъ и рекамбиевъ и прочихъ званиевъ исковыя челобитныя, по которымъ, какъ по Уложению 10 главы 100, 101 и 102 пунктамъ, и по указу о Форме Суда 1723 года, у истцов с ответчиками суда производятся (ПСЗ, т. XVI, № 12.210, с. 842).

Из просительных документов, связанных с необходимостью судебных действий, не нашла отражения в указе лишь мировая челобитная, примыкающая к названным просительным документам по своему назначению. Это объясняется, по-видимому, тем, что указ был посвящен только челобитным, с которых следовало иметь «новоположенный сборъ» (ПСЗ, т. XVI, № 12.210, с. 842).

Исследуемые термины вытесняются из языка законодательных документов после упомянутого именного закона 1786 г.: вместо *исковая челобитная, явочная челобитная, апелляционная челобитная* и *мировая челобитная* начинают использоваться *исковое прошение, явочное прошение, апелляционное прошение* и *мировое прошение*. Ср., в указе от 23 июня 1794 г.:

(18) Установленныя до сего времени пошлины с просительных дел, за печати восковыя, печатныя пошлины, с прошений исковых, явочных и апелляционных, кроме мировых, с патентов и жалованных грамот собирать вдвое противу настоящего (ПСЗ, т. XXIII, № 17.226, с. 533).

Челобитная в региональной деловой письменности XVIII века

В региональном деловом письме в наименовании исследуемых просительных документов представлена несколько иная картина – постепенная специализация термина *челобитная* и замена в отдельных случаях приказного наименования новыми лексическими одночленными эквивалентами. Данная замена встраивала просительные документы в формирующуюся жанровую систему нового типа, которая отличалась более жесткой вер-

бальной дифференциацией смежных разновидностей просительных документов на функциональной основе.

Семантическое пространство термина *челобитная* к середине XVIII в. сужается, он продолжает использоваться в региональных документах как наименование только исковой и мировой челобитных, обязательно оформлявшихся на имя императора и писавшихся на гербовой бумаге [Русанова, 2012]. В этих просительных документах сохраняется унаследованная из приказного письма черта, отличающая их от других видов канцелярской документации, просительных в том числе, – отсутствие в структуре документа самоназвания, которое обнаруживалось обычно лишь в казусной части или в формуле прошения. Именно эти две разновидности просительных документов сохранили почти до конца столе-

тия разработанный еще в правление Петра I и совершенствуемый при каждом новом правителе формуляр с обязательным набором этикетных средств в формуле обращения к монарху. Приведем в качестве примеров фрагменты ключевых формул исковой и мировой челобитных из забайкальских архивных фондов³ (см. таблицу).

Судя по региональным документам, терминологическое и соответственно жанровостилистическое размежевание исковой и явочной челобитных завершилось к середине столетия, что находит отражение в лексическом маркировании последней, которая с этого времени приобретает самоназвание *объявление*. Получив широкое распространение во 2-й половине XVIII в., объявление представляло собой «писменное извещение о чемъ въ какое либо судебное место» (САР, т. VI, стб. 1029).

Исковая челобитная 1755 г.	Мировая челобитная 1785 г.
<i>Всепресветлеишая державнеишая вели кая государыня императрица Елисаветъ Петровна самодержица всероссииска госу дарыня всемилостивеишая</i>	<i>Всепресветлейшая державнеишая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссииска государыня всемилостивеишая</i>
<i>Бьет челом нерчинского ведомства Нижней Сретенской церкви с[вя]щенникъ Андреи Стефановъ того ж Сретен ского ведомства отставного казака Стефана Лонша кова а в чем мое челобитье тому следуют пункты: <...></i>	<i>Бьет челомъ Ильинского острогу мещанинъ Тихонъ купцы Михаило и Григорей и нерчинской мещанинъ Иванъ Михайловы дети Кандаковы а о чемъ тому следуют пункты <...></i>
<i>И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указом повелено было сие мое челобит[ь]е в Нерчинску к Заказным духовнаго правления деламъ принять и в вышеписанном ево реченным Лоншаковым у меня лошади и в брани и в назывании меня вором учинить какъ Вашего Императорскаго Вели чества правы повелевають</i>	<i>И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелено было сие наше челобит[ь]е принять и насъ именованны^x от того дела уволить и учинить милостивую резолюцию</i>
<i>Всемилоствивеишая государыня прошу Вашего Императорскаго Величества о сем моем челобитье решение учинить июня дня 1755 года к поданию надлежит в Нерчинскъ к Заказным духовнаго правления деламъ челобитную писал Нерчи нскои воеводской канцелярии подканцеляристь Илья Малцовъ к подлинной челобитной с[вя]щенникъ Андреи Стефановъ руку при ложилъ: (ПЗДП, 76, л. 89–89 об.)</i>	<i>Всемилоствивеишая государыня просим Вашего Императорскаго Величества о семъ нашемъ челобит[ь]е решение учинить апреля дня 1785 года к поданию надлежит в верхнеудинской городской магистрат челобитну писалъ верхнеудинского городского магистрата копейств Иван Залубоцкой к сеи к сеи к сеи к сеи мировой мировой мировой мировой челобитне Тихонъ Кандаков руку приложил челобитне Михаило Кандаков руку приложил челобитне Григорей Кандаков руку приложил челобитне Иванъ Кандаков руку приложилъ (разными почерками в конце последних трех абзацев челобитной) (ПЗДП, 78, л. 23)</i>

Исследуя региональную деловую письменность XVIII в., А.П. Майоров определяет данную разновидность документов как «заявление о неправомерных действиях или угрозе их осуществления по отношению к истцу; документ, содержащий такое заявление» (СРЯВСЗ, с. 287). А.Г. Косов, опираясь на южно-уральские архивные материалы, акцентирует внимание на двух подтипах объявлений: заявлениях о пропаже «собственных пожитков» (вещей, домашнего скота) или бегстве крепостных и просьбах пропустить через таможенную приказчиков и работников для продажи товаров в разных городах [Косов, 2004, с. 81]⁴.

Будучи официальным заявлением истца о неправомерных по отношению к нему поступках и являясь, по сути, основанием для последующих следственных действий и обращения потерпевшего в суд с исковой челобитной, объявление не заменяло последнюю. Функциональная специализация жанра закрепляется вербально – в преобразовании формуляра, изменении классического для челобитных набора этикетных средств.

Объявление подается не на имя императора, а на имя местных органов власти (реже их представителей), формула обращения к которым – это непредикативная конструкция, включающая имя адресата в форме винительного или дательного падежа, имя адресанта в форме родительного падежа и самоназвание документа, обычно расположенное по центру. Ср.:

(19) В Удинскую коменданскую канцелярию кяхтинского купца | Петра Семенова с[ы]на | об[ъ]явление (ПЗДП, 80, л. 302, 1772 г.);

(20) В Верхнеудинским полицейским | делам Верхнеудинского уездного казначей | ства от присяжного лейбгвардии | Преображенского полку сержанта | Василья Пospelова | об[ъ]явление (ПЗДП, 82, л. 3, 1790 г.);

(21) В Селенгинскую земскую избу | селенгинского мещанина Максима Власова | об[ъ]явление (ПЗДП, 83, л. 2, 1797 г.); Геодезии сержанту Васил[и]ю Кожевникову | кабанского мещанина Алексея Смирных | объявление (ПЗДП, 81, л. 7, 1788 г.).

После подробного изложения обстоятельств дела, послуживших причиной написания объявления, следует формула просьбы,

включающая по сути две просьбы: о регистрации заявления и проведении органами власти в соответствии с законом необходимых действий для удовлетворения просителя. Данная формула вводится сложным, книжно-славянским по происхождению союзом *того ради*, актуализирующим причинно-следственные связи; ключевыми в ней оказываются перформативы *объявляю* и *прошу*, причем последняя обязательно сопровождается этикетным наречием *покорно* / *покорнейше*, коммуникативно мотивированным, направленным на усиление модальности просьбы. Следует отметить, что в зависимости от статуса составителя регионального документа начальный элемент формулы *того ради* может замещаться вариантными *по сему*, *о чем*, перформативный глагол *объявляю* пропускаться, а в самой формулировке просьбы может отсутствовать указание на необходимость регистрации заявления⁵. Ср.:

(22) *Того ради* Верхнеудинские полицейския дела *покорно прошу* выше озна | ченных мещанъ Колоколова и Шепого | рова сыскать и в причинении жене моей Колоколловым обиде а Шепогоро | вымъ в произнесении къ зажигатель | ству речей спросить (ПЗДП, 82, л. 3 об., 1790 г.);

(23) *Того ради* Удинской коменданской канцелярии сим *об[ъ]являю* | и *покорно прошу* сие мое об[ъ]явление до изыскания тех злодеев | и грабителей записать; а при томъ и повелено б было к тому | изысканию тех разбоиников не същется л кто либо паче чаяния | в таком же грабительстве и не будут ли поиманы по ни | зовым острогамъ в земские приказные избы предложить | да и в Селенгинскую воеводскую канцелярию сообщить с тем | егда таковые воры поиманы будутъ то б и о моих пограблен | нных пожитках и товарах спрашиват[ь], да егда и я сыскиват[ь] | и наведыватца оных буду то б мне чинить в том вспомо | жение о чемъ от меня и по главной своей команде где надле | жить прошено быть иметь <...> (ПЗДП, 80, л. 307 об., 1772 г.);

(24) о чемъ Селенгинской | земской избе симъ и *об[ъ]являю*. а какъ я от покражи | у меня значущаго по приложенному у сего на обороте | регистру, денегъ и вещи пришель в крайнее раззо | рение /: такъ что и в платеже казенных и народныхъ | податей ныне нахожу себя не в силахъ:/ то по сему | и по вышеизъясненнымъ обстоятельствамъ *покорнейше* | *ше прошу* об отыскивании имению моему похити | телей и о удовольствии меня куда следует | представить. на что и ожидаю милостивои резолюции (ПЗДП, 83, л. 2-4, 1797 г.).

Заключала объявление единая для просительных документов формула рукоприкладства: *к сему объявлению ... руку приложил или подписуюсь*:

(25) К сему об[ъ]явлению прошение Федора Ка | закова Иванъ Бунзиков руку приложилъ (ПЗДП, 79, л. 57, 1755 г.);

(26) Кяхтинской купец Петръ Захаров руку приложил (ПЗДП, 80, л. 307 об., 1772 г.);

(27) К сему об[ъ]явлению Алексеи Смирныхъ | подписуюсь (ПЗДП, 81, л. 7 об., 1788 г.).

Отдельного комментария требует эволюция наименования апелляционной челобитной. На данном этапе исследования региональной деловой письменности мы, к сожалению, не обладаем достаточным материалом, позволяющим говорить об особенностях изменения наименования и формуляра данной разновидности челобитных. Представляя собой «жалобу в высший суд на решение низшего» (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 78), апелляционная челобитная почти не встречается в местном делопроизводстве, в связи с чем ее жанрово-стилистические параметры остаются малоизученными. Упоминание об апелляционных челобитных нам встретилось только в исследовании М.С. Выхрыстюк. В систематизированном списке жанрового состава документов исторического фонда И-31 Тобольской управы благочиния второй половины XVIII в. отмечается 15 апелляций, однако без дальнейшего их описания [Выхрыстюк, 2008, с. 218].

Как свидетельствуют законодательные акты первой половины столетия, жалобы в высший суд на неправое решение нижнего суда именовались просто *челобитными*, оформлялись они, как и исковые челобитные, на имя императора и подавались в коллегии на неправое решение подчиненных им канцелярий и контор и в сенат специально определенному для этого должностному лицу – генерал-рекетмейстеру – на волокиту самих коллегий и не подчиненных им канцелярий (ПСЗ, т. VI, № 3643, 1720 г.; т. VI, № 3900, 1722 г.; т. X, № 7599, 1738 г.). В нормативных бумагах второй половины столетия жалобы начинают именоваться *апелляционными челобитными* и *апелляционными прошениями*. При этом следует сказать, что с начала века деловому языку известен термин *апелляция*. Словарь русского

языка XVIII в. отмечает у него два значения: «жалоба в высший суд на решение низшего»; «высший суд, имеющий право решения обжалованных дел» (с пометой *пол. apellacya*) (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 78). В качестве аспекта значения (или применения) в конце словарной статьи фиксируется также значение «перерешение дела, решение дела в высшей инстанции» (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 78). Нам представляется, что на раннем этапе заимствования лексеме *апелляция* было свойственно именно процессуальное значение: она обозначала не жалобу, а подачу жалобы, перенос дела в высший суд, о чем свидетельствуют синтагматические связи, в частности, с глаголом *чинить*:

(28) И решить <провинциальным канцеляриям> маловажные дела, не дозволяя и *апелляци чинить* на них в высший суд (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 78).

Сравните аналогичные сочетания, частотные в деловых документах XVIII в.: *чинить розыск, чинить исполнение, чинить ссоры и драки* и т. д. Это подтверждается и более широким контекстом употребления слова в законодательных бумагах. Так, в Наставлении губернаторам от 1764 г. читаем:

(29) Если же *по апелляции* будутъ прошения на неправое какъ Канцелярии, такъ и самого Губернатора решение, въ Юстиць или въ другихъ Коллегияхъ, и дело то туда перенесется: то оныя Коллегии, увидя неправость, накладываютъ штрафъ по указамъ на одну только Канцелярию, а о Губернаторе представляютъ Сенату (ПСЗ, XVI 12.137, с. 717).

Показательным является еще один факт: относительное прилагательное *апелляционный* (*апелляционная челобитная, апелляционное дело*) входит в деловую практику в первой половине шестидесятых годов; в Словаре русского языка XVIII в. самое раннее употребление слова относится к 1764 г. (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 78).

Заключение

Таким образом, исследование процессов становления и функционирования в XVIII в. терминологии, обслуживающей просительные документы, связанные с судебным решением споров, позволяет обнаружить следующие особенности. Унаследованная из приказного

языка система просительных документов подвергается серьезной трансформации: формируются новые жанры, преобразуется формуляр, осваивается новый этикет, меняются названия. Причем в законодательных актах и региональном письме в наименовании просительных документов не обнаруживается тождества. Сохраняющаяся в законодательных бумагах почти на протяжении всего столетия приказная традиция именовать все разновидности просительных документов родовым термином *челобитная* в делопроизводственной практике к середине века обнаруживает тенденцию к вербальной дифференциации их функциональной специфики, в частности к актуализации термина *объявление*, заменившего термин *явочная челобитная*. Выравнивание в законодательных и региональных документах терминологии, обозначающей просительные жанры, связанные с судебной деятельностью, происходит в конце 80-х гг. XVIII столетия в связи с указом об исключении из документооборота термина *челобитная*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В круг просительных документов, кроме челобитных, по которым требовались судебные решения, входили изначально также челобитные, не требующие судебной защиты прав и законных интересов. Сравните в сенатском указе 1764 г.: *а челобитень таковыхъ, коими челобитчики просятъ правосуднаго возвращения себе, или о справке за ними имъ законно-принадлежащаго, или же о какомъ либо себя защищенни, или пранадлежащаго (sic!) себе ко исправлению своихъ должностей, яко заслуженнаго жалованья, чину и увольнения отъ службы и прочихъ званиевъ, по которымъ судовъ не производится, исковыми не почитать* (ПСЗ, т. XVI, № 12.210, с. 842). Подобные просительные документы заслуживают отдельного внимания и поэтому в рамках настоящего исследования не рассматриваются.

² Графика деловых текстов XVIII в. приводится в соответствии с современной. При цитировании региональных источников выносные буквы пишутся в строке без выделения, титла раскрываются, восстанавливаемые при этом буквы даются в квадратных скобках.

³ Цитируемые региональные памятники входят в состав фондов двух архивов: Государственного архива Читинской области и Национального архива Республики Бурятия.

⁴ Данные Словаря русского языка XVIII в. и его картотеки, а также словарей, созданных в XVIII столетии, позволяют говорить об употребительности лексемы *объявление*, на что указывает обилие контекстов, в которых функционирует слово, разнообразие его синтагматических связей и значений (Вейсман, 1731, с. 9, 22, 163, 400, 414; КС СРЯ XVIII; Новой лексикон, 1755, с. 215, 609, 631, 709, 963; САР, т. VI, с. 1028–1029; СРЯ XVIII, вып. 16, с. 137). Так, Словарь XVIII в., выделяя у слова пять значений, по сути, фиксирует десять, среди которых два специальных, связанных с деловым языком: «донос, показание», «документ, содержащий сведения о товаре; таможенная декларация» (СРЯ XVIII, вып. 16, с. 137). Материалы региональной деловой письменности, как видим, свидетельствуют еще как минимум о двух специальных значениях *объявления*.

⁵ Частый пропуск в просительной формуле просьбы о регистрации заявления объясняется тем, что жанр объявления по определению предполагал регистрацию сделанного заявления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков С. С., 1974. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 164 с.
- Выхрыстюк М. С., 2008. Тобольская письменность XVII–XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики : дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск. 558 с.
- Гауч О. Н., 2013. Жанровое своеобразие организационно-распорядительных документов деловой письменности XVIII в. (на материале ТФГАТО) // Научный диалог. № 5 (17). С. 221–233.
- Глухих Н. В., 2008. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста. Челябинск : Полиграф-Мастер. 169 с.
- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2013. Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3 (19). С. 76–84.
- Копосов Л. Ф., 2000. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М. : Народный учитель. 287 с.
- Косов А. Г., 2004. Эволюция документных жанров XVIII века: На материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 273 с.

- Майоров А. П., 2004. Просительные документы XVII–XVIII вв. Лингвоисторико-лингвистический аспект // *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Cambridge (Mass.): *Palaeoslavica*. XII/2. P. 198–213.
- Майоров А. П., 2006. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник. 263 с.
- Малышева И. А., 1997. Памятники деловой письменности XVIII в. как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск: Изд-во Хабар. пед. ун-та, 1997. 182 с.
- Никитин О. В., 2000. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 30 с.
- Русанова С. В., 2012. Челобитная в кругу региональных документов XVIII века // *История регионального текста: жанр – стиль – язык: монография / отв. ред. Т. П. Рогожникова*. Омск: Вариант-Омск. С. 56–73.
- Русанова С. В., 2016. Термины *челобитная* и *прошение* в законодательных актах XVIII века // *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. 12, № 3. СПб.: Наука. С. 705–716.
- Трофимова О. В., 2002. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в. (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень. 519 с.
- Юнаковская А. А., 2014. Становление и развитие жанра «письменное прошение» (на материале сибирских архивов) // *Жанры речи*. № 1–2 (9–10). С. 102–106.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Вейсман* – Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон: Купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе / Имп. Академии наук; пер. на рус. яз. И. И. Ильинского, И. П. Сатарова, И. С. Горлицкого. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 788 с.
- КС СРЯ XVIII* – Картоотека «Словаря русского языка XVIII века» / Институт лингвистических исследований РАН.
- Новой лексикон* – Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках / пер. С. Волчкова. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1755. Ч. 1. 1066 с.

- ПЗДП* – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 260 с.
- ПСЗ* – Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. III–XII, XIV–XVI, XVIII, XXI–XXIII. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830–1849. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.htm.
- САР* – Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794.
- СРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л.: Наука, 1984.; Вып. 16. СПб.: Наука, 2006. URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/xviii/pdf/scanned/10.pdf>.
- СРЯВСЗ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье / сост. А. П. Майоров. М.: Азбуковник, 2011. 584 с.

REFERENCES

- Volkov S.S., 1974. *Leksika russkikh chelobitnykh XVII veka. Formulyar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva* [Lexicon of the Russian Petitions of the 17th Century. Form, Traditional Etiquette and Style Means]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta. 164 p.
- Vykhrystyuk M.S., 2008. *Tobolskaya pismennost XVII–XVIII vv. v aspekte lingvisticheskogo istochnikovedeniya i istoricheskoy stilistiki: dis. ... d-ra filol. nauk*. [The Tobolsk Writing of the 17th – 18th Centuries in Aspect of Linguistic Source Study and Historical Stylistics. Dr. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk. 558 p.
- Gauch O.N., 2013. *Zhanrovoye svoeobrazie organizatsionno-rasporyaditelnykh dokumentov delovoy pismennosti XVIII v. (na materiale TFGATO)* [Genre Diversity of Organizational Administrative Documents of XVIII Century's Formal Writing (Based on Materials of Tobolsk Branch of Tyumen Region State Archive)]. *Nauchnyy Dialog* [Scientific Dialogue], no. 5 (17), pp. 221–233.
- Glukhikh N.V., 2008. *Delovoy epistolyarnyy tekst kontsa XVIII – nachala XIX v. na Yuzhnom Urale: lingvistika teksta* [Business Epistolary Text of the Late 18th – the Early 19th Century in the South Ural Region: Text Linguistics]. Chelyabinsk, Poligraf-Master Publ. 169 p.
- Gorban O.A., Sheptukhina E.M., 2013. *Regionalnye dokumenty XVIII veka: aspekty lingvisticheskogo opisaniya* [Regional Documents of the XVIIIth Century: Aspects of Linguistic Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of

- Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), pp. 76-84.
- Koposov L.F., 2000. *Severnorusskaya delovaya pismennost XVII–XVIII vv. (orfografiya, fonetika, morfologiya)* [Northern Russian Business Writing of the 17th – 18th Centuries (Spelling, Phonetics, Morphology)]. Moscow, Narodnyy uchitel Publ. 287 p.
- Kosov A.G., 2004. *Evolutsiya dokumentnykh zhanrov XVIII veka: Na materiale rukopisnykh i pechatnykh tekstov Obyedinennogo gosudarstvennogo arkhiva Chelyabinskoy oblasti : dis. ... kand. filol. nauk* [Evolution of Document Genres of the 18th Century: On Material of Hand-Written and Printing Texts of the Joint State Archive of Chelyabinsk Region. Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk. 273 p.
- Mayorov A.P., 2004. *Prositelnye dokumenty XVII–XVIII vv. Lingvoistochnikovedcheskiy aspekt [Pleading Documents of the 17th – 18th Centuries. Linguistic Source Study Aspect]. Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Cambridge, Palaeoslavica, 12/2, pp. 198-213.*
- Mayorov A.P., 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Sketches of Lexicon of Regional Business Writing of the 18th Century]. Moscow, Azbukovnik Publ. 263 p.
- Malysheva I.A., 1997. *Pamyatniki delovoy pismennosti XVIII v. kak obyekt lingvisticheskogo istochnikovedeniya* [Monuments to Business Writing of the 18th Century as an Object of the Linguistic Source Study]. Khabarovsk, Izd-vo Khabarovskogo pedagogicheskogo universiteta. 182 p.
- Nikitin O.V., 2000. *Russkaya delovaya pismennost kak etnolingvisticheskiy istochnik (na materiale pamyatnikov severnorusskikh monastyrey XVIII veka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian Business Writing as an Ethnolinguistic Source (On Material of Monuments of the North Russian Monasteries of the 18th Century. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 30 p.
- Rusanova S.V., 2012. *Chelobitnaya v krugu regionalnykh dokumentov XVIII veka* [Petition in a Circle of Regional Documents of the 18th Century]. *Istoriya regionalnogo teksta: zhanr – stil – yazyk: monografiya* [History of the Regional Text: Genre – Style – Language: Monograph]. Omsk, Variant-Omsk Publ, pp. 56-73.
- Rusanova S.V., 2016. *Terminy chelobitnaya i proshenie v zakonodatelnykh aktakh XVIII veka* [The Terms Chelobitnaya ‘Humble Petition’ and Prosheniye ‘Plea, Application, Solicitation’ in Russian Legislative Acts of the 18th Century]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. Saint Petersburg, Nauka Publ. vol. 12, no. 3, pp. 705-716.*
- Trofimova O.V., 2002. *Zhanroobrazuyushchie osobennosti russkikh dokumentov XVIII v. (na materiale tyumenskoj delovoy pismennosti 1762–1796 gg.) : dis. ... d-ra filol. nauk* [Genre Forming Features of the Russian Documents of the 18th Century (On Material of the Tyumen Business Writing of 1762–1796). Dr. philol. sci. diss.]. Tyumen. 519 p.
- Yunakovskaya A.A., 2014. *Stanovlenie i razvitie zhanra «pismennoe proshenie» (na materiale sibirskikh arkhivov)* [The Formation and Development of the Genre “Written Request” (on the material of the Siberian Archives)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 1–2 (9–10), pp. 102-106.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Veysman E. *Nemetsko-latinskiy i ruskiy leksikon: Kupno s pervymi nachalami ruskogo yazyka k obshchey polze* [German-Latin and Russian Lexicon. With the First Principles of the Russian Language to the Common Good]. Saint Petersburg, Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 788 p.
- Kartoteka «Slovarya russkogo yazyka XVIII veka»* [Card File of the Dictionary of Russian of the 18th Century]. Institute of Linguistic Researches of the Russian Academy of Sciences.
- Volochkov S., transl. *Novoy leksikon na frantsuskom, nemetskom, latinskom, i na rossiyskom yazykakh* [New Lexicon in French, German, Latin, and Russian Languages]. Saint Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii Nauk, 1755, part. 1. 1066 p.
- Mayorov A.P., Rusanova S.V. *Pamyatniki zabaykalskoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Monuments of the Transbaikal Business Writing of the 18th Century]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2005. 260 p.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii : v 45 t. T. III–XII, XIV–XVI, XVIII, XXI–XXIII* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire in 45 Volumes. Vols. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 21, 22, 23]. Saint Petersburg, V Tipografii Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii, 1830–1849. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.htm.

Slovar Akademii Rossiyskoy: v 6 t. [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Vols]. Saint Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii Nauk, 1789-1794.

Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 1; Saint

Petersburg, Nauka Publ., 2006, vol. 16. URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/xviii/pdf/scanned/10.pdf>.
Mayorov A.P. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka: Vostochnaya Sibir. Zabaykalye* [Dictionary of Russian of the 18th Century: Eastern Siberia. Transbaikalia]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 584 p.

Information about the Author

Svetlana V. Rusanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Prosp. K. Marksa, 20, 630073 Novosibirsk, Russia, rusanova@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Русанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, просп. К. Маркса, 20, 630073 г. Новосибирск, Россия, rusanova@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.3>

UDC 811.161.1:342.4
LBC 81.411.2-55

Submitted: 18.01.2019
Accepted: 12.03.2019

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ASPECT OF REQUIREMENTS FOR RUSSIAN AS A STATE LANGUAGE

Sergey A. Kuznetsov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Aleksandr A. Solovyev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. On the results of the linguistic analysis of the text of the Constitution of the Russian Federation and the requirements that are imposed by legal discourse to the language of legal documents the authors reveal a set of obligatory characteristics of the language of the legal document, including definiteness, accuracy, clearness, stylistic neutrality, and language correctness. Application of these characteristics to assessing the quality of the text of Russian Constitution lead to finding some contextual gaps which might cause difficulties in understanding of some provisions in the basic law of the country. Violations of the accuracy and clarity of statements include those provisions of the Constitution in which lexical units are implemented in different meanings. In such cases, the distortion of meaning is possible at the stage of understanding (interpretation) of the verbal form. The articles of the Constitution also reveal a violation of clarity, which is accompanied by legal and linguistic uncertainty. The article provides examples of formulations that do not comply with the rules and norms of the use of language means in legal acts, as well as proposed ways to overcome these inconsistencies. It is argued that the development and application of a special linguistic methodology focused on communicative and rhetorical analysis of legally significant texts will allow more effective linguistic interpretation of normative legal acts, including the Constitution of the Russian Federation, as well as ensure uniformity of their application.

Key words: Constitution of the Russian Federation, linguistic interpretation of the text of the Constitution of the Russian Federation, regulatory legal act, criteria for assessing the language of normative legal acts, communicative-and-rhetorical analysis, Russian as a state language.

Citation. Kuznetsov S.A., Solovyev A.A. The Constitution of the Russian Federation in the Aspect of Requirements for Russian as a State Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 27-36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.3>

УДК 811.161.1:342.4
ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 18.01.2019
Дата принятия статьи: 12.03.2019

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АСПЕКТЕ ТРЕБОВАНИЙ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ГОСУДАРСТВЕННОМУ

Сергей Александрович Кузнецов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Александр Александрович Соловьев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. На примерах, полученных в результате лингвистического анализа текста Конституции Российской Федерации, с учетом требований, которые предъявляются юридической техникой к языку правового документа, в статье раскрыты такие обязательные признаки языка юридического документа, как определенность (точность), понятность (ясность) стилистическая нейтральность, языковая правильность. С примене-

нием названных критериев оценки качества к тексту Конституции Российской Федерации обнаружены смысловые недочеты, приводящие к сложностям понимания отдельных положений Основного закона страны. Нарушения определенности и понятности высказывания выявлены в тех положениях Конституции, в которых лексические единицы реализуются в разных значениях. В таких случаях искажение смысла возможно на этапе интерпретации словесной формы. Показано, что в статьях Конституции нарушение понятности может сопровождаться юридико-лингвистической неопределенностью. В статье приведены примеры формулировок, не соответствующих правилам и нормам употребления языковых средств в правовых актах, а также предложены способы преодоления отмеченных несоответствий. Установлено, что разработка и применение специальной лингвистической методики, ориентированной на коммуникативно-риторический анализ юридически значимых текстов, позволит более эффективно осуществлять лингвистическое толкование нормативных правовых актов, включая Конституцию Российской Федерации, а также обеспечит единообразие их применения.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, лингвистическое толкование текста Конституции РФ, нормативный правовой акт, критерии оценки языка нормативных правовых актов, коммуникативно-риторический анализ, русский язык как государственный.

Цитирование. Кузнецов С. А., Соловьев А. А. Конституция Российской Федерации в аспекте требований к русскому языку как государственному // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 27–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.3>

Лингвистический подход к анализу текста Конституции

Конституция Российской Федерации занимает особое место в правовой системе нашей страны. В большинстве государств Основной закон выполняет не только формально нормативные функции, но и является программно-стратегическим документом – ядром формирования и развития политической, экономической и социальной системы. Этим объясняется то, что требования к языку конституции могут отличаться от обычных требований к языку нормативных правовых актов, выработанных юридической техникой.

Вместе с тем содержание ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой *«Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации»*, требует, чтобы в России этот документ во всех его структурных элементах рассматривался и толковался именно как нормативный правовой акт, а не как «программа» или «декларация».

Такая двойственность целей и задач Конституции обязывает лингвиста подходить к анализу ее содержания с учетом ограничений, накладываемых на русский язык при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, к которому предъявляются законодательно определенные требования.

Ядром русского литературного языка в функции государственного, выступает официально-деловой стиль. Он реализуется в дипломатических, юридических документах, инструкциях, распоряжениях и иных официальных бумагах, обеспечивая максимальную понятность и нейтральность актов коммуникации. Формирующие его вербальные средства позволяют с исчерпывающей полнотой выражать в документах любые социально значимые смыслы, но и, что не менее важно, делают их незаменимым инструментом во взаимодействии государства и общества, обеспечивая функции государственного языка в тех сферах его использования, которые перечислены в ст. 3 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» [Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ, ст. 3, ч. 1, п. 1–10].

К текстам, написанным на русском языке в функции государственного, предъявляются такие требования, которые призваны исключить двусмысленность и возможные разночтения. Построенные по образцам и правилам официально-делового стиля, они должны представлять собой результат последовательного отбора слов и словосочетаний, объединенных в высказывания, лишённые индивидуальности, но имеющие предсказуемый однотипно извлекаемый смысл. Следовательно, отличительные черты лучших текстов рассматриваемой сферы – точность, конкретность, четкость формулировок и лаконичность изложения.

Применительно к официальным документам неоднократно подчеркивалось, что полное и всестороннее использование лингвистических методов и приемов их подготовки является объективной необходимостью. Однако опыт их применения накоплен по отношению к юридически значимым документам. Именно этот опыт (он на сегодняшний день наиболее полный) предлагается учитывать при оценке практической значимости имеющихся рекомендаций, к их распространению на ту часть русского языка, которая репрезентирует государственный язык Российской Федерации.

Критерии оценки качества языка нормативных правовых актов

Существующие нормы современного русского литературного языка, являющиеся для юридической техники обязательными (см. положения ч. 6 ст. 1 и п. 5 ч. 1 ст. 3 в [Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ], получают в юриспруденции уточнения. Так, в законодательных актах специальной регламентации подвергаются правила структурирования, порядок конструирования и употребления терминологии, использования грамматических форм и построения риторических конструкций, порядок применения стилистически маркированных средств, присущих официально-деловому стилю и др. Вызвано это тем, что язык законов, в отличие, например, от языка науки, должен быть понятен неопределенно широкому кругу лиц, поскольку правовые акты предназначены не столько для специалистов, сколько для тех, кто не знает тонкостей юридической терминологии и риторики. Для языка Конституции это положение особенно верно, поэтому требования точности, ясности, конкретности, четкости и логичности формулировок, предъявляемые юридической техникой, преобразованы нами в лингвистически значимые критерии соответствия формы высказывания выражаемому ею смыслу.

Можно утверждать, что язык законов, реализованный в единицах речевой цепи (словах, словосочетаниях, предложениях, высказываниях), должен соответствовать следующим критериям: определенность (точность),

понятность (ясность), стилистическая нейтральность, языковая правильность.

Определенность (точность) текста проявляется в использовании таких словесных характеристик объекта описания, которые указывают на необходимые и достаточные признаки, отличающие данный объект, семантические признаки, объединяющие его с другими объектами того же класса, позволяя сопоставить содержание понятия и выделяемые им признаки объекта с аналогичными объектами.

В соответствии с этим критерием следует соблюдать правило употребления термина в одном значении (правило однозначности), а также понятийно-логические правила составления дефиниций (соразмерность содержания определяемого понятия и определения, отказ от тавтологии и др.). При формулировании правовых предписаний необходимо, избегая лексической избыточности и понятийно-смысловых повторов, добиваться точного соблюдения содержательной связанности текста в рамках абзаца.

Понятность (ясность) проявляется в отборе словесных средств, которые характеризуют объем понятия, обеспечивают мысленную воспроизводимость объекта описания, исключаящую многозначность (двусмысленность) понимания и неопределенность применения положений закона. Данный критерий включает также требования использования общеизвестных слов в основных, «словарных» значениях, отказа от употребления без объяснения значений иностранных слов и узкоспециальных терминов, не освоенных русским литературным языком, от малоинформативных словосочетаний и употребления нелогичных, «каламбурных» словосочетаний. Требуется соблюдать правило толкования неизвестного понятия через известное родовое. При анализе текста следует адекватно интерпретировать синтаксические конструкции с прямым порядком слов и стандартными коммуникативно-риторическими структурами, включающими модальности дозволения, обязывания и запрета.

Стилистическая нейтральность правового акта означает, что объект описания получил словесную характеристику с использованием таких речевых единиц, семантико-

стилистические качества которых соответствуют официально-деловой сфере общения. Текст, составленный по правилам юридически значимого документа, отличается директивностью и безличностью изложения, не содержит словоупотреблений с эмоционально-экспрессивной (оценочной) окраской, присущей языку художественного произведения, или функционально-стилевых коннотаций, свойственных разговорному, просторечному или диалектному стилю речи.

Языковая правильность характеризует форму высказывания, позволяющую так изложить требуемое содержание, чтобы разногласия в понимании смысла той или иной словесной конструкции могли быть сняты путем развернутого толкования (интерпретации), логично соотносящего языковую форму с ее значением. В этом критерии заложены требования нормативного словоупотребления и точного соблюдения логико-грамматической связанности текста в рамках предложения, которая регулируется действующими правилами орфографии и пунктуации русского языка.

Применяя вышеперечисленные критерии оценки качества к тексту Конституции Российской Федерации, можно обнаружить смысловые недочеты, приводящие к определенным трудностям в понимании отдельных положений Основного закона страны.

Нарушения определенности и понятности высказывания

Нарушения определенности и понятности высказывания отмечены в тех положениях Конституции, в которых лексические единицы реализуются в разных значениях, то есть один словесный знак наполнен неодинаковым содержанием. В таких случаях искажение смысла языкового выражения происходит на этапе понимания (интерпретации) словесной формы. Наиболее ясным примером здесь может служить слово *народ*, которое в статьях Основного закона встречается 11 раз.

Так, в преамбуле и в ст. 3 Конституции это слово, будучи использовано в определительной конструкции *многонациональный народ*, выражает значение 'население какой-л. страны':

(1) Мы, многонациональный **народ** Российской Федерации (Преамбула);

(2) Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный **народ** (ст. 3, ч. 1).

Слово *народ* в форме множественного числа (употреблено 5 раз) реализует значение 'народность, национальная группа':

(3) исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения **народов** (Преамбула);

(4) Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении **народов** в Российской Федерации (ст. 5, ч. 3);

(5) Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности **народов**, проживающих на соответствующей территории (ст. 9);

(6) Российская Федерация гарантирует всем ее **народам** право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68, ч. 3);

(7) Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных **народов** в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69).

Слово *народ* используется в форме единственного числа без определения (5 раз):

(8) **Народ** осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 3, ч. 2);

(9) Высшим непосредственным выражением власти **народа** являются референдум и свободные выборы (ст. 3, ч. 3);

(10) При вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит **народу** следующую присягу: «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить **народу**» (ст. 82, ч. 1).

В приведенных фрагментах Конституции возникает контекстная неопределенность объема понятия «народ», позволяющая произвольно трактовать содержание всей конституционной нормы. Ср.:

– в (8): **Народ* [= население / нация, народность / основная трудовая масса населения, жители той или иной местности, территории / люди] *осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления*;

– в (9): *Высшим непосредственным выражением власти *народа* [= населения / нации, народности / основной трудовой массы населения, жителей той или иной местности, территории / людей] *являются референдум и свободные выборы*;

– в (10): *При вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит *народу* [= населению / нации, народности / основной трудовой массе населения, жителям той или иной местности, территории / людям] *следующую присягу: «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить *народу* [= населению / нации, народности / гражданам / основной трудовой массе населения, жителям той или иной местности, территории / людям]».

Для того чтобы избежать существующей неопределенности объема понятия, во всех этих случаях следовало бы использовать слово *граждане* в форме множественного числа, которое в рассматриваемых контекстах имело бы вполне определенное значение. Например: *Граждане Российской Федерации осуществляют свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления*.

Определенность и понятность нарушены и при употреблении слова *момент*. В Конституции Российской Федерации оно встречается 9 раз. В 7 случаях это слово обозначает временную точку начала того действия, которое она ограничивает, например:

(11) с *момента* принесения им присяги (ст. 92, ч. 1);

(12) с *момента* досрочного прекращения исполнения полномочий (ст. 92, ч. 2);

(13) с *момента* начала работы Государственной Думы (ст. 99, ч. 4).

Два раза слово *момент*, характеризуя не начало действия, а событие целиком, используется понятийно и стилистически некорректно:

(14) с *момента* соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ст. 48, ч. 2);

(15) Никто не может нести ответственность за деяние, которое **в момент** его совершения не признавалось правонарушением (ст. 54, ч. 2).

Причина смысловой неопределенности нормы, зафиксированной в конституции, заключена в обстоятельстве времени, выраженном предложно-падежной формой *в момент*, которая не может обозначать 'временной период, необходимый для совершения определенного действия'. Более точной была бы форма *во время*. Ее использование помогло бы снять разговорный оттенок фразы и неопределенность: *Никто не может нести ответственность за деяние, которое во время его совершения не признавалось правонарушением*.

К нарушению понятности конституционной нормы следует отнести многозначность, возникающую при ошибках употребления модальных слов, например:

(16) **Никто не должен подвергаться** пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. **Никто не может быть** без добровольного согласия **подвергнут** медицинским, научным или иным опытам (ст. 21, ч. 2).

В этой статье законодатель по-разному оформил две одинаковые в смысловом отношении ситуации. Рассмотрим результат имеющихся различий. Во-первых, модальное значение предложения *Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию* может быть интерпретировано в соответствии с одним из словарных значений слова *должен* как

необязательность осуществления действия (*никто не обязан подвергаться пыткам) и рекомендация запрета на осуществление действия (*никого не следует подвергать пыткам). Во-вторых, поскольку такая конструкция (одушевленный объект с отрицанием долженствования при пассивной инфинитивной форме глагола) используется в Конституции только один раз, это вносит дополнительную неопределенность в толковании предложения, тем более что в следующем предложении законодатель правильно применяет модальность полного запрета на осуществление действия (*Никто не может быть ... подвергнут...*), употребляя для этого конструкцию, образующуюся при помощи личной формы модального глагола *мочь*, инфинитива вспомогательного глагола *быть* и краткой формы страдательного причастия прошедшего времени в качестве смысловой части составного сказуемого. Приведем несколько примеров реализации этой конструкции (в Конституции она используется 17 раз):

(17) До судебного решения лицо **не может быть подвергнуто** задержанию на срок более 48 часов (ст. 22, ч. 2);

(18) Никто **не может быть принужден** к определению и указанию своей национальной принадлежности (ст. 26, ч. 1);

(19) Никто **не может быть лишен** своего имущества иначе как по решению суда (ст. 35, ч. 3).

Юрико-лингвистическая неопределенность правовой нормы

В статьях Конституции обнаруживается нарушение понятности, которое сопровождается юрико-лингвистической неопределенностью:

(20) В Российской Федерации признается и гарантируется **местное самоуправление**. **Местное самоуправление** в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы **местного самоуправления** не входят в систему органов государственной власти (ст. 12).

Во-первых, словосочетание *местное самоуправление* используется здесь в трех метонимичных значениях. В первом предложении оно номинирует 'деятельность граждан, обеспечивающая им самостоятельное, без

вмешательства извне устройство и улаживающие дел какой-л. хозяйственной, административной единицы, организации и т. п.' (сопоставляется с понятием «субъектная деятельность»). Во втором предложении это словосочетание выражает значение 'люди, наделенные полномочиями самостоятельного решения вопросов внутреннего законодательства и управления' (соотносится с понятием «субъект деятельности»). В третьем предложении реализуется значение 'система выборных учреждений, наделенных полномочиями самостоятельно решать финансовые, хозяйственные, административные дела какой-л. организации, какой-л. территории и т. п.' (соотносится с понятием «структурно-организационный объект»).

Во-вторых, юрико-лингвистическая неопределенность этой статьи Конституции возникает из-за того, что в пассивной конструкции первого предложения термин «Российская Федерация» используется в территориально-пространственном значении, поэтому позиция агенса действия остается незамещенной. В результате остается непонятным, кем *признается и гарантируется* деятельность местного самоуправления.

Совмещение понятийной и юрико-лингвистической неопределенности возникает в тех статьях Конституции, где позиция агенса остается незаполненной:

(21) В Российской Федерации признается идеологическое многообразие (ст. 13, ч. 1);

(22) В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность (ст. 13, ч. 3).

Всего в Основном законе насчитывается 11 статей, в которых используется пассивная конструкция с такой неопределенностью (ст. 7, ч. 2; ст. 8, ч. 1 и 2; ст. 9, ч. 1; ст. 13, ч. 1 и 3; ст. 17, ч. 1; ст. 41, ч. 2; ст. 45, ч. 1; ст. 55, ч. 2; ст. 63, ч. 2).

Поскольку законодателем Конституции выступает многонациональный народ, то есть все граждане России, постольку юрико-лингвистическая неопределенность агенса приобретает особую двусмысленность, тем более что в необходимых случаях законодатель использует вполне конкретные конструкции, ср.:

(23) Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории (ст. 4, ч. 3).

В тексте Конституции имеются фрагменты, в которых языковая правильность нарушается по нескольким критериям. Ярким примером этого является преамбула:

(24) Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (Преамбула).

Так, фраза **Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле** построена с нарушением согласования причастного оборота при обособленном приложении. Здесь требуется согласовать причастную форму *соединенные* со словом *народ*, а не с местоимением *мы*, так как уточнению подлежит именно обособленное приложение. В соответствии с правилами согласования слов этот фрагмент должен иметь иное, чем в тексте преамбулы, грамматическое оформление: **Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле.**

Кроме того, дважды употребленная деепричастная форма действительного залога несовершенного вида настоящего времени от непереходного глагола *утверждать* используется в разных значениях. Первый раз (*утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие*) деепричастие означает ‘официально принимая окончательное решение, признавая окончательно установленным’, второй (*утверждая незыблемость ее демократической основы*) – ‘устанавливая, вводя

на прочных основаниях, окончательно утверждая’.

В деепричастном обороте *исходя из*, используемом в функции предлога: *исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями*, значение ‘беря что-л. за основу; основываясь на чем-л.’ не реализуется (в преамбуле оно представлено в конструкции: *исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов...*). В данном случае только деепричастные формы глаголов *понимать, сознавать* могут выразить необходимое языковое значение, соотносимое со значением слова *ответственность*. Ср: *сознавая / понимая ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.*

Деепричастный оборот *сознавая себя частью мирового сообщества* является понятийно неоднородным с предыдущими восьмью оборотами и семантически не связанным с прямым дополнением характеризуемого глагола *принимать*. Ср.: **сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем (?Конституцию Российской Федерации).*

Нарушения требований точности высказывания обнаруживаются в результате анализа особенностей употребления синонимичных имен *Российская Федерация* (581 раз) – *Россия* (6 раз) и слова *государство* (27 раз). В тексте Конституции, несмотря на заявленную законодателем равнозначность имен (ср. ст. 1, ч. 2 Конституции Российской Федерации: *Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны*), наименование *Российская Федерация* используется в качестве единственного официального имени. Наименование *Россия* самостоятельно употребляется только в преамбуле (2 раза), в остальных случаях оно используется исключительно в качестве уточнения:

(25) Одновременно прекращается действие Конституции (Основного закона) Российской Федерации – России, принятой 12 апреля 1978 года, с последующими изменениями и дополнениями (разд. 2, п. 1).

Кроме закономерных случаев, когда наименование *Российская Федерация* в дефини-

циях толкуется через родовое понятие *государство*:

(26) Российская Федерация – светское **государство** (ст. 14, ч. 1),

или в определенном контексте *Российская Федерация* и *государство* получают один и тот же понятийный объем:

(27) Президент Российской Федерации является главой **государства** (ст. 80, ч. 1),

конституционная норма, оформленная как общий принцип, содержит элемент декларативной неопределенности:

(28) Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2);

(29) Достоинство личности охраняется государством (ст. 21, ч. 1).

Представляется, что формулировки типа *Российская Федерация обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина; Достоинство личности охраняется законами Российской Федерации* логически более обоснованны, поскольку в качестве диспозиционной нормы заявлено, что *Человек, его права и свободы являются высшей ценностью* (ст. 2), а в ст. 19 содержится норма, согласно которой *Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности* (ст. 19, ч. 2).

Контексты, в которых использован термин *государство*, не всегда однозначно позволяют ответить на вопрос: с каким именно референтом соотносится та или иная ситуация? Неопределенность референта становится особенно явной, если учитывать, что «государствами» в ч. 2 ст. 5 Конституции

Российской Федерации (*республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство*) называются отдельные республики в составе России. Эта неопределенность означает неопределенность того, кто согласно упомянутой норме обязан обеспечивать выполнение тех или иных конкретных обязательств и за счет каких средств – Российская Федерация (за счет федерального бюджета) или же республики в составе России (за счет своих региональных бюджетов)?

Принцип экономии языковых средств, исключающий лексическую избыточность, повторы и малоинформативные словосочетания, нарушается в нескольких статьях Конституции. Например:

(30) Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране **суверенитета** Российской Федерации, ее **независимости** и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти (ст. 80, ч. 2);

(31) Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать **суверенитет и независимость**, безопасность и целостность государства, верно служить народу (ст. 82, ч. 1).

В (30) слово *суверенитет* ('полная независимость государства от других государств в осуществлении своей внутренней и внешней политики') употребляется в значении синонимичном значению слова *независимость* ('политическая самостоятельность, отсутствие подчиненности; суверенитет').

В юридической технике принято считать, что использование для обозначения одного понятия разных лексических единиц увеличивает неопределенность правовой нормы. Следует отметить, что в Конституции слово *суверенитет* от статьи к статье употребляется в разных значениях. Независимость является лишь одним из обязательных свойств, качеств суверенной власти, которая включает, например, еще и признак верховенства. Акцент на этом свойстве *суверенитета*, 'праве

верховой власти управлять чем-л., повелевать кем-л., подчинять своей воле' обнаруживается в других нормах:

(32) Носителем **суверенитета** и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ст. 3, ч. 1);

(33) **Суверенитет** Российской Федерации распространяется на всю ее территорию (ст. 4, ч. 1).

Принципы экономии языковых средств и исключения многозначности нарушаются в ст. 7, которую разберем более подробно.

(34) Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7, ч. 1).

Здесь обращает на себя внимание выражение *создание условий, обеспечивающих достойную жизнь*, в котором значение словосочетания *создание условий* совпадает со значением причастной формы глагола *обеспечивать* в словосочетании *обеспечивающих достойную жизнь*. Ср.: *создать условия* означает 'сделать возможным появление, возникновение чего-л.; обеспечить наличие чего-либо'; *обеспечить достойную жизнь* – 'создать все необходимые условия для осуществления чего-л.; гарантировать надежность, прочность чего-либо'. Согласно правилам юридической техники этот фрагмент статьи Конституции следовало бы изложить в редакции *создание условий для достойной жизни либо обеспечения достойной жизни*.

Что касается формулировки *создание условий, обеспечивающих достойную жизнь*, то такая усложненная конструкция нивелирует гарантии достойной жизни (поскольку государство не «обеспечивает», а лишь «создает условия для обеспечения»). Это позволяет сделать вывод о том, что вопрос собственно «обеспечения» достойной жизни – это уже не компетенция государства в лице его органов («обеспечением» может заниматься кто угодно, необязательно государство). Таким образом, коммуникативно-риторический анализ свидетельствует о стремлении авторов текста Конституции уменьшить ее социальную направленность.

Следует заметить также, что рассматриваемый фрагмент содержит принципиально неопределенное понятие «достойная жизнь». Можно предположить, что в связке *достойная жизнь и свободное развитие человека* законодатель дал характеристику как экономическим (*достойная жизнь*), так и духовным (*свободное развитие человека*) аспектам жизни. При таком понимании смысла статьи *достойной* является *жизнь*, при которой обеспечены материальные потребности человека. Однако данная интерпретация словосочетания может быть оспорена ввиду его полной неопределенности.

Выводы

Обнаруженные в тексте Конституции Российской Федерации речевые ошибки, нарушающие требования ясности, точности, конкретности, правильности и логичности формулировок, хотя и не разрушают ни общего смысла текста, ни коммуникативной связи государства и общества, однако демонстрируют невысокое качество редакционно-технической подготовки действующего Основного закона.

К сожалению, в России до сих пор отсутствует специальный законодательный акт, устанавливающий правила и методику подготовки и интерпретации нормативных правовых актов. В отсутствие такого документа, позволяющего отличать лингвистически обоснованные трактовки текста от произвольных объяснений значений речевых структур, невозможно заранее устанавливать наличие смысловых рассогласований между той нормой права, которую законодатель хочет воплотить, и ее фактической реализацией. Встречающиеся в нормативных актах ошибки, несоответствия и противоречия между идеей законодателя и ее изложением в тексте закона дискредитируют законодателя, поскольку в таких случаях нарушаются не только обозначенные выше конституционные принципы, но и основные положения Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Все это может негативно отражаться на оценке деятельности органов государственной власти,

снижать в общественном мнении авторитет как отдельных представителей власти, так и государства в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (ред. от 05.05.2014). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102092715> (дата обращения: 13.05.2019).

ИСТОЧНИК

Конституция Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (дата обращения: 13.05.2019).

REFERENCES

Federalnyy zakon ot 01.06.2005 № 53-FZ «O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 05.05.2014) [Federal Law of 1 June 2005 no. 53-FZ “On the State Language of the Russian Federation” (As Amended on 5 May 2014)]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102092715> (accessed 13 May 2019).

SOURCE

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [The Constitution of the Russian Federation]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (accessed 13 May 2019).

Information about the Authors

Sergey A. Kuznetsov, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Communicative Competence Centre, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7–9, 199034 Saint-Petersburg, Russia, s.kuznetsov@spbu.ru, sakuzn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4096-503X>

Aleksandr A. Solovyev, First Deputy in Legal Affairs of the Vice-Rector, Head of the Apparatus of Rector, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7–9, 199034 Saint-Petersburg, Russia, salex@jurfak.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6202-2163>

Информация об авторах

Сергей Александрович Кузнецов, доктор филологических наук, директор Центра коммуникативных компетенций, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, s.kuznetsov@spbu.ru, sakuzn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4096-503X>

Александр Александрович Соловьев, первый заместитель по правовым вопросам проректора-руководителя Аппарата ректора, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, salex@jurfak.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6202-2163>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.4>

UDC 811.111'42:34
LBC 81.432.1-55

Submitted: 18.06.2018
Accepted: 15.03.2019

STRUCTURAL PECULIARITIES OF BIGRAM-COLLOCATIONS IN LEGAL ENGLISH

Ol'ga M. Litvishko

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Abstract. The article describes the results of research on detecting structural peculiarities of thematically-stipulated two-component set expression in legal English texts. The material under study included texts of conventions of International Labour Organization. Special attention is paid to thematic bigrams-collocations and the systematic character of their usage. Two types of bigrams are identified in the conventions: contact and distant ones. Structural peculiarities are discovered by calculating their grammatical references to notional and functional classes of words. The bigramic character is presented in the following models of combinability: notional with another notional word, notional with a function word, function with a notional word. Some ways of translating bigram-collocations into Russian are also mentioned. The potential of statistical analysis is considered as a mean to find the most frequent collocations; having analyzed one text of convention (the fragment is included into the article) the author presented a database of 200 bigram-collocations. The results of this research could be used in automatic text processing and text generating programs in the sphere of law, international employment and labour law including; more than that, they might encourage further research of structural-and-semantic features of bigrams-collocations according to the type of semantic relations between their elements, and define the most often used models of bigrams in the texts used in the sphere of international law, including terminological bigrams as units of legal terminology system.

Key words: bigram, collocation, contextual combinatorial characteristics, document, international convention, labour law, legal English, English.

Citation. Litvishko O.M. Structural Peculiarities of Bigram-Collocations in Legal English. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 37-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.4>

УДК 811.111'42:34
ББК 81.432.1-55

Дата поступления статьи: 18.06.2018
Дата принятия статьи: 15.03.2019

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИГРАММ-КОЛЛОКАЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ

Ольга Михайловна Литвишко

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Аннотация. В статье описаны результаты исследования по выявлению в юридических текстах на английском языке тематически обусловленных двухкомпонентных устойчивых словосочетаний с целью определения их структурных характеристик. Материалом для изучения были избраны конвенции Международной организации труда. Особое внимание было уделено тематическим биграммам-коллокациям и системности их использования. В конвенциях зафиксированы биграмммы двух видов – контактные и дистантные. Разработана классификация биграмм-коллокаций, основанная на их репрезентации как сочетаний определенных частей речи – главных с главными, главных со служебными, служебных с главными. Охарактеризованы некоторые способы перевода биграмм-коллокаций на русский язык. На примере текста одной из конвенций продемонстрированы возможности статистического анализа с выявлением частотных коллокаций. Итогом проведенного анализа стала база данных биграмм-коллокаций из 200 сочетаний, фрагмент которой приводится в статье. Результаты работы могут быть использованы в программах автоматической обработки и

составления текстов юридической тематики, в том числе в сфере международного трудового законодательства, могут послужить основой дальнейшего анализа биграмм-коллокаций по типу семантической связи между их элементами с целью описания структурно-семантических особенностей и выявления характеризующих документ международно-правовой сферы частотных моделей биграмм, в том числе терминологических, что в целом будет способствовать развитию терминологического аппарата юрислингвистики.

Ключевые слова: биграмма, коллокация, контекстуальная сочетаемость, документ, международная конвенция, трудовое право, юридический английский язык, английский язык.

Цитирование. Литвишко О. М. Структурные особенности биграмм-коллокаций в международных юридических документах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 37–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.4>

Введение

Изучение взаимосвязи языка и права способствовало образованию самостоятельной области знаний – правовой (или юридической) лингвистики (юрислингвистики). Ее объектом является язык государства, в том числе язык права. Язык выступает средством понимания, интерпретации и толкования всей коммуникативной деятельности в юридической сфере, включая документы международного права.

Исследование языка сферы права ведется в отечественной лингвистике с середины XX в., при этом особое внимание уделяется анализу функционально-делового стиля и выявлению особенностей его использования, вопросам генерирования нормативных текстов. Большой вклад в развитие отечественной юрислингвистики внесли А.Н. Баранов, Н.Д. Голев, А.М. Кузнецов, Л.С. Бурдин, Н.В. Солнцева и др.

В зарубежной науке основным предметом лингвоюридических исследований являются язык и стиль юридических документов, особенности, адекватность и эквивалентность их перевода, лингвистическая экспертиза, прагмалингвистическая специфика речи участников судебного процесса. Данная проблематика отражена в работах М. Култхарда, А. Джонсона, Д. Райта [Coulthard, 1994; Coulthard, Johnson, Wright, 2016], Дж. Коттерилл [Language in the Legal Process, 2002], Г. Стигал [Stygall, 2007].

В центре внимания ученых, кроме того, находятся проблемы интерпретации текста закона [Баранов, 2007; Голев, 2000; 2006; Голев, Головачева, 2005; Кузнецов, Бурдин, Солнцева, 2006], правовой коммуникации [Eckardt, 2000], ясности языка юридических документов [Язык закона, 1990; Eckardt, 2000].

Результатом этих многосторонних исследований, проводимых как отечественными, так и иностранными специалистами в области юрислингвистики, стали не только отдельные научные публикации, но и ряд учебных пособий [Callanan, Edwards, 2010; Haigh, 2015; Krois-Lindner, 2011], периодических научных изданий [Юрислингвистика; LSP and professional communication; Hermes...; The International Journal...].

Несмотря на различия подходов к изучению языка права и наличие достаточно большого количества публикаций по проблемам юрислингвистики, следует отметить, что на данный момент отсутствуют работы, в которых используются количественный и статистический методы анализа. Современные лингвоюридические исследования также не располагают классификациями языковых единиц в соответствии с задачами в этой науки. Не менее важной проблемой, требующей пристального внимания не только лингвистов, но и юристов, является терминообразование и перевод терминологической лексики с английского языка на русский, что обусловлено существенными различиями в правовых системах. Данное исследование, будучи направленным на установление и оценку закономерностей совместной встречаемости лексических единиц, их структурный анализ, способствует развитию терминологического аппарата юрислингвистики как относительно молодой отрасли.

Методология и материал исследования

Представленное междисциплинарное исследование соответствует новой методологической парадигме современной лингвистики. Оно выполнено на пересечении юридической лингвистики, лексикологии, квантитативной и корпусной лингвистики, теории и практики пере-

вода. Это позволяет использовать ряд подходов и методик, включая контент-анализ, жанровый анализ высказывания и количественные методы корпусной лингвистики – диверсифицированный поиск, подсчет частотности употребления, автоматическую обработку текста, составление статистических данных.

Перспективным представляется контекстно-ориентированный подход с использованием различных статистических методик, позволяющих выделить из текстов коллокации и ранжировать их по степени неслучайности, классифицировать по структурным характеристикам. Это даст возможность не только выявить различные типы коллокаций, включая терминологические (неоднословные термины), но и расширить таким образом терминологический аппарат юрислингвистики.

Методики количественной и корпусной лингвистики успешно применяются в исследованиях научного, политического медиадискурса на материале русского языка [Хохлова, 2008; Ягунова, Пивоварова, 2010а; 2010б; Khokhlova, Zakharov, 2009], в работах, посвященных выявлению устойчивых словосочетаний на англоязычном материале [Evert, 2005; Khokhlova, Zakharov, 2009].

Единицами проводимого нами анализа выступают коллокации, состоящие из двух компонентов и определяемые как биграммы-коллокации.

Термин «коллокация» впервые зафиксирован в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой в значении «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии» [Ахманова, 2007, с. 199]. Рассмотрению понятия коллокации посвящены некоторые работы (см., например: [Имплицитность в языке и речи, 1999; Иорданская, Мельчук, 2007]). Современное использование термина «коллокация» в корпусной лингвистике отражает его понимание как статистически устойчивого словосочетания (фразеологического или свободного).

Термин «биграмма» (пара символов) впервые был использован в шифре Плейфера в ручной симметричной технике шифрования государственных документов в середине XIX в. в Великобритании. В лингвистике данным термином принято обозначать пары символов, букв, слов [Collins, 1996]. Биграмма-коллока-

ция – это неслучайное сочетание двух лексических единиц, связанных семантическими отношениями и употребляющихся в одном фразовом контексте.

В ходе исследования были проанализированы тексты семи основных конвенций Международной организации труда (МОТ): Abolition of Forced Labour Convention, Convention Concerning Freedom of Association and Protection of the Right to Organize, Discrimination (Employment and Occupation) Convention, Equal Remuneration Convention, Forced Labour Convention, Minimum Age Convention, Right to Organize and Collective Bargaining Convention (Labour Standards). Общий статистический анализ текстового корпуса конвенций (количество слов – 14 609) с помощью интернет-сервиса Voyant Tools дал следующие результаты:

1) среднее количество слов в предложении – 42,7;

2) 20 самых частых слов: *convention* (337); *shall* (261); *article* (224); *labour* (194); *international* (132); *general* (97); *member* (83); *organization* (79); *members* (73); *force* (72); *provisions* (68); *age* (67); *work* (66); *director* (64); *office* (59); *minimum* (56); *forced* (55); *workers* (54); *compulsory* (52); *employment* (52) (см. рис. 1, 2).

Представленные на рисунках слова часто встречаются в составе разнородных двухкомпонентных словосочетаний – биграмм. Анализ частотности употребления биграмм-коллокаций в текстах конвенций МОТ с помощью статистических средств редактора MSWord и интернет-сервиса Voyant Tools направлен на выделение тематически обусловленных биграмм-коллокаций, разработку их классификации на основе структурных характеристик.

Результаты и обсуждение

Результаты анализа могут содержать определенные погрешности ввиду использования неавтоматических способов разметки рассматриваемых текстов. Однако такая погрешность варьируется в диапазоне 1–5 %, что не следует считать фактором искажения полученных результатов. (Применение автоматических методов разметки текстов внесет уточнения в результаты, что может стать следующим этапом работы).

Рис. 1. Статистический анализ корпуса текстов конвенций (облако слов)
(более часто встречающиеся слова представлены более крупным шрифтом)

#	Term	Count	Relative	Trend
1	convention	337	23,068	
1	shall	261	17,866	
1	article	224	15,333	
1	labour	194	13,279	
1	international	132	9,036	
1	à	100	6,845	
1	general	97	6,640	
1	member	83	5,681	
1	organisation	79	5,408	
1	members	73	4,997	
1	force	72	4,928	
1	provisions	68	4,655	
1	age	67	4,586	
1	work	66	4,518	
1	director	64	4,381	
1	office	59	4,039	
1	minimum	56	3,833	

Рис. 2. Статистический анализ корпуса текстов конвенций

Фактический материал исследования (лемматизированный корпус слов) позволил выделить два типа биграмм – контактные и дистантные. Контактные биграммы – это пары слов, состоящие из главных частей речи, расположенных последовательно друг за другом (например, *General Conference, provide guarantees, voluntary negotiation*). Дистан-

тные биграммы – это неоднородная группа пар слов, представленная несколькими моделями: «главная + главная части речи», «служебная+ главная части речи», но между ними возможно использование еще одной служебной части речи, чаще всего артикля (*cause the dismissal, upon the adoption*) или предлога (*acts of discrimination*), либо глав-

ной части речи, например прилагательного (*enjoy adequate protection, outside working hours*). При составлении статистических таблиц моделей биграмм и базы данных дистантные биграммы зафиксированы с разделением на две контактные (например: *enjoy protection, adequate protection*).

Анализ фактического материала дал следующие результаты.

1. Изученные тексты конвенций МОТ содержат большое количество биграмм-коллокаций нескольких типов (см. табл. 1–3):

2. На примере текста Конвенции МОТ «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров» (конвенция С-098) выявлены наиболее частотные биграммы-коллокации (см. рис. 3, табл. 4), которые представлены следующими моделями:

а) «прилагательное + существительное»: *International Convention, International Organisation, International Office, Universal Declaration, Supplementary Convention, General Conference, necessary measure, compulsory labour, formal ratification, complete abolition, political coercion, economic development, racial discrimination, social*

discrimination, national discrimination, religious discrimination, immediate denunciation, social system, economic system;

б) «глагол + существительное»: *constitute violation, prevent labour, register ratification, terminate employment, take effect, express view, suppress labour;*

в) «существительное + существительное» – в таких биграммах первый компонент выступает в функции определения, на русский язык они переводятся несколькими способами:

– конструкцией с прилагательным: *Labour Convention – Трудовая конвенция;*

– конструкцией с существительным в одном из косвенных падежей без предлога: *Labour Organisation – организация труда;*

– конструкцией с существительным в одном из косвенных падежей с предлогом: *Slavery Convention – Конвенция о рабстве;*

г) «существительное + глагол» – подобные биграммы представлены словосочетаниями существительного с модальным или другими глаголами: *member undertake, Convention shall, member may, denunciation shall, member will, Conference should, Director shall, Conference convene, Convention provide;*

Таблица 1

Типы биграмм

Контактные биграммы	Дистантные биграммы
главная + главная части речи	главная + (артикль) + главная части речи
главная + служебная части речи	главная + (прилагательное) + главная части речи
служебная + главная части речи	предлог + (артикль) + главная части речи
	предлог + (главная часть речи) + предлог

Таблица 2

Контактные биграммы

Главная + главная	Главная + служебная	Служебная + главная
<i>Governing Body</i> (прил + сущ)	<i>Decide upon</i> (гл + предл)	<i>In respect</i> (предл + сущ)
<i>Bargain collectively</i> (гл + нареч)	<i>Together with</i> (нареч + предл)	<i>By reason</i> (предл + сущ)
<i>Adopt convention</i> (гл + сущ)	<i>Protection against</i> (сущ + предл)	<i>In virtue</i> (предл + сущ)
<i>Anti-union discrimination</i> (комполит + сущ)	<i>Participation in</i> (сущ + предл)	<i>In accordance</i> (предл + сущ)
<i>Collective bargaining</i> (прил + герундий)		<i>For registration</i> (предл + сущ)

Таблица 3

Дистантные биграммы

Главная + артикль + главная	Главная + прил + главная	Предл + артикль + главная	Предл + главная + предл
<i>Take (the) form</i>	<i>Enjoy (adequate) protection</i>	<i>Upon (the) adoption</i>	<i>By virtue (of)</i>
<i>Join (a) union</i>	<i>Adopt (certain) proposals</i>	<i>With (the) consent</i>	<i>By means (of)</i>
<i>Prejudice (a) worker</i>	<i>Compulsory (military) service</i>	<i>Under (the) control</i>	<i>In respect (of)</i>
<i>Render (the) service</i>	<i>Normal (civic) obligations</i>	<i>At (the) expiration</i>	<i>With regard (to)</i>
<i>Violate (the) right</i>	<i>Exercise (administrative) functions</i>	<i>For (the) benefit</i>	<i>On behalf (of)</i>

д) «глагол + глагол» – биграммы с модальным глаголом: *shall be, shall come, may denounce, shall notify, shall draw, shall communicate, shall involve, shall remain*.

Менее частотными являются биграммы моделей «глагол + наречие», «существительное + прилагательное», «глагол + прилагательное»: *oppose ideologically, adopt duly, Director-General, Secretary-General, be binding, be authoritative*.

Нетипичны модели «прилагательное + прилагательное», «наречие + наречие», «числительное + числительное», «местоименное наречие + местоименное наречие», а также биграммы, состоящие из двух служебных частей речи.

Текст Конвенции содержит 988 слов, 448 биграмм-коллокаций. В таблице 4 представлены частоты словопар типа «существительное + существительное», «глагол + существительное», «предлог + существительное» и т. д. Частота выражена в среднем количестве пары на 1 000 слов текста. Вертикаль от-

ражает часть речи первого слова биграммы, горизонталь – второго.

3. Выявлены специфические, тематически обусловленные биграммы: *complete abolition, secure abolition, serfdom abolition, constitute violation, rights violation, take measure, effective measure, take effect, suppress (forced) labour*.

4. На основе обнаруженной частотности биграмм определена системность их использования. Так, наблюдается последовательное употребление наиболее частотных биграмм: *Director-General → shall notify, Director-General → shall draw, Director-General → shall communicate; abolition of → forced labour, abolition of → compulsory labour, abolition → slave trade, secure abolition → complete abolition, shall come → into force*. Полагаем, что их неоднократное последовательное использование демонстрирует существование лексико-семантической и синтаксической связи между биграммами, что

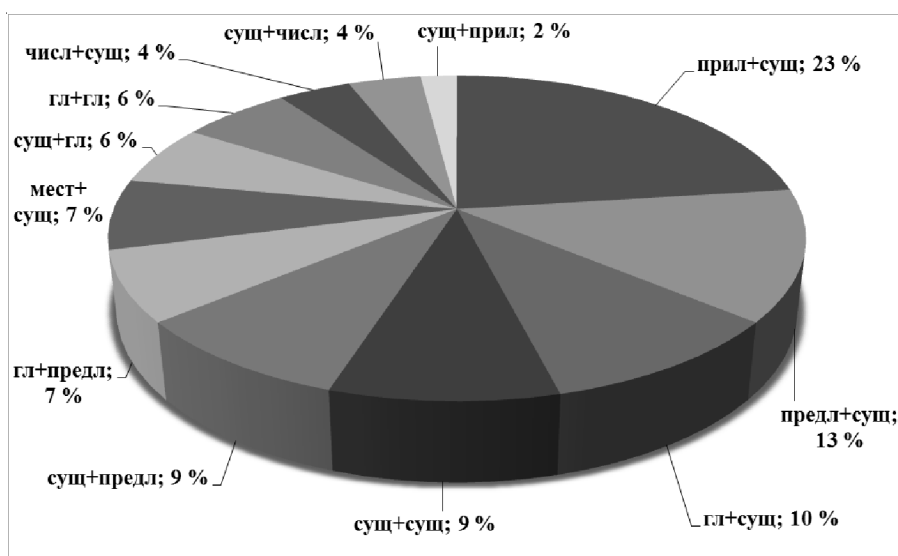

Рис. 3. Частотные биграммы-коллокации

Таблица 4

Биграммы частей речи

	Сущ	Глаг	Предл	Союз	Прил	Нареч	Мест	Числ
Сущ	38	25	38	0	8	0	0	15
Глаг	40	25	30	5	5	3	0	0
Предл	54	0	0	0	2	0	3	1
Союз	0	0	0	0	0	0	0	0
Прил	96	0	5	0	0	0	0	0
Нареч	1	0	1	0	1	0	0	0
Мест	29	3	0	0	0	0	0	1
Числ	17	0	0	0	0	0	0	2

может рассматриваться как признак системности отношений между ними.

5. С помощью программы Microsoft Access составлена база данных лексико-семантических биграмм-коллокаций, содержащая 200 биграмм (см. рис. 4–6). Она включает следующие разделы: биграмма, перевод, части речи, сфера использования, пример использования.

Выводы

Результаты анализа позволили сформулировать следующие выводы:

– в текстах конвенций МОТ доминируют двухкомпонентные лексико-семантические единицы, рассматриваемые нами в качестве

устойчивых лексико-семантических сочетаний, то есть биграмм-коллокаций;

– степень лексической однородности биграмм-коллокаций соотносится с тематической однородностью проанализированных текстов;

– возможно выделение общих для всех текстов корпуса тематически обусловленных биграмм-коллокаций;

– выделенные биграммы-коллокации в соответствии со структурными характеристиками представлены несколькими моделями.

Результаты исследования могут быть использованы в программах автоматического распознавания и генерирования текстов юридической тематики:

Код	Биграмма	Части речи
1	Accept obligation	глагол+существительное
2	Access to	глагол+предлог
3	Additional emolument	прилагательное+существительное
4	Address declaration	глагол+существительное
5	Adequate instruction	прилагательное+существительное
6	Administrative authority	прилагательное+существительное
7	Administrative instruction	прилагательное+существительное
8	Admission to	существительное+предлог
9	Adopt convention	глагол+существительное
10	Affect law	глагол+существительное
11	Affiliate with	глагол+предлог
12	After consultation	предлог+существительное
13	After expiration	предлог+существительное
14	Allow work	глагол+глагол
15	Append declaration	глагол+существительное

Рис. 4. Фрагмент (1) базы данных биграмм-коллокаций

Перевод	Сфера использования
принять на себя обязательство	Business, Diplomacy, Insurance, Economy
доступ к	General English (GE), Law
дополнительный доход	Accounting, Business, Labour Law
направить декларацию	International Law, Labour Law
соответствующая инструкция	Business, Education, International Law, Labour Law
административная власть, орган	Business, Economy, Education, Electronics, Law, Management, Politics
административная инструкция	Law, Military, Telecommunications
допуск, доступ к	GE, Law
утвердить, принять конвенцию	Diplomacy, International Law, International Relations, Politics
повлиять на закон	Civil Law, Criminal Law, International Law
присоединяться к	Aviation, Business, Law, PR, Politics, Production, Telecommunications
после консультирования	GE, Law
после истечения срока действия	GE, Law
разрешать работать	GE, Law
приобщать, прилагать декларацию	Business, International Law, Labour Law

Рис. 5. Фрагмент (2) базы данных биграмм-коллокаций

Пример
The employer has to accept obligations arising from the contract of employment
They have access to all facilities in the gym.
The value of the additional emoluments of forage and subsistence would amount at the rate of thirty six dollars per month
Furthermore, a State that made a unilateral declaration took into consideration the reactions of those to whom it was addressed
Regulation 39 sets out the general duties for the provision of information, training and adequate instruction to workers
Agency is an independent administrative authority that participates in running specific parts of an economy or society
The project supported a working group meeting to discuss shortcomings of the existing Administrative Instruction
Your file will be presented at the next monthly admission to membership review for approval
The government has been urged to adopt Domestic Workers' Convention
Amendments to the Constitution may affect the existing law
The Society is not affiliated with any political party
President will announce the date of the upcoming parliamentary polls after consultation with the Election Commission
Some HP inkjet printers include a keeper mechanism that stops you from using their cartridges after an expiration date passes
National traditions do not allow them to work or do business far from home
Some comments are appended to the declaration

Рис. 6. Фрагмент (3) базы данных биграмм-коллокаций

– в лингвистическом мониторинге функционирования языка – выявлении общих особенностей реализации языковой системы в конкретном типе дискурса (юридическом), анализе феноменов естественного языка: типов языковых ошибок, иностранных заимствований, новых слов и значений, тематического распределения лексики;

– в компьютерном моделировании языка и речи – в программах с применением алгоритмов, основанных на данных о частоте употребления лексико-семантических единиц, в программах автоматического распознавания письменного текста и речи, в системах автоматического аннотирования и реферирования;

– при дешифровке кодированного текста, для которой необходимы данные о частоте употребления графем, морфем и лексических единиц, их взаимном расположении и сочетаемости.

Биграммные модели могут быть использованы в целях автоматической обработки текстов юридической тематики (например, трудовых договоров, исковых заявлений по поводу нарушения трудового законодательства): опираясь на биграммные модели текстов, можно улучшать алгоритмы исправления опечаток или автокоррекции вводимого текста.

Предлагаемое исследование может стать основой для дальнейшей разработки классификаций биграмм-коллокаций по типу семантической связи между их элементами. Структурно-семантический анализ выделенных биграмм-коллокаций поможет выявить

специфические терминологические единицы (неоднословные термины), широко используемые в текстах конвенций МОТ.

Проанализированная система биграмм-коллокаций и созданный на ее основе интеллектуальный продукт «База данных англоязычных биграмм-коллокаций сферы международного права (на материале конвенций Международной организации труда)» может получить применение в преподавании юридического английского языка, а также послужить основой разработки автоматизированных обучающих лингвистических систем в сфере профессиональной юридической лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. А., 2007. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стер. М. : КомКнига. 576 с.
- Баранов А. Н., 2007. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М. : Флинта : Наука. 592 с.
- Голев Н. Д., 2000. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2 : Русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 9–45.
- Голев Н. Д., 2006. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7 : Русский язык как феномен правовой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 8–38.
- Голев Н. Д., Головачева О. В., 2005. Юрислингвистический словарь инвективной лексики

- русского языка // Юрислингвистика-6 : Инвективное и манипулятивное функционирование языка коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 123–130.
- Имплицитность в языке и речи, 1999 / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов М. : Языки русской культуры. 200 с.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А., 2007. Смысл и сочетаемость в словаре. М. : Языки славянской культуры. 672 с.
- Кузнецов А. М., Бурдин Л. С., Солнцева Н. В., 2006. Юрислингвистика: Язык и право : Научно-аналитический обзор. М. : ИНИОН. 69 с.
- Хохлова М. В., 2008. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций // *Slavica Helsingiensia* 34. Инструментарий русистики : Корпусные подходы / под ред. А. Мустайоки, М. В. Копотева, Л. А. Бирюлина, Е. Ю. Протасовой. Helsinki : Helsingin yliopisto. Т. 34. С. 343–357.
- Юрислингвистика. URL: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl> (дата обращения: 12.04.2018).
- Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М., 2010а. Извлечение и классификация коллокаций на материале научных текстов. Предварительные наблюдения // Прикладная лингвистика в науке и образовании : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. памяти Р.Г. Пиотровского (25–26 марта 2010 г., г. Санкт-Петербург). СПб. : Лема. С. 356–364.
- Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М., 2010б. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы. № 6. С. 30–40.
- Язык закона, 1990 / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Юрид. лит. 192 с.
- Callanan H., Edwards L., 2010. *Absolute Legal English*. London : Delta Publishing. 112 p.
- Collins M., 1996. A New Statistical Parser Based on Bigram Lexical Dependencies // *Proceedings of the 34th Annual Meeting of the ACL*. Santa Cruz, California. P. 184–191. DOI: 10.3115/981863.981888.
- Coulthard M., 1994. *Advances in Written Text Analysis*. New York : Routledge. 336 p.
- Coulthard M., Johnson A., Wright D., 2016. *An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence*. 2nd ed. New York : Routledge. 271 p.
- Eckardt B., 2000. *Fachsprache als Kommunikationsbarriere? Verständigungsprobleme zwischen Juristen und Laien*. Wiesbaden : Dt. Univ. Verl. 157 S.
- Evert S., 2005. *The Statistics of Word Cooccurrences: Word Pairs and Collocations*. Ph. D. thesis, University of Stuttgart. 353 p.
- Haigh R., 2015. *Legal English*. New York : Routledge. 360p.
- Hermes – Journal of linguistics. URL: <http://hermes.asb.dk> (date of access: 14 April 2018).
- Khokhlova M., Zakharov V., 2009. *Statistical Collocability of Russian Verbs // After Half a Century of Slavonic Natural Language Processing / ed. by Dana Hlavačková, Aleš Horak, Klara Osolsobě, Pavel Rychly*. Brno : Masaryk University Press. P. 105–112.
- Krois-Lindner A., 2011. *International Legal English*. Cambridge : Cambridge University Press. 337 p.
- Language in the Legal Process, 2002 / ed. by J. Cotterill. New York : Palgrave Macmillan. 276 p.
- LSP and professional communication. URL: <https://rauli.cbs.dk/index.php/lsp> (date of access: 10.04.2018).
- Stygall G., 2007. Review of *The Lynching of Language: Gender, Politics, and Power in the Hill-Thomas Hearings* by Sandra L. Ragan [et al.] // *International Journal of Speech Language and the Law*. № 7. P. 128–130.
- The International Journal of Speech, Language and the Law. URL: <http://www.iafl.org/journal.php> (date of access: 10.04.2018).

ИСТОЧНИК

Labour Standards // International Labour Organization. URL: <http://www.ilo.org/global/standards/lang-en/index.htm>.

REFERENCES

- Akhmanova O.A., 2007. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, KomKniga Publ. 576 p.
- Baranov A.N., 2007. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic Expertise of the Text: Theoretical Foundations and Practice]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ. 592 p.
- Golev N.D., 2000. *Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak yurislingvisticheskaya problema* [Juridification of Natural Language as a Legal-Linguistic Problem]. *Yurislingvistika-2: Russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Juridical Linguistics-2. Russian in Its Natural and Legal Being. Interuniversity Collection of Scientific Works]. Barnaul, Izd-vo Altayskogo universiteta, pp. 9-45.
- Golev N.D., 2006. *Pravovaya kommunikatsiya v zerkale estestvennogo yazyka* [Legal Communication in the Mirror of Natural Language]. *Yurislingvistika-7: Russkiy yazyk kak fenomen pravovoy*

- kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Juridical Linguistics-7. Russian as the Phenomenon of Legal Communication. Interuniversity Collection of Scientific Works]. Barnaul, Izd-vo Altayskogo universiteta, pp. 8-38.
- Golev N.D., Golovacheva O.V., 2005. Yurilingvisticheskiy slovar invektivnoy leksiki russkogo yazyka [Legal Linguistic Dictionary of Invektive Vocabulary of the Russian Language]. *Yurilingvistika-6: Invektivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Juridical Linguistics-6. Invektive and Manipulative Functioning of the Language]. Barnaul, Izd-vo Altayskogo universiteta, pp.123-130.
- Borisova E.G., Martemyanov Yu.S., eds., 1999. *Implitsitnost v yazyke i rechi* [Implicitness in the Language and Speech]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 200 p.
- Iordanskaya L.N., Melchuk I.A., 2007. *Smysl i sochetaemost v slovare* [Meaning and Compatibility in a Dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 672 p.
- Kuznetsov A.M., Burdin L.S., Solntseva N.V., 2006. *Yurilingvistika: Yazyk i pravo : Nauchno-analiticheskiy obzor* [Legal Linguistics: Language and Law: Scientific-Analytical Review]. Moscow, INION. 69 p.
- Khokhlova M.V., 2008. Eksperimentalnaya proverka metodov vydeleniya kollokatsiy [Experimental Testing of Methods of Highlighting Collocations]. *Slavica Helsingiensia 34. Instrumentarij rusistiki: Korpusnye podkhody* [Slavica Helsingiensia 34. Tools of Russian Studies: Corpus Approaches]. Helsinki, Helsingin yliopisto, pp. 343-357.
- Yurilingvistika* [Legal Linguistics]. URL: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl> (accessed 12 April 2018).
- Yagunova E.V., Pivovarova L.M., 2010a. Izvlechenie i klassifikatsiya kollokatsiy na materiale nauchnykh tekstov. Predvaritelnye nablyudeniya [Extraction and Classification of Collocations on the Material of Scientific Texts. Preliminary Observations]. *Prikladnaya lingvistika v nauke i obrazovanii: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati R.G. Piotrovskogo (25–26 marta 2010 g.* [Applied Linguistics in Science and Education. Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference in Memory of R.G. Piotrovsky (25–26 March 2010, Saint Petersburg)]. Saint Petersburg, Lema Publ., pp. 356-364.
- Yagunova E.V., Pivovarova L.M., 2010b. Priroda kollokatsiy v russkom yazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov [The Nature of Collocations in Russian. Experience of Automatic Extraction and Classification on the Material of News Texts]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Series 2, Informatsionnye protsessy i sistemy* [Automatic Documentation and Mathematical Linguistics], no. 6, pp. 30-40.
- Yazyk zakona*, 1990 [The Language of Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. 192 p.
- Callanan H., Edwards L., 2010. *Absolute Legal English*. London, Delta Publishing. 112 p.
- Collins M., 1996. A New Statistical Parser Based on Bigram Lexical Dependencies. *Proceedings of the 34th Annual Meeting of the ACL*, pp. 184-191. DOI:10.3115/981863.981888.
- Coulthard M., 1994. *Advances in Written Text Analysis*. New York, Routledge. 336 p.
- Coulthard M., Johnson A., Wright D., 2016. *An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence, 2nd ed.* New York, Routledge. 271 p.
- Eckardt B., 2000. Fachsprache als Kommunikationsbarriere? Verständigungsprobleme zwischen Juristen und Laien. Wiesbaden, Dt. Univ. Verl. 157 S.
- Evert S., 2005. The Statistics of Word Cooccurrences: Word Pairs and Collocations. Ph. D. thesis, University of Stuttgart. 353 p.
- Haigh R., 2015. *Legal English*. New York, Routledge. 360 p.
- Hermes – Journal of Linguistics. URL: <http://hermes.asb.dk> (accessed 14 April 2018).
- Khokhlova M., Zakharov V., 2009. Statistical Collocability of Russian Verbs. Hlavačková D., Horak A., Osolsobě K., Rychly P., eds. *After Half a Century of Slavonic Natural Language Processing*. Brno, Masaryk University Press, pp. 105-112.
- Krois-Lindner A., 2011. *International Legal English*. Cambridge University Press. 337 p.
- Cotterill J., ed., 2002. *Language in the Legal Process*. New York, Palgrave Macmillan. 276 p.
- LSP and Professional Communication*. URL: <https://rauli.cbs.dk/index.php/lsp> (accessed 10 April 2018).
- Stygall G., 2007. Review of The Lynching of Language: Gender, Politics, and Power in the Hill-Thomas Hearings by Sandra L. Ragan et al. *International Journal of Speech Language and the Law*, no. 7, pp. 128-130.
- The International Journal of Speech, Language and the Law*. URL: <http://www.iafl.org/journal.php> (accessed 10 April 2018).

SOURCE

Labour Standards. *International Labour Organization*. URL: <http://www.ilo.org/global/standards/lang--en/index.htm>.

Information about the Author

Ol'ga M. Litvishko, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of English and Professional Communication, Pyatigorsk State University, Prosp. Kirova, 63, 357500 Pyatigorsk, Russia, litvishko@pgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8430-8501>

Информация об авторе

Ольга Михайловна Литвишко, кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет, просп. Кирова, 63, 357500 г. Пятигорск, Россия, litvishko@pgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8430-8501>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.5>

UDC 81'42:657.332
LBC 81.055.1

Submitted: 18.01.2019
Accepted: 17.05.2019

PRIVATE DIARY AS A CHAMBER DOCUMENT: DISCOURSE PECULIARITIES

Grigory V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Abstract. The diary is presented as a type of a chamber document that is referred to a type of auto-communication, communication limited to one person or a small group of people. The diary is viewed as a fixation of impressions and ideas and a source of information about its writer. It is obvious that the completed diary can be viewed as a document, an evidence of something. The possibilities of studying the diary in synchronic and diachronic, real and potential aspects are demonstrated from the perspective of the writer and the reader. It is stated that in the real dimension the diary does not have limitation, completeness or integrity, it possesses these attributes in potential measurement because its writer does not know how the events can unfold. However, the diary has a certain plot for its reader. The author reveals such signs of the diary as literary rawness, unpreparedness, and iconicity, defines its main functions: accumulative, cognitive-generating, compensatory, regulating. The article explains that the objectivity of the diary entry is expressed in the fact that it conveys the writer's way of thinking and feeling with documentary accuracy, but the writer's point of view is not an objective interpretation of anything. The peculiarity of the setting (space and timeline) in the diary is in its linearity, which determines the specificity of the diary division on the chronological principle. Leo Tolstoy's diary is of a particular interest for the study of chamber documents.

Key words: personal discourse, text, chamber document, diary, auto-communication, Leo Tolstoy.

Citation. Tokarev G.V. Private Diary as a Chamber Document: Discourse Peculiarities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 48-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.5>

УДК 81'42:657.332
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 18.01.2019
Дата принятия статьи: 17.05.2019

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА КАК КАМЕРНОГО ДОКУМЕНТА

Григорий Валериевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Аннотация. Дневник рассмотрен как вид камерного документа, функционирующего в индивидуальном общении, ограниченном одним человеком или небольшой группой лиц, ориентированном прежде всего на автокоммуникацию. Поскольку в дневнике фиксируются впечатления и мысли создающего субъекта, он является источником информации о писавшем. Из этого следует, что завершённые дневниковые записи можно трактовать как документ, свидетельство чего-либо. Продемонстрированы возможности изучения дневника в синхроническом и диахроническом, реальном и потенциальном аспектах, с позиции пишущего и читающего. Установлено, что в реальном измерении он не обладает отграниченностью, завершённостью, цельностью, поскольку его автор не знает, как могут разворачиваться события. Этими признаками дневник обладает в потенциальном измерении, где для читающего он представляет некую фабулу. Выявлены признаки дневника: литературная необработанность, неподготовленность, иконичность, идиоматичность, конспиративность, линейность, членимость. Определены его основные функции: аккумулирующая, когнитивно-генерирующая, компенсаторная, регулирующая. Сделан вывод о том, что объективность дневниковой записи выражается в документальной точности передачи мыслей

и чувств пишущего. При этом точка зрения пишущего не является объективной интерпретацией чего-либо. Особенностью хронотопа в дневнике является линейность, детерминирующая специфику его членности, в основе которой лежит хронологический принцип. Исследование выполнено на материале личных дневников Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: личностный дискурс, текст, камерный документ, дневник, автокоммуникация, Л.Н. Толстой.

Цитирование. Токарев Г. В. Дискурсивные особенности личного дневника как камерного документа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 48–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.5>

Введение

Одной из актуальных задач документалистики является расширение эмпирического материала за счет изучения так называемых периферийных текстов, не обладающих основными признаками документа. К таким письменным объектам можно отнести личные дневники. Они представляют большой интерес для ученых разных областей знания: этнографов, историков, культурологов, филологов и др. Данный жанр коммуникации является мало исследованным, однако в науке уже осуществлены попытки включения дневника в текстовую систему и установления его места в ней. Эскизно описаны коммуникативные, структурно-семантические, когнитивные и др. особенности данного типа текстов. Для определения феномена дневникового текста используются разнообразные термины: «эго-текст» [Михеев, 2007], «мнемоническое повествование» [Гинзбург, 1999], «наивная литература» [Арустамова, Виноградова, 2015] и др. Предприняты попытки классификации дневников в соответствии со сферой функционирования записи, ее целью, формой и т. д. М.Ю. Михеев к дневниковой прозе относит произведения разнообразных жанров: записные книжки, черновики, записи в альбомах и др. [Михеев, 2007]. В поле зрения исследователей оказываются не только дневники на традиционном, бумажном, носителе, но и сетевые дневники, живые журналы [Зализняк, 2010; Косарева, 2008,]. Особое внимание уделяется языковой специфике данного типа текстов как формы выражения идиостиля [Кубайдулова, 2015]. При этом дневники еще не были предметом специального рассмотрения в документоведческом аспекте.

Цель данной статьи – с позиций дискурсивного подхода охарактеризовать личный дневник как особый документный жанр.

Методика исследования

Признаки личного дневника и его специфика как документального жанра устанавливаются в реальном (на этапе написания) и потенциальном (на этапе прочтения) измерениях с позиции пишущего и читающего.

При толковании понятия «документ» в синхроническом аспекте акцент делается на сфере функционирования текста: он трактуется как элемент деловой коммуникации. Ср.: «Официальный документ – документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке» (ГОСТ Р 7.0.8-2013). При рассмотрении в диахроническом аспекте – на функции: фиксация чего-либо. В синхроническом аспекте (реальном измерении) дневник, строго говоря, нельзя отнести к документам, поскольку он не является формой делового общения. При этом дневниковые записи – это фиксация впечатлений и представлений создающего субъекта, источник, позволяющий извлечь информацию о писавшем и понять, как он себя идентифицирует. Из этого следует, что завершённый дневник (потенциальное измерение) можно рассматривать как документ, свидетельство чего-либо. Информация, содержащаяся в текстах данного коммуникативного жанра, подтверждает реальность каких-либо событий, отражает рефлексию субъекта над действительностью. Выполнение функции фиксирующего текста позволяет определить дневник как особый вид документа. Он входит в группу камерных текстов, под которыми мы понимаем инструменты индивидуальной коммуникации, ограниченной одним

человеком или небольшой группой лиц. Рассмотрим дискурсивные особенности данного вида документа.

Результаты и обсуждение

Особый интерес для исследования представляет дневник Льва Николаевича Толстого. Это самое большое произведение, созданное писателем. Он начал его в 1847 году. Дневниковое наследие писателя составляет 13 томов в полном собрании сочинений. Толстой вел дневник 63 года.

Характерно, что первые дневниковые записи писателя отражают ориентированность автора на читателя: в них содержится немало нравоучительных элементов. Все это напоминает диалог пишущего со своим поколением. Уже в двадцатилетнем возрасте у Толстого намечается противопоставление себя обществу, неприятие сложившихся культурных установок, морализация: «...беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимает за следствие молодости, есть ничто иное, как следствие раннего разврата души...» (Толстой, т. 46, с. 3). Однако постепенно дневник писателя становится формой записей для самого себя. И.И. Загидуллина и М.Ю. Михеев отмечают: «Ведение дневника, то есть текста, обращенного к самому себе, непосредственно связано с проблемой сознания, точнее, самосознания, а эволюция дневника как жанра обусловлена процессом самоопределения человека по векторам “я” и история, “я” и государство, “я” и общество» [Загидуллина, 2009, с. 142]. Л.Н. Летягин объясняет мотив ведения дневниковых записей развитым чувством подотчетности [Летягин, 2008, с. 66].

Главная коммуникативная особенность дневника заключается в автокоммуникации, то есть сообщении самому себе. «Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение которого без записи не происходит» [Лотман, 2000, с. 164]. С.В. Волошина относит дневник к форме выражения автобиографического дискурса [Волошина, 2014,

с. 261]. Свое понимание дневника в художественной форме Толстой вложил в уста главного героя романа «Воскресение» Нехлюдова: «Два года не писал дневника и думал, что никогда уже не вернусь к этому ребячеству. А это было не ребячество, а беседа с собой, с тем истинным, божественным собой, которое живет в каждом человеке» (Толстой, т. 32, с. 129). Ведение дневниковых записей для писателя было важной частью программы нравственного самосовершенствования, поиска смысла жизни, божественного начала в себе и других. В дневнике он как бы раздваивается: себе, существу, ставит задачи, критикует себя должный Толстой.

Дневниковые записи являются формой самоидентификации личности, то есть объяснения самому себе, кто я есть. Проблема языковой объективации процесса самоосознания поставлена в трудах Н.В. Амяги [1991], М.В. Архиповой [2012], И.С. Кона [1984], Е.В. Леоновой [2014] и др. «Дневник – жанр, наиболее приспособленный, как будто созданный именно для самоидентификации, то есть это такой текст, который, в отличие от всех других эго-документов, может существовать только для автора» [Лаппо, 2018, с. 245].

Для исследования самоидентификации Толстого интересна запись от 7 июля 1854 года. В двадцатилетнем возрасте писатель задается вопросом: «Что я такое?». Он пытается дать себе всестороннюю объективную оценку в социальном и личностном аспектах. Записи, с одной стороны, отражают стремление пишущего пожалеть себя: «Один из 4-х сыновей отставного Подполковника, оставшийся с семилетнего возраста без родителей под опекой женщин и посторонних, не получивший ни светского, ни ученого образования и вышедший на волю 17-ти лет, без большого состояния, без всякого общественного положения и, главное, без правил; человек, расстроивший свои дела до последней крайности, без цели и наслаждения проведший лучшие годы своей жизни, наконец изгнавший себя на Кавказ, чтобы бежать от долгов и, главное, от привычек...» (Толстой, т. 47, с. 8–9). Эта речевая тактика самозащиты детерминируется желанием пишущего объяснить отрицательные черты своего характера: «Я дурен собой, неловок, необразован и светски не-

чистоплотен. – Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим ... и стыдлив, как ребенок. – Я почти невежда. ... – Я не воздержан, нерешителен, непостоянен, глупотщеславен и пылок, как все бесхарактерные люди. Я не храбр. Я неаккуратен в жизни и так ленив, что праздность сделалась для меня почти неодолимой привычкой. – Я умен, но ум мой еще никогда ни на чем не был основательно испытан. У меня нет ни ума практического, ни ума светского, ни ума делового. – Я честен, то есть я люблю добро... Да, я не скромнен; оттого то я горд в самом себе, а стыдлив и робок в свете» (Толстой, т. 46, с. 8–9). С другой стороны, перечисляя качества своего характера, Толстой называет только отрицательные аспекты. Немногие положительные – ум и скромность – рассматриваются также в отрицательном контексте. Тем самым писатель культивирует в себе комплекс неполноценности, заниженной самооценки. Именно это становится отправной точкой в индивидуальной программе самосовершенствования. Записи отражают внутреннюю дисгармонию, угрызения совести и самоуничтожение: «Удивительно, как я гадок и как вовсе несчастлив и сам себе прогивен» (Толстой, т. 47, с. 48). Для самохарактеристики Толстой использует сниженную лексику: *скотина* (Толстой, т. 47, с. 105), *свинья* (Толстой, т. 47, с. 144), *дрянь* (Толстой, т. 47, с. 148). Себя писатель описывает как человека развратного, лживого, тщеславного, трусливого: «Я имел несколько раз женщин, лгал, тщеславился и, что всего ужаснее, под огнем вел себя не так, как надеялся от самого себя» (Толстой, т. 47, с. 4).

В процессе самоидентификации важную роль играет соотнесение себя с другими людьми, реакция на их слова и поведение. Так, Толстой не находит для себя ничего близкого в речи Наполеона: «Читал речь Наполеона с неопианным отвращением...» (Толстой, т. 47, с. 132); ему чуждо светское общество, несмотря на применение тактик самоуничтожения, он дает себе более высокую оценку, не желает быть таким, как его ровесники: «Молодежь в галстучках меня дичится. ... Я бы лучше желал быть без носа, вонючим, зобастым, самым страшным кретином, отвратительнейшим уродом, чем таким моральным уродом» (Толстой, т. 47, с. 7).

Дневник создается с разными целями. Для каждого из пишущих они свои. Это отражается в особенностях ведения дневниковых записей: постоянно или время от времени. Толстой считал необходимым ведение дневника и так определял его цели:

1) следить за нравственным саморазвитием и влиять на этот процесс: «Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития. – В дневнике должна находиться таблица правил, и в дневнике должны быть тоже определены мои будущие деяния» (Толстой, т. 46, с. 29). При этом Толстой осмысляет сложность достижения поставленной задачи: «Интересно было бы описать ход своего морального развития, но не только слова, но мысль даже недостаточна для этого» (Толстой, т. 46, с. 102);

2) составлять план своих действий: «...так как я нахожу необходимость определять все занятия вперед, то для этого тоже необходим дневник. Хотелось бы привыкнуть определять свой образ жизни вперед, не на один день, а на год, на несколько лет, на всю жизнь...» (Толстой, т. 46, с. 34);

3) анализировать прошлое: «Последние три года, проведенные мною так беспутно, иногда кажутся мне очень занимательными, поэтическими и частью полезными; постараюсь пооткровеннее и поподробнее вспомнить и написать их» (Толстой, т. 46, с. 34);

4) вести «отчет каждого дня, с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться» (Толстой, т. 46, с. 47).

В дневниковых записях автор намечает три раздела: правила, познания, наблюдения. Сразу отметим, что дневник отражает незаурядные писательские способности автора. На наш взгляд, раскрыть их помогли поездки Толстого на Кавказ и в Крым. Писатель отмечает национальный колорит, точно характеризует своих сослуживцев, выступает мастером диалогов, повествования небольших историй, описания внутренних состояний. Именно на страницах дневника рождается будущий великий художник. И.Ф. Салманова отмечает: «Постигая природу своего внутреннего Я, Толстой превращает этот процесс в некий универсальный метод (принцип) осмысления “другого” как внутри, так и вне себя»

[Салманова, 2017, с. 39]. Цели дневника позволяют обнаружить главную особенность сознания Толстого – склонность к анализу, желание полностью контролировать свои действия. По заметкам девятнадцатилетнего автора совершенно ясно, что их создавала нестандартная во всех отношениях личность.

Публичные люди отдадут себе отчет в том, что их дневниковые записи будут обнародованы, поэтому в них усматривается ориентация на читателя. Так, еще при жизни Толстого его помощники, дети, биографы обращались к дневникам писателя, например, при собирании материалов для жизнеописания гения. В последние годы жизни писателя развернулась борьба за его дневниковые записи между С.А. Толстой и В.Г. Чертковым. С 29 июля 1910 г. писатель начинает вести дневник для самого себя и дает и ему название, в котором подчеркивается осмысление того, что дневник может быть предназначен не только другим, но и себе. Именно его Толстой называет настоящим: «Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя...» (Толстой, т. 58, с. 129).

На страницы этого дневника попали записи писателя, преимущественно связанные с переживаем семейного конфликта – с женой и сыновьями. Последняя же запись в нем сделана его дочерью А.Л. Толстой со слов великого творца в последние часы его жизни.

Обратимся к описанию специфических черт дневника. Для него характерны литературная необработанность, неподготовленность, иконичность, проявляющаяся в том, что пишущий использует разнообразные сокращения, понятные только ему. Так, в последние годы жизни Толстой употреблял сокращение *Е.Б.Ж.*, которое расшифровывается как *если будет живы*. Это придает дневнику признаки идиоматичности и конспиративности.

Признаки дневника как текста могут по-разному проявлять себя в реальном и потенциальном измерении. Так, в реальном измерении дневниковые записи не обладают отграниченностью, завершенностью, цельностью. Эти признаки могут быть приписаны дневнику в потенциальном измерении при рассмотрении его как законченного текста. Пишущий не знает, как могут разворачиваться события. Для читающего дневник представляет опре-

деленную фабулу. Ю.В. Матвеева отмечает: «...если воспринимать... письма и дневники как некую целостность, читать их от начала и до конца “насквозь”, то невольно улавливается наличие такого же точно лейтмотивного рисунка, как в мемуарах, биографиях и автобиографиях. Только механизм возникновения этих устойчиво повторяющихся мотивов принадлежит в этом случае реальности затекстовой, которая не дана читателю никак иначе, нежели в преломлении автора» [Матвеева, 2014, с. 8].

Экстралингвистические факторы (у Толстого, например, это пребывание в больнице в молодом возрасте и последние дни жизни на станции Остапово) получают текстообразующую роль. Они оформляют содержательные границы дневника как завершенного текста: для пишущего он не завершен, читающим воспринимается как законченная форма. Е.С. Чистикова в качестве типологического признака дневника называет временную удаленность [Чистикова, 2015]. Нарративный прогресс для читающего формирует ожидание развертывания событий. Пишущий не знает, когда обратится к дневнику. Дневник полностью обусловлен внешними факторами. Стимулом для записи становится реальное событие.

Дневниковые записи являются результатом субъективного переживания внешнего стимула. Читающему дневник дает достоверную информацию о личности писавшего. Объективность дневниковой записи выражается в документальной точности при передаче образа мыслей и чувств пишущего, его системы ценностей, уровня интеллектуального и нравственного развития, особенностей эмоциональной реакции на внешние стимулы. При этом точка зрения пишущего не является объективной интерпретацией чего-либо. В отношении личности Толстого, а также близких ему людей следует отметить, что попытка реконструировать объективную картину события была предпринята в книге «Любовь и бунт», в которой приводятся дневниковые записи восприятия одного события разными лицами: С.А. Толстой, Л.Н. Толстым и др. (Толстая, 2013).

В потенциальном измерении дневник представляет собой завершенный текст, по которому можно восстановить цепочку собы-

тий, специфика фиксации которых обусловлена индивидуальными факторами. Это может быть подробное или эскизное их описание, а иногда только переживание. Безусловно, дневник может сочетать все перечисленные черты. Записи Толстого в этом отношении неоднородны. Те, что были сделаны писателем в молодые годы, представляют в большей степени рефлексии на события, а также своеобразный план самосовершенствования: «1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5) Изучить историю, географию и статистику. 6) Изучить математику, гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила. 10) Получить некоторые познания в естественных науках. 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать» (Толстой, т. 46, с. 31).

Позже дневники перерастают в хронологию мыслей, хотя признаки других типов дневниковых записей также представлены. Например, запись от 2 января 1910 г.: «Опять поправлял Сон. Уехали Ландовски. Ездил верхом. Был у Марии Александровны и Буланже. Не переставая стыдно за свою жизнь» (Толстой, т. 58, с. 3) – содержит фактуальную, эмотивную и концептуальную информацию: первые четыре предложения из приведенной записи отражают изложение фактов, последнее выражает эмоциональное состояние и дает оценку собственному мироощущению. Дневник предназначен в первую очередь для передачи фактуальной информации. В ходе анализа содержания дневниковых записей Толстого мы заметили, что в разные годы писатель менял их характер. Так, в дневниках 1854–1857 гг. пишущий в большей мере просто фиксирует прошедшие события, 1910 г. – излагает свои мысли и чувства. Концептуальная и эмотивная информация, как правило скрытая в подтексте, в дневнике эксплицирована автором записи. Он выражает свои мысли и чувства открыто. Читатель дневника может сделать выводы об эмоциональном со-

стоянии пишущего, влиянии экстралингвистического контекста на его мысли и т. п.

Рассмотрение дневника в реальном и потенциальном измерениях позволяет установить особенность его хронотопа – линейность. «В текстах мнемонического повествования “свобода выражения” сочетается с “несвободой вымысла, ограниченного действительно бывшим”» [Гинзбург, 1999, с. 118]. Линейность, в свою очередь, определяет специфику членности дневника, в основе которой лежит хронологический принцип: дни – месяцы – годы [Криволапова, 2012]. Дата и иногда указание на место написания, помимо самого текста, являются единственными реквизитами дневника.

Заключение

Дневник представляет собой камерный документ, предназначенный для автокоммуникации. Данный письменный жанр может быть охарактеризован в реальном и потенциальном измерении с позиции создающего и читающего. Специфика дневника формируется рядом признаков: литературной необработанностью, неподготовленностью, иконичностью, идиоматичностью, конспиративностью, линейностью, членностью, детерминированными особенностями хронотопа. Его текст отражает фактуальную (обусловленную экстралингвистическими факторами), концептуальную и эмотивную информацию. Отдельные признаки данного жанра проявляют себя в потенциальном измерении – ограниченность, завершенность, цельность.

Цели дневника определяют его функции, к числу которых можно отнести:

- 1) аккумулирующую, сохраняющую в памяти какие-либо мысли, переживания, события;
- 2) когнитивно-генерирующую, способствующую порождению мыслей;
- 3) компенсаторную, позволяющую пишущему психологически разрядиться;
- 4) регулирующую, заключающуюся в том, что дневниковые записи дают возможность оценивать прошлое и планировать будущее.

Дневник фиксирует информацию о создающем его субъекте, выступает формой самоидентификации личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амяга Н. В., 1991. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении // *Личность. Общение. Групповые процессы : Современные направления теоретических и прикладных исследований в зарубежной психологии : сб. обзоров / редкол.: О. А. Власова [и др.]. М. : ИНИОН. С. 10–18.*
- Арустамова А. А., Виноградова К. В., 2015. Дневник К.В. Ивановой: автор и текст // *Филологические заметки. Т. 1, № 13. С. 247–253.*
- Архипова М. В., 2012. Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 13, № 3. С. 197–207.*
- Волошина С. В., 2014. Коммуникативная стратегия самопрезентации в автобиографическом дискурсе // *Вестник Иркутского государственного технического университета. № 9 (92). С. 261–265.*
- Гинзбург Л. Я., 1999. О психологической прозе. М. : Intrada. 415 с.
- ГОСТ Р 7.0.8-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст. М. : Стандартинформ. 12 с.
- Загидулина И. И., 2009. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М. : «Водолей Publishers», 2007. 264 с. // *Уральский исторический вестник. № 3 (24). С. 142–144.*
- Зализняк А. А., 2010. Дневник: к определению жанра // *Новое литературное обозрение. № 6 (106). С. 162–171.*
- Кон И. С., 1984. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М. : Политиздат. 336 с.
- Косарева М. А., 2008. Сетевой дневник в контексте теории текста (к постановке проблемы) // *Вестник Читинского государственного университета. № 1 (46). С. 69–74.*
- Криволапова Е. М., 2012. К вопросу о генезисе жанра дневника // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. № 1 (21). С. 188–196.*
- Кубайдулова А. Ю., 2015. Дневник К.И. Чуковского: к вопросу о художественном своеобразии // *Вестник Самарского государственного университета. № 2. С. 120–125.*
- Лаппо М. А., 2018. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск. 515 с.
- Леонова Е. В., 2014. Когнитивный механизм интериоризации в дневниковом дискурсе // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: филология, журналистика. Т. 14, № 1. С. 34–38.*

- Летягин Л. Н., 2008. Личный дневник: самосознание жанра // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 56. С. 56–67.*
- Лотман Ю. М., 2000. Семиосфера. СПб. : Искусство СПб. 704 с.
- Матвеева Ю. В., 2014. Проблема сюжета в документальной, биографической и автодокументальной прозе // *Сюжетология и сюжетография. № 2. С. 3–19.*
- Михеев М. Ю., 2007. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М. : Водолей Publishers. 264 с.
- Салманова И. Ф., 2017. Исповедально-диалогическая природа автобиографического дискурса Л.Н. Толстого // *Наука. Искусство. Культура. № 1 (13). С. 38–43.*
- Чистикова Е. С., 2015. Мнемонические тексты дневников и мемуаров: временная удаленность как типологический критерий // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 1, № 3. С. 134–140.*

ИСТОЧНИКИ

- Толстая* – Толстая С. Любовь и бунт. Дневник 1910 года. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2013. 416 с.
- Толстой* – Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Российская государственная библиотека, 2006. Т. 32 ; Т. 46 ; Т. 47 ; Т. 58.

REFERENCES

- Amyaga N.V., 1991. Samoraskrytie i samopredyavlenie lichnosti v obshchenii [Self-Disclosure and Self-Presentation of a Person in Communication]. *Lichnost. Obshchenie. Gruppovye processy: Sovremennye napravleniya teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy v zarubezhnoy psikhologii: sb. obzorov* [Personality. Communication Group Processes: Modern directions of Theoretical and Applied Research in Foreign Psychology. Collected Reviews]. Moscow, INION, pp. 10-18.
- Arustamova A.A., Vinogradova K.V., 2015. Dnevnik K.V. Ivanovoy: avtor i tekst [Diary of K.V. Ivanova: Author and Text]. *Filologicheskie zametki* [Philological Studies], vol. 1, no. 13, pp. 257-253.
- Arkhipova M.V., 2012. Psikhologicheskie svoystva i predstavleniya, svyazannye s praktikoy vedeniya lichnogo dnevnika [Psychological Properties and Representations Relating to the Practice of Keeping a Personal Diary]. *Vestnik*

- Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities], vol. 13, no. 3, pp. 197-207.
- Voloshina S.V., 2014. Kommunikativnaya strategiya samoprezentatsii v avtobiograficheskom diskurse [Communicative Self-Presentation Strategy in Autobiographical Discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Irkutsk State Technical University], no. 9 (92), pp. 261-265.
- Ginzburg L.Ya., 1999. *O psikhologicheskoy proze* [On Psychological Prose]. Moscow, Intrada Publ. 415 p.
- GOST R 7.0.8-2013. *Deloproizvodstvo i arkhivnoe delo. Terminy i opredeleniya: utv. Prikazom Rosstandarta ot 17.10.2013 № 1185-st* [GOST R 7.0.8-2013. Record Keeping and Archival Business. Terms and Definitions: Approved by the Order of the Federal Agency on Technical Regulating and Metrology from 17 October 2013]. Moscow, Standartinform Publ. 12 p.
- Zagidullina I.I., 2009. Mikheev M.Yu. Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX). M.: «Vodoley Publishers», 2007. 264 s. [Mikheev M.Yu. Diary as an Ego-Text (Russia, 19th–20th). Moscow: “Vodoley Publishers”, 2007. 264 p.]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 3 (24), pp. 142-144.
- Zaliznyak A.A., 2010. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: On the Definition of a Genre]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Russian Studies in Literature], no 6 (106), pp. 162-171.
- Kon I.S., 1984. *V poiskakh sebya. Lichnost i ee samosoznanie* [In Search of Self. Personality and Self-Identity]. Moscow, Politizdat. 336 p.
- Kosareva M.A., 2008. Setevoy dnevnik v kontekste teorii teksta (k postanovke problemy) [The Networks Diary in the Context of Theory of Text (At the Statement of Question)]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (46), pp. 69-74.
- Krivolapova E.M., 2012. K voprosu o genezise zhanra dnevnika [To the Problem of Genesis of the Diary Genre]. *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: The Online Academic Journal of Kursk State University], no. 1 (21), pp. 188-196.
- Kubaydulova A.Yu., 2015. Dnevnik K.I. Chukovskogo: k voprosu o khudozhestvennom svoeobrazii [Chukovsky’s Diary: On the Issue About Artistic Originality]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], no. 2, pp. 120-125.
- Lappo M.A., 2018. *Samoidentifikatsionnyy diskurs russkoy elitarnoy yazykovoy lichnosti: dis. ... d-ra filol. nauk* [Self-Identification Discourse of the Russian Elite Linguistic Personality. Dr. philol. sci. diss]. Novosibirsk. 515 p.
- Leonova E.V., 2014. Kognitivnyy mekhanizm interiorizatsii v dnevnikovom diskurse [Cognitive Mechanism of Interiorization in the Diary Discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: filologiya, zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], vol. 14, no. 1, pp. 34-38.
- Letyagin L.N., 2008. Lichnyy dnevnik: samosoznanie zhanra [Personal Diary: The Self-Awareness of Genre]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University of Humanities and Science], no. 56, pp. 56-67.
- Lotman Yu.M., 2000. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo SPb Publ. 704 p.
- Matveeva Yu.V., 2014. Problema syuzheta v dokumentalnoy, biograficheskoy i avtodokumentalnoy proze [Problem of Plot in the Documentary, Biographical and Autodocumentary Prose]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, no. 2, pp. 3-19.
- Mikheev M.Yu., 2007. Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX) [Diary as an Ego-Text (Russia 19th–20th)]. Moscow, Vodoley Publishers. 264 p.
- Salmanova I.F., 2017. Ispovedalno-dialogicheskaya priroda avtobiograficheskogo diskursa L.N. Tolstogo [Confessional – Dialogical Nature of Autobiographic Discourse of L.N. Tolstoy]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura* [Science. Art. Culture], no. 1 (13), pp. 38-43.
- Chistikova E.S., 2015. Mnemonicheskie teksty dnevnikov i memuarov: vremennaya udalennost kak tipologicheskiiy kriteriy [Mnemonic Texts of Diaries and Memoirs: Time Distance as a Typological Criterion]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], vol. 1, no. 3, pp. 134-140.

SOURCES

- Tolstaya S. *Lyubov i bunt. Dnevnik 1910 goda* [Love and Rebellion. Diary of 1910]. Moscow, KoLibri Publ, Azbuka-Attikus Publ., 2013. 416 p.
- Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works. In 90 Vols.]. Moscow, Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka Publ., 2006. Vol. 32; Vol. 46; Vol. 47; Vol. 58.

Information about the Author

Grigoriy V. Tokarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Document Studies and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Prosp. Lenina, 125, 300026 Tula, Russia, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Информация об авторе

Григорий Валериевич Токарев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, просп. Ленина, 125, 300026 г. Тула, Россия, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.6>

UDC 81'42:002.1
LBC 81.055.51.3

Submitted: 09.11.2018
Accepted: 26.04.2019

COMPOSITIONAL AND SPEECH STRUCTURE OF THE MEDICAL STUDENT'S PRACTICE DIARY

Sanya I. Madzhaeva

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

Liliya V. Epanchina

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

Abstract. The diary of the medical student's practice is characterized as an integrated whole. By its content the diary is related to a medical type of documents, by its form and purpose it is referred to an educational type. The main purpose of the diary of practice is described as professional training of a medical student, which includes fixation and transmission of information about the measures taken to improve the condition of the patient, the application of theoretical knowledge, consolidation and deepening of theoretical training. The article characterizes functions, requisites of the diary, describes its structure, and represents content of the parts. The functions of the document under study are as following: informative, communicative, educational and didactic. In accordance with the selected functions the authors analyze vocabulary in the diary, reveal special and common lexis, and state some regulations in the usage of terms that are distributed into a number of thematic groups. Thematic group "Things and devices used in the medical institution" is typical of the first and second-year students. The third-year student's diary includes terms from thematic group "Medical procedures". The fourth and fifth year student's diary demonstrates some thematic variety, as there terms of the thematic groups "Symptoms of the disease", "Diagnosis", "Methods of treatment", Latin term abbreviations are used. The language picture of a medical specialist characterizes accumulation and growth of professional knowledge and development in competence of a specialists.

Key words: document, medical document, practice diary, documentary text, term, thematic group, vocabulary.

Citation. Madzhaeva S.I., Epanchina L.V. Compositional and Speech Structure of the Medical Student's Practice Diary. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 57-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.6>

УДК 81'42:002.1
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 09.11.2018
Дата принятия статьи: 26.04.2019

КОМПОЗИЦИОННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ И РЕЧЕВАЯ СТРУКТУРА ДНЕВНИКА ПРАКТИКИ СТУДЕНТА-МЕДИКА

Санья Ибрагимовна Маджаева

Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия

Лилия Васильевна Епанчина

Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия

Аннотация. Дневник производственной практики студента-медика охарактеризован как комплексный документ – медицинский по содержанию и учебный по форме и целям. Сформулирована его цель, которая состоит в фиксации и передаче информации о предпринятых мероприятиях, направленных на улучшение состояния пациента и предполагающих применение и углубление теоретических знаний. Выявлены функции дневника: информационная, коммуникативная, учебно-дидактическая. В соответствии с ними описана ис-

пользуемая в дневнике лексика: специальная и общеупотребительная. Установлена закономерность в употреблении терминов определенных тематических групп. В дневниках студентов 1-го и 2-го курсов зафиксированы термины тематической группы «Предметы и устройства, используемые в медицинских учреждениях», в дневниках студентов 3-го курса появляются термины тематической группы «Процедуры», в дневниках студентов 4-го и 5-го курсов набор терминов существенно расширяется: в них представлены тематические группы «Симптомы, болезни», «Диагноз», «Методы лечения», кроме того, фиксируются сокращения латинских терминов, принятые в медицинской практике, что свидетельствует об аккумуляции и углублении профессионального знания, становлении языковой картины мира специалиста-медика.

Ключевые слова: документ, медицинский документ, дневник производственной практики, документный текст, термин, тематическая группа, лексика.

Цитирование. Маджаева С. И., Епанчина Л. В. Композиционно-содержательная и речевая структура дневника практики студента-медика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 57–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.6>

Дневник практики студента-медика как медицинский документ

Развитие общества, прогресс науки всегда сопровождаются ростом объема информации, которая находит свое материальное воплощение, в частности, в документах. Информация определяет сущность документа, а документ оказывает влияние на развитие общественных отношений. В связи с этим изучение и совершенствование языка документации в современном мире имеет большое значение. В 60-х гг. XX в. зародилась научная дисциплина, объектом которой является документный текст, а предметом – языковые особенности документных текстов как средств фиксации и передачи информации, – документная лингвистика. В русле данного направления свои исследования проводят М.В. Косова, С.П. Кушнерук, О.П. Сологуб, Г.В. Токарев, Г.М. Швецова-Водка, В.Ф. Янковая и другие. Документная лингвистика исследует языковые особенности современной документной коммуникации, состав знаковых средств, специфику их организации в документных текстах, закономерности создания самих документных текстов [Косова, 2016, с. 7].

Анализ работ по документной лингвистике показал, что почти каждая область знания дает свое толкование термина «документ». До настоящего времени среди специалистов в области документоведения, библиотекостроения, информатики и др. нет единства в понимании данного термина. В широком смысле документ – любой материальный объект, как искусственный, так и природный, который может быть использован для регистрации, пе-

редачи и сохранения информации в обществе. Такое понимание стало традиционным и закрепилось в учебной литературе (см., например: [Ларьков, 2006; Кушнерук, 2008; Янковая, 2011]). Термин «документ» определяется как «результат закрепления информации о предметах объективной действительности и о мыслительной деятельности человека посредством письма, графики, фотографии, звукозаписи или другим способом» [Янковая, 2011, с. 5]. Существует и узкое понимание термина «документ», оно отражено в дефинициях, специфичных для различных сфер общественной деятельности и научных дисциплин, в нем акцентируются отдельные функциональные признаки документа. Так, в информатике документ рассматривается как носитель информации, в юриспруденции важен его правовой характер, в социологии – социальная составляющая. В документоведении это «зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» [ГОСТ Р 7.0.8-2013, с. 2]; «зафиксированная на материальном носителе идентифицируемая информация, созданная, полученная и сохраняемая организацией или физическим лицом в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности» [ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007, с. 6].

Основной содержательный компонент документа – документный текст, который отличают точность, связность, смысловая завершенность, унифицированность [Кушнерук, 2008, с. 52]. Под документным текстом мы понимаем результат мыслительной деятельности индивида, информацию, закрепленную в письменной форме. По мнению Г.В. Тока-

рева, он «характеризуется дробным объемно-прагматическим членением и антропоцентричностью» [Токарев, 2016, с. 77].

Документы классифицируют в соответствии со сферами деловой коммуникации: правовые (акты, постановления и др.), учебно-методические (программы, планы и др.), финансово-экономические (сметы, отчеты и др.) и т. д. Данный подход обуславливает появление термина «система документации», который толкуется как «совокупность документов, взаимосвязанных по признакам назначения, сферы деятельности и единых требований к их оформлению» [ГОСТ Р 7.0.8-2013, с. 2]. Взаимосвязанность сфер деловой деятельности человека послужила причиной возникновения документов, сочетающих в себе признаки разных систем.

В медицине, как и в других сферах деятельности, существует ряд специфических документов. С позиции документной лингвистики медицинский документ – «документ, содержание которого составляет выраженная специальными лингвистическими средствами информация, отражающая медико-биологические особенности объективного статуса пациента и характер течения болезни» [Маджаева, 2016, с. 148].

Сегодня интерес к анализу медицинской документации возрастает, что обусловлено применением научных подходов к оптимизации любой профессиональной деятельности, в том числе и в сфере медицины. С позиций жанроведения и прагматики подробно описаны документы судебно-медицинской экспертизы [Мульганова, 1997], медицинский буклет [Рудова, 2006], инструкция по применению лекарственных препаратов [Антонова, 2011], медицинская карта амбулаторного больного [Галкина, 2012], история болезни [Ромашова, 2014; Маджаева, 2016] и др. Область изучения медицинского документа расширяет свои границы. Он становится объектом исследования во многих научных дисциплинах: стандартизации и автоматизации обработки объектов [Берсенева, Седов, 2014; Мокина, 2015], переводоведении [Какзанова, 2014; Сухарева, Черникова, 2014], документоведении и архивоведении [Великанова, 2014; Горюнова и др., 2015; Тюрикова, 2013] и т. д.

Особый интерес представляют документы, оформляемые в ходе подготовки студен-

тов-медиков, в частности отчетные документы по производственной практике. Производственная практика способствует формированию у студентов различных профессиональных компетенций: реализовать деонтологические аспекты врачебной деятельности; проводить опрос, физикальный осмотр, клиническое обследование; анализировать результаты современных лабораторно-инструментальных исследований; оформлять медицинскую карту амбулаторного и стационарного пациента; проводить профилактические мероприятия; назначать больным адекватное (терапевтическое и хирургическое) лечение в соответствии с поставленным диагнозом; осуществлять алгоритм выбора медикаментозной и немедикаментозной терапии больным детям и подросткам с инфекционными и неинфекционными заболеваниями и т. д. Все это описывается в дневнике производственной практики. Являясь одним из важных документов студента во время его обучения в вузе, он фиксирует ход практики, процесс формирования и совершенствования профессиональных умений и навыков на основе полученных теоретических знаний, например, о правилах санитарно-гигиенического режима пребывания больных в медицинских организациях, об основных манипуляциях и процедурах. В системе учебной документации дневник производственной практики относится к группе первичной учебной документации. Именно поэтому он может рассматриваться как учебный документ.

Если толковать медицинские документы как «специальные формы документации, ведущиеся медицинским персоналом, в которых регламентируются действия, связанные с оказанием медицинских услуг» (см.: [Приказ Минздрава России от 22.01.2001 № 12]), то по содержанию рассматриваемый документ является медицинским, поскольку предназначен для записей о состоянии больного и фиксации деятельности медика по уходу за ним.

Дневник производственной практики студента-медика – это документ, в котором, как мы уже отмечали, фиксируется применение теоретических знаний студентов на практике, в нем подробно описан ход выполнения заданий руководителя, следовательно, он соотносится с таким документом, как *задание*, пред-

шествующее дневнику практики. К дневнику прилагается *направление*, которое студент получает после сдачи всех экзаменов и обязательно представляет вместе с учетной и отчетной документацией аттестационной комиссии на зачете.

Таким образом, можно говорить о том, что дневник производственной практики входит в систему документов.

В целях выявления композиционной и речевой организации были проанализированы 150 дневников производственной практики студентов разных курсов Астраханского государственного медицинского университета. Единого стандарта, регламентирующего форму данного документа на федеральном уровне, не существует. Требования к форме и содержанию дневника производственной практики были утверждены Ученым советом университета в 2015 году.

Композиционно-содержательная структура дневника

Структурность документа рассматривается М.В. Косовой как сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях, как тесная взаимосвязь элементов и подсистем, обеспечивающая его целостность и тождественность. Исследование структуры документа предполагает выявление особенностей его внутреннего строения, набора составных частей и элементов, позволяющих обеспечивать более эффективный поиск содержащейся в документе информации [Косова, 2016, с. 9].

Как любой документ, дневник производственной практики содержит реквизиты. К ним относим: наименование организации, справочные данные о ней, наименование вида документа, отметку о контроле, текст, место составления, гриф утверждения, заголовки, печать, дату заполнения и прохождения практики, подпись, отметку об исполнителе.

С точки зрения композиционной структуры дневник практики состоит из титульного листа и основной части, включающей несколько разделов.

«Титульный лист» содержит информацию о вузе, назначении практики (должность младшего медицинского персонала, помощника

палатной медицинской сестры, ассистента врача и т. д.), Ф.И.О. студента, группу, факультет.

«Общие сведения» включают информацию о месте прохождения практики (ГБУЗ АО «Городская клиническая больница им. С.М. Кирова»), отделении (хирургическое), количестве коек (45), Ф.И.О. руководителя практики от медицинского учреждения (Демидова А.С.) и руководителя практики от вуза (Калмыкова Д.С.), сроки прохождения практики (с 20 июня 2018 года по 18 июля 2018 года).

«Программа производственной практики» (с указанием целей и задач, разделов «Студент должен знать» и «Студент должен уметь», перечня дисциплин «Уход, терапия», «Профилактика заболеваний зубов», «Детские болезни» и т. д., усвоение которых необходимо для успешного выполнения программы практики, перечня практических умений и навыков). В данном разделе подробно охарактеризована цель производственной практики: *приобретение умений по уходу за больными, использованию медицинского оборудования и инструментария, опыта самостоятельной профессиональной деятельности* и т. д.

«Примечание» (ссылка на нормативы, используемые при работе в медицинском учреждении, рекомендации по применению правил внутреннего распорядка лечебно-профилактических учреждений и т. д.).

«Памятка для студента» (порядок оформления дневника и получения зачета по практике, образец заполнения дневника производственной практики).

«Примерные темы» для санитарно-просветительской работы студентов во время прохождения практики (проведение бесед, подготовка санбюллетеней, информационных стендов).

«Содержание работы» (с указанием даты и подписи руководителя практики от учреждения). Этот раздел составляет основную часть дневника.

«Перечень практических умений и навыков» (таблица с указанием навыков и выполненного объема работы).

«Характеристика студента», в которой отражается: а) уровень теоретической подготовки; б) владение практическими навыками; в) освоение знаний деонтологии. В данном разделе руководитель дает оценку работе студен-

та (освоил компетенции, понял сущность и социальную значимость будущей профессии, умеет принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях) и т. д. Характеристика заверяется печатью лечебного учреждения, подписями старшей медицинской сестры, руководителя практики от лечебно-профилактического учреждения, главного врача лечебно-профилактического учреждения.

В дневнике выставляется оценка работы студента.

Информация в разделе «Содержание работы» свидетельствует о закреплении и углублении знаний об основных этапах работы, особенностях наблюдения и ухода за больными с заболеваниями различных органов и систем с позиций младшего медицинского персонала, помощника врача и т. д. В этом разделе автор (студент) ежедневно фиксирует свои действия: 1) относительно себя (применила защитную одежду, оценила результат, обработала руки); 2) больного (температура высокая, сыпь, высокое давление, глаза красные, вялый, кариез, цианоз). Детализация описания создает ситуационную модель, позволяющую актуализировать знания, связанные с конкретной ситуацией, репрезентируемой в процессе практики через дневник (текст). Следовательно, в дневнике (тексте) отражается имеющийся у студента опыт. Он стремится к тому, чтобы «языковое выражение отражало точность объективного мышления, а слова приближались к логическим понятиям, а предложения к суждениям» [Маджаева, 2011, с. 26]. В этой связи актуальным представляется мнение С.В. Ионовой о том, что документный текст «сопровождает процесс коммуникации», обеспечивает социальное существование индивида, поэтому «такие практические умения, как понимание содержания текста, оформление его в виде документа... входят в число формируемых умений и навыков» [Ионова, 2018, с. 11].

Композиционно-содержательная структура дневника производственной практики свидетельствует о его комплексности: это медицинский и учебный документ.

Речевая организация текста

Основной целью дневника производственной практики является фиксация и пе-

редача информации о предпринятых мероприятиях с целью улучшения состояния пациента и применения студентом теоретических знаний. Этот документ выполняет следующие функции:

– информационную, поскольку в нем отражается текущая деятельность студента, при этом информацию в дневнике можно считать оперативной. Кроме того, в нем полно, объективно, достоверно и оптимально описываются мероприятия, проведенные студентом. Например, при измерении давления студент подробно характеризует действия врача: *Обнажить руку пациента, расположив ее ладонью вверх, на уровне сердца. Наложить манжету тонометра на плечо пациента. Постепенно произвести нагнетание воздуха грушей тонометра до исчезновения пульса. Исчезновение пульса фиксируется исследователем пальпаторно. Этот уровень давления, зафиксированный на шкале тонометра, соответствует систолическому давлению. Спустить воздух из манжеты тонометра и подготовить прибор для повторного накачивания воздуха. Использование специальных единиц (терминов) создает информационную емкость текста;*

– коммуникативную, поскольку информация предназначена для руководителя, который должен оценить действия студента, и соотносима с заданием, которое дано студенту руководителем;

– учебно-дидактическую, поскольку на основании дневника преподаватель может оценить практическую деятельность студента вне учебного заведения. Кроме того, в результате подробного описания процесса прохождения производственной практики в дневнике студент определяет уровень собственной подготовки к профессиональной деятельности.

Как мы отметили выше, основной частью дневника является раздел «Содержание работы». В нем студентом описываются главным образом манипуляции, совершенные по алгоритму: *В моечной из воздушного стерилизатора выгрузила стерильные пробирки, соблюдая все правила санэпидрежима. Промыла под проточной водой и загрузила в дезинфицирующий раствор*

грязные пробирки; Измерила давление пациентам отделения: 1) наложив манжету на плечо; 2) постепенно произвела нагнетание воздуха грушей тонометра до исчезновения пульса; 3) спустила воздух, последний стук соответствует диастолическому давлению; 4) записала результат в медицинскую документацию. Приведенные примеры свидетельствуют о наличии в дневнике практики фактуальной информации, позволяющей адекватно передать знания, полученные студентом при прохождении практики. Информация о проделанной работе излагается полно, автор подробно описывает все этапы проведения медицинских манипуляций. Эта информация относится к учебной деятельности и будущей профессиональной сфере студента. В дневниках студентов 1-го курса описаны манипуляции медсестры, студентов 3–5-х курсов – действия врача. Для студента 1-го курса полное понимание смысла прохождения практики возможно только через несколько лет, когда расширится тезаурус, отражающий профессиональную картину мира.

Одной из черт документного текста является его терминированность. В исследуемых дневниках функционируют термины, которые отражают понятийный аппарат предметной области медицины и характеризуют научную коммуникацию. Основное свойство терминов заключается в фиксации в них определенного знания, без которого невозможна деятельность в профессиональных сферах. Анализ их употребления в дневниках практики студентов разных курсов свидетельствует об аккумуляции и углублении профессионального знания, становлении языковой картины мира специалиста-медика.

Нами была выявлена закономерность в использовании терминов различных тематических групп. Под тематическими группами принято понимать «совокупность слов разных частей речи по их сопряженности с одной темой на основе экстралингвистических параметров» [Жеребило, 2010, с. 400]. Тематическая группа определяет «лексическое наполнение текста, избираемую совокупность слов» [Косова, 2016, с. 12]. Для дневников студентов 1-го и 2-го курсов характерно употребление терминов тематической группы «Предме-

ты и устройства, используемые в медицинских учреждениях» (термометр, судно, тонометр, фонендоскоп, мочеприемник, турунда, газоотводная трубка). В дневниках студентов 3-го курса появляются термины тематической группы «Процедуры» (внутривенное, внутримышечное введение, капельница, осмотр зева, катетеризация мочевого пузыря, внутривенное вливание, рентгенография грудной клетки, внутримышечное вливание). Количество тематических групп увеличивается в текстах дневников 4-го и 5-го курсов: «Симптомы болезни» (признак Вастена, поза Ромберга, акцент второго тона, высокая температура, хрипы в правом легком, одышка, кашель), «Диагноз» (поликистома левого яичника, пневмоклероз, железodefицитная анемия, тубулоинтерстициальный нефрит, вторичная артериальная гипертензия, интерстициально-субсерозная миома, пневмония), «Методы лечения» (канальное выскабливание, тубэктомия, инфузионная терапия, аппендэктомия). В дневниках студентов 4-го и 5-го курсов использованы сокращения латинских терминов, принятые в медицинской практике: *A. V.* (анамнез жизни), *A. M.* (анамнез болезни), *DS* (диагноз), *Ps* (пульс), *Rp* (рецепт), *Abs.* (отсутствует). Считаем, что в данном случае сокращения выполняют не только функцию оптимизации профессиональной коммуникации, но и выражают причастность автора к особому знанию, подчеркивают закрытость медицинского текста для реципиента-непрофессионала.

Тематические группы, выявленные в дневниках студентов разных курсов, свидетельствуют о профессиональном росте обучающегося, увеличении объема медицинских знаний и умении их применения. Знание лексики разных тематических групп поможет студентам в будущем: при оформлении амбулаторной карты, истории болезни и др.

Особое место среди языковых единиц, объективирующих состояние, деятельность, процессы, занимают общеупотребительные слова, без которых нельзя охарактеризовать работу студента.

Это прежде всего существительные, использованные для описания санитарного режима (перчатки, маска, полотенце, халат,

мебель, белье, обработка, уборка) и принятых в медицине алгоритмов действий (*измерение, результат, данные, кормление, сбор, смена, осмотр, транспортировка*). Наряду с существительными авторы используют глаголы. Было выделено двенадцать наиболее употребительных глаголов: *измерить, провести, транспортировать, осуществить, раздать, примерить, убрать, помочь, сопроводить, осуществить, оценить, кормить*. В дневнике глаголы, вербализуя действия студента-практиканта, медсестры или врача, употребляются в прямых значениях: *умыл больного, раздал вечерние лекарства, обработал руки*. Кроме того, используются глаголы, указывающие на изменение состояния пациента (*повысилось давление, увеличился сахар, дышит часто, прихрамывает, госпитализирован в связи с тахикардией*). Речевая организация дневника производственной практики детерминирована его коммуникативной целью.

Заключение

Дневник производственной практики как документ отражает процесс становления специалиста, формирования профессиональных компетенций: от приобретения новых теоретических знаний и отработки простейших навыков до освоения профессиональной этики и формирования особого мышления. Дневник является сложным в композиционном и языковом плане документом, содержащим медицинские термины, количество и тематическая принадлежность которых зависит от курса обучения студента. Документ выполняет информационную, коммуникативную, учебно-дидактическую функции. Он отражает личностный уровень восприятия студента как будущего специалиста-медика. Вслед за Е.Ю. Гагариной считаем, что данный уровень является одним из основных составляющих личности врача [Гагарина, 2018, с. 40].

Дальнейшее исследование дневника производственной практики в сопоставительном аспекте позволит расширить представление о закономерностях порождения текста и будет способствовать оптимизации учебного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования (утв. приказом Ростехрегулирования от 12.03.2007 № 28-ст).
- ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст).
- Антонова Н. Ю., 2011. Коммуникативная точность специального текста: на материале инструкций по применению лекарственных препаратов : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 197 с.
- Берсенева Е. А., Седов А. А., 2014. Автоматизированный лексический контроль как средство повышения качества медицинских документов // Менеджер здравоохранения. № 2. С. 49–53.
- Великанова С. С., Коробков Ю. Д., Куприянова Е. В., 2014. Новый вид документа в системе обязательного медицинского страхования – временное свидетельство, подтверждающее оформление полиса и удостоверяющее право на бесплатное оказание им медицинской помощи медицинскими организациями при наступлении страхового случая. Особенности его учета, инвентаризации, хранения и уничтожения // Научная мысль: традиции и инновации : сб. науч. тр. с междунар. участием. Краснодар. С. 159–166.
- Гагарина Е. Ю., 2018. Бренд врача в социальной сети // Термины в коммуникативном пространстве : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием «Дискурсология, терминология, экология языка в современной лингвистике». Астрахань : Изд-во Астрах. ГМУ. С. 37–42.
- Галкина С. Ф., 2012. Медицинская карта амбулаторного больного как жанр естественной письменной речи: к постановке проблемы // Вестник КемГУ. Т. 3, № 4 (52). С. 110–114.
- Горюнова В. В., Баулина О.В., Снопкова Е.А., Прошин Д. А., 2015. Основная классификация электронных медицинских документов // Международный студенческий научный вестник. № 3-1. С. 136–137.
- Жеребило Т. В., 2010. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим. 487 с.
- Ионова С. В., 2018. Лингвистика текста в стремлении к точности и широте // Вестник Волгоградского государственного университета. Се-

- рия 2, Языкознание. 2018. Т.17, № 2. С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.1>.
- Какзанова Е. М., 2014. Сокращения в медицинских текстах и особенности их перевода // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 3. С. 80–88.
- Косова М. В., 2016. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (30). С. 7–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1>.
- Кушнерук С. П., 2008. Документная лингвистика: научно-практические задачи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. С. 52–56.
- Ларьков Н. С., 2006. Документоведение. М. : АСТ : Восток-Запад. 427 с.
- Маджаева С. И., 2011. Лингвистическая характеристика медицинского документа «История болезни» // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. № 2 (56). С. 24–27.
- Маджаева С. И., 2016. Функции медицинского документа «История болезни» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (30). С. 147–151. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.20>.
- Мокина Е. Е., Марухина О. В., Шагарова М. Д., 2015. Подходы к разработке информационной системы поддержки формирования документов при оказании высокотехнологичной медицинской помощи // Фундаментальные исследования. № 2-9. С. 1857–1861.
- Мульганова Т. Б., 1997. Структурные и прагматические особенности текстов медицинских документов (на материале судебно-медицинских экспертиз) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 147 с.
- Приказ Минздрава России от 22.01.2001 № 12 «О введении в действие отраслевого стандарта “Термины и определения системы стандартизации в здравоохранении”».
- Ромашова О. В., 2014. Жанрово-стилевая организация медицинской карты стационарного больного // Фундаментальные и прикладные исследования: новое слово в науке : междунар. науч.-практ. конф. М. : Научное обозрение. С. 107–115.
- Рудова Ю. В., 2006. Содержательно-композиционные особенности медицинского буклета как жанра письменного медицинского дискурса // Гуманитарное образование и медицина : сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. мед. ун-та. Т. 63, вып. 1. С. 255–261.
- Сухарева Е. Е., Черникова Е. Е., 2014. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте специального перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 115–120.
- Токарев Г. В., 2016. Документный и художественный тексты в аспекте реализации их признаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (30). С. 77–81. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.9>.
- Тюрикова Н. А., 2013. Лингвистические аспекты стандартизации и унификации терминологии отрасли («документоведение и архивоведение») // Вестник Московского государственного областного университета. № 1. URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/277>.
- Янковая В. Ф., 2011. Документная лингвистика. М. : Академия. 288 с.

REFERENCES

- GOST R ISO 15489-1-2007. *Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatelskomu delu. Upravlenie dokumentami. Obshchie trebovaniya (utv. prikazom Rostekhregulirovaniya ot 12.03.2007 № 28-st)* [The System of Standards on Information, Library and Publishing. Document Management. General Requirements (Approved by the Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of 12 March 2007 no. 28-ст)].
- GOST R 7.0.8-2013. *Natsionalnyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatelskomu delu. Deloproizvodstvo i arkhivnoe delo. Terminy i opredeleniya (utv. prikazom Rosstandarta ot 17.10.2013 № 1185-st)*. [National Standard of the Russian Federation. The System of Standards on Information, Library and Publishing. Paper Work and Archival Issues. Terms and Definitions (Approved by the Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of 17 October 2013 no. 1185-ст)].
- Antonova N.Yu. *Kommunikativnaya tochnost spetsialnogo teksta: na materiale instruksiy po primeneniyu lekarstvennykh preparatov: dis. ... kand. filol. nauk.* [Special Text Communicative Accuracy: On Material of Instruction for Using Medicines. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2011. 197 p.
- Berseneva E.A., Sedov A.A., 2014. *Avtomatizirovannyi leksicheskiy kontrol kak sredstvo povysheniya kachestva meditsinskikh dokumentov* [Automated Lexical Control as a Medical Document's Quality Control Improvement

- Instrument]. *Menedzher zdravookhraneniya* [Manager of Health Care], no. 2, pp. 49-53.
- Velikanova S.S., Korobkov Yu.D., Kupriyanova E.V., 2014. *Novyy vid dokumenta v sisteme obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya – vremennoe svidetel'stvo, podtverzhdayushchee oformlenie polisa i udostoverayushchee pravo na besplatnoe okazanie im meditsinskoy pomoshchi meditsinskimi organizatsiyami pri nastuplenii strakhovogo sluchaya. Osobennosti ego ucheta, inventarizatsii, khraneniya i unichtozheniya* [New Type of Document in the System of Compulsory Health Insurance Provisional Certificate Confirming Polisy Issuance and Certifying the Right to Free Medical Assistance by Medical Institutions When an Insured Event Occurs. Features of Its Accounting, Inventory, Storage and Destruction]. *Nauchnaya mysl: traditsii i innovatsii: sb. nauch. tr. s mezhdunar. uchastiem* [Scientific Thought: Tradition and Innovation – Collection of Scientific Publications with International Participation]. Krasnodar, pp. 159-166.
- Gagarina E.Yu., 2018. *Brend vracha v sotsialnoy seti* [Brand of the Doctor in the Social Network]. *Terminy v kommunikativnom prostranstve: materialy nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem «Diskursologiya, terminologiya, ekologiya yazyka v sovremennoy lingvistike»* [Terms in the Communicative Space. Materials of the Scientific-Practical Conference with International Participation «Discoursology, Terminology, Language Ecology in Modern Linguistics»]. Astrakhan, Izd-vo Astrakhanskogo GMU, pp. 37-42.
- Galkina S.F., 2012. *Meditsinskaya karta ambulatornogo bolnogo kak zhanr estestvennoy pismennoy rechi: k postanovke problemy* [Outpatient's Card as a Natural Writing Genre (The Problem Formulation)]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 3, no. 4 (52), pp. 110-114.
- Goryunova V.V., Baulina O.V., Snopkova E.A., Proshin D.A., 2015. *Osnovnaya klassifikatsiya elektronnykh meditsinskikh dokumentov* [The Main Classification of Electronic Medical Documents]. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*, no. 3-1, pp. 136-137.
- Zherebilo, T.V., 2010. *Slovar lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop.* [Dictionary of Linguistic Terms. 5th Edition, Revised and Enlarged]. Nazran, Pilgrim Publ. 487 p.
- Ionova S.V., 2018. *Lingvistika teksta v stremlenii k tochnosti i shirote* [Text Linguistics in the Struggle for Precision and Comprehension Coverage]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol.17, no. 2, pp. 6-14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.1>
- Kakzanova E.M., 2014. *Sokrashcheniya v meditsinskikh tekstakh i osobennosti ikh perevoda* [Translating Abbreviations in Medical Texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [The Moscow University Herald, Series 22, Translation Theory], no. 3, pp. 80-88.
- Kosova M.V., 2016. *Metod dokumentovedcheskogo analiza v lingvisticheskikh issledovaniyakh: sodержanie i tseli* [Documental Analysis Method in Linguistic Research: Content and Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 7-17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1>.
- Kushneruk S.P., 2008. *Dokumentnaya lingvistika: nauchno-prakticheskie zadachi* [Documental Linguistics: Scientific-Practical Tasks]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], pp. 52-56.
- Larkov N.S., 2006. *Dokumentovedenie: uchebnoe posobie* [Document Control: Training Manual]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., Part 1, 427 p.
- Madzhaeva S.I., 2011. *Lingvisticheskaya kharakteristika meditsinskogo dokumenta «Istoriya bolezni»* [Linguistic Characteristics of a Medical Document “Medical Report”]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsialno-pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 2 (56), pp. 24-27.
- Madzhaeva S.I., 2016. *Funktsii meditsinskogo dokumenta «Istoriya bolezni»* [Functions of Medical Document “Clinical Record”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 147-151. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.20>.
- Mokina E.E., Marukhina O.V., Shagarova M.D., 2015. *Podkhody k razrabotke informatsionnoy sistemy podderzhki formirovaniya dokumentov pri okazanii vysokotekhnologichnoy meditsinskoy pomoshchi* [Approaches to Developing Information System to Support the Documents Generation for the Provision of High-tech Medical Care]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental research], no. 2-9, pp. 1857-1861.

- Mulganova T.B., 1997. *Strukturnye i pragmaticheskie osobennosti tekstov meditsinskikh dokumentov (na materiale sudebno-meditsinskikh ekspertiz): dis. ... kand. filol. nauk* [Structure and Pragmatic Features of Medical Document Texts: On the Material of Forensics. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd. 147p.
- Prikaz Minzdrava Rossii ot 22.01.2001 № 12 «O vvedenii v deystvie otraslevogo standarta "Terminy i opredeleniya sistemy standartizatsii v zdravookhranении"» [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 22 January 2001 no. 12 "On Introducing 'Terms and Definitions of the Standardization System in Health Care' Industry Standard"]].
- Romashova O.V., 2014. Zhanrovo-stilevaya organizatsiya meditsinskoy karty statsionarnogo bolnogo [Genre and Style Organization of Medical Records of Inpatients]. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya: novoe slovo v nauke: mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Fundamental and Applied Research: A New Word in Science: International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Nauchnoe obozrenie Publ., pp. 107-115.
- Rudova Yu.V., 2006. *Soderzhatelno-kompozitsionnye osobennosti meditsinskogo bukleta kak zhanra pismennogo meditsinskogo diskursa* [Substantial, Compositional Features of Medical Leaflet as a Writing Medical Discourse]. *Gumanitarnoe obrazovanie i meditsina: sb. nauch. tr. Volgograd* [Humanitarian Education and Medicine (Collection of Scientific Publications)]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, vol. 63, iss. 1, pp. 255-261.
- Sukhareva E.E., Chernikova E.E., 2014. Problemy perevoda meditsinskogo diskursa v kontekste sotsialnogo perevoda [The Problem of Medical Discourse Translation in the Context of Social Translation]. *Vestnik voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 115-120.
- Tokarev G.V., 2016. Dokumentnyy i khudozhestvennyy teksty v aspekte realizatsii ikh priznakov [Features of Document and Literary Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 77-81. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.9>.
- Tyurikova N.A., 2013. Lingvisticheskie aspekty standartizatsii i unifikatsii terminologii otrasli («dokumentovedenie i arkhivovedenie») [Linguistic Aspects of Standardization and Unification of Branch Terminology ("Document and Archival Sciences")]. *Elektronnyy zhurnal «Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta»* [Bulletin of the Moscow Region State University (Electronic Journal)], no. 1. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/277>.
- Yankovaya V.F., 2011. *Dokumentnaya lingvistika: uchebnyy* [Document Linguistics: Textbook]. Moscow, Akademiya Publ. 288 p.

Information about the Authors

Sanya I. Madzhaeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Latin and Foreign Languages Department, Astrakhan State Medical University, Bakinskaya St., 121, 414000 Astrakhan, Russia, sanya-madzhaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8478-9616>

Liliya V. Epanchina, Head of Preparatory Department, Astrakhan State Medical University, Bakinskaya St., 121, 414000 Astrakhan, Russia, lako.90@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0772-7638>

Информация об авторах

Санья Ибрагимовна Маджаева, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет, ул. Бакинская, 121, 414000 г. Астрахань, Россия, sanya-madzhaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8478-9616>

Лилия Васильевна Епанчина, заведующая подготовительным отделением, Астраханский государственный медицинский университет, ул. Бакинская, 121, 414000 г. Астрахань, Россия, lako.90@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0772-7638>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.7>

UDC 81'1:008
LBC 81.006.3

Submitted: 28.01.2019
Accepted: 22.04.2019

CONCEPTUALIZATION OF CONSCIENCE AND CONSCIENTIOUSNESS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE ¹

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China

Ella A. Kitanina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The paper deals with a conceptual representation of interrelated notions *conscience* and *conscientiousness* in the Russian language and culture that are viewed as interrelated cognitive phenomena reflected in the Russian verbs *znat'* – *vedat'*. Each concept is observed within a set of notions, images and values. Conceptualization of *conscience* is defined through self-evaluation of actions regarded as required and prescribed; its image is encoded in conceptual and biomorphemic metaphors that establish either moral or utilitarian rules of behavior by pointing to their correlation with an ideal judgment about personal relations. The notion of *conscientiousness* is described as meaningful existence, its worldview perception is associated with a container, a mirror or a living being, the value is referred to identification of personality. *Conscience* and *conscientiousness* are discourse specific, their moral-and-ethical aspect is discussed in everyday conversations, fiction, religious and mass-media spheres whereas rational-and-philosophical issues are predominantly touched upon in scientific and pedagogical communication. From the perspective of rationality *conscience* is explained in terms of *conscientiousness*, moral awareness, a logical system of concepts viewed as a fragment of the world perception. Contradiction between two concepts under study is characterized in terms of antinomy «Mind :: Heart», it strengthens the inner personality by language conceptualization of *conscience* and *conscientiousness*.

Key words: knowledge, information, self-evaluation, worldview, concept, semantics.

Citation. Karasik V.I., Kitanina E.A. Conceptualization of Conscience and Conscientiousness in the Russian Language and Culture. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 67-82. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.7>

УДК 81'1:008
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 28.01.2019
Дата принятия статьи: 22.04.2019

ОСМЫСЛЕНИЕ СОВЕСТИ И СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ¹

Владимир Ильич Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Тяньцзиньский университет иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китай

Элла Анатольевна Китанина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается концептуальная диада «совесть» и «сознание» в русской лингвокультуре, выражающая бинарную сущность глубинного и поверхностного знания, отраженную в корнях слов *ведать* и *знать*. Выявлены понятийные, образные и ценностные признаки этих ментальных образований. Показано, что концептуализация совести в понятийном аспекте разворачивается как оценка человеком своих поступков с точки зрения данного и должного, конкретизируется в образном плане в предметных и биоморфных метафорах и содержит в ценностном измерении моральные и утилитарные предписания вести себя в соответствии с идеальным представлением о человеческих взаимоотношениях. Концептуализация сознания в понятийном плане проявляется как выделение признаков осмысленного бытия, в образно-перцептивном – вместилище, зеркало и живое существо, в ценностном – главный индикатор личности. Отмечено, что дискурсивная специфика осмысления совести и сознания состоит в том, что морально-этическая тематика затрагивается преимущественно в обиходной, художественной, религиозной и публицистической сферах общения, в то время как рационально-философская – в научной и педагогической сферах коммуникации. Показано, что с позиций рационального объяснения внутреннего мира человека совесть выступает как разновидность сознания, с позиций смысложизненных ценностей сознание является рационально организованной системой представлений о действительности как часть целостного мировосприятия. Сделан вывод о том, что противопоставление двух основных типов знания соответствует важнейшей антиномии «сердце и ум», организующей внутренний мир человека в том числе через языковое осмысление совести и сознания.

Ключевые слова: знание, информация, самооценка, картина мира, концепт, семантика.

Цитирование. Карасик В. И., Китанина Э. А. Осмысление совести и сознания в русской лингвокультуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 67–82. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.7>

Введение

Слова *совесть* и *сознание* часто используются в речи и выражают важные концепты, характеризующие внутренний мир человека. Корни этих слов синонимичны и обозначают обладание сведениями, информацией (*ведать* и *знать*). Во многих языках идея знания репрезентирована в виде бинарного смыслового образования, в котором противопоставляется поверхностное и глубинное знание (в немецком *wissen* и *kennen*, во французском *savoir* и *connaître*, в английском *to be aware of* и *to know*). Интересно, что по мере развития языка соотношение этих видов знания может зеркально изменяться: в современном русском глагол *знать* связан с обычным обладанием информацией, в то время как архаичный глагол *ведать* осмысливается как глубокое проникновение в суть вещей. В прошлом же слово *ведать*, этимологически восходящее к индоевропейскому корню со значением «видеть, замечать», характеризовало непосредственное восприятие объекта, а слово *знать* относилось к постижению его скрытых качеств. В этой связи интересна трансформация исход-

ной смысловой оппозиции в производных словах, обозначающих иные концепты.

Глаголы знания неоднократно привлекали к себе внимание исследователей [Бажжани, 1995; Горбачевич, 1955; Дмитровская, 1985; Зиброва, 1973; Злобина, 1976; Ивина, 1975; Ндьай, 2002; Прокопенко, 1999; Хомутова, 1972]. В качестве дифференциальных признаков лингвистически релевантного феномена «знание» выделяются его обоснованность (непосредственный опыт, логический вывод и знания «из вторых рук»), динамика (владение знанием и его приобретение) и типы (*знать, что...*, *знать о*, *знать, как*). В работах лингвистов основное внимание уделяется сочетаемостным свойствам соответствующих глаголов. Философов интересует степень достоверности знания (соответствие истине), различие между опытным и врожденным знанием, познаваемость мира, верифицируемость знаний. Психологи стремятся обосновать характеристики субъективного знания, определяют различия между фундаментальным и ориентационным, теоретическим и практическим, научным и житейским типами знания. Эти характеристики специфически преломляются в семантике слов *совесть* и *сознание*.

Понятийные характеристики осмысления совести и сознания

Концептологический подход к определению и объяснению мира предполагает выделение понятийной, образной и ценностной стороны осмысливаемого фрагмента реальности [Карасик, 2002].

Понятийные характеристики концепта содержатся в толкованиях слова, выражающего соответствующий концепт, в словарях и справочниках.

Совесть определяется в толковом словаре как «чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения» (БАС).

Сознание определяется как «восприятие и понимание окружающего, свойственные человеку; ум, разум; способность осмысленно воспринимать окружающее (противопол. беспамятство)» (БАС).

Обратите внимание на общее направление уточнения знания в семантике производных слов: обладание информацией развивается в двух направлениях – чувство и разум. Иначе говоря, субъект, зная о том, что он совершает, готов принять на себя вину за последствия своих поступков, с одной стороны, и объяснить себе и другим, что происходит, – с другой.

Совесть представляет собой важнейшую этическую категорию и поэтому осмысление этого концепта детально представлено в работах по этике и социальной психологии [Анненкова, 2010; Барсукова, 2013; Библер, 1990; Воловикова, 2011; Воловикова, Мустафина, 2012; Знаков, 1999; Мустафина, 2016; Симонов, 1985; Сундуй, Бадмаева, 2013]. Отмечено, что совесть – это способность личности осуществлять самоконтроль, внутреннее Я человека, удерживающее его от дурных поступков и производящее самооценку совершенных действий. Она трактуется как индивидуализированное отражение коллективной позиции социума, способность выходить за пределы своей единичности, осознание долга перед обществом и своим идеалом Я. Эмпирические исследования психологов свидетельствуют о том, что существует возрастная

динамика осмысления совести: детям свойственно акцентировать угрызения совести, пожилым людям – определять ее как главное условие внутреннего спокойствия и гармонии.

К изучению совести в понятийном аспекте неоднократно обращались лингвисты [Арутюнова, 2000; Бочкарёв, 2016; Верещагин, Костомаров, 2005; Витязев, 2010; Ермакова, 2000; Загоровская, Шевченко, 2014; Колосова, 1998; Литвинов, 2013; 2015; Маркевич, 2009; Мусаева, 2014; Муфазалова, 2011; Отарова, 2015; Панова, 2018; Пименов, 2004; Степанов, 2004; Стефанский, 2008; Урысон, 2000; Шахманова, 2008]. Приведем весьма точное определение этого понятия: совесть – «способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам, вследствие чего менять свои действия, мысли и чувства так, чтобы они этим нормам соответствовали» [Урысон, 2000, с. 186]. В филологических исследованиях показана тесная связь совести и души, совести и разума, совести и воли. Отмечено, что сущность совести, как и других социооценочных концептов, которые регулируют отношение к Другому, требует соблюдения ряда условий: «1) наличие системы конвенциональных правил – этических, этикетных, эстетических; 2) оценка Другим (другими, социумом) поступка, поведения, действия или облика Эго относительно той или другой системы норм; 3) реакция Эго на оценку Другого» [Арутюнова, 2000, с. 56–57]. Отсюда закономерно следует вывод о совести как координаторе сознания и воли. Подчеркивается существенное различие между стыдом и совестью как взглядом извне и «автономным компонентом внутреннего человека» [Арутюнова, 2000, с. 58]. Отмечено, что совесть осмысливается как внутренний и внешний императив, то есть как внутреннее знание и внешний заданный закон [Степанов, 2004, с. 770].

Сознание считается одной из важнейших категорий философии и психологии и трактуется учеными как отраженное и осмысленное бытие, состояние психической жизни человека, выражающееся в переживании событий внешнего мира и жизни самого индивида, явное и неявное знание о мире и о себе, вклю-

чающее чувственные образы, значения и личностные смыслы [Лекторский, 2010; Леонтьев, 2004; Рубинштейн, 2003; Спиркин, 1972].

Отметим, что понятийные аспекты концептов «совесть» и «сознание» отражают тесную связь этих ментальных образований с близкими концептами, и поэтому в ряде работ они рассматриваются как кластерные образования («честь», «совесть», «порядочность», «стыд», «вина») [Воркачев, 2016; Гучепшкова, 2011; Дженкова, 2005; Нурмухамбетова, 2004; Отарова, 2015; Яндиева, 2010; Ausubel, 1955; Klass, 1990; Tangney, 1995].

Образные характеристики осмысления совести и сознания

Образный компонент лингвокультурного концепта представлен в перцептивном и метафорическом выражении. Применительно к предметным объектам осмысление их в виде концептов фиксируется как образы этих объектов, в то время как абстрактные ментальные сущности осмысливаются как некие типизируемые ситуации, включающие отношения между людьми, действия и поступки, мимические и вербальные реакции участников общения, сравнения, которыми пользуются люди для описания таких ситуаций. Характеристика образного компонента концептов осуществляется путем приведения иллюстративных высказываний, в которых употребляются слова, выражающие соответствующие концепты, а также с помощью анкетирования информантов, которым предлагалось задание с примерной формулировкой «Какую ситуацию обычно представляют себе, когда думают о совести». Приведем данные Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Экземплификация образного осмысления совести в завершенных высказываниях дает возможность установить следующие ассоциации.

Совесть сравнивается с объектом, который может быть загрязнен и должен быть очищен: *Моя совесть чиста. Я сделал все, что было в моих силах* (О. Павлов).

Отметим, что слово *чистый* в выражении *чистая совесть* допускает противопоставление только с прилагательным *нечистый* (словосочетание *грязная совесть* не отмече-

но, хотя есть *греховная совесть*): *Да, жалок тот, в ком совесть нечиста* (А.С. Пушкин).

В советских исправительно-трудовых лагерях часто был вывешен лозунг *На свободу – с чистой совестью*.

Из приведенных примеров вытекает вывод о том, что для очищения совести нужны определенные усилия и обстоятельства, при этом чистая совесть дает человеку чувство удовлетворенности и собственного достоинства.

Объектное осмысление совести выражается в возможности ее утраты, обычно говорят о потере совести: *Дедушка у нас на юге всякую совесть потерял, – засмеялась Анна* (А. Куприн); *И небо поважничало, но, так и не дождавшись молитв ни от мирян, ни от своих заматеревших вассалов, сдвинуло тучи и, брюзжа громами и сыпля молниями, окатило утративший всякую совесть, распоясавшийся город* (А. Снегирев).

В приведенных примерах заслуживает внимания атрибут *всякая совесть*, то есть совесть как таковая, в минимальном ее проявлении.

Потеря совести осуждается, но еще большего осуждения заслуживает сознательное избавление от нее: *По старым шляхетским понятиям для человека благородного происхождения предосудительно было заниматься ремеслом, промыслом или торговлей; но шляхтич не стыдился лакействовать, продавать свою совесть, нищенствовать, а при случае грабить и воровать* (А. Алексеев).

Продажа совести может сравниваться со сделкой с дьяволом, то есть продажей души. Человек может украсть у себя совесть: *Как гласит поговорка, не крадите у себя совесть, и будете в прибыли* (В. Дубовский).

Совесть должна быть неподкупной: *Пусть твой дедушка передаст свой ум, свою неподкупную совесть, свое знание света, а твоя милая прелестная бабушка свою доброту, необыкновенную чуткость и отзывчивость на все хорошее в жизни и любви* (А. Колмогоров).

Разновидностью утраты совести является указание на пьянство как способ осуществления такого поведения: *Соседи спяну сломали им забор, и теперь чужие куры бу-*

дут топтать ее грядки, а Михалыч совсем совесть пропил (Т. Толстая).

Совесть сравнивается с телесным повреждением, причиняющим боль или неприятные ощущения: *Узнав о сем, братья Мустыгины бурно возликовали: теперь неугомонно зудящая совесть разрешала им становиться кандидатами наук* (А. Азольский); *...сердце старика покаявала совесть, а разум томило любопытство* (А. Григоренко).

Обратим внимание на то, что словосочетание *больная совесть* становится свернутым обозначением чувства вины и ответственности за совершенные ошибки и нарушения норм нравственности: *Больная совесть – несчастье и достоинство русского интеллигента* (В. Тендряков).

Обостренное ощущение личной вины доставляет человеку мучение, но сознание того, что с этим нельзя спокойно жить, открывает перспективы для исправления.

Это словосочетание становится одним из критериев нравственности: *Важны нравственные критерии: уважение к личности, больная совесть, терпимость к инакомыслию, способность сомневаться в собственной правоте и отсюда склонность к самоиронии и, наконец, что крайне важно, неприятие насилия* (А. Городницкий).

В приведенном высказывании отражены важнейшие требования к человеку с позиций гуманистической этики.

С позиций некоторых современников апелляция к совести является знаком устаревших ценностей: *Он старомодно держался, старомодно одевался и часто оперировал старомодными категориями: «честь, совесть, порядочность...»* (Д. Корецкий). В наши дни прямолинейное выражение подобных призывов часто воспринимается как неестественность, наигранность, патетика.

Способность сохранить совесть в трудных условиях жизни является важнейшим признаком настоящего человека: *Далее не вылезая из тюрем, он сохранил и душу, и совесть, остался человеком* (В. Фомин). Не всем дано сохранить ее в тюрьме.

Трудности и бедствия осмысливаются как испытания совести: *Нет, не умерла священная воронежская земля в адском пламени войны – она лишь «затаилась на вре-*

мя», на целые десятилетия, будто испытывая нашу совесть: можно ли доверить будущему свою тайну? (И. Афанасьев).

Переживание несоответствия своих поступков нравственным нормам концептуализируется как груз на совести: *Ну что же, пусть моя смерть ляжет на твою совесть* (М. Булгаков).

Такой груз тревожит человека, лишая его покоя: *И я начал припоминать все мои дурные поступки, все те поступки, которые некогда тревожили мою совесть* (А. Апухтин).

Этот груз можно с совести снять: *Я пытаюсь как могу облегчить вашу совесть, поясил брат Гуго* (Е. Водолазкин).

Больную совесть можно исцелить хорошим поступком: *Ну вот, передашь деньги, твоя больная совесть и освободится* (А. Володарский).

Следует отметить специфическую метафоризацию выражения *больная совесть* в следующем примере: *Что вы стоите передо мной, как больная совесть?* (Л. Милованова). Люди, к которым обращается говорящий, смотрят на него с немим укором и ожиданием правильного поступка с его стороны. Есть различие между образом на входе и на выходе: в первом случае концепт приобретает образное выражение в сравнении с чем-либо (*жалящая совесть*), во втором имеет место сравнение кого- или чего-либо с устойчивым образом, связанным с этим концептом (*больная совесть*); терминологически это обозначено как интразона и экстразона концепта [Слышкин, 2004].

Людям свойственно стремление успокоить свою больную совесть: *Она не могла понять, что, совершая в отношении ее невиданную миром несправедливость, хозяин хотел хоть немного успокоить свою совесть* (В. Гроссман).

Совесть сравнивается с живым существом, которое может спать и пробуждаться: *Есть у вас соображение, хоть какое-то, я про совесть не говорю? Совесть у вас не ночевала. Месторождение поджечь захотели?* (А. Иличевский); *Война раскрыла глаза народу, пробудила национальную совесть* (П. Струве); *Я помешивал его длинной ложкой и старался разбудить свою*

совесть, но она дремала в глубине души (Ю. Коваль).

Спящая совесть снимает с субъекта ответственность за совершенные поступки.

Совесть может умереть: *Черный соболь ценился в мире дороже всего, а где появляются деньги, там у человека совесть умирает...* (В. Губарев).

Подобно живому существу она может замерзнуть до смерти: *Думали ли вы, что в человеке может замерзнуть, например... совесть?* (В. Короленко).

Пробудившаяся совесть причиняет человеку боль. Часто используется ее сравнение с грызущим зверьком: *То ли она пришла мириться, то ли на что-то жаловаться, а может быть, ее грызла совесть* (Ю. Трифонов); *Поехать-то он поехал, но совесть его заела* (К. Лученко); *А неблагодарного ее сына и через много лет нет-нет да и кусанет совесть, что в труднейшее голодное время он был таким глухим и черствым к родной матери* (Д. Саврасов).

Особенно значимы те примеры, в которых показано, за что совесть терзает человека. Черствость к родителям представляет собой одно из наиболее осуждаемых прегрешений. Обратим внимание на то, что моральные нормы динамичны: если в каноническом тексте Декалога сказано «Чти отца своего и мать свою» (такое поведение акцентирует внешнее выражение уважения), то со временем императивным стало требование любить родителей и заботиться о них.

Переживание несоответствия своих поступков нормам нравственности метафорически выражается как голос совести: *Напрасно возражала она самой себе, что беседа их не выходила из границ благопристойности, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, совесть ее роптала громче ее разума* (А.С. Пушкин); *Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: «Алеша, не гордись!»* (А. Погорельский).

В ряде случаев этот голос превращается в крик: *Это совесть кричит ей: «Мама, возвращайся домой»* (М. Кучерская).

Иногда совесть дает советы: *Знаете, я не сомневаюсь, что вы проголосуете, как вам подскажет совесть* (С. Носов); *Живи,*

как подсказывает тебе твоя совесть и как велит время (Э. Русаков).

Вместе с тем в ряде случаев голос совести смолкает: *Что-то манящее было во всем этом: азарт разрушения. Совесть молчала* (И. Грекова).

Итак, образное обозначение совести проявляется в виде предмета, который можно потерять, от которого можно избавиться, в виде телесного органа, испытывающего боль, в виде живого существа, живущего внутри тела возле сердца и причиняющего боль. При этом такое существо приобретает антропоморфное качество – голос, побуждающий человека осудить себя за недостойные поступки и подсказывающий субъекту, как следует себя вести.

Для понимания ситуативно-образных характеристик совести в сознании носителей современной русской лингвокультуры был проведен пилотажный эксперимент. Информантам было предложено привести примеры поведения, свойственного людям, ведущим себя по нормам совести либо вопреки им. Были получены следующие ответы: человек, у которого есть совесть, держит свое слово, отдает долги, не мешает другим людям, не причиняет им неудобства, не унижает других. Соответственно, тот, у кого ее нет, лжет, может без разрешения взять чужое, ведет себя неуважительно (нахально, нагло, по-хамски), никогда не извиняется и не считает себя виноватым, не краснеет. Отсюда следует, что совесть в сознании наших современников является диффузным регулятивным концептом, включающим честность, тактичность и скромность.

Образные характеристики концепта «сознание» были также описаны на материале высказываний, приведенных в Национальном корпусе русского языка. Удалось установить следующее.

Сознание осмысливается как объект, некое пространство для обитания и вместилище, которое можно заполнить чем-либо: *Бог, живший в нем, проснулся в его сознании* (Л. Толстой); *Цели изучения литературы в нашей школе были поставлены грандиозные: втиснуть в сознание школьника русскую классику, дополнить ее невнятной идеологией и добиться, чтобы бедняга по-*

нимал литературу и как иллюстрацию к этой идеологии, и как искусство, да еще извлекал из нее определенную мораль (М. Арапов).

Требуются усилия для заполнения сознания как вместилища информации: *Мне как-то родители внедрили в сознание, что надо быть только отличником* (Я. Зубцова).

Внедрение предполагает возможное сопротивление материала.

Реальность давит на сознание: *Во всех без исключения письмах звучит одна и та же мысль: слишком много лжи вокруг истинного положения дел, слишком много пустых фраз о правах человека, и эта ложь, как многотонный пресс, давит на сознание людей, порождая отчаяние и сознание безнадежности любого сопротивления* (М. Кузин).

В результате давления на сознание искажается картина мира.

Сознание может быть частичным: *Он, однако ж, не то чтоб уж был совсем в беспмятстве во все время болезни: это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием* (Ф.М. Достоевский).

Сознание представляет собой «функциональный орган» приспособления к среде обитания: *Коллектив взорвало изнутри, потому что все равно быт определяет сознание* (С. Спивакова).

Подобные примеры иллюстрируют базовую установку материалистического мировосприятия («Бытие определяет сознание»).

Весьма частотна идея формирования сознания как материала, который изменяется в результате целенаправленного воздействия: *Его сознание и ассоциативную память формирует свежая или еще не забывшаяся голливудская мелодраматическая продукция* (И. Порошин).

Сознание можно задеть: *Что-то здесь задевает сознание: какое-то закравшееся нарушение разворачивает его, как разворачивает ледяная кочка налетевшие на нее сани* (В. Отрошенко).

Уточняются объекты и сущности, оказывающие влияние на сознание: *Сравнение позволяет с большим основанием утверждать, что же нового привнесла русская литература в художественное сознание*

западного читателя, в духовную культуру европейского человечества (В. Мильдон); *Чаадаев, славянофилы, Соловьев, Бердяев, Лосев, Бахтин, Мамардашвили никогда не обладали таким влиянием на сознание современников, как их западные коллеги: Кант, Гегель, Бергсон, Сартр, Деррида или Хайдеггер* (П. Кузнецов).

В качестве таких объектов обычно выступают обстоятельства жизни, идеи и люди, которые порождают их.

Сознание можно утратить: *Он с первой секунды потерял сознание и теперь ничего не помнит...* (А. Волос); *Потемнело в глазах, удар же воспринят был тупо – словно сперва Алексей Тихонович потерял сознание, а потом на него наехала машина* (А. Слаповский).

Теряя его, человек перестает воспринимать мир.

Потеря сознания ассоциируется с тьмой: *Удар по голове затмил сознание, удар бросил его на решетчатый настил и погрузил в беспмятство* (А. Азольский).

Наличие сознания – важнейшая характеристика разумного существа: *Не кеплерову ли гармонию имел в виду Вернадский, определяя нашу земную, слышную музыку как «космос, проходящий сквозь сознание живого существа»? (В. Шевченко).*

Сознание сравнивается с сетью, предназначенной для добычи чего-либо.

Оно может быть приведено в беспорядочное состояние: *Сон, однако, не шел, возбужденное сознание испытывало беспокойство за исход завтрашнего итурма, которым надлежало командовать* (В. Быков).

Сознание осмысливается как инструмент отражения информации: *С одной стороны, сознание отражает текущие события, а с другой – в нашем подсознании вырабатывается внутренняя модель окружающего мира, которая автоматически обрабатывается, а затем может при определенных обстоятельствах поступать в сознание* (В. Комаров).

Подобное понимание характерно для научного дискурса.

Отражение реальности в сознании допускает возможные искажения: *«Отсчет убийств» поражает только одним – тем, как сильно*

он способен исказить сознание (М. Кувшинова); Еда все-таки занимает внутри слишком много места. А нужно оставлять сознание незамутненным. Недаром же люди посягаются во время серьезной творческой работы (М. Варденга).

Человек может прилагать усилия для того, чтобы защитить свое сознание: *Это вовсе не было проявлением черствости и равнодушия – наоборот, от растерянности и невозможности постичь случившееся она попыталась инстинктивно защитить таким образом свое сознание (Е. Власова).*

Такая защита часто носит инстинктивный характер, то есть живой организм пытается сохраниться, спасая важнейшую систему своей самоорганизации.

Иногда происходит распад сознания: *Но ведь она и сама прекрасно понимает, что распадается не мир, а ее сознание, и отбиваются драгоценные осколки со знаниями, воспоминаниями, навыками жизни (Л. Улицкая).*

Сознание может вернуться к человеку: *Врач запросто привел его в сознание, давши понюхать нашатырный спирт, ядовитую ватку, от которой перехватывает дыхание (Л. Петрушевская).*

Возвращение сознания осуществляется механически, путем внешнего воздействия.

Сознание ассоциируется с телом: *Сознание было поражено побоями, после которых тело не слушалось собственной боли (О. Павлов).*

Встречаются антропоморфные характеристики сознания. Оно может бунтовать: *Однако пока мое бедное сознание бунтовало, отказываясь воспринимать дикую новость, в него исподволь вползала тошнотворная мысль – и не мысль даже, а так – ощущение, предчувствие – что все это чистая правда (В. Белоусова).*

Актуальной оказывается идея примирения с реальностью: *Терялось ощущение реальности, события вокруг рисовались как-то кошмарным сном во время тяжелой болезни, но весь ужас нашего положения состоял в том, что все это происходило наяву, а наше сознание никак не могло с этим примириться (И. Вольский).*

Сознание может попадать в плен: *Однако нынче есть бесчисленное множество примеров, когда сознание людей находится в плену чувств и соблазнов, когда они преклоняются перед кумирами, роскошными вещами, деньгами и т. д. (Ш. Аляутдинов).*

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что образные характеристики сознания носят размытый характер, поскольку этот концепт осмысливается в основном в понятийном плане и освоен преимущественно в научном, а не обиходном дискурсе. Однако важнейшие образы, составляющие интразону данного концепта, – это вместилище, отчуждаемый объект, который можно потерять, зеркало, свет, орган и антропоморфное существо, сопротивляющееся либо поддающееся внешнему воздействию.

Опрос информантов позволил установить следующие характеристики сознания: тот, кто находится в сознании, здоров, активен, ведет себя адекватно обстоятельствам, способен отвечать за свои поступки, ориентируется в пространстве, помнит о своих действиях; тот, кто находится в бессознательном состоянии, болен, пьян, ведет себя неадекватно обстоятельствам, не подает признаков жизни.

Ценностные характеристики осмысления совести и сознания

Ценностные характеристики лингвокультурных концептов сводятся к выражению тех или иных норм поведения, закодированных в содержании соответствующих ментальных образований, и устанавливаются на основе анализа ценностно-маркированных текстов. К числу таких текстов относятся в первую очередь пословицы, поговорки и афоризмы. В пословицах и поговорках подчеркиваются приведенные ниже характеристики отношения к совести.

Следует знать, что у человека должна быть совесть: *Надо и совесть знать; За совесть да за честь – хоть голову снести; Совесть потеряешь – другой не купишь; Деньги потеряешь – можно нажать, а совесть потеряешь – беду узнаешь; Без рук, без ног – калека, без совести – полчеловека; Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука.*

Следует знать, что угрызения совести доставляют мучения: *Нечистая совесть спать не дает; Совесть спать не дает. Совесть без зубов, а загрызет; Злая совесть стоит палача.*

Следует знать, что совесть можно очистить признанием вины: *Стыдно сказать, а грех утаить; Добрая совесть любит обличение.*

Следует знать, что обмануть свою совесть невозможно: *От человека утаишь, а от совести не утаишь; Совесть – не повесть: в архив не сдашь; Совесть не сосед: от нее не уйдешь; Как ни мудри, а совести не перемудришь; Без совести и при большом уме не проживешь; С совестью не разминуться.*

Следует знать, что с чистой совестью жить приятно: *Счастлив тот, у кого совесть спокойна; Платье черненько, да совесть беленька; Чистая совесть – самая лучшая подушка; У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится; Добрая совесть не боится клеветы.*

Следует знать, что отсутствие совести не скрыть: *Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет; В ком есть стыд, в том и совесть; Стыдливый покраснеет, а бесстыжий побледнеет.*

Следует знать, что есть бессовестные люди: *Волосом сед, а совести нет; У него стыда – что волос на камне; Ни бога не боится, ни людей не стыдится; Когда совесть раздавали, его дома не было; У него совесть в рукавичках ходит; Бесстыжих глаз и дым неймет; Подпись судейская, а совесть лакейская; У него совесть – как голенище, а рыло в пуху; У него совесть – что розвальни: садись да катись; Про его совесть можно писать повесть; У него совесть – дырявое решето; У него ни на полушку совести нет; Стыд под каблук, а совесть под подошву.*

Следует знать, что жить по совести – значит терпеть издержки: *К кафтану совесть не пришьешь; Добрая совесть злему ненавистна.*

В этих суждениях четко выражены моральные ориентиры поведения, предписывающие людям поступать по совести, хотя это и може стать причиной неприятных пережи-

ваний. Нельзя не обратить внимания на множество поговорок, отрицательно оценивающих тех, кто живет не по совести. Утилитарные обоснования такого поведения сводятся к подчеркиванию целесообразности этически безупречных поступков и констатации того, что издержки в правильном поведении неизбежны.

Поскольку совесть относится к ядерным категориям этики, существует множество афористических суждений о том, как следует воспринимать поведение людей, соблюдающих и нарушающих ее предписания. Некоторые суждения выражают наблюдения над человеческой природой, совпадающие с предписаниями в паремиологическом фонде.

Следует знать, что совесть является высшим ориентиром поведения: *Закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть есть, собственно, применение наших поступков к этому закону (И. Кант); Стыд – это страх перед людьми, совесть – страх перед Богом (С. Джонсон); Совесть – это память общества, усвоенная отдельным лицом (Л.Н. Толстой); Голос совести никогда не выступает в хоре (К. Сломинский); Угрызения совести начинаются там, где кончается безнаказанность (Гельвеций); Будь хозяином своей воли и слугой своей совести (М. Эбнер-Эшенбах).*

Следует знать, что чистая совесть дает человеку радость: *Чистая совесть – есть постоянный праздник (Луций Анней Сенека).*

Следует знать, что вести себя по совести значит в чем-то себя ограничивать: *Чем меньше совести, тем больше всего остального (А. Карабчиевский).*

Вместе с тем в афористике выражены критические замечания по поводу понимания и проявления совести.

Констатируется, что совесть присуща немногим: *О своей репутации заботятся многие, о своей совести – лишь некоторые (Публилий Сир).*

Отмечено, что природа человека постоянно вступает в конфликт с совестью: *Под свободой совести обыкновенно разумеется свобода от совести (В. Ключевский); У человека с чистой совестью, вероятно, слабая память (М. Паньоль); Угрызения совести нередко имеют причиной слишком*

добродетельную жизнь (С. Лец); *Хочется быть самим собой, но совесть не позволяет* (Б. Крутиер); *Хорошие друзья, хорошие книги и спящая совесть – вот идеальная жизнь* (М. Твен); *Друзья и совесть бывают у человека до тех пор, пока они не нужны* (Г. Лауб).

Сказано, что к совести порой апеллируют лицемеры: *Моральные люди испытывают самодовольство при угрызениях совести* (Ф. Ницше); *Англосаксонская совесть не мешает совершать определенного рода поступки, но запрещает получать от них удовольствие* (С. де Мадарьяга); *Совесть – лучший судья: с ней всегда можно договориться* (К. Мелихан).

Ценностные характеристики сознания не отмечены в текстах пословиц и поговорок, поскольку данный концепт не принадлежит обиходной сфере общения. Эти признаки прослеживаются в морально-этическом, философском и психологическом дискурсе.

Констатируется, что сознание является важнейшим индикатором сущности человека: *Сознание – это бриллиант, его чистота определяет ценность человеческой жизни, а чем наполнена Ваша чаша сознания?* (Лео Цзы); *Сознание есть отличительный признак совершенного существа* (Л. Фейербах); *Нужно менять не обстоятельства, нужно менять сознание* (Н. Д. Уолш); *Всякий замкнут в своем сознании, как в своей коже, и только в нем живет непосредственно* (А. Шопенгауэр).

Сказано, что оно неразрывно связано с телесностью и противопоставлено ей: *Человек – это акробат на туго натянутой веревке; Он идет осторожно, стараясь сохранить равновесие, держа в руках шест, на одном конце которого сознание, интеллект, дух, а на другом – тело, инстинкт и все, что в нас есть бессознательного, земного, непонятого для нас самих* (О. Хаксли).

Раскрыты ключевые смысловые темы, которые должны быть осознаны мыслящими людьми, – свобода, страдание, вина, тщета: *Для того, чтобы стать свободным – достаточно осознать себя* (К. Саймак); *Страдания и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца* (Ф.М. Достоевский); *Первое условие ис-*

правления – сознание своей вины (Луций Анней Сенека); *...Из всех жизненных зол болезненное всего ранит душу сознание тщеты всего земного* (А. Франс).

Отмечено, что сознание должно подкрепляться действием: *Дело не в том, чтобы никогда не делать ошибок, а в том, чтобы уметь сознавать их и великодушно, смело следовать своему сознанию* (В. Белинский).

Ценностные характеристики совести и сознания состоят в признании данных концептов ключевыми для понимания человеческой сущности. При этом отмечено, что требуются усилия для поддержания совести в чистоте, что переживания могут быть мучительными, что себя обманывать бесполезно, и нужно знать об отсутствии совести у некоторых людей. В пословицах и поговорках нормы поведения ориентированы на практические действия и поступки в соответствии с требованиями совести, в афоризмах на первый план выходит оценка человеческой природы применительно к совести и сознанию.

Заключение

Идея знания как информационного освоения мира, представленная в базовой диаде глубинного и поверхностного знания, получает развитие в противопоставлении совести и сознания – осмыслению себя в мире с позиций сердца и ума.

Концептуализация совести разворачивается как оценка своих поступков в аспекте должного и данного, конкретизируется в предметных и биоморфных метафорах, обнаруживает образную диффузность и содержит моральные и утилитарные предписания вести себя в соответствии с идеальным представлением о человеческих взаимоотношениях. Концептуализация сознания в понятийном плане проявляется как выделение признаков осмысленного бытия, в образно-перцептивном – вместилище, зеркало и живое существо, в ценностном – главный индикатор личности.

Дискурсивная специфика осмысления совести и сознания состоит в том, что морально-этическая тематика затрагивается преимущественно в обиходной, художественной, религиозной и публицистической сферах общения, в то время как рационально-философ-

ская – в научной и педагогической сферах коммуникации.

С позиций рационального объяснения внутреннего мира человека совесть выступает как разновидность сознания, с позиций смысло-жизненных ценностей сознание представляет собой рационально организованную систему представлений о действительности как часть целостного мировосприятия. Сердце и ум как инструменты постижения реальности антиномичны и взаимодополнительны.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), research project no. 19-012-00609 A “Modern Russian Axiosphere: Semantic and Pragmatic Transformation of the Russian Cultural Code”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анненкова А. В., 2010. Статус понятия «совесть» как социально-философской категории // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 3 (47). С. 17–21.
- Арутюнова Н. Д., 2000. *О стыде и совести* // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры. С. 54–78.
- Бажжани Л., 1995. Лексико-синтаксическая сочетаемость глаголов знания в русском языке на фоне словацкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.
- Барсукова С. А., 2013. Концептуальное поле феномена «совесть» в психологии // Психологический журнал. Т. 34, № 1. С. 36–44.
- Библер В. С., 1990. Нравственность. Культура. Современность: Философские размышления о жизненных проблемах // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения / редкол.: А. А. Гусейнов [и др.]. М.: Политиздат. С. 16–57.
- Бочкарёв А. Е., 2016. К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1. С. 41–53.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 2005. Язык и культура. М.: Индрик. 1038 с.
- Витязев Ю. В., 2010. Смысловые модификации концепта «совесть» в русской лингвокультуре // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 4. С. 157–161.
- Воловикова М. И., 2011. К проблеме психологического исследования совести // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юрвич. М.: Ин-т психологии РАН. С. 71–86.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш., 2012. Использование русских народных пословиц и поговорок в исследовании социальных представлений о совести // Знание, понимание, умение. № 3. С. 34–36.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш., 2016. Представления о совести в российском менталитете. М.: Ин-т психологии РАН. 143 с.
- Воркачев С. Г., 2016. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. № 3. С. 111–116.
- Горбачевич В. А., 1955. Из истории развития лексической группы глаголов знания и производных от них имен существительных в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград. 12 с.
- Гучешокова С. А., 2011. Архетипический концепт «лицо / честь / совесть»: когнитивный и лингвокультурный аспекты (на материале русского, адыгского, английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп. 29 с.
- Дженкова Е. А., 2005. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 22 с.
- Дмитровская М. А., 1985. Глаголы знания и мнения: значение и употребление : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 22 с.
- Ермакова О. П., 2000. Концепты «совесть» и «зависть» в их языковом выражении // Русский язык сегодня : сб. ст. Вып. 1. М.: Азбуковник. С. 375–385.
- Загоровская О. В., Шевченко И. С., 2014. Семантическая многоплановость слова «совесть» в русском языке и русской духовной культуре (по данным лингвистических и энциклопедических словарей и справочников) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10, ч. 2. С. 54–58.
- Зиброва Г. Е., 1973. Лексико-семантическая группа глаголов знания в немецком языке (семасиологическое исследование на материале двух синхронных срезов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин. 23 с.

- Злобина Н. И., 1976. Семантика основных глаголов знания в современном немецком языке и их синтаксические и словообразовательные потенции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 24 с.
- Знаков В. В., 1999. Психология понимания правды. СПб. : Алетейя. 279 с.
- Ивина Т. Н., 1975. Диахронический анализ валентных свойств глаголов «Знания» (на материале ранненовоанглийского и современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск. 25 с.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Колосова Л. И., 1998. Концепт «совесть» в концептосфере русского и французского языков // Язык и национальное сознание. Воронеж : ВГУ. С. 88–89.
- Лекторский В. А., 2010. Сознание // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль. С. 704–707.
- Леонтьев А. Н., 2004. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл : Академия. 352 с.
- Литвинов В. П., 2013. Герменевтика совести // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация. Вып. 2. Армавир ; Пятигорск ; Ставрополь : Изд-во АГПИ. С. 172–236.
- Литвинов В. П., 2015. Концептуализация совести // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация. Вып. 4. Армавир : Изд-во АГПИ. С. 46–56.
- Маркевич Ю. В., 2009. Концепт «совесть» в русской лингвокультуре (на материале паремиологии) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 2. С. 27–30.
- Мусаева Ш. Д., 2014. Лингвокультурологический анализ концепта «совесть» в аварской и немецкой языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала. 23 с.
- Мустафина Л. Ш., 2016. Представления о совести как индикатор нравственно-психологического состояния личности // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / отв. ред. М. И. Володинова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М. : Ин-т психологии РАН. С. 275–288.
- Муфазалова Л. С., 2011. Концепт совесть в русской языковой картине мира // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 11 (58). С. 352–357.
- Ндьяй Б., 2002. Семантические и функциональные характеристики лексико-семантической группы глаголов знания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 22 с.
- Нурмухамбетова О. У., 2004. Образное основание фразеологических единиц, составляющих концепты «дух» и «совесть» // Единицы языка и их функционирование : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов : [б. и.]. С. 105–109.
- Отарова Л. И., 2015. Концепт «Gewissen» в немецком языковом пространстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск. 26 с.
- Панова Е. Ю., 2018. Совесть // Концептосфера «духовность»: трансформация смыслов в медиатизированном социуме : словарь / под ред. В. В. Антроповой. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та. С. 269–288.
- Пименов Е. А., 2004. Концепт Gewissen «совесть» в немецкой языковой картине мира // Концепт. Образ. Понятие. Символ : коллектив. моногр. Кемерово : Графика. С. 21–35.
- Прокопенко А. В., 1999. Семантико-синтаксическая организация предложений с пропозициональными глаголами знания, полагания и воображения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. 24 с.
- Рубинштейн С. Л., 2003. Бытие и сознание. Человек и мир. М. ; СПб. : Питер. 512 с.
- Симонов П. В., 1985. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознания // Бессознательное: природа, функции, методы исследования : в 5 т. Т. 4. Тбилиси : Мецниереба. С. 152–158.
- Слышкин Г. Г., 2004. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена. 340 с.
- Спиркин А. Г., 1972. Сознание и самосознание. М. : Политиздат. 303 с.
- Степанов Ю. С., 2004. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический Проект. 991 с.
- Стефанский Е. Е., 2008. Концепт «совесть» в русской, польской и чешской лингвокультурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 72. С. 124–131.
- Сундуй Г. Д., Бадмаева Ц. А., 2013. Модели совести в традиционных представлениях евразийских народов // Научная мысль Кавказа. № 3. С. 45–48.
- Урысон Е. В., 2000. Голос разума и голос совести // Логический анализ языка. Языки этики. М. : Языки русской культуры. С. 184–189.
- Хомутова Е. В., 1972. Глаголы со значением передачи и приобретения знаний в научном языке современной физики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 22 с.
- Шахманова Б. Г., 2008. Морально-этический концепт «совесть» в кумыкской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических и паремиологических единиц) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала. 26 с.

- Яндиева А. И., 2010. Лингвосемантическая концептосфера абстрактного имени со значением «честь, совесть» в разносистемных языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск. 24 с.
- Ausubel D. P., 1955. Relationships between shame and guilt in the socializing process // *Psychological Review*. № 62. P. 378–390.
- Klass E. T., 1990. Guilt, shame, and embarrassment: Cognitive-behavioral approaches // *Handbook of social and evaluation anxiety* / ed. H. Leitenberg. New York : Plenum. P. 385–414.
- Tangney J. P., 1995. Shame and guilt in interpersonal relationships // *Selfconscious emotions: Shame, guilt, embarrassment, and pride* / eds. J. P. Tangney, K. W. Fischer. New York : Guilford Press. P. 114–139.

REFERENCES

- Annenkova A.V., 2010. Status ponyatiya «sovest» kak sotsialno-filosofskoy kategorii [Status of the Concept of “Conscience” as a Social and Philosophic Category]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 3 (47), pp. 17-21.
- Arutyunova N.D., 2000. O styde i sovesti [About Shame and Conscience]. *Logicheskiiy analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., pp. 54-78.
- Bazhzhani L., 1995. *Leksiko-sintaksicheskaya sochetaemost glagolov znaniya v russkom yazyke na fone slovatskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical and Syntactic Compatibility of Verbs of Knowledge in the Russian Language Against the Background of the Slovak Language: Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 20 p.
- Barsukova S.A., 2013. Kontseptualnoe pole fenomena «sovest» v psikhologii [Conceptual Field of “Conscience” Phenomenon in Psychology]. *Psikhologicheskiiy zhurnal*, vol. 34, no. 1, pp. 36-44.
- Bibler V.S., 1990. Nравstvennost. Kultura. Sovremennost: Filosofskie razmyshleniya o zhiznennykh problemakh [Morality. Culture. Modernity: Philosophical Reflections on the Problems of Life]. *Eticheskaya mysl: Nauchno-publitsisticheskie chteniya* [Ethical Thought: Scientific and Journalistic Readings]. Moscow, Politizdat, pp. 16-57.
- Bochkarev A.E., 2016. K opredeleniyu kontsepta «sovest» v russkoy yazykovoy kartine mira [On the Content of the Concept “Conscience” in the Russian Linguistic Image of the World]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Vestnik Moscow City Teacher Training University. Series: Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], no. 1, pp. 41-53.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G., 2005. *Yazyk i kultura* [Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ. 1038 p.
- Vityazev Yu.V., 2010. Smyslovye modifikatsii kontsepta «sovest» v russkoy lingvokulture [The Meaning Modifications of the Concept “Conscience” in the Russian Linguoculture]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], no. 4, pp. 157-161.
- Volovikova M.I., 2011. K probleme psikhologicheskogo issledovaniya sovesti [To the Problem of Psychological Research of Conscience]. *Psikhologicheskie issledovaniya dukhovno-nravstvennykh problem* [Psychological Research of Spiritual and Moral Problems]. Moscow, Institut psikhologii RAN, pp. 71-86.
- Volovikova M.I., Mustafina L.Sh., 2012. Ispolzovanie russkikh narodnykh poslovits i pogovorok v issledovanii sotsialnykh predstavleniy o sovesti [The Use of Russian Folk Sayings and Proverbs in the Study of Social Representations of Conscience]. *Znanie, ponimanie, umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], no. 3, pp. 34-36.
- Volovikova M.I., Mustafina L.Sh., 2016. *Predstavleniya o sovesti v rossiyskom mentalitete* [Ideas About Conscience in the Russian Mentality]. Moscow, In-t psikhologii RAN. 143 p.
- Vorkachev S.G., 2016. «Reliktovoe chuvstvo»: poryadochnost po dannym korpusnoy lingvistiki [“Relic Feeling”: Honesty According to the Corpus Linguistics Data]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 3, pp. 111-116.
- Gorbachevich V.A., 1955. *Iz istorii razvitiya leksicheskoy gruppy glagolov znaniya i proizvodnykh ot nikh imen sushchestvitelnykh v angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [From the History of Developing the Lexical Group of Verbs of Knowledge and Derived Nouns in English. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Leningrad. 12 p.
- Guchepshokova S.A., 2011. *Arkhetipicheskiy kontsept «litso / chest / sovest»: kognitivnyy i lingvokulturnyy aspekty (na materiale russkogo, adygskogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The

- Archetypal Concept of "Identity / Honor / Conscience": Cognitive and Linguo-Cultural Aspects (On the Material of Russian, Circassian, English and French Language). Cand. philol. sci. abs. diss]. Maykop. 29 p.
- Dzhenkova E.A., 2005. *Kontsepty «styd» i «vina» v russkoy i nemetskoy lingvokulturakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Concepts of "Shame" and "Guilt" in Russian and German Linguocultures. Cand. philol. sci. abs. diss]. Volgograd. 22 p.
- Dmitrovskaya M.A., 1985. *Glagoly znaniya i mneniya: znachenie i upotreblenie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Verbs of Knowledge and Opinion: Meaning and Usage. Cand. philol. sci. abs. diss]. Moscow. 22 p.
- Ermakova O.P., 2000. Kontsepty «sovest» i «zavist» v ikh yazykovom vyrazhenii [Concepts "Conscience" and "Envy" in Their Language Expression]. *Russkiy yazyk segodnya*. Moscow, Azbukovnik Publ., iss. 1, pp. 375-385.
- Zagorovskaya O.V., Shevchenko I.S., 2014. Semanticheskaya mnogoplanovost slova «sovest» v russkom yazyke i russkoy dukhovnoy kulture (po dannym lingvisticheskikh i entsiklopedicheskikh slovarey i spravochnikov) [Semantic Diversity of the Word "Conscience" in the Russian Language and Russian Spiritual Culture (On the Materials of Linguistic and Encyclopedic Dictionaries and Reference Books)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 10, part 2, pp. 54-58.
- Zibrova G.E., 1973. *Leksiko-semanticheskaya grupa glagolov znaniya v nemetskom yazyke (semasiologicheskoe issledovanie na materiale dvukh sinkhronnykh srezov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-Semantic Group of Verbs of Knowledge in the German Language (Semasiological Study on the Material of Two Synchronous Sections). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Kalinin. 23 p.
- Zlobina N.I., 1976. *Semantika osnovnykh glagolov znaniya v sovremennom nemetskom yazyke i ikh sintaksicheskie i slovoobrazovatelnye potentsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics of Basic Verbs of Knowledge in the Modern German Language and Their Syntactic and Word-Formative Potencies. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 24 p.
- Znakov V.V., 1999. *Psikhologiya ponimaniya pravdy* [Psychology of Understanding Truth]. Saint Petersburg, Aletyya Publ. 279 p.
- Ivina T.N., 1975. *Diakhronicheskiy analiz valentnykh svoystv glagolov «Znaniya» (na materiale rannenoangliyskogo i sovremennogo angliyskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Diachronic Analysis of Valent Properties of "Knowledge" Verbs (On the Material of Early English and Modern English). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Minsk. 25 p.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Kolosova L.I., 1998. Kontsept «sovest» v kontseptosfere russkogo i frantsuzskogo yazykov [Concept "Conscience" in the Conceptual Sphere of the Russian and French Languages]. *Yazyk i natsionalnoe soznanie* [Language and National Consciousness]. Moscow, pp. 88-89.
- Lektorskiy V.A., 2010. Soznanie [Consciousness]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia. In 4 Vols.]. Moscow, Mysl Publ., vol. 3, pp. 704-707.
- Leontev A.N., 2004. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Smysl Publ, Akademiya Publ. 352 p.
- Litvinov V.P., 2013. Germenevtika sovesti [Hermeneutics of Conscience]. *Germenevticheskiy krug: tekst – smysl – interpretatsiya* [Hermeneutic Circle. Text – Meaning – Interpretation]. Armavir, Pyatigorsk, Stavropol, Izd-vo AGPI, iss. 2, pp. 172-236.
- Litvinov V.P., 2015. Kontseptualizatsiya sovesti [Conceptualization of Conscience]. *Germenevticheskiy krug: tekst – smysl – interpretatsiya* [Hermeneutic Circle. Text – Meaning – Interpretation]. Armavir, Izd-vo AGPI, iss. 4, pp. 46-56.
- Markevich Yu.V., 2009. Kontsept «sovest» v russkoy lingvokulture (na materiale paremiologii) [The Concept "Conscience" in the Russian Linguaculture as Represented in Paroemiology]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State University Bulletin], no. 2, pp. 27-30.
- Musaeva Sh.D., 2014. *Lingvokulturologicheskiy analiz kontsepta «sovest» v avarskoy i nemetskoy yazykovykh kartinakh mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguocultural Analysis of the Concept "Conscience" in the Avar and German Language Worldviews. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Makhachkala. 23 p.
- Mustafina L.Sh., 2016. Predstavleniya o sovesti kak indikator npravstvenno-psikhologicheskogo sostoyaniya lichnosti [Ideas About Conscience as an Indicator of Moral and Psychological State of Personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy* [Psychological Research of Personality: History, Current State, Prospects]. Moscow, Institut psikhologii RAN, pp. 275-288.
- Mufazalova L.S., 2011. Kontsept sovest v russkoy yazykovoy kartine mira [The Concept of

- “Conscience” in the Russian Language Worldview]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Irkutsk State Technical University], no. 11 (58), pp. 352-357.
- Ndyay B., 2002. *Semanticheskie i funktsionalnye kharakteristiki leksiko-semanticheskoy gruppy glagolov znaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic and Functional Characteristics of Lexico-Semantic Group of Verbs of Knowledge. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow, 22 p.
- Nurmukhambetova O.U., 2004. *Obraznoe osnovanie frazeologicheskikh edinits, sostavlyayushchikh kontsepty «dukh» i «sovest»* [Figurative Basis of Phraseological Units Constituting the Concepts of “Spirit” and “Conscience”]. *Edinitsy yazyka i ikh funktsionirovanie: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Units of Language and Their Functioning. Interuniversity Collected Works]. Saratov, iss. 10, pp. 105-109.
- Otarova L.I., 2015. *Kontsept «Gewissen» v nemetskom yazykovom prostranstve: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [“Gewissen” Concept in the German Language Space. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Pyatigorsk, 26 p.
- Panova E.Yu., 2018. *Sovest [Conscience]. Kontseptosfera «dukhovnost»: transformatsiya smyslov v mediatizirovannom sotsiume: slovar [Conceptual Sphere of “Spirituality”: Transformation of Meanings in Mediatisation Society. Dictionary]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 269-288.*
- Pimenov E.A., 2004. *Kontsept Gewissen «sovest» v nemetskoj yazykovoy kartine mira* [The Concept of Gewissen “Conscience” in the German Language Worldview]. *Kontsept. Obraz. Ponyatie. Simvol: kollektivnaya monografiya* [Concept. Image. Notion. Symbol. Collective Monograph]. Kemerovo, Grafika Publ., pp. 21-35.
- Prokopenko A.V., 1999. *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniy s propozitsionalnymi glagolami znaniya, polaganiya i voobrazheniya v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic-Syntactic Organization of Sentences with Propositional Verbs of Knowledge, Supposition and Imagination in Modern English. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Irkutsk, 24 p.
- Rubinshteyn S.L., 2003. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Man and World]. Moscow, Saint Petersburg, Piter Publ. 512 p.
- Simonov P.V., 1985. *O dvukh raznovidnostyakh neosoznavaemogo psikhicheskogo: pod- i sverkhsoznaniya* [About Two Kinds of Unconscious Mental: Sub- and Superconscious]. *Bessoznatelnoe: priroda, funktsii, metody issledovaniya: v 5 t.* [Unconscious: Nature, Functions, Research Methods. In 5 Vols.]. Tbilisi, Metsniereba Publ., vol. 4, pp. 152-158.
- Slyshkin G.G., 2004. *Lingvokulturnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural Concepts and Metaconcepts]. Volgograd, Peremena Publ. 340 p.
- Spirkin A.G., 1972. *Soznanie i samosoznanie* [Consciousness and Self-Consciousness]. Moscow, Politizdat. 303 p.
- Stepanov Yu.S., 2004. *Konstanty: slovar russkoy kultury. 3-e izd., ispr. i dop.* [Constants: Dictionary of Russian Culture. 3rd Edition, Revised and Enlarged]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ. 991 p.
- Stefanskiy E.E., 2008. *Kontsept «sovest» v russkoy, polskoy i cheshskoy lingvokulturakh* [Concept “Sovest” (“Conscience”) in Russian, Polish and Czech Linguistic Cultures]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences], no. 72, pp. 124-131.
- Sunduy G.D., Badmaeva Ts.A., 2013. *Modeli sovesti v traditsionnykh predstavleniyakh evraziyskikh narodov* [Conscience in the Traditional Concepts of Eurasian Peoples]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], no. 3, pp. 45-48.
- Uryson E.V., 2000. *Golos razuma i golos sovesti* [Voice of Reason and Voice of Conscience]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow, Yazyki russkoy kultury, pp. 184-189.
- Khomutova E.V., 1972. *Glagoly so znacheniem peredachi i priobreteniya znaniy v nauchnom yazyke sovremennoy fiziki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Verbs with the Meaning of Transfer and Acquisition of Knowledge in the Scientific Language of Modern Physics. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow, 22 p.
- Shakhmanova B.G., 2008. *Moralno-eticheskij kontsept «sovest» v kumyjskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira (na materiale frazeologicheskikh i paremiologicheskikh edinits): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Moral and Ethical Concept “Conscience” in Kumyk and Russian Linguistic Worldviews (On the Material of Phraseological and Paremiological Units). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Makhachkala, 26 p.
- Yandieva A.I., 2010. *Lingvosemanticheskaya kontseptosfera abstraktnogo imeni so znacheniem «chest, sovest» v raznosistemnykh*

- yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Semantic Conceptosphere of the Abstract Name Meaning "Honor, Conscience" in Languages with Different Systems. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Pyatigorsk. 24 p.
- Ausubel D.P., 1955. Relationships Between Shame and Guilt in the Socializing Process. *Psychological Review*, no. 62, pp. 378-390.
- Klass E.T., 1990. Guilt, Shame, and Embarrassment: Cognitive-Behavioral Approaches. *Handbook of Social and Evaluation Anxiety*. New York, Plenum Publ., pp. 385-414.
- Tangney J.P., 1995. Shame and Guilt in Interpersonal Relationships. *Selfconscious Emotions: Shame, Guilt, Embarrassment, and Pride*. New York, Guilford Press, pp. 114-139.

Information about the Authors

Vladimir I. Karasik, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia; Professor, Department of the Russian Language, Tianjin Foreign Studies University, MaChang Road, 117, 300204 Tianjin, China, vikarasik@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Ella A. Kitanina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, ella_kitanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1936-9495>

Информация об авторах

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; профессор факультета русского языка, Тяньцзиньский университет иностранных языков, ул. Мачандао, 117, 300204 г. Тяньцзинь, Китай, vikarasik@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Элла Анатольевна Китанина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, ella_kitanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1936-9495>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.8>

UDC 811.161.1:398.9
LBC 81.411.2-5

Submitted: 27.08.2018
Accepted: 28.03.2019

PREPOSITIVE ADJECTIVE IN RUSSIAN PROVERBS AS A MEANS OF EXPRESSING CAUSAL RELATIONS¹

Svetlana L. Mikheeva

I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article deals with Russian proverbs that include a nominal phrase with an adjective as an attributive modifier. The material for the study was proverbial expressions which were compiled from V. I. Dal's collection of Russian proverbs (378 units). The subject of the analysis is prepositive adjectives involved in the formation of cause-effect semantic relations in expressions such as *Dobryi kon' borozdy ne isportit* (A good horse will not spoil furrow), *Staryi drug luchshe novykh dvukh* (The old friend is better than the new two ones). The syntactic functions of the adjectives are considered by means of analysis of three thematic groups of proverbs: proverbs showing natural signs, proverbs characterizing a person, proverbs describing a situation. The following regularities affecting the ability of the adjective to realize causal relations in the statements are established: an adjective is included into a semantic part of a nominal phrase (an absolute first position in a sentence); contextual support in the form of a complex of morphological and syntactic means (conjunction-particle *и*, a comparative form of a nominal predicate, syntactic structures based on comparison); evaluative part of statements (correlation with the idea of positive or negative in presupposition). Finally a syntactic function of an adjective is characterized as a means of creating causal determination of the statement. These premises are linked to linguistic embodiment of causal attribution as a specific characteristic of a person who is referred to the system of values of national culture.

Key words: proverb, adjective, causality, causal links, assessment, statement, sentence.

Citation. Mikheeva S.L. Prepositive Adjective in Russian Proverbs as a Means of Expressing Causal Relations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 83-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.8>

УДК 811.161.1:398.9
ББК 81.411.2-5

Дата поступления статьи: 27.08.2018
Дата принятия статьи: 28.03.2019

ПРЕПОЗИТИВНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Светлана Львовна Михеева

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья посвящена русским пословицам, в состав которых входят адъективно-субстантивные сочетания. Материалом для исследования послужили пословичные выражения, отобранные методом сплошной выборки из сборника русских пословиц В.И. Даля (378 единиц). Объектом анализа являются препозитивные прилагательные, участвующие в формировании причинно-следственных смысловых отношений в выражениях типа *Добрый конь борозды не испортит*, *Старый друг лучше новых двух*. Функционирование прилагательных рассматривается на примере трех тематических групп пословиц: пословицы-приметы; пословицы, характеризующие человека; пословицы, характеризующие ситуацию. Установлены следующие закономерности, влияющие на способность прилагательного реализовать каузальные отношения в высказывании: вхождение адъектива в состав тематической части высказывания (позиция в абсолютном начале предложения); контекстуальная поддержка в виде комплекса морфолого-синтаксических средств (союз-частица *и*, компаративная форма именного сказуемого, синтаксические структуры, выражающие сравнение); оценочный характер высказываний (соотнесение с представлением о положи-

тельном и отрицательном). Итогом исследования является вывод об особой роли имени прилагательного как средства создания каузальной детерминации высказывания. Пословицы рассматриваемого типа представляют собой языковое воплощение каузальной атрибуции как специфического свойства человека – носителя системы ценностей национальной культуры.

Ключевые слова: пословица, прилагательное, обусловленность, каузальные отношения, оценка, высказывание, предложение.

Цитирование. Михеева С. Л. Препозитивное прилагательное в русских пословицах как средство выражения каузальных отношений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 83–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.8>

Введение

Модель мира создается человеком на основе установления взаимосвязей между событиями. Она, как отмечает Ю.С. Степанов, «характеризуется учетом всеобщей связи, “системности” в противопоставление “атомизму”» [Степанов, 1985, с. 130]. Каузальные связи и отношения – базовые связи и отношения, на которых строятся представления человека об устройстве мира. Естественное свойство языка поэтому видится в способности (и предназначенности) его единиц выражать эти отношения (как явным, так и неявным способом).

Объектом анализа в настоящей работе являются пословичные выражения, в состав которых входят препозитивные адъективно-субстантивные сочетания. Эти сочетания представляют интерес с точки зрения их способности устанавливать причинно-следственные отношения в простом предложении в отсутствие специализированных средств реализации каузальных связей и отношений типа союзов со значением причины и следствия, предложно-падежных сочетаний или наречий с соответствующей семантикой (подробнее о средствах выражения обусловленности в русском языке см.: [Всеволодова, Яценко, 2015; Евтюхин, 1996, с. 153; Оркина, 2010; Соколова, 2018]).

Паремиологические выражения становятся одним из средств категоризации знаний человека о мире и являются подтверждением сформулированного Е.С. Кубряковой тезиса о том, что «категоризация мира – это результат когнитивной деятельности человека, итог классификации (таксономии) окружающего его мира отдельных единиц (таксонов) в произведенной классификации, когда конечным итогом указанной деятельности оказы-

вается формирование особой категории, позволяющей увидеть мир в главных атрибутах его бытия и функционирования» [Кубрякова, 2004, с. 64–65]. Пословицы как реализация типовых структурно-семантических моделей предложения представляют собой воплощение так называемых «синтаксических концептов». Как показано в работе Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой, «установление предикативного отношения между мыслительными сущностями (концептами разного рода) – естественный механизм человеческого мышления <...> в состав предикативного отношения входит и типовая пропозиция (категориально-семантический концепт, смысл), для которой и создается структурная схема простого предложения» [Волохина, Попова, 1999, с. 7]. В пословицах, которые стали объектом анализа, предикативные отношения осложнены отношениями обусловленности. В связи с этим наше исследование ориентировано на описание семантики пословицы, построенной по определенной модели предложения в аспекте, связанном с неспецифическим средством выражения причинно-следственной обусловленности – именем прилагательным (подробнее о способности прилагательного к выражению отношений обусловленности в художественном дискурсе см.: [Михеева, 2015]).

Исходные положения

Мир, зафиксированный в пословичных выражениях, представляет собой некую Вселенную, «сотворенную в слове реальность». В этой реальности действует свод законов, словесным воплощением которых являются пословицы. С одной стороны, они предписывают способ поведения в зависимости от ситуации – имеют прескриптивный характер (*Не в свои сани не садись; На Бога надейся, а*

сам не плошай; Не плюй в колодец: пригодится и воды напиться; Береги платье снову, а честь смолоду и т. п.). Прескрипция находит прямое выражение в форме повелительного склонения глагольного слова. С другой стороны, в паремиях максимально обобщен итог многократно повторяющейся ситуации: каждый индивидуальный эпизод, в рамках которого происходит череда закономерных и предсказуемых событий, – это частный случай типовой ситуации. Причем, отметим это особо, само пословичное выражение имеет двойное смысловое наполнение. Во-первых, оно оказывается, еще раз повторим, обобщением закономерности, выводимой из наблюдений за многократно повторяющимися ситуациями, разворачивающимися по одному и тому же сценарию и имеющими один и тот же финал. В этом случае пословица становится средством категоризации знаний о мире: все многообразие явлений, событий, человеческих поступков может быть сведено к той или иной формуле (*Без труда не выловишь и рыбки из пруда; Терпение и труд все перетрут; Хлеб – всему голова; На чужой роток не накинешь платок; Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше* и т. п.). Во-вторых, сама пословица, уже сформировавшись, выступает неким указателем, «ярлыком», под который подводится любая новая ситуация, если по своим признакам, характеру протекания она соответствует заложенным в пословице параметрам. Этот аспект находит отражение в словарях пословиц и поговорок, где представлен комментарий – толкование значений выражений, часто с указанием на то, в какой ситуации они употребляются.

Особого внимания в массиве паремий русского языка заслуживают пословицы, построенные по модели: AdjN₁Vf / AdjN₁Comp N₂: *Кроткое слово гнев побеждает; Ласковое слово лучше мягкого пирога* и т. п. Оговорим сразу несколько моментов. Приведенные модели – частные случаи, иллюстрирующие более общую типовую структуру, в которой значимым с точки зрения настоящего анализа является наличие в препозиции к существительному имени прилагательного. Ограничимся также случаями, где сочетание «прилагательное + существительное» является группой подлежащего, то есть его компоненты

употреблены в именительном падеже. В коммуникативной структуре высказывания такая группа занимает позицию темы. Итак, речь идет о пословичных выражениях типа *Старый / добрый конь борозды не испортит / мимо не ступит; Незванный гость хуже татарина; Родная сторона – мать, чужая – мачеха; Родимое пятнышко – к счастью* и т. п. При такой структурно-семантической организации предложения в нем реализуются отношения причинно-следственной обусловленности. Иными словами, смысловые отношения между тематической и рематической частями высказывания, построенного по модели, о которой идет речь, – это отношения между причиной (тема) и следствием (рема). Порядок слов в этих случаях получает дополнительную смысловую нагрузку.

Материалом для анализа послужили пословицы и поговорки (378 единиц), извлеченные в результате сплошной выборки из словаря В.И. Даля (Даль, 2009).

Тематические группы пословиц

С точки зрения «явности», выраженности причинно-следственных смысловых отношений и области их проявления, пословичные выражения могут быть обобщены в тематические группы, которые подробно рассматриваются далее.

1. Природные приметы – выражения, в которых, по словам Т.С. Садовой, фиксируются результаты наблюдений за явлениями природы, когда обнаруживается закономерная, предсказуемая на основе многократной или постоянной повторяемости взаимозависимость между этими явлениями [Садова, 2012]. Взаимозависимость реализуется на основе временной последовательности (что лежит в основе отношений между причиной и следствием), когда второе невозможно без первого или появление / проявление первого обязательно влечет за собой второе. Приметы фиксируются на основе, как уже было сказано, непосредственных наблюдений. Касаются они погоды, прогнозов об урожайности в общем или какого-либо определенного растения. В эту группу нами отнесены и суеверия.

Прилагательные в таких выражениях акцентируют внимание на гипертрофирован-

ном признаке предмета, ситуации, проявление которого предвещает то или иное развитие события: *Густая опока (иней) – к урожаю овса; Длинные капельники (сосульки) – долгий лен; Сильная завязь орехов – к урожаю проса; Рясная малина – урожай на хлеб; Холодная зима – благодать (предвещает урожай)*. Важны не просто иней, сосульки, орехи, малина или зима сами по себе, а именно их особые качества.

Следует отметить, что в синтаксических конструкциях подобного типа на первый план выступают условно-следственные отношения, что находит подтверждение в достаточно простой и однозначной их трансформации в сложноподчиненные предложения с придаточными условия, ср.: *Если сильная завязь орехов, то [это] к урожаю проса*. Данный факт является дополнительным доказательством того, что смысловые отношения в таких случаях основываются на отношениях причины и следствия и составляют первооснову других мотивационных отношений в высказывании – целевых, уступительных и т. д. Так или иначе, эти отношения могут быть объяснены, истолкованы через семантику причинно-следственной обусловленности. Возвращаясь к выражению условно-следственной связи, добавим еще одно замечание. *Условие* в значении «обстоятельство, от которого что-либо зависит» семантически близко слову *причина* в значении «явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления» (Ожегов, Шведова, 1997). Различия между условием и причиной, видимо, следует усматривать в степени обязательности проявления следствия – для причины это более жесткая связь.

В связи с этим взаимозависимость двух ситуаций, которые в составе приметы соотносятся как причина / условие и следствие, устанавливается на основе непосредственного наблюдения за природными явлениями, жизнью и поведением растений и животных. Это то, что возможно проверить эмпирическим путем. В подобных выражениях прилагательные реализуют свои прямые значения, сами пословицы-приметы понимаются в буквальном смысле.

Особое место среди примет занимают приметы-суеверия. В этой статье не ставит-

ся задача подробного анализа таких выражений, поэтому ограничимся несколькими замечаниями, которые имеют отношение к рассматриваемой теме. В приметах-суевериях для прилагательного открывается возможность развить или реализовать символическое значение. Суетверия по своему происхождению восходят к мифологическим представлениям об устройстве мира. С этим связано предопределение тех отношений мотивации, которые обнаруживают себя в соответствующих выражениях пословичного типа: *Родимое пятнышко – к счастью; Краденые семена лучше рождаются; Рыжий да красный – человек опасный; Срослые брови сулят счастье; Черные тараканы заводятся – к прибыли; Сухое бревно в срубе – к счастью; Черная и пестрая корова впереди стада – к несчастью, белая и рыжая – к ведру*. В подобных выражениях отражены архетипические установки, сопровождающие человека с древнейших времен. Особенно ярко эти установки проявляются в отношении цветных прилагательных. Например, с одной стороны, рыжий, красный – цвет, устойчиво ассоциируемый с солнцем и огнем (рыжая корова впереди стада – это символ хорошей, солнечной погоды), в противоположность черному – цвету темного, ненастного дня; с другой – рыжий да красный опасны, как могут быть опасны огонь или солнце в дни палящего зноя и засухи.

Истоки каузативного смысла у прилагательных, входящих в тематическую часть в предложении-пословице со значением приметы-суеверия, необходимо восстанавливать с опорой на мифологию и фольклор, с учетом символического оттенка в значении прилагательного. Все это требует отдельного, тщательного рассмотрения.

2. Пословицы, характеризующие человека.

Данную тематическую группу можно определить на основе паремиологических выражений, которые характеризуют человека с какой-либо стороны: *Добрый человек надежнее каменного моста; Добрый человек добру и учит; Злой человек не проживет в добре век* и т. п.

Принцип построения выражения и, соответственно, принцип соотношения каузативно-

го признака-свойства с его следствием – другим признаком-свойством или характерным действием – таков же, как и в выражениях-приметах. Фиксируется типическое, предсказуемое, или прогнозируемое, поведение. При этом априори предполагается, что в коммуникации говорящий и адресат понимают, осознают семантический объем прилагательного, находящегося в препозиции, в абсолютном начале выражения, и именно это позволяет предвидеть, предугадать развитие ситуации. Иными словами, необходимо изначально знать, что значит быть хорошим, добрым или плохим, злым и т. п., чтобы установить причинно-следственную связь, закономерность в поведении человека или выразить дополнительную оценку к его исходному качеству: **Незванный гость хуже татарина; Затейливые ребята недолговечны; Хороший гость хозяину в почет; Близкий сосед лучше дальней родни; Старый друг лучше новых двух** и т. п. С одной стороны, в высказывании это априорное знание закономерно оказывается в позиции темы, то есть в части, которая содержит исходный, известный фрагмент информации; с другой – оно не появляется как данность само по себе, это итог и обобщение многочисленных наблюдений за закономерностями в поведении человека, усвоение и принятие норм и оценок, существующих и действующих в культуре, к которой человек относится. Сами пословицы как некий кодекс нравственно-этических установок народа участвуют в формировании и закреплении в сознании человека шкалы ценностей и ценностного отношения к миру, к самому себе и другим. Прилагательное в таких выражениях приобретает особую функционально-семантическую значимость.

Актуальным в паремиях становится противопоставление и сопоставление, которые строятся на оппозициях, относимых к числу архетипических: *хороший (добрый) / плохой (худой), добрый / злой*. В самом широком обобщении противопоставление сводится к оценке какого-либо явления как положительного или отрицательного – в соответствии, как уже было сказано, с действующей шкалой оценок. Под это универсальное противопоставление могут быть подведены пары *свой / чужой, сытый / голодный, богатый / бед-*

ный, званный / незванный и т. п.: **Своя рубаха ближе к телу; Своя ноша не тянет; Чужой человек в доме – колокол; Чужой рот не хлев – не затворишь; Чужой ум не попутчик; Сытое брюхо спит, голодное на слуху сидит; Тощий живот ни в пляску, ни в дело; Незванные гости с пиру долой; Убогий мужик и хлеба не ест, богатый – и мужика съест**.

В пословицах человек часто выступает в какой-либо социально-бытовой роли. При характеристике этих ролей задействуется система эталонов и стереотипов, связанных с типичным, должным поведением человека в какой-либо из своих ипостасей – как мужчины / женщины (соответственно мужа / жены, отца / матери, брата / сестры, сына / дочери и т. п.); как представителя той или иной национальности, социального слоя, профессии или рода занятий: **Красивый муж на грех, а дурной на смех; Скоморохова жена всегда весела; Честный муж одну только жену обманывает; Умная жена как нищему сума – все бережет; Сварливая жена в доме пожар; Добрая жена дом бережет, а плохая рукавом разнесет; Отцовская клятва сушит, а мать коренит; Материнская молитва со дна моря вынимает; Больная жена мужу не мила; Блудный сын – ранняя могила отцу; Меньшой сын на корню сидит; Русский человек без родни не живет; Голодный француз и вороне рад; Казенный крестьянин живет, как бог велит, а барский – как барин рассудит; Добрый раб за господина умереть рад; Завистливый поп два века живет; Добрый портной с запасом шьет; Старый полковник старше молодого генерала; Пьяный солдат по льду перейдет, а собака провалится; Добрый вор без молитвы не украдет; Умный товарищ – половина дороги**.

Образную, метафорически осмысленную характеристику человека передают выражения с анималистическим компонентом. Степень употребительности названия того или иного животного в составе пословицы определяется близостью к человеку и значимостью в его жизнедеятельности – это домашние и дикие животные, обитающие в определенной природной зоне, их образы являются фоном для культуры, распространенной в этой

зоне. В общем паремиологические образы животных оказываются носителями тех или иных качеств и в таком отношении напрямую связаны с фольклорными мотивами и мифологией. Качество приписывается животному как характерный признак на основе повседневных наблюдений за его поведением, повадками, и все это в итоге переносится на человека: *Голодный волк сильнее сытой собаки; Лисье племя только льстит да манит; Добрый конь не без седока; Домашний теленок лучше заморской коровы; Живой пес лучше мертвого льва; Мертвый пес зайца не нагонит; Добрая наседка одним глазом зерно видит, другим глазом коршуна; Сердитый волк в капкане сам себе лапу отъест, а в руки не дастся; Маленькая собачка до старости щенков; Ретивая лошадка недолго живет; Надсажен конь недалеко везет; Блажная собака и на небо лает; Плохое пороса и в петровки зябнет; Старый волк знает толк; Добрый (старый) конь борозды не испортит (мимо не ступит); Драчливый петух жирен не бывает; Свиные глаза не боятся грязи и т. п.*

Пословицы о человеке становятся средством вербализации системы действующих в той или иной национальной культуре эталонов и стереотипных представлений. Это выражения-формулы, которые категоризируют мир на основе системы ценностей – этических, эстетических, телеологических и др. Наиболее полное воплощение и реализацию процесс категоризации получает в выражениях с субстантивированными прилагательными. Признак, обозначенный субстантивом, абсолютизируется, осмысливается как самостоятельная сущность, которая важна уже вне связи с его носителем, тоже обозначенным существительным. Самостоятельность, самооценность характеризующего признака, качества, свойства находит свое «физическое» воплощение в опредмечивании признакового значения и соответственно в приобретении словом-прилагательным грамматических свойств слова-существительного – фиксации родовой отнесенности, номинализации падежных и числовых форм: *Сытый голодному не товарищ; Мертвый с погоста не ворячается; Пьяный проспится, а дурак никогда; Злой плачет от зависти, а добрый от жалости; Горбатый на базаре шубы не по-*

купают; Мокрый дождя не боится; Запасливый нужды не терпит; Удалой недолго думает; Богатый-то с рублем, а бедный-то со лбом; Скупой запирает крепко, а потчует редко; Тихий наедет, а бойкий сам наскочит; Счастливым на коне, несчастный пеш; Голый разбою не боится; Злой не верит, что есть добрые люди; Живой не без места, мертвый не без могилы; Смирный в артели – клад.

Наблюдается следующая закономерность процесса субстантивации: в выражениях с формами мужского рода субстантивированный признак однозначно соотносится с представлением о человеке как носителе названного признака; в выражениях с формой среднего рода признак-субстантив не соотношен с каким-либо конкретным носителем: это максимальное абстрагирование, отвлечение качества как такового – его, как уже было сказано, абсолютизация. Форма среднего рода становится грамматическим средством выражения значения отвлеченности, а такое направление субстантивации – путь пополнения состава отвлеченных существительных: *Неправедное как пришло, так и ушло, а праведная денежка век кормит; Казенное на грех наводит; Казенное на воде не тонет, на огне не горит; Зашибенное вспухнет, а посеянное взойдет; Лучшее – враг хорошего.*

При субстантивации каузативный оттенок в значении признака-субстантива выходит на первый план. Среди прочих условий протекания данного процесса наличие такого компонента в семантике исходного прилагательного играет если не ведущую, то одну из главных ролей. Необходимо также отметить, что позиция прилагательного в тематической части высказывания позволяет ему реализовать причинно-следственные отношения и субстантивироваться в формах косвенных падежей: *Конного гостя провожай до коня, а пешего до ворот; Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу; На гнилой товар да слепой купец; Повинную голову (покорной головы) и меч не сечет; Доброму человеку – что день, то и праздник; Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу; Пьяному море по колено; Богатому завсе праздник; Горбатого исправит могила, а упрямого дубина; Лежачего не бьют; Доб-*

рому бог помогает; Убогому подле богато-го жить – либо плакать, либо тужить.

3. Пословицы, характеризующие ситуацию.

Выводы и обобщения, сделанные на основе анализа примет и пословичных выражений, характеризующих человека, оказались справедливыми и закономерными и по отношению к паремиям, в которых описывается какая-либо типичная ситуация, положение дел. Причинно-следственные отношения фиксируются как итоговое обобщение наблюдений за множеством схожих ситуаций – появляются так называемые генерализованные высказывания, вне времени и пространства, с максимально обобщенным субъектом. Пословицы-характеристики ситуаций вмещают в свое смысловое пространство свойства и пословиц-примет (как и приметы, они рождаются на основе эмпирических наблюдений и констатации фактов), и пословиц-характеристик человека (они имеют ярко выраженную оценочность и соотносимы со шкалой ценностных измерений). В фокусе такого выражения находятся разнообразные значимые с точки зрения человека аспекты ситуаций сферы его деятельности: труд, досуг, социально-бытовые взаимоотношения, религия и ритуалы, связанные с ней, отношение к миру природных явлений и т. п.: *Старинная пословица не мимо молвится; Хорошая земля назем раз путем примет, да девять лет помнит; Красное лето никому не докучно; Царский праздник не наш день, а государев; Чужая изба засидчива; Мартовское пиво с ног сбило; Убогая гордость – дьяволу потеха; Невольная женитьба не веселье; Господская болезнь – крестьянское здоровье; Кривое веретено не исправится; Рогожный парусок лучше крашенных весел; Честное слово и буйну голову смиряет; Хорошая слава лежит, а худая бежит; Домашние мысли в дорогу не годятся; Тихая вода берега подмывает (и плотины рвет); Тупой серп руку режет пуще острого; Первая пороша – не санный путь; Недорубленный лес скоро вырастает; Хорошее начало полдела откачало; Трудовая денежка плотно лежит, чужая ребром торчит; Хороший жернов все смелет, плохой сам смеется; Мирская шея жилиста; Семейная каша погуце ки-*

пит; Золотой молоток и железные двери отворяет; Неветяный хлеб не голод, а посконная рубаха не нагота; Великий пост всем прижмет хвост; Неподмазанное колесо скрывает; Строгий закон виноватых творит; Царские милости в боярское решение сеются.

Препозитивные прилагательные в такого рода выражениях не только характеризуют объект, но и акцентируют смысловой фокус высказывания на предполагаемых и предвидимых причинно-следственных связях, которые закономерно выявляются в рематической части предложения. Признак, названный прилагательным, обуславливает то или иное развитие ситуации.

Пословицы, обладая особыми этнокультурными и собственно лингвистическими свойствами, отличаются одновременной свернутостью и развернутостью смысла: в минимальной внешней структуре (собственно языковой формуле) реализуется максимально широкий смысл – от повседневного, бытового до широкого философского. *Кривое веретено не исправится* – не исправится как буквальное веретено, сделанное криво и из-за этого создающее помехи при прядении, так и любой объект, в котором есть дефект, изъян – неисправимый и поэтому постоянно мешающий в каком-либо деле. Образ кривого веретена становится символом непригодной для своего прямого назначения вещи, непригодной в силу своей «неправильности», несоответствия эталону – прямому веретену. Весь этот семантический объем (и даже больший) вложен в короткое пословичное выражение. Для его понимания, с одной стороны, нет необходимости в предыдущем или последующем контексте, как это происходит в связном тексте; с другой – требуются достаточно широкие по охвату фоновые, «энциклопедические» знания. Если с этих позиций подходить к оценке роли прилагательного в рассматриваемом типе синтаксических конструкций, по которому построены пословицы, то можно предположить, что роль эта заключается в формировании вида предложений, которые по своей природе служат средством выражения **каузальной атрибуции**.

Под каузальной атрибуцией в социальной психологии понимается склонность человека

к выяснению и интерпретации причинно-следственных зависимостей в поступках, переживаниях и поведении других людей. Установление и приписывание причин осуществляется во многих случаях на основе сопоставления поведения человека с каким-либо образцом, зафиксированным в прошлом опыте воспринимающего субъекта. Значимым оказывается при этом процесс оценивание поведения как социально желательного, соответствующего социальным и культурным нормам, и социально нежелательного, нарушающего эти нормы [Андреева, 2001, с. 96–98].

Рассматриваемые здесь пословицы с препозитивным прилагательным – это, на наш взгляд, непосредственное воплощение каузальной атрибуции. Их структурно-семантические свойства и коммуникативное назначение позволяют выделить особый функционально-прагматический тип высказываний с каузативной семантикой, где имя прилагательное, являясь второстепенным членом предложения в структурном плане, оказывается его смыслоорганизующим началом с точки зрения выражения причинно-следственной обусловленности. Эти пословицы, как уже отмечено ранее, формируют и фиксируют систему норм и антинорм, действующих в той или иной культуре.

Функции

морфолого-синтаксических средств в пословицах с каузальной семантикой

Оценочная шкала может переосмысливаться. В этом случае в пословице специально оговаривается такой момент, акцент делается на преобразовании положительного в отрицательное и наоборот. Для этого используются специальные средства выражения: препозитивный союз-частица *и*, противопоставительные конструкции с союзами *а*, *да*, бессоюзные конструкции с отношениями противопоставления: *И худой живот, да хлеб жует*; *И поджарый (и тонкий) живот без еды не живет*; *И худой квас лучше хорошей воды*; *И красное солнышко на всех не угождает*; *И маленькая рыбка лучше большого таракана*; *Черны руки, да бела копеечка*; *Черна корова, да бело молочко*; *Невеличка птичка, да ноготок остер*; *Невеличка блошка,*

а спать не дает; *Чужая земля – лебедушка, а своя – полынь горькая*; *Черные ризы не спасут, а белые не погубят*; *Рабочий конь на соломе, а пустошляк на овсе*; *Малый вор бежит, большой лежит*.

Одно из специализированных средств выражения переосмысления оценки, перенесения ее с одного полюса на другой – это конструкции типа N_1 лучше / хуже N_2 , в которых сопровождающие прилагательные противопоставлены антонимически: *Худой мир лучше доброй брани (драки, ссоры)*; *Соломенный мир лучше железной драки*; *Худое молчание лучше доброго ворчания*; *Сытый волк смиреннее завистливого человека*; *Умная ложь лучше глупой правды*; *Цыганская правда хуже православной кривды*; *Скупой богач беднее нищего*; *Городское теля мудреней деревенского пономаря*; *Духовное родство нуще плотского*; *Живое слово дороже мертвой буквы*; *Худое ремесло лучше хорошего воровства*; *Маленькая добычка лучше большого наклада*; *Домашняя гривна лучше заезжего рубля*; *Медные деньги звонче золотых*. При таком противопоставлении либо положительную оценку получает признак, который в обычной ситуации соотносится с отрицательным полюсом, поэтому становится возможным, что нечто «худое» оказывается лучше и предпочтительней чего-либо «хорошего», «доброе», а медные деньги ценятся дороже золотых, либо положительная или отрицательная оценка подтверждается, усиливается – в тех случаях, когда противопоставление, противоречие возникает внутри словосочетания «прилагательное + существительное»; при этом формируется сложная, многокомпонентная оппозиция оценок, ср.: *сытый волк – завистливый человек*; *умная ложь – глупая правда*; *цыганская правда – православная кривда* (в основе многих подобных выражений лежит оксюморонное сочетание).

Возвращаясь к лингвистической стороне рассматриваемого типа пословиц, отметим их значимые особенности. Если говорить о паремиях, построенных по модели простого предложения, можно выделить их структурные типы в зависимости от способа выражения предиката. Первый тип – это предложения с глагольным предикатом (типа *Старая пословица век не сломится*; *Мартовское*

пиво с ног сбило; Волчья шкура и в городе воет; Хороший товар сам себя хвалит); второй – с именным предикатом. Последний подразделяется на подтипы в зависимости от конкретного средства выражения именного сказуемого: предложения с предикатом-существительным (*Золотая клетка соловью не потеха; Плохая шутка баламутка; Хороший лов рыбы – к урожаю хлеба*); с прилагательным в краткой форме (*Чужая изба засидчива; Званный гость убыточен; Хвастливое слово гнило*); с прилагательным в форме сравнительной степени (*Нежданный гость лучше жданных двух; Почтенный покупатель дороже денег; Даровое лычко лучше купленного ремешка*).

Паремии, построенные по модели сложного предложения, также можно классифицировать и на других принципах – на основе смысловых отношений между частями и по характеру средств связи между ними. Предложения союзного типа – это, как правило, построенные на основе антитезы сложноподчиненные предложения с сопоставительно-противительным союзом *а*: *Добрая слава за печкой сидит, а худая по свету бежит; Чужой дурак – веселье, а свое – бесчестье*. Им синонимичны бессоюзные конструкции сопоставительного характера: *Хорошая жизнь ум рождает, плохая и последний теряет; Тесный сапог разносится, широкий ссядется; Добрая земля – полная мошна, худая земля – пустая мошна*. Кроме того, среди бессоюзных конструкций выделяется тип с ярко выраженными условно-следственными смысловыми отношениями: *Западный ветер под низкими облаками – пора сеять ярицу; Крылатые муравьи показали – сей овес; Длинные капельники (сосульки) – долгий лен; Рясная малина – урожаем на хлеб*. Здесь препозитивное прилагательное – ключевое средство, смысловой центр, благодаря которому устанавливаются отношения условия / причины и следствия: важен не любой ветер, а именно западный; важны не муравьи вообще, а именно крылатые.

Выводы

В результате проведенного исследования охарактеризовано функционирование препози-

тивного прилагательного в составе пословиц русского языка. Выявленные особенности его использования позволяют по-новому осмыслить семантическую природу этой части речи и ее функциональный потенциал. В отводимой прилагательному достаточно скромной роли второстепенного члена предложения (определения) заключена более глубокая смысловая идея: эти слова, называя тот или иной признак, соотносимый с предметом, явлением и привязанный к ним, создают и поддерживают в предложении каузальную детерминацию, в которой реализуется назначение имени прилагательного. Такие соображения ведут далее к мысли о необходимости расширения перечня средств выражения каузативности, среди которых традиционно оказываются глаголы, добавлением в него имени прилагательного. Остается открытым вопрос, возможно ли говорить о том, что любое прилагательное способно реализовать каузативное значение. Ответ на него требует тщательного исследования.

Одна из обнаруженных в результате анализа закономерностей заключается в том, что каузативное значение у прилагательного в полной мере проявляется при включении атрибута в группу подлежащего, которая находится в абсолютном начале высказывания. В этой позиции каузативность реализуется у адъектива и в именительном, и в косвенных падежах.

Следует попутно отметить, что это наблюдается не только в русском предложении. Можно предположить, что такие свойства атрибутивов реализуются и во многих других индоевропейских языках. Верификация этой гипотезы составляет перспективы исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 27.9712.2017/БЧ «Полиэтническая образовательная среда современного вуза: проблемы многоязычия и межкультурной коммуникации»).

The work was carried out in the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project no. 27.9712.2017/БЧ “Polyethnic Educational Environment of a Modern University: Problems of Multilingualism and Intercultural Communication”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Г. М., 2001. Социальная психология. М. : Аспект Пресс. 290 с.
- Волохина Г. А., Попова З. Д., 1999. Синтаксические концепты русского предложения. Воронеж : ВГУ. 196 с.
- Всеволодова М. В., Ященко Т. А., 2015. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М. : ЛИБРОКОМ. 210 с.
- Евтюхин В. Б., 1996. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб. : Наука. С. 138–174.
- Кубрякова Е. С., 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры. 560 с.
- Михеева С. Л., 2015. Признак, обуславливающий действие: о роли прилагательного в высказывании при выражении причинных отношений // Научный диалог. № 12 (48). С. 120–131.
- Оркина Л. Н., 2010. Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке. СПб. : САГА. 332 с.
- Садова Т. С., 2012. Народная примета о традиционных ценностях // Русский язык в школе. № 3. С. 78–81.
- Соколова Е. В., 2018. Специфика выражения отношений обусловленности в русских пословицах // Научно-методический электронный журнал «Концепт». № 2. С. 161–167.
- Степанов Ю. С., 1985. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М. : Наука. 335 с.
- Vsevolodova M.V., Yashchenko T.A., 2015. *Prichinno-sledstvennye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [Causal Relations in the Modern Russian Language]. Moscow, LIBROKOM Publ. 210 p.
- Evtukhin V.B., 1996. *Gruppirovka poley obuslovlennosti: prichina, uslovie, tsel, sledstvie, ustupka* [Grouping of Fields of Causality: Cause, Condition, Purpose, Result, Concession]. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Lokativnost. Bytiynost. Possessivnost. Obuslovlennost* [Theory of Functional Grammar. Locativity. Beingness. Possessiveness. Conditionality]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 138-174.
- Kubryakova E.S., 2004. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 560 p.
- Mikheeva S.L., 2015. *Priznak, obuslovlivayushchiy deystvie: o roli prilagatel'nogo v vyskazyvanii pri vyrazhenii prichinnykh otnosheniy* [Feature Determining Action: On Role of Adjective in Utterance when Expressing Casual Links]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 12 (48), pp. 120-131.
- Orkina L.N., 2010. *Sintaksicheskie struktury s semantikoy obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic Structures with Semantics of Conditionality in the Modern Russian Language]. Saint Petersburg, SAGA Publ. 332 p.
- Sadova T.S., 2012. *Narodnaya primeta o traditsionnykh tsennostyakh* [Folk Sign of Traditional Values]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 3, pp. 78-81.
- Sokolova E.V., 2018. *Spetsifika vyrazheniya otnosheniy obuslovlennosti v russkikh posloviatsakh* [Specific Ways of Expressing Conditioning Relations in Russian Proverbs]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*, no. 2, pp. 161-167.
- Stepanov Yu.S., 1985. *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the Three-Dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, Art]. Moscow, Nauka Publ. 335 p.

СЛОВАРИ

- Даль, 2009 – Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : Дрофа, 2009. 816 с.
- Ожегов, Шведова, 1997 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. 994 с.

REFERENCES

- Andreeva G.M., 2001. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow, Aspekt Press Publ. 290 p.
- Volokhina G.A., Popova Z.D., 1999. *Sintaksicheskie kontsepty russkogo predlozheniya* [Syntactic Concepts of the Russian Sentence]. Voronezh, VGU. 196 p.

DICTIONARIES

- Dal V.I., 2009. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian Folk]. Moscow, Drofa Publ. 816 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu., 1997. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ. 994 p.

Information about the Author

Svetlana L. Mikheeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Pedagogy and Methodology of Primary Education, I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, K. Marks St., 38, 428000 Cheboksary, Russia, mikhsveta@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6895-4722>

Информация об авторе

Светлана Львовна Михеева, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики начального образования, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, ул. К. Маркса, 38, 428000 г. Чебоксары, Россия, mikhsveta@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6895-4722>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.9>

UDC 811.161.1:398.91
LBC 81.411.2-51

Submitted: 14.01.2019
Accepted: 15.05.2019

MODEL “MEANING ↔ APPLICATION” IN STUDYING RUSSIAN PROVERBS

Larisa A. Dzhelalova

Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy (Branch),
Dimitrovgrad, Russia

Abstract. The article is devoted to research of a communicative aspect of Russian proverbs in the model “Meaning ↔ Application” that is based at supposition about their triple nature. The aim was to identify the communicative and pragmatic properties of Russian proverbs and their potential to be used by a speaker as an argument or counter-argument in some situations. The material for the study were Russian proverbs that were collected in V.I. Dahl Dictionary and viewed as embedded in the text / discourse of a work of art or independent communicative acts. The methodological basis of the research is a combination of methods, in particular, methods of observation, comparison, interpretation, synthesis, sentence analysis with regard to a reference situation analysis presented in the internal proverb form, as well as a discourse analysis, including interpretation of the proverb meanings and their pragmatic properties that are hidden in the context of communicative situations. It helps to characterize models of communicative behavior as a presentation of the subject against the background of some other subjects of the communicative situation. This approach is thought to be efficient in discovering functional value of the proverbs in adjusting communication by means of characterizing the other participant. Being used for implementing some tactics in communicative acts the proverb with its hidden intentions becomes a means of correction relations between speakers. The approach chosen in this research opens the way for clarifying the subject matter and dividing the proverbs into thematic and structural-logical groups and enlarging knowledge on Russian paremiological discourse, thus lessening the chance of their misinterpretations.

Key words: proverb, communicative model, communicative strategy, speech tactics, speech act, intension, Russian.

Citation. Dzhelalova L.A. Model “Meaning ↔ Application” in Studying Russian Proverbs. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 94-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.9>

УДК 811.161.1:398.91
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 14.01.2019
Дата принятия статьи: 15.05.2019

МОДЕЛЬ «ЗНАЧЕНИЕ ↔ ПРИМЕНЕНИЕ» В ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Лариса Анатольевна Джелалова

Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (филиал),
г. Димитровград, Россия

© Джелалова Л.А., 2019

Аннотация. Статья посвящена исследованию коммуникативного плана русских пословиц в модели «Значение ↔ Применение» с учетом их тройственной природы. Цель – выявление коммуникативных и прагматических свойств русских пословиц и возможностей их применения говорящим в качестве аргумента или контраргумента в конкретной ситуации. Материалом для изучения послужили русские пословицы как внедренные в текст / дискурс художественного произведения, так и представляющие собой самостоятельные коммуникативные элементы. Методологическая база включает дискурсивный анализ, методы наблюдения, интерпретации, обобщения, сопоставления и классификации изречений. Результатом проведенного анализа стало описание коммуникативного плана пословиц, позволяющее квалифицировать их как коммуникативные поведенческие модели, характеризующие субъект относительно его самого или на фоне других субъек-

тов коммуникации. Такое видение научной проблемы дает возможность выявить пути конструирования эффективного общения, которое осуществляется посредством характеристики участника коммуникации, выбора верной тактики и коммуникативного хода, корректировки модели мира участников коммуникации с актуализацией при этом заложенных в пословицах интенций. Комплексное исследование пословиц с опорой на структурно-семантический и коммуникативно-прагматический подходы позволяет преодолеть трудности толкования пословиц и расширить их тематическую и структурно-логическую классификацию, обогащая представления о русскоязычном паремиологическом дискурсе.

Ключевые слова: пословица, коммуникативная модель, коммуникативная стратегия, речевая тактика, речевой акт, интенция, русский язык.

Цитирование. Джелалова Л. А. Модель «Значение ↔ Применение» в изучении русских пословиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 94–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.9>

Постановка проблемы

Становление любой личности базируется на стереотипах – доминирующих в общественном сознании поведенческих моделях, которые оказывают влияние на формирование индивида, регулируя его поведение в рамках историко-культурных традиций и национальных приоритетов. Одной из таких моделей, как видится, являются пословицы, поскольку именно они, представляя собой свод национальных ментальных установок (по терминологии Ю.Н. Караулова – «прецедентные тексты» [Караулов, 2010, с. 217–219]), наполнены «культурной памятью» и могут выступать как законы, определяющие позицию человека в социуме, восприниматься носителями лингвокультуры как факт, данность, чаще всего не требующая доказательства. Формируя в сознании носителей лингвокультуры идеальные модели полезных результатов их деятельности, именно пословицы, создаваемые естественным путем, в силу своей функциональной направленности актуализируют коллективный опыт, обобщая «повторяющиеся в конкретных однопорядковых ситуациях признаки» [Маслова, 2014, с. 82]. Используемые говорящим в качестве аргумента, они могут быть не только смыслообразующими элементами коммуникативного пространства, но и стандартными средствами воздействия, влияющими на положительный результат общения, обеспечивающими «точность и недвусмысленность самого высказывания, в которое говорящий вкладывает информацию о своем коммуникативном намерении» [Джелалова, 2017а, с. 85].

Многочисленные исследования доказали, что при внешней простоте и широте возможностей речевых ситуаций применения пословицы представляют собой сложные образования. «С одной стороны, это явления языка... с другой – какие-то логические единицы (суждения или умозаключения); с третьей – художественные миниатюры, в яркой чеканной форме отражающие факты живой действительности» [Пермяков, 1970, с. 8]. Как единицы языка пословицы выполняют все его функции: коммуникативную, конструктивную, побудительную, информационную и т. д.; как логические единицы (суждения, умозаключения) без учета образов и семантических связей являются структурой, логическое соотношение ключевых компонентов которой способствует выявлению соотношений элементов смыслового ядра между собой; как художественные миниатюры – трактуют факты живой действительности в качестве законов, правил, обычаев, проверенных временем и принятых обществом за образец.

Отмеченная Г.Л. Пермяковым тройственная природа пословиц, думается, обуславливает необходимость их комплексного исследования с учетом структуры (когнитивный план), семантики (концептуальный план), коммуникативной ситуации и прагматики (коммуникативный план) посредством обобщенной модели «Текст ↔ Смысл ↔ Значение ↔ Применение», отражающей структурно-семантический и коммуникативно-прагматический подходы к объекту изучения. Описание когнитивного плана пословиц осуществляется нами по модели «Текст ↔ Смысл», концептуального – «Смысл ↔ Значение», коммуникативного – «Значение ↔ Применение» (под-

робно об этом подходе см.: [Джелалова, 2013; 2017б]). Статья посвящена характеристике коммуникативных и прагматических свойств русских пословиц и их влиянию на коммуникативный процесс в рамках модели «Значение ↔ Применение».

Материалом для работы послужили русские пословицы, извлеченные из словарей, составленных В.И. Далем и В.П. Жуковым. Исследуются единицы как внедренные в текст / дискурс художественного произведения (сопровождаются ссылкой на источник), так и представляющие собой самостоятельные коммуникативные элементы (приводятся без отсылки к источнику).

Коммуникативный план русских пословиц

Описание русских пословиц в коммуникативном плане направлено на выявление их внутренних коммуникативных моделей, прагматических свойств, сферы применения. Под значением мы понимаем принцип формирования концептуального образа, заложенного в изречении посредством синонимичных ему характеристик (концептуальный план). В этом случае, рассматривая текст, равный по своей структуре, с одной стороны, пословице, а с другой – ее тематическому воплощению в дискурсе художественного произведения, понимаем пословицу как физический сигнал, несущий знаковую информацию некой действительности (или ее фрагмента) посредством смысла, способствующего формированию соответствия между смыслом и значением. Под применением понимаем практическую реализацию модели «Значение ↔ Применение»: где, когда и при каких обстоятельствах в процессе коммуникации данные изречения могут быть использованы с максимальной точностью и предельной эффективностью, а также степень их влияния (или отсутствие такового) на положительный исход общения.

Цель исследования коммуникативного плана – выявление коммуникативных и прагматических свойств русских пословиц и описание возможностей использования пословиц говорящим в качестве аргумента (контраргумента) в конкретной ситуации общения. В этом случае коммуниканты, по В.И. Карасику, – не

просто субъекты общения, а языковые личности, представляющие собой «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2003, с. 363], в нашем случае характерных для русской национальной культуры и менталитета русского языкового сообщества.

Пословицы являются образцом определенной ситуации общения, их применение в конкретном коммуникативном акте позволяет говорящему выработать механизм предполагаемого речевого поведения, то есть разработать стратегию и тактику планируемого речевого акта, ведущего к положительному результату. В понимании коммуникативной стратегии мы опираемся на определение, данное О.С. Иссерс: это «совокупность речевых действий, направленных на решение общих коммуникативных задач говорящего (“глобального намерения” по ван Дейку)» [Иссерс, 2002, с. 109–110]. Речевая тактика – одно или несколько действий, используемых коммуникантами как умения, необходимые для построения диалога в рамках той или иной стратегии. Например, установление контакта (*Здравствуй! Здорово, коли не шутишь!*); самопрезентация (*Здравствуй, милая, хорошая моя, чернобровая, похожа на меня!*); устранение от контакта или его блокирование (*Будь здоров, да отойди прочь!*); коррекция модели мира собеседника (*Плачь не плачь, а есть-пить надо*); угроза (*Дружиться дружись, а за саблю держись!*); просьба (*Прости Христа ради за прошлое, да и напредки тож*); обвинение (*Сытый голодного не разумеет*) и т. д.

Пословица, выступающая в качестве «инструмента» коммуникации, фокусирует прошлый предметно-чувственный опыт народа и воплощает прагматические, в первую очередь аксиологические, или ценностные, свойства в категориях «хорошо – плохо»: *Держи девку в тесноте, а деньги в темноте*; «лучше – хуже»: *Кривой не беда, а горе криводушный*; «равноценно»: *На старости две радости: один сын – вор, другой – пьяница*. В.И. Карасик выделяет две большие группы норм поведения человека: этические (критике подвергается тот, кто проявляет недостаток морального качества) и утилитарные

(допускающие двустороннее измерение) [Карасик, 2000; 2004, с. 25–29]. Нами установлено, что с данным группами норм могут быть соотнесены пословицы четырех коммуникативных моделей (далее – КМ), в которых характеристика субъекта может происходить:

1) через описание его личных качеств (*Хорош, пригож, на лиху болезнь похож*), а также качеств его действия как процесса (*Сухая ложка рот дерет*) и результата (*Бился, колотился, а доброй жены не добился*) – КМ1 (представлена описательными пословицами);

2) в сравнении субъекта или его действий с другим субъектом через зависимость одного от другого (*Денежки, что голуби: где обовьются, там и поведутся*), а также взаимозаменяемость одного другим (*Читает: «Да будет воля твоя!», а думает: «Когда б то моя!»*) – КМ2 (представлена сравнительными пословицами);

3) через сравнение его качеств с качествами другого субъекта (объекта), находящегося в этой же ситуации (*Люди солгали, да и мы правды не сказали*) – КМ3 (представлена описательными пословицами с элементами сравнения);

4) сравнение характеризуемого субъекта с другим равным (неравным) ему субъектом через превосходство (*Бойтся школьник лозы пуще грозы*) или взаимоисключение (*Большая рыба маленькую целиком глотает*) – КМ4 (представлена сравнительными пословицами с элементами описания).

Пословицы, обладая коммуникативной направленностью, не только задают эмоциональный фон всему высказыванию, но и привлекают внимание к говорящему, усиливая речевое воздействие. Под коммуникативной направленностью понимаем намерение одного из коммуникантов посредством убедительности подвести партнера к желаемому результату. Пословицы могут выступать в качестве аргумента (контраргумента), возникшего в процессе общения как реакция на сложившуюся ситуацию. В понимании термина «аргументация» мы следуем за А.Н. Барановым, который охарактеризовал ее как «совокупность процедур над моделями мира... участников ситуации общения» [Баранов, 1990, с. 11]. В этом определении актуализируется

значимый для нашего исследования коммуникативный аспект аргументации: передача знаний от одного коммуниканта к другому с изменением структуры знаний как у убеждающей, так и убеждаемой стороны. Такое изменение осуществляется, например, через установление общих пресуппозиций, имитацию солидарности, создание и внедрение в сознание адресата общих элементов мира, операции с категориями «свой – чужой» / «норма – аномалия» и обнаруживается в пословицах, представляющих различные речевые акты.

Далее рассмотрим, как реализуется коммуникативный потенциал пословиц в речевых актах утверждения, утешения, предостережения, упрека.

Пословицы речевого акта «утверждение»

Пословицы речевого акта (далее – РА) «утверждение» – это выражения, передающие отношения говорящего к слушающему (*Воин: сидит под кустом да воет*) или же оценку его действия в сложившейся ситуации (*Баба с возу – кобыле легче. Волка бояться, так и в лес не ходить*). Следовательно, коммуникативные намерения говорящего РА «утверждение» представляют собой аргументированную оценку сложившейся ситуации, а также объективную характеристику участника коммуникации как такового или же качества его действия (как процесса и результата). Например, действие как процесс: *На рогоже сидя, о соболях не рассуждают* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит через описание его качества; значение – нельзя рассуждать о том, о чем ты не имеешь представления; применение – чаще всего, когда говорящий и слушающий разных социальных слоев или же говорящий не владеет в полной мере ситуацией и не может рассуждать конструктивно):

(1) В детстве довелось ему [Тимофею Ивановичу] побегать в мальчишках у родного дяди Евстафия, который держал в Маньчской станице корчму и гостиницу. Бесцеремонно обращался Евстафий с племяншом, и уже тогда крепко усвоил семнадцатилетний рыжий Тимошка, услыша от дяди обидную истину: «*На рогоже сидя, о соболях не рассуждают*». Поповкин, Большой разлив (Жуков, с. 189).

Действие как результат: *Семеро одного не ждут* (КМ4 – характеристика субъекта происходит в сравнении его с другим / другими (равными / неравным) субъектом / субъектами через исключение одного слабого другим / другими более сильным / сильными; значение – 1) решение принимается в пользу большинства и против меньшинства, 2) мнение коллектива всегда звучит убедительно; применение – в ситуации, когда большинством исключается меньшинство):

(2) – Я вас вызывал два часа назад, – раздраженно сказал директор. – У меня были люди, – как можно спокойнее ответил Мокшин, запасаясь терпением. – У них больше времени – могли и подождать. – У меня было семеро человек... как раз по поговорке: *Семеро одного не ждут*. Попов, Закипела сталь (Жуков, с. 294–295);

Авось да как-нибудь до добра не доведут (КМ1 – характеристика субъектов происходит по конечному результату их действия; значение – работа не в полную силу не приведет к успеху; применение – в ситуации, когда говорящий не уверен в положительном исходе (конечном результате действия партнеров по коммуникации):

(3) Зря вы нас, Осип Егорович, даю благородное слово... Уж вы не обижайтесь, авось скотину пригоним в средней упитанности. – Против ожидания, Веревкин ответил очень спокойно, даже коротко: – *Авось и как-нибудь до добра не доведут*. В. Авдеев, Гурты на дороге (Жуков, с. 33).

Эффективность применения РА «утверждение» зависит от ряда условий:

– даваемая ситуации (конкретному лицу) оценка аргументирована и соответствует действительности, а потому в полной мере (или частично) принята слушающим [A<B] или говорящим [A>B] без явного отрицания: *Авось и как-нибудь до добра не доведут. На рогагоже сидя, о соболях не рассуждают. Семеро одного не ждут* и т. д.;

– слушающий (B) не имеет представления о причине выбора говорящим (A) тех или иных вариантов общения и воспринимает полученную им информацию как единственно возможную и адекватно отражающую внеязыковую действительность [A<B]: *С лица воды не пить, можно и с рябою жить*.

Пословицы речевого акта «утешение»

Пословицы РА «утешение» передают стремление говорящего вызвать изменение в убеждениях слушающего через обращение к его собственному критическому суждению посредством позитивных сообщений. Например, через эмоциональные обращения: *Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая! Дай-то, боже, чтоб все было гоже!*; логические выводы или весомые аргументы: *Что ни делается, все к лучшему*. Коммуникативным намерением говорящего является желание снизить эмоциональное напряжение слушающего, не позволяя ему в полной мере пережить душевные страдания и стабилизируя его психологическое состояние посредством пословиц. Следовательно, применение РА «утешение» будет эффективным тогда, когда один из коммуникантов (слушающий) находится в критической ситуации, вызывающей у него неприятные чувства, и нуждается в помощи. Например, *Будет и на нашей улице праздник* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит по конечному (положительному) результату его действия в будущем; значение – наступит то время, когда и наши надежды и желания сбудутся; применение – в ситуации убеждения кого-либо в необходимости надеяться на лучшее, которое обязательно настанет):

(4) – Жизнь у тебя не сегодня кончается, *будет и на твоей улице праздник*. За нас держись, мы не чужие. Переживем как-нибудь. Тендряков, Не ко двору (Жуков, с. 52);

Без спотычки и конь не пробежит (КМ2 – характеристика субъекта или его действия происходит в сравнении с другим субъектом или его действием через зависимость одного от другого; значение – каждому свойственно ошибаться; применение – в ситуации оправдания чего-либо: ошибки, оплошности, затруднительного и неловкого положения и т. д.):

(5) Вера Стругова подошла к Андрею и... хотела что-то сказать, но в самый последний момент не решилась и так застыдилась этой новой своей робости, что у нее покраснели маленькие уши. И снова выручил веселый шофер. – Ничего, товарищ Стругова

гова, *без спотычки и конь не бегаёт*. Пермитин, Ручьи весенние (Жуков, с. 40).

Эффективность применения пословиц РА «утешение» напрямую зависит от способности говорящего (А) не только сделать слушающего (В) своим единомышленником, но и помочь ему выйти из той или иной ситуации с наибольшей продуктивностью [А<В]. Например, *Без стыда лица не износишь* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит через описание его личных качеств; значение – не удастся прожить жизнь, ни разу не испытав чувства стыда; применение – в ситуации убеждения кого-либо в закономерности произошедших событий):

(6) У Галактиона вдруг сделалось скучное лицо, и он нахмурился. Писарь понял, откуда занесло тучу, и рассказал, что давеча болтала попадья с гостями. – Откуда только вызнают эти бабы! – удивлялся писарь и, хлопнув Галактиона по плечу, прибавил: – А ты не сумлевайся. *Без стыда лица не износишь*, как сказывали старинные люди, а перемелется – мука будет. Мамин-Сибиряк, Хлеб (Жуков, с. 40).

Пословицы речевого акта «предостережение»

Пословицы РА «предостережение» способствуют формированию определенных установок, посредством которых говорящий может предостеречь слушающего от совершения им нежелательных поступков. Например, *Не плюй в колодец, пригодиться <воды> напиться. Подальше положишь, поближе возьмешь*. Говорящий в РА «предостережение» всегда занимает главенствующую позицию, основанную на статусном превосходстве (процесс делового взаимоотношения) или социально-ролевых отношениях (в воспитательных беседах с людьми, нуждающимися в мотивационной коррекции, или при демонстрации каких-либо возможностей, преимуществ). Слушающий не пытается изменить ход сценария и занимает пассивное положение, принимая и переосмысливая информацию говорящего. Следовательно, коммуникативным намерением последнего является стремление предостеречь слушающего от нежелательного поступка, предотвра-

тив заранее отрицательный результат. Например, *Свои (две) собаки грызутся, чужая <третья> не приставай <не лезь, не мешай>* (КМ4 – характеристика субъекта общения происходит посредством сравнения его с другим равным (неравным) ему субъектом через исключение его из коммуникативного процесса; значение – не вмешивайся не в свое дело; применение – в ситуации, когда посторонний вмешивается в ссору близких людей и сам попадает из-за этого в неприятное положение):

(7) [Пионова:] Они поссорились, они и помирились. Это уж их дело. [Бальзаминов:] А как же я-то теперь-с? При чем же-с? [Пионова:] А вы знаете русскую пословицу: *свои собаки грызутся, чужая не приставай?* Островский, Свои собаки грызутся, чужая не приставай (Жуков, с. 289–290);

Руби дерево по себе (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит через описание его личных качеств; значение – выбирай себе ровню (при женитьбе); применение – в ситуации, когда слушающий не способен правильно оценить себя, свои возможности, положение (социальное, материальное) и др., а потому может получить отрицательный результат, от которого его можно предостеречь):

(8) – Я про Дусю твою распрекрасную говорю. – А что Дуся? – с вызовом спросил Сутырин. – А то, – сказал Николай, – я тебе по дружбе говорю, Серега: брось! Не пара она тебе, и ни к чему все это... *По себе дерево руби*. А. Рыбаков, Екатерина Воронина (Жуков, с. 275–276).

Эффективность применения РА «предостережение» зависит от ряда условий. Так, слушающий (В) готов принять и правильно оценить предостережения говорящего (А), осознавая необходимость изменения сложившейся ситуации и тяжесть возможных последствий для себя лично [А>В]. Например, *Не плюй в колодец, случиться <воды> напиться* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит через описание его действий; значение – не делай неприятностей, не вреди кому-либо, так как этим можешь лишить себя в будущем помощи, поддержки; применение – в ситуации, когда слушающий пытается навредить субъектам общения, но может пострадать и сам):

(9) – Ну, собрала ему [мужу] манатки и говорю: «Смотри, Павлуша, *не плюй в колодец, пригодиться воды напиться*». А он: «Подумаешь!» С тем и ушел. И в аккурат перед походом письмо прислал. Пишет: «Правильно, Дуся, ты говорила – не плюй в колодец. Не нашел я лучше тебя». А. Листовский, *Конармия* (Жуков, с. 215).

Кроме того, РА «предостережение» может быть эффективен в ситуации статусного неравенства оппонентов при условии, что предупреждение идет от говорящего (А), который по статусу выше слушающего (В), с целью оказать (В) помощь и поддержку в выходе из сложившейся ситуации [А<В]. Например, *Поспешишь – людей насмешишь* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит по результату его действия; значение – спешка всегда приводит к плохим результатам; применение – в ситуации, когда для получения положительного результата требуются хорошо обдуманые и неторопливые действия):

(10) – Но ведь мне ехать надо, – сказала она [Аннинька]. – Об том-то я и говорю. Потолкуем да поговорим, а потом и поедем. Благословясь да богу помолясь, а не так как-нибудь: прыг да шмыг! *Поспешишь – людей насмешишь*. Спешат-то на пожар, а у нас, слава богу, не горит. Салтыков-Щедрин, *Господа Головлёвы* (Жуков, с. 263).

Пословицы речевого акта «упрек»

Пословицы РА «упрек» способствуют формированию психоэмоционального настроения участников коммуникации, посредством которого говорящий, передавая свои чувства и переживания, воздействует на слушающего. Он должен либо осознать недопустимость совершенных им действий, либо доказать правомерность своих действий, которые будут приняты в качестве неоспоримого аргумента. Например, *Брехать – не цепом мотать. В чужих руках локоть велик*. Коммуникативным намерением говорящего является стремление обратить внимание слушающего на сложившуюся ситуацию и указать на характер ошибок, допущенных им ранее в отношении говорящего. Эти ошибки и привели к упреку. Например, *В чужом глазу и сучок видишь, а в своем и бревна не видишь* (КМ3 – характеристика субъекта общения происходит че-

рез сравнение его качеств с качествами другого субъекта, находящегося в этой же ситуации; значение – у других видим и мелкие недостатки, а у себя не замечаем даже большие; применение – в ситуации, когда слушающий предвзято относится к говорящему или кому-либо):

(11) – Из евангельского текста: «*Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?*.. Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Матф., 7, 3–5; Лука, 6, 41). См. Михельсон, т. 2, с. 332; Ашутин, Ашутина, с. 335 (Жуков, с. 64);

Видит собака молоко, да рыло коротко (КМ4 – характеристика субъекта общения происходит через сравнение его с другим неравным ему субъектом; значение – и хотелось бы иметь что-либо, да не доступно; применение – в ситуации, когда желание говорящего не совпадает с его возможностями):

(12) [Бальзаминов :] Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтобы богатый женился на бедной, а бедный – на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь. [Красавина :] Ну вот когда от тебя такой указ выйдет, тогда мы и будем жить потвоему; а до сих пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая пословица: «*Видит собака молоко, да рыло коротко*». Островский. За чем пойдешь, то и найдешь (Жуков, с. 69).

Эффективность применения РА «упрек» зависит от ряда условий. Так, говорящий (А) аргументированно доказывает недопустимость совершенных слушающим (В) действий в прошлом, а последний признает свои ошибки [А<В], например: *Не смейся горох, не лучше бобов* (КМ4 – характеристика субъекта общения происходит посредством сравнения его с другим равным (неравным) ему субъектом через его кажущееся превосходство; значение – не смейся над кем-либо, сам можешь оказаться в таком же положении; применение – в ситуации ответа на чьи-либо, например, насмешки):

(13) – А ведь истинный бог, правду говорит пословица: *Не смейся горох над бобами, сам бу-*

дешь валяться под ногами... – задумчиво проговорила она [Анна]. – Я про Ивана Засипатыча вспомнила. Или забудешь, как он напер на Пантиску да на тебя за муку?... – отлились ему ваши слезы. В. Колыхалов, *Дикие побеги* (Жуков, 2000, с. 221).

Кроме того, РА «упрек» может быть эффективен тогда, когда слушающий приводит контраргумент, подтверждающий правильность выбранной им стратегии в сложившейся ситуации в прошлом, убеждая говорящего изменить свою точку зрения [АВ]. Например, *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву* (КМ4 – характеристика субъекта общения происходит посредством сравнения его с другим равным (неравным) ему субъектом через исключение одного другим; значение – пожалел лишь на словах, а на деле причинил большой вред, принес несчастье; применение – в ситуации, когда действия говорящего не соответствуют конечному результату):

(14) Подошла большая толпа мужиков. Все были взволнованы и кричали каждый свое. – Как она [барыня] улещала-то: мужички! Мужички! Опамятуйтесь! Беду на себя накличете... Мне вас жалко... – *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву*. Гладков, *Повесть о детстве* (Жуков, с. 257).

Пословицы в коммуникативных ходах и тактиках

Особенности диалога, ведущего к положительному / отрицательному результату общения, зависят и от последовательности речевых операций: коммуникативных ходов и тактик, используемых субъектами в процессе общения. Как показывают результаты нашего исследования, для каждого РА характерен свой набор речевых операций, позволяющий достичь желаемого результата (заметим, что согласно О.С. Иссерс, коммуникативный ход может быть приравнен к речевому акту).

Пословицы, используемые говорящим в рамках коммуникативного хода «аргумент», позволяют отклонить доводы собеседника: *На рогоже сидя, о соболях не рассуждают; Авось и как-нибудь до добра не доведут; Семеро одного не ждут; Угроз твоих не боюсь, а ласка не нужна* (все РА – «утверждение»); апеллировать к качествам субъекта: *Старый конь борозды не испортит* (РА «утверждение»); *Горе-богатырь: пьян с*

вина на алтын; До поры – у норы, а в пору – в нору; Был снап казист, да вымолочен, кажись (РА «упрек»); *Эта дыра при старом воеводе была; Которая корова пала, та по два удоя давала* (то есть ее долго поминают – прим. В. Даля) (РА «утверждение»); апеллировать к чувствам и отношениям: *Без спотычки и конь не пробежит; Без стыда лица не износишь; Будет и на нашей улице праздник; Битая посуда два века живет; Выше лба уши не растут; Бог терпел, да и нам велел* (РА «утешение»).

Коммуникативный ход «установление контакта» характерен практически для всех речевых актов, но тактики, выбранные говорящим для его реализации в процессе общения, позволят определить конкретный речевой акт. Так, коммуникативный ход «установление контакта» может реализоваться посредством контактоустанавливающей тактики с целью изменения эмоционального состояния партнера и передачи им контроля над пониманием, инициативой говорящему (РА «утешение»); формирования общих пресуппозиций, основанных на категориях «польза – вред», «друг – враг» и др. (РА «утверждение», «предупреждение»); контроля над темой, пониманием, инициативой говорящего (РА «утверждение», «предупреждение», «упрек»); самопрезентации (РА «утверждение», «предупреждение»).

Коррекция модели мира говорящим происходит посредством: 1) коммуникативного хода «апелляция к авторитету» (например, в отношениях начальник / лицо, вызывающее абсолютное доверие, и подчиненный / принимающий в полной мере информацию): *Семеро одного не ждут* (РА «утверждение»); *Свои (две) собаки грызутся, чужая <третья> не приставай <не лезь, не мешай>* (РА «предостережение»); 2) статусно-ролевых тактик: а) «игра на понижение»: *Авось и как-нибудь до добра не доведут; На рогоже сидя, о соболях не рассуждают; Семеро одного не ждут* (РА «утверждение»); *В чужом глазу и сучок видишь, а в своем и бревна не видишь; Не смейся горох, не лучше бобов; Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву* (РА «упрек»); б) «игра на повышение»: *Без спотычки и конь не пробежит; Без стыда лица не износишь; Будет*

и на нашей улице праздник, а также *Оттерпимся и мы людьми будем; Бог терпел и нам велел* (РА «утешение»).

Тактика «игра на понижение» применяется говорящим в РА «утверждение» с целью блокирования контакта и отклонения аргументов партнера (*Авось и как-нибудь до добра не доведут* и др.); блокирования контакта и ухода от темы (*Выше лба уши не растут* и др.); контроля над темой, инициативой, пониманием (*Руби дерево по себе; Свои (две) собаки грызутся, чужая <третья> не приставай <не лезь, не мешай>; Поспешишь – людей насмешишь* и др.); в РА «убеждение» – с целью расположения собеседника к открытому общению (*Ночная кукушка дневную (дневную) перекукует* и др.); при использовании коммуникативного хода «утешение» (*Будет и на нашей улице праздник* и др.). Тактика «игра на повышение» применяется при реализации таких коммуникативных ходов, как «отвлечение внимания от нежелательной темы» (*Где твой разум, тут и мой; где твоё слово, тут и мое* и др.); «апелляция к разуму и авторитету» (*Бей сороку и ворону, добьёшься до белого лебедя* и др.).

Заключение

Изучение пословиц в качестве единиц, имеющих коммуникативную значимость (с заложенными в их структуре коммуникативными моделями) и реализующихся в различных РА, коммуникативных ходах и тактиках, позволит, как представляется, построить эффективное общение: дать характеристику его участникам и выбрать верную тактику, коммуникативный ход для наиболее эффективного ведения конструктивного диалога. С помощью пословицы, включенной в процесс общения в качестве аргумента / контраргумента, говорящий может не только моделировать коммуникативный процесс, но и корректировать модель мира собеседника, контролируя его эмоциональную и интеллектуальную сферы. Трансформация ситуации в смысл речения дает возможность говорящему распознать и осознанно использовать в качестве классических образцов возможного общения заложенные в пословицах интенции: утверждения, утешения, предложения, упрека, просьбы,

распоряжения, угрозы и др., что обеспечит развитие диалога в нужном для собеседников русле. Применение структурно-семантического и коммуникативно-прагматического подходов к изучению пословиц позволяет объяснить принцип развертывания смысла до значения и применения коммуникативной модели выражения, лежащей в его основе, открывает возможности не только для объединения пословиц, схожих по значению в той или иной ситуации, в группы, но и прогнозирования коммуникативного процесса с учетом вариантов достижения положительного результата общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., 1990. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва. 48 с.
- Джелалова Л. А., 2013. Образная составляющая как этнический компонент когнитивного пространства паремий тематической группы «Человек» // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 3, ч. 1. С. 264–273.
- Джелалова Л. А., 2017а. Пословица как объект коммуникативно-прагматического анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3 (43). С. 83–91. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-3-9.
- Джелалова Л. А., 2017б. Пословица как объект общедно-ориентированного общения (на материале русских пословиц) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 4 (44). С. 96–103. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-10.
- Иссерс О. С., 2002. Коммуникативные стратегии и тактика русской речи : монография / науч. ред. Н. А. Куприна. 2-е изд стер. М. : Эдиториал. УРСС. 284 с.
- Карасик В. И., 2000. Нормы поведения в социолингвистическом аспекте // Коммуникативно-прагматическая семантика : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена. С. 3–16.
- Карасик В. И., 2003. Языковая личность: аспекты изучения // Язык и культура : тез. докл. II Международ. науч. конф. (Москва, 17–21 сент. 2003 г.). М. : Ин-т иностр. яз. С. 362–363.
- Карасик В. И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. М. : Гнозис. 390 с.
- Караулов Ю. Н., 2010. Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 263 с.

- Маслова В. А., 2014. Новые русские пословицы: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. № 77. С. 81–84.
- Пермяков Г. Л., 1970. От поговорки до сказки (Заметки об общей теории клише). М. : Наука. 240 с.

ИСТОЧНИКИ

- Даль В. И. Сборник пословиц русского народа : в 2 т. 2-е изд., стер. СПб. ; М. : Вульф, 1879.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. Медиа, 2007.
- Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2000. 544 с.

REFERENCES

- Baranov A.N., 1990. *Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguistic Theory of the Argument (Cognitive Approach). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 48 p.
- Dzhelalova L.A., 2013. *Obraznaya sostavlyayushchaya kak etnicheskiiy komponent kognitivnogo prostranstva paremiy tematicheskoy gruppy «Chelovek»* [Figurative Element as Ethnic Component of Cognitive Space Paremiyas of Thematic Group “Human”]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [News of the Tula State University. Humanitarian Sciences], iss. 3, part 1, pp. 264-273.
- Dzhelalova L.A., 2017a. *Poslovitsa kak obyekt kommunikativno-pragmaticheskogo analiza* [Proverb as a Subject of Communicative and Pragmatical Analysis]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], no. 3 (43), pp. 83-91. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-3-9.
- Dzhelalova L.A., 2017b. *Poslovitsa kak obyekt obikhodno-orientirovannogo obshcheniya (na materiale russkikh poslovits)* [The Proverb as an Object of Everyday Household Communication (By the Material of Russian Proverbs)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region.

- Humanities], no. 4 (44), pp. 96-103. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-10.
- Issers O.S., 2002. *Kommunikativnye taktiki i strategiya russkoy rechi: monografiya* [Communicative Tactics and the Russian Speech Strategy. Monograph]. Moscow, Editorial. URSS. 284 p.
- Karasik V.I., 2000. *Normy povedeniya v sotsiolingvisticheskom aspekte. Kommunikativno-pragmaticheskaya semantika* [Norms of Behavior in Sociolinguistic Aspect. Communicative and Pragmatical Semantics. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Peremena Publ, pp. 3-16.
- Karasik V.I., 2003. *Yazykovaya lichnost: aspekty izucheniya* [Language Personality: Aspects of Studying]. *Yazyk i kultura: tez. dokl. II Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 17–21 sent. 2003 g.)* [International Scientific Conference “Language and Culture”. Moscow, September 17–21, 2003. Report Theses]. Moscow, Institut inostrannykh yazykov, pp. 362-363.
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs: monografiya* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Monograph]. Moscow, Gnozis Publ. 390 p.
- Karaulov Yu.N., 2010. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [The Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka Publ. 263 p.
- Maslova V.A., 2014. *Novye russkie poslovitsy: kognitivnyy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [New Russian Proverbs: Cognitive, Linguistic and Cultural Aspects]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University. Philological Sciences], no. 77, pp. 81-84.
- Permyakov G.L., 1970. *Ot pogovorki do skazki (Zametki ob obshchey teorii klishe)* [From a Saying to a Fairy Tale (Notes on the General Theory of Cliches)]. Moscow, Nauka Publ. 240 p.

SOURCES

- Dal V.I., 1879. *Sbornik poslovits russkogo naroda: v 2 t.* [Proverb Collection of Russian People. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Moscow, Vulf Publ.
- Dal V.I., 2007. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Media Publ.
- Zhukov V.P., 2000. *Slovar russkikh poslovits i pogovorok*. [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 544 p.

Information about the Author

Larisa A. Dzhelalova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Sub-Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy (Branch), Oktyabrskaya St., 74, 433505 Dimitrovgrad, Russia, dshelar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6184-9639>

Информация об авторе

Лариса Анатольевна Джелалова, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский государственный университет технологии и управления им. К.Г. Разумовского (филиал), ул. Октябрьская, 74, 433505 г. Дмитровград, Россия, dshelar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6184-9639>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>

UDC 81'42:32
LBC 81.055.1

Submitted: 01.02.2019
Accepted: 14.05.2019

POPULISM IN POLITICAL DISCOURSE: DIAGNOSTIC FEATURES AND LINGUO-COGNITIVE TECHNIQUES OF FORMATION ¹

Lilia V. Moiseenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the semantics of the term “populism” and its re-lexicalization via changing the meaning from neutral to negative. The author gives examples of the third-wave American populist leaders’ speeches, namely those made by Ugo Chaves, Nicolas Maduro, Evo Morales and Daniel Ortega, and reveals linguistic means of populism, as well as discursive strategies: proliferation (lexical loading) of key concepts, such as “pueblo”, “nación”, “patria” (“people”, “nation”, “motherland”), constructing discursive “I” in a pattern “I am my people”, the use of discursive strategies of polarization that helps political leaders delegitimize the opponent and construct the para-reality to legalize and symbolize self-power. The populist discourse is marked semantically by key words *pueblo*, *nación*, *patria*, special contextual coloring is designed with set expressions like *la voz del pueblo* (voice of the people), by forming occasional derivatives that break language norms, by actualizing oppositions “friend - enemy”, “acquaintance – stranger”, “people – outsider”, by applying to slogans and precedent phenomena. The participation of precedent phenomena in discursive strategies of populism is highlighted in the choice of precedent names (i.e. *Simón Bolívar*, *Augusto César Sandino*, *Rubén Darío*), it is directed at affiliating modern political leaders with prominent leader of the past, thus pointing to national values and providing legitimacy of the politicians in power.

Key words: populism, controlled impact, discursive strategies, linguistic techniques, precedent name, precedent text, slogan, occasional element.

Citation. Moiseenko L.V. Populism in Political Discourse: Diagnostic Features and Linguo-Cognitive Techniques of Formation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 105-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>

УДК 81'42:32
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 01.02.2019
Дата принятия статьи: 14.05.2019

ПОПУЛИСТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ¹

Лилия Васильевна Моисеенко

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается семантика термина «популизм», его релексикализация путем формирования отрицательных коннотаций. На примере речей популистских лидеров некоторых государств Латинской Америки (Уго Чавеса, Николаса Мадуро, Эво Моралеса и Даниэля Ортеги) выявлены лингвистические диагностические признаки популистского дискурса: пролиферация ключевых концептов «pueblo», «nación», «patria» («народ», «нация», «родина»), конструирование дискурсивного «Я» по формуле «я как народ», использование дискурсивной стратегии поляризации, посредством которой лидеры проводят делегитимизацию оппонента, и стратегии создания дискурсивной парареальности, посредством которой легитимируется и символизируется существующая власть. Установлено, что признаки популистского дискурса реализуются посредством употребления слов и выражений с семантикой «народ», «нация», «родина»; придания особой контекстуальной значимости устойчивым выражениям типа *la voz del pueblo* (голос народа); образования окказиональных дериватов с нарушением языковых норм; актуализации оппозиций «друг – враг», «свой – чужой» как «народ – чужой»; использования лозунгов и прецедентных феноменов. Показана роль прецедентных феноменов в реализации регулятивных дискурсивных стратегий: целевой отбор прецедентных единиц *Simón Bolívar*, *Augusto César Sandino*, *Rubén Darío* направлен на идентификацию современных лидеров государств с историческими деятелями прошлых эпох, которые символизируют национальные ценности и обеспечивают легитимность существующей власти.

Ключевые слова: популизм, регулируемое воздействие, дискурсивная стратегия, лингвистический прием, прецедентное имя, прецедентный текст, лозунг, окказионализм.

Цитирование. Моисеенко Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 105–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>

Введение

Популизм (от лат. *populus* – народ) определяется в науке как линия политической деятельности, для которой характерна апелляция к настроениям широких масс, ориентированная на завоевание их признания и поддержки, часто с помощью упрощенных, реально невыполнимых лозунгов и требований; популизм активизируется в переломные моменты для страны; его особенностью является прямой контакт лидера с массами (см., например: [Словарь политических терминов]).

Популизм как идеология часто реализовался и реализуется в дискурсах лидеров некоторых государств Латинской Америки (см. подробно: [Guervós de Santiago, 2015]).

В истории латиноамериканского популизма историки и политологи обычно выделяют три волны: первая волна (конец 1940-х гг.) связана с распадом экономической модели аграрного капитализма и представлена такими политическими фигурами, как Хуан Доминго Перон (Juan Domingo Perón), Аргентина; Ласаро Карденас (Lázaro Cárdenas), Мексика; Хосе Мария Веласко Ибарра (José María Velasco Ibarra), Эквадор и другие; вторая волна (1980-е гг.) обусловлена мировым долговым кризисом и представлена Альберто Фухимори (Alberto Fujimori), Перу; Карлосом Ме-

нем (Carlos Menem), Аргентина; Фернанду Колор ди Мелу (Fernando Collor de Mello), Бразилия; третья волна (рубеж XX–XXI вв.) связана с кризисом неолиберальной модели развития, появлением левопопулистских режимов и представлена Уго Чавесом (Hugo Chávez), его преемником Николасом Мадуро (Nicolás Maduro), Венесуэла; Эво Моралесом (Evo Morales), Боливия; Даниэлем Ортега (Daniel Ortega), Никарагуа (см., например: [Варенцова, 2014]).

Основу этого социально-политического движения, как показано в политологических и социологических исследованиях, составляют люди с невысоким уровнем доходов, объединяющиеся вокруг харизматичных лидеров [Баранов, 2002; Докучаева, 2007]. Несомненно, среди харизматичных лидеров Латинской Америки следует назвать кубинского государственного деятеля Фиделя Кастро (Fidel Castro). Источниками популизма ученые называют бедность, неравенство, отчаяние населения, стремящегося к «справедливому распределению богатства» и национализации производства, что хорошо отражает граффити, начертанное на стене одного из домов в столице Перу – Лиме: *No más realidades, queremos promesa*² – Не надо реальности, мы хотим обещаний (Ortega; Cortés) (здесь и далее перевод с испанского наш. – Л. М.).

С приходом к власти Уго Чавеса и Эво Моралеса латиноамериканский популизм приобретает ярко выраженную классовую и проиндейскую ориентацию [Варенцова, 2014, с. 158]. Он характеризуется антимпериалистической и антиэлитарной направленностью. Политические лидеры предстают как воплощение народа, спасители нации, выразители интересов народа, а их соперники отождествляются с врагами народа.

Иное содержание имеет популизм в Испании. С недавнего времени имена политиков-популистов не сходят со страниц испанских газет, особенно лидеров новых партий – «Podemos» («Мы сможем») и «Ciudadanos» («Гражданская партия») – Пабло Иглесиаса (Pablo Iglesias) и Альберта Риверы (Albert Rivera Díaz), за харизму получивших прозвище «политические звери».

Политическим феноменом стала популярность и президента Португалии (с 2016 г.) Марсело Ребулу ди Соза (Marcelo Rebelo de Sousa): согласно статистическим данным, публикуемым в СМИ, 53 % португальцев хотели бы сфотографироваться с любимым Президентом; одно рекламное агентство открыло сайт TeleMarcelo, где для всех желающих по телефону звучали слова Президента: *Aquí Marcelo Rebelo de Sousa. Interrumpí una reunión que tenía. Acabé una y voy a comenzar otra, pero quería enviarte un beso* (Martín del Barrio) – Говорит Марсело Ребулу ди Соза. Я только что вышел с одного совещания, и, прежде чем начать другое, хотел бы пожелать тебе доброго утра. Только за один день было получено 107 000 звонков.

Востребованность популизма в современной политической жизни разных стран ставит перед лингвистами задачу выявления его дискурсивных признаков и описания приемов их реализации. Решению этой задачи посвящено наше исследование, некоторые результаты которого обобщены в данной статье.

Семантика термина «популизм»

В 2016 г. испанская организация Fundéu BBVA (основана испанским информационным агентством EFE и банком BBVA) признала *populismo* словом года (ср. *selfi* в 2014 г. и *refugiado* в 2015 г.), отметив, что этот тер-

мин переживает процесс релексикализации, изменения и расширения значения, приобретения новых, часто отрицательных коннотаций (Fundéu).

Изначально термин употребляется безоценочно, например, «*Partido Populista*» («Народная партия»). Сегодня Королевская академия испанского языка (RAE) отмечает смену значения у слова *populismo*. Наряду со значением «*perteneciente al pueblo*» (относящийся к народу), у слова появляются модифицированные дефиниции, ср.:

«2. Tendencia política que pretende prestar atención especial a los problemas de las clases populares. U. m. en sent. Despect» (DRAE, 2006) – политическая тенденция, которая уделяет особое внимание проблемам народа;

«2. m. Tendencia política que pretende atraerse a las clases populares. U. m. en sent. despect» (DRAE, 2016) – политическая тенденция, которая направлена на привлечение внимания народа.

При этом отмечается, что слово *populismo* обычно употребляется с оттенком презрения. У испанских блогеров даже сформировалось мнение о том, что Королевская академия испанского языка изменила значение существительного *populismo* для того, чтобы использовать его против Пабло Иглесиаса, лидера партии Podemos: *El truco de España es cambiar el significado de la palabra populismo para poder utilizarla contra @Pablo_Iglesias. La RAE ya hizo su trabajo* (Trao), то есть слово *populismo* превратилось в орудие политической борьбы. Исследователи указывают даже на «демонизацию» термина, его связь с ксенофобией и расизмом [Guervós de Santiago, 2015, p. 495].

Появление негативных коннотаций у лексической единицы связано, по-видимому, с негативной оценкой социумом популизма как линии поведения политиков, базирующегося на «пустых» обещаниях. Так, ультраправая национально-консервативная партия Испании «Vox» («Голос») использует популистский подход – простое решение сложным проблемам: вдвое сократить сборы НДС. Как следствие аналитики прогнозируют сокращение финансирования на здравоохранение, образование, пенсии, выплаты бюджетникам (García Vega). Подробно популизм как негативное явление

рассмотрен в работе К. Дейвикса [Дейвикс, 2012]. В испанских научных и медийных источниках [Guervós de Santiago, 2017; Adamovsky, 2016] указывается, что термин *популизм* сегодня – это скорее политическое обвинение, нежели партийная категория. Приведем несколько цитат из испанских СМИ, поддерживающих данное утверждение:

...las voces “populismo” y “populista” se están convirtiendo en voces que califican más que definen, como granadas de mano que se lanzan de lado a lado en el Congreso de los Diputados (Peio Riaño) – слова «популизм» и «популистский» превращаются в слова, скорее квалифицирующие, нежели определяющие, в своего рода ручные гранаты, которыми перебрасываются депутаты Конгресса;

Nadie se reconoce como populista, porque tiene una connotación clatramente negativa (Peio Riaño) – Никто не признается в том, что он популист, так как это слово имеет отрицательную коннотацию;

El término ha pasado de ser descripción a insulto, porque todos se reconocen en el otro lado de la barricada. Ahora sólo se usa como arma arrojadiza para definir al oponente (Peio Riaño) – Термин уже не дефиниция, а оскорбление, так как все осознают себя по другую сторону баррикады. Сейчас слово используется как метательное оружие с целью выявления оппонента.

Некоторые политические деятели разграничивают слова *popular* и *populista* как, например, глава правительства Чили: ...*se puede ser popular sin ser populista* (цит. по: [Guervós de Santiago, 2015]) – можно быть популярным, не будучи популистом.

В российском политическом дискурсе частотно употребление термина *популизм* для выражения негативной оценки чьей-либо деятельности, ср. примеры, взятые нами с сайта «Слово популизм»:

...у нас в стране, к сожалению, популизм зачастую ценится выше профессионализма;

Глава минфина понял, что за желание нравиться, за политический популизм приходится платить;

Важно, чтобы европейские политики избегали популизма, громких деклараций, за которыми в итоге ничего не стоит...;

Теперь израильские журналисты критикуют своего бывшего коллегу Яира Лапида за популизм и отсутствие знаний в экономике;

... принятие под давлением популизма нереальных социальных программ;

...своим размашистым популизмом, критикой в адрес руководства ЦК, отдельных членов Политбюро, в числе которых был даже и Лигачев, он вызвал реакцию в зале в свою пользу.

Из приведенных примеров следует, что популизм – это желание нравиться, вызывать положительную реакцию в зале, это громкие декларации, он не сочетается с профессионализмом и знаниями в экономике, с реальными социальными программами. В практике избирательных кампаний популизм может фигурировать в качестве инструмента манипуляции избирателями. В качестве популистских обычно приводят лозунги, не имеющие под собой реальной экономической основы (Басков). Например, призывы увеличить региональные бюджеты вдвое (см. рисунок).

Итак, понимание популизма в Латинской Америке, где в ряде стран это явление характеризует повседневный дискурс харизматичных лидеров, отличается от понимания популизма в других странах, например в Испании и России, где он используется как орудие политической борьбы, а лексемы *populismo*, *популизм* имеют отрицательные коннотации, выражают презрительное отношение.

Методы исследования популистского дискурса

Основной метод, который используется в лингвистике для изучения популистского дискурса политических лидеров, основан на концептуальном подходе. В результате выделения слов, репрезентирующих ключевые концепты определенного ряда – «pueblo», «nación», «patria» («народ», «нация», «родина»), и установления частотности их появления в дискурсе, делается вывод о принадлежности того или иного текста к популистскому дискурсу [Charaudeau, 2009; Giraldo et al., 2013; Guervós de Santiago, 2015]. В работах К.И. Шпетного выделен более широкий набор концептов, ключевых для популистского дискурса: страна, процветание, процветать, народ, Бог, ценности, светлое будущее, успех, единение, единство, благословение, благодарность, что позволило лингвисту сделать вывод о возможности сопоставления выступлений Джироламо Савонаролы и Дональда Трампа в рамках гомилетического и политического дискурса [Шпетный, 2017].

Популистские призывы в российских СМИ

Кроме специфического набора концептов, в качестве дистинктивного признака популизма выявляется дискурсивное «Я» [Chumaseigo Agreaza, 2003], которое обладает определенными характеристиками в рамках дискурсивной стратегии поляризации.

Лингвокогнитивные приемы реализации признаков популистского дискурса

Анализ публичных выступлений политических лидеров-популистов некоторых латиноамериканских государств позволил выявить отличительные признаки дискурсивной концепции популизма: лексическая перегруженность (пролиферация) ключевых концептов «pueblo», «nación», «patria» («народ», «нация», «родина»); конструирование дискурсивного «Я» по формуле «я как народ»; реализацию дискурсивных стратегий поляризации и создания дискурсивной парареальности, а также комплекс лингвокогнитивных приемов, которые их воплощают.

Лексическая перегруженность (пролиферация) ключевых концептов «pueblo», «nación», «patria» («народ», «нация», «родина»)

Как отмечают исследователи, дискурсы популистов, воплощая особую риторику, основаны на противопоставлении «народа» и «дру-

гих»: «a proclaimed rapport with “the people”, a “them-and-us” mentality» [Knight, 1998, p. 225], поэтому реализация концептов «pueblo», «nación», «patria» («народ», «нация», «родина») составляет дискурсивную основу высказываний лидеров-популистов.

Так, в одной из последних речей лидера Никарагуа Даниэля Ортеги (Daniel Ortega) концепт «народ» реализуется не только с помощью слова *pueblo*, но и посредством следующих описательных выражений: *hombres de buena voluntad* (люди доброй воли), *pueblo trabajador* (трудящийся народ), *clase trabajadora* (рабочий класс), *descamisados* (обедневшие), *masas proletarias* (пролетарские массы), *proletariado* (пролетариат), *obreros* (рабочие), *esclavizado* (подневольные), *peón del surco norteño* (пеоны северных территорий), *fuerzas vivas* (живая сила), *los trabajadores* (трудящиеся), *la juventud y las mujeres* (молодежь и женщины), *los hermanos nicaragüenses* (братья никарагуанцы), *la población* (население), *todos nicaragüenses* (все никарагуанцы), *las familias nicaragüenses* (никарагуанские семьи) и др.

В популистском дискурсе особую смысловую нагруженность имеет выражение *la voz del pueblo* (голос народа):

No quieren escuchar **la voz del pueblo** – Они не хотят слушать голос народа;

Nemos de escuchar **la voz del pueblo**, ésa es la democracia – Мы должны слушать голос народа, это называется демократией;

Exigimos que el gobierno mexicano respete **la voz del pueblo** – Мы требуем, чтобы мексиканское правительство уважало голос народа (Linguee).

Президент Венесуэлы Уго Чавес часто повторял фразу *La voz del pueblo es la voz de Dios* (Голос народа – это голос Бога) для подтверждения того, что последнее слово останется за гражданином. Как отмечает К. Дейвикс, харизматичные лидеры часто берут на себя роль «истинного голоса народа» [Дейвикс, 2012], например, Уго Чавес перед Национальной Ассамблеей заявил: *No soy yo, soy el pueblo* (Я – это не я, я – это народ).

Использование лозунгов с целью воздействия на массы является частотным приемом популистского дискурса. Он реализуется, например, Эво Моралесом, который в 2010 г. ввел новый боевой клич в Вооруженных силах Боливии (FFAA), позаимствованный у лидеров кубинской революции Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары: *Patria o muerte: ¡Venceremos!* (Родина или смерть! Мы победим!). При этом в боливийских войсках сохраняется и традиционный боевой клич *Subordinación y constancia. ¡Viva Bolivia!* (Hansen) (букв. Подчинение и лояльность! Да здравствует Боливия!), так как часть генералитета не желает озвучивать социалистические лозунги.

В речах лидеров латиноамериканских государств особое внимание уделяется дискурсивному моделированию действительности, где существенное место занимают прецедентные феномены. Прецедентные имена использовал, например, президент Никарагуа Даниэль Ортега в своей речи на похоронах Фиделя Кастро:

Camilo Cienfuegos, Fidel Castro, el Che Guevara y **Hugo Chávez** son ejemplos para el hombre nuevo de Latinoamérica – Камило Сьенфуэгос, Фидель Кастро, Че Гевара и Уго Чавес – это примеры нового человека Латинской Америки.

Прецедентной для Латинской Америки стала и речь Ф. Кастро «*La historia me absolverá*» («История меня оправдает»), произнесенная им на судебном процессе в 1953 году. На нее ссылался Николас Мадуро, провожая в последний путь Фиделя Кастро:

– Se va invicto... absuelto, ¡absolutamente absuelto por la historia grande de la Patria! – Он ух-

дит непобежденным, оправданным, абсолютно оправданным великой историей своей родины.

Приведенные и другие прецедентные феномены реализуют концепт «родина», актуализируя значимые для истории государства события и выражая положительную оценку деятельности политических лидеров, стоявших на популистских позициях.

Конструирование дискурсивного «Я» по формуле «я как народ»

Дискурсивное «Я» характеризует, во-первых, постоянная апелляция к широким массам, во-вторых, выступление от имени простого человека. Так, апелляцию к широким массам часто использует, например, Николас Мадуро: *a sus compañeros y compañeras, a todos y a todas* (обращение к мужчинам и женщинам). В его речах реализуется и вторая черта дискурсивного «Я»: экспликация формулы «я как народ», «я один из вас». Николас Мадуро даже изобретает грамматически некорректную, но доступную для простого народа форму *millonas: millones y millonas de Bolívar* – миллионы мужчин и женщин, сторонников Боливара.

Население страны, и особенно оппозиция, внимательно следит за выступлениями своих лидеров. «Незадачливые» фразы в высказываниях Николаса Мадуро получили название *madurazos* – букв. «оплошности Мадуро». Например:

...las autoridades venezolanas trabajarán «**las 35 horas del día**» para preservar la seguridad en la frontera con Colombia (Las diez frases ...) – власти Венесуэлы будут работать 35 часов в сутки для сохранения стабильности на границе с Колумбией;

Cuando conocí al comandante Chávez, no dudé ni **un milímetro de segundo** para estar a su lado (Las diez frases ...) – Когда я познакомился с Команданте Чавесом, я не сомневался ни одного миллиметра секунды в том, чтобы присоединиться к нему.

Возможно, приведенные «оплошности» являются не оговорками, а сознательным популистским инструментом, демонстрирующим приближенность к народным массам.

В Боливии в 2011 г. опубликована книга «Сто фраз для истории в исполнении Хуана Эво

Моралес Айама», где журналист и поэт Альфредо Родригес собрал 100 неудачных высказываний президента Боливии, получивших название *evadas* [Rodríguez]. Приведем некоторые из них.

En Europa casi todos son calvos, y esto es porque comen pollos (en la cumbre del cambio climático en Tiquiraуа, Cochabamba) – Облысение – европейская болезнь, среди индейцев нет лысых. Европейцы лысеют из-за продуктов, которые они потребляют (куриное мясо).

На Саммите по климату в Мексике в 2010 г. Эво Моралес высказывается против американского продукта «Кока-Кола», который содержит много «химии»:

Cuando se tapa la taza del baño, ¿qué es lo que hacemos?, llamar al plomero (...) Compra la Coca Cola y la echa a la taza del baño, pasan minutos y ya está destapada (...) Imagínense, ¿qué químicos tendrá la Coca Cola? – Если у вас засорилась ванна, вместо вызова сантехника купите бутылку Кока-Колы и вылейте в ванну. Через несколько минут засор будет устранен. Представляете, сколько там химии...

Говоря о программе национализации в 2006 г., Эво Моралес своеобразно толкует законность, которая в его понимании должна подчиняться политике:

Por encima de lo jurídico, es lo político (...) cuando algún jurista me dice: Evo, te estás equivocando jurídicamente... les digo a los abogados: si es ilegal, legalicen ustedes, ¿para qué han estudiado? – Когда какой-нибудь юрист мне говорит: «Эво, это нелегально», – я отвечаю: «Ну так легализуйте это, для чего вы учились?».

В последнем примере предлагается популистский подход – простое решение сложных проблем.

Какими бы «незадачливыми» ни казались эти высказывания представителям интеллигенции, их конечным потребителем является народ. Посредством своих речей лидеры демонстрируют, что им не чужда народная культура, религиозные символы и разговорный язык простого народа.

Использованные дискурсивные приемы – выступление от имени простого человека, создание видимости или поддержание образа человека из народа, апелляция к про-

стоте, обсуждение доступных и понятных для народа тем, упрощенность представлений об общественной жизни и др. – можно квалифицировать как популистские приемы.

Реализация дискурсивной стратегии поляризации

Профессор мадридского университета Комплутенсе Хуан Карлос Монедеро считает, что популистский дискурс существует только при наличии сопоставления с врагом: «Allí los malos, y nosotros, el buen pueblo, aquí» [Monedero, 2019] (там они, плохие, а мы – народ – здесь, хорошие). «Враг» может быть реальным (коррупцированная элита, иммигранты) или сконструированным (например, образ «террориста», созданный Дж. Бушем после 11 сентября 2001 г.: «US» against a «Terrorist Other» (цит. по: [Panizza, 2005])).

Исследование дискурсов Х.Д. Перона (Juan Domingo Perón), Аргентина, 1948 и Р. Бетанкура (Rómulo Betancourt), Венесуэла, 1959 [Chumaceiro Agreaza, 2003; Giraldo et al., 2013] позволило авторам выделить дискурсивное «Я» (un “YO” discursivo), близкое к аргентинскому и венесуэльскому народу, к трудящимся этих стран. Лидеры позиционируют себя как спасителей угнетенных, обещают политическое равноправие, социальную справедливость, стабильность. Ср. с предвыборными лозунгами (1993) В.В. Жириновского (*Я подниму Россию с колен!; Мы – за бедных, мы – за русских*) или с конструированием образа врага и биполярного мира в дискурсе Б.Н. Ельцина. Реализуя дискурсивную стратегию поляризации, лидеры одновременно проводят делегитимизацию оппонента (deslegitimación del OTRO), давая ему отрицательную оценку. Особенно интересна в этом аспекте выделенная Е. Хиральдо, М. Вальехо и М. Чарте в дискурсах Х.Д. Перона и Р. Бетанкура лексическая перегруженность, или пролиферация (la sobre lexicalización o proliferación), четырех концептов, проявляющихся в дихотомиях: pueblo (народ), régimen democrático (демократический режим) / oligarquía (олигархия), régimen dictatorial (диктаторский режим) [Giraldo et al., 2013].

В своей речи в поддержку Николаса Мадуро Даниэль Ортега (Daniel Ortega, 2019)

также выстраивает биполярное пространство, причем двухфокусное. По одну сторону оказывается народ, которому приписываются такие характеристики, как *valentía, honor, dignidad, mantienen en alto los ideales* (мужество, честь, достоинство, приверженность идеалам); по другую – «враг» внутренний (участники и сторонники неудавшегося государственного переворота) и «враг» внешний (США). Лидер Никарагуа призывает бороться с внутренним врагом (слова *la lucha, la batalla, la defensa* – борьба, сражение, оборона – употребляются многократно) путем сокращения бедности (*reducir la pobreza, erradicar la pobreza*), увеличения благосостояния народа (*todo en beneficio de los pobres, desarrollar el bienestar, el buen vivir de nuestro pueblo*), развития программ в сферах здравоохранения, образования и культуры (*desarrollar el bienestar, la salud, la educación, la cultura*).

Вокруг внешнего врага также выстраивается биполярное дискурсивное пространство. Враг – США – описывается словосочетаниями со значением «иностранный вмешательство»: *propósitos injerencistas de Estados Unidos, la invasión extranjera*. На этом фоне произносятся призывы к единению народов Латинской Америки (*la unidad de los pueblos latinoamericanos y caribeños, la solidaridad*), к борьбе за суверенитет и независимость (*por la soberanía, la independencia*), за мир, безопасность и стабильность (*defender la paz, seguridad, estabilidad, una región de paz, libre de guerras, iniciativas pacíficas, que florezca la paz*).

Одним из приемов создания биполярного пространства является актуализация социально-значимой оппозиции «свой – чужой». Исследованию этой оппозиции посвящены работы Е.К. Моховой [Мохова, 2010; 2011]. В президентских дискурсах Уго Чавеса «свой» – это народ, страна, президент, а «чужие» – бывшие политические лидеры, оппозиция, США и Израиль.

Реализация стратегии создания дискурсивной парареальности

Востребованным приемом, реализующим стратегию создания дискурсивной парареальности, является использование прецен-

тных имен. Так, дискурсивную поддержку получает лидерство Уго Чавеса: он создает дискурсивную парареальность с символизацией власти в Венесуэле. Для легитимации своей власти и делегитимации противника, а, как известно, популисты в своей политической практике крайне враждебны по отношению к конкурентам, Уго Чавес привлекает две исторические фигуры: Симона Боливару (*Simón Bolívar, 1783–1830*) – национального героя Венесуэлы, возглавившего борьбу испанских колоний в Южной Америке за независимость, и Эсекиеля Самору (*Ezequiel Zamora, 1817–1860*), военного и политического деятеля Венесуэлы.

Политическая и историческая идентичность с личностью Симона Боливару получила название *bolivarismo* (боливаризм).

Имидж Чавеса-кандидата строился на основе конструктивной составляющей – с опорой на прецедентное имя Симона Боливару. Исследователь политического дискурса Венесуэлы Ирма Чумасейро Аргеаса отмечает как главную дискурсивную стратегию политических речей Чавеса использование:

а) имени *Bolívar* (Боливар): *Patria de Bolívar* (родина Боливару); *Patria como la soñó Bolívar* (о такой родине мечтал Боливар); *Y hoy, Bolívar ha vuelto* (и сегодня Боливар возвращается); *camina la espada de Bolívar por América Latina* (шпага Боливару шагает по Латинской Америке);

б) прилагательного *Bolivariana* (боливарианский): *la Revolución Bolivariana* (боливарианская революция); *Venezuela Bolivariana* (боливарианская Венесуэла); *ideología bolivariana* (боливарианская идеология); *gobierno bolivariano* (боливарианское правительство); *pueblo bolivariano* (боливарианский народ); *el líder bolivariano* (боливарианский лидер) [Chumaceiro Argeasa, 2003].

В день похорон Чавеса (8 марта 2013 г.) его сторонники полностью идентифицируют умершего президента с Симоном Боливаром (примеры из: [Giraldo et al., 2013]):

Chavez, **Libertador del siglo XXI** – Чавес, Освободитель XXI века: по аналогии с Симоном Боливаром, известным в Латинской Америке как Освободитель (*el Libertador*);

– “Alerta, alerta, alerta, que camina **la espada de Bolívar** por América Latina”, – grita la gente cuando Nicolás Maduro coloca la espada de Bolívar encima del féretro, cubierto con la bandera nacional – «Берегись! Шпага Боливара шагает по Латинской Америке», – скандирует народ, когда Николас Мадуро возлагает шпагу Боливара на гроб, покрытый национальным флагом;

– Chavez vive, la lucha sigue, este **proceso bolivariano** ya nadie lo podrá detener – Чавес жив, борьба продолжается, этот боливарианский процесс не остановить никому.

Клаудилло Феликс предлагает интерпретировать подобные этим примеры как реализацию идеи движения по кругу, спирали: la visión cíclica del tiempo andino [Caudillo Félix, 2013, p. 2] – Лидеры не умирают, а присутствуют рядом, вдохновляя своими идеями на борьбу.

Использование прецедентного имени *Bolívar* реализует несколько ключевых функций: во-первых, придание легитимности политике Чавеса; во-вторых, разоблачение оппозиции. Чавес идентифицировал себя с Боливаром – Освободителем (el Libertador), а свой «политический проект», известный как Боливарианская революция (la Revolución Bolivariana), представлял как продолжение войны за независимость, проводимой Боливаром (la Revolución de Independencia), тем самым косвенно превращая своих политических оппонентов во врагов нации, разрушающих национальные ценности и символы. Как видим, одно и то же прецедентное имя соотносится как с конструктивной, так и с деструктивной составляющей информационно-политического воздействия.

Николас Мадуро в свою очередь провозглашает себя «сыном» Чавеса (*el autollamado hijo de Chávez*), называет его Вечным Команданте (*comandante perpétuo*), создает департамент Высшей социальной справедливости (букв. счастья) в честь Команданте Уго Чавеса и Боливара:

– Decidí crear el despacho del viceministerio para la Suprema Felicidad Social y lo llamé así en honor a nuestro **comandante Hugo Chávez** y a **Bolívar**, anunció ayer el presidente desde el Palacio de Miraflores (Redacción BBC Mundo).

Таким образом, Николас Мадуро придает легитимность занимаемой должности Пре-

зидента Боливарианской республики и власти в Венесуэле.

Использует прецедентные имена для сближения с народными массами и Даниэль Ортега. Кроме Симона Боливара, он называет еще одного «Отца нации», верного сына Боливара (*buen hijo de Simón Bolívar*), генерала свободных людей Аугусто Сандино (*General de Hombres y Mujeres Libres, Augusto C. Sandino*), лидера национально-освободительной войны в Никарагуа (1927–1934) и, конечно, поэта Рубена Дарио (*Rubén Darío*, 1867–1916), гордость никарагуанской земли.

Выводы

На примере дискурса лидеров некоторых латиноамериканских государств были выявлены такие популистские приемы, как апелляция к широким массам, выступление от имени простого человека, создание видимости человека из народа, апелляция к простоте, упрощенность представлений об общественной жизни, использование лозунгов с целью воздействия на массы и др. В качестве деструктивных признаков популистского дискурса выделены лексическая перегруженность (пролиферация) ключевых концептов «pueblo», «nación», «patria», реализация дискурсивной стратегии поляризации, посредством которой лидеры проводят делегитимизацию оппонента, и стратегии создания дискурсивной паральности, посредством которой легитимизируется существующая власть.

Эти признаки популистского дискурса реализуются посредством употребления слов и выражений с семантикой «народ», «нация», «родина»; придания особой контекстуальной значимости устойчивым выражениям типа *la voz del pueblo* (голос народа); образования окказиональных дериватов с нарушением языковых норм; актуализации оппозиций «друг – враг», «свой – чужой» как «народ – чужой»; использования лозунгов и прецедентных феноменов.

Особая роль в регулятивных дискурсивных стратегиях отводится прецедентным единицам. Обеспечение регулируемого воздействия на слушателя предполагает целевой отбор прецедентных единиц (*Simón Bolívar, Augusto César Sandino, Rubén Darío*) для

построения идентификации с историческими деятелями прошлых эпох, которые символизируют национальные ценности и обеспечивают легитимность существующей власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-012-00606 «Мультилингвальное исследование политического имиджа России в зарубежных СМИ».

The work was carried out in the framework of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project no. 18-012-00606 “Multilingual Study of the Political Image of Russia in Foreign Media”.

² Лозунг известен также в форме *¡Basta ya de realidades, queremos promesas!* (Довольно реальности, мы хотим обещаний!). Это высказывание приписывается также чилийскому политику, дважды избранному президенту страны Карлосу Ибаньесу дель Кампо (Carlos Ibáñez del Campo), который, выступая перед народом, уставшим от действительности, призывал политиков дать людям надежду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов Н. А., 2002. Популизм как политическая деятельность. СПб. : Изд-во СЗАГС. 44 с.
- Варенцова О. Б., 2014. Три волны популизма в Латинской Америке // Вестник МГИМО-Университета. № 6 (39). С. 153–160.
- Дейвикс К., 2012. Популизм. URL: <http://gefter.ru/archive/6800> (дата обращения: 30.01.2019).
- Докучаева О. Н., 2007. Современный латиноамериканский популизм: новый поворот // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы IV Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля / Т. 7: Испания и Латинская Америка в мировой политике / под ред. А. В. Шестопаля, Л. С. Окуневой, С. М. Хенкина. М. : МГИМО-Университет. С. 108–116.
- Мохова Е. К., 2010. Военная метафора в политическом дискурсе президентов Барака Обамы и Николая Саркози // Молодой ученый. № 3. С. 193–196.
- Мохова Е. К., 2011. Метафорическая репрезентация категории СВОИ - ЧУЖИЕ в президентском дискурсе Барака Обамы, Николая Саркози и Уго Чавеса : дис. ... канд. филол. наук. Сургут. 254 с.
- Шпетный К. И., 2017. Лингвистические особенности ораторского дискурса Президента США Дональда Джона Трампа: инаугурационная

речь // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тез. докл. Междунар. науч. конф. (г. Минск, 10–11 мая 2017 г.). Минск : МГЛУ. С. 296–298.

- Caudillo Félix G A., 2013. Identidad y cultura en los líderes indígenas latinoamericanos // Contextualizaciones latinoamericanas. Núm. 8, (enero-junio). P. 1–6.
- Charaudeau P., 2009. Reflexiones para el análisis del discurso populista // Discurso y Sociedad. Año 3, Número 2 (junio 2009). P. 253–279.
- Chumaceiro Arreaza I., 2003. El Discurso de Hugo Chávez: Bolívar como estrategia para dividir a los venezolanos // Boletín de Lingüística. Vol. 20. P. 22–42.
- Giraldo E., Vallejo M., Charre M. Minuto a minuto: La Academia Militar de Caracas acoge el funeral de Hugo Chávez. URL: <http://www.rtve.es/noticias/20130308/minuto-minuto-maduro-anuncia-fallecimiento-hugo-chavez/613441.shtml> (date of access: 30.01.2019).
- Guervós de Santiago J., 2015. La relexicalización en el discurso político actual: el ejemplo de populismo a través de la prensa española // Boletín de la Real Academia Española. BRAE. Tomo XCV. Cuaderno CCCXII. (julio-diciembre). P. 471–500.
- Guervós de Santiago J., 2017. Análisis del discurso populista en la España actual // AnMal. XXXIX, 2016–2017. P. 115–141.
- Knight A., 1998. Populism and Neo-populism in Latin America, especially Mexico // Journal of Latin American Studies. Vol. 30, iss. 2. P. 223–248. DOI: 10.1017/S0022216X98005033.
- Monedero J. C., 2019. ¿Populismo de izquierdas o caudillismo amable? URL: <https://blogs.publico.es/juan-carlos-monedero/2019/02/14/populismo-de-izquierdas-o-caudillismo-amable> (date of access: 30.01.2019).
- Panizza F., 2005. Introduction // Populism and the Mirror of Democracy / ed. by F. Panizza. London ; New York : Verso. P. 1–32.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Басков – Басков А. Популизм. URL: <https://newideology.ru/slovar/p/populizm> (дата обращения: 30.01.2019).
- Словарь политических терминов – Словарь политических терминов. Политическая энциклопедия онлайн. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/pol.html> (дата обращения: 30.01.2019).
- Слово популизм – Слово популизм. URL: <https://wordhelp.ru/word/> (дата обращения: 30.01.2019).
- Adamovsky – Adamovsky E. ¿De qué hablamos cuando hablamos de poplismo? URL: <http://revistaanfibia.com/ensayo/de-que-hablamos->

- cuando-hablamos-de-populismo-2 (date of access: 30.01.2019).
- Cortés* – Cortés R. Basta ya de realidades... queremos promesas. URL: <https://www.razon.com.mx/columnas/basta-ya-de-realidades-queremos-promesas> (date of access: 30.01.2019).
- Daniel Ortega* – Ortega D. Vamos a restablecer la ruta de seguridad y el bienestar par alas familias nicaragüenses. URL: <https://www.lavozdelsandinismo.com/nicaragua/2019-02-21/daniel-vamos-a-restablecer-la-ruta-de-seguridad-y-el-bienestar-para-las-familias-nicaraguenses> (date of access: 30.01.2019).
- DRAE, 2006* – Diccionario esencial de la lengua española. Real Academia Española. URL: <http://lema.rae.es/desen/srv/search?key=populismo> (date of access: 30.01.2019).
- DRAE, 2016* – Diccionario esencial de la lengua española. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/?id=TfyMi6t> (date of access: 30.01.2019).
- García Vega* – García Vega M. A. El populismo agita la economía y la llena de recetas oportunistas. URL: https://elpais.com/economia/2019/02/06/actualidad/1549467137_086938.html (date of access: 30.01.2019).
- Fundéu* – Fundéu. “Populismo”, palabra del año para la Fundéu BBVA. URL: https://elpais.com/cultura/2016/12/30/actualidad/1483092782_433550.html (date of access: 30.01.2019).
- Hansen* – Hansen H. Nuevo lema militar y la relación con Chile marcarán el “Día del Mar” boliviano. URL: <https://www.elmostrador.cl/noticias/mundo/2010/03/22/nuevo-lema-militar-y-la-relacion-con-chile-marcaran-el-dia-del-mar-boliviano> (date of access: 30.01.2019).
- Las diez frases...* – Las diez frases más insólitas de Nicolás Maduro. URL: <https://www.lanacion.com.ar/1649240-las-diez-frases-mas-insolitas-de-nicolas-maduro> (date of access: 30.01.2019).
- Linguee* – Linguee. Dictionary Spanish-English. URL: <https://www.linguee.com/spanish-english/translation/la+voz+del+pueblo.html> (date of access: 30.01.2019).
- Martín del Barrio* – Martín del Barrio J. El arrolador fenómeno del presidente de Portugal ya se estudia en la universidad. 16.02.2019. URL: https://elpais.com/internacional/2019/01/31/mundo_global/1548958150_864588.html (date of access: 30.01.2019).
- Ortega* – Ortega A. ¡Basta de realidades; queremos promesas! URL: https://elpais.com/diario/2002/07/08/internacional/1026079211_850215.html (date of access: 30.01.2019).
- Peio Riaño* – Peio Riaño H. El día que España dijo: “populismo”. URL: https://www.elespanol.com/cultura/libros/20161230/182232347_0.html (date of access: 30.01.2019).
- Redacción BBC Mundo* – Redacción BBC Mundo. Maduro crea un Viceministerio para la Suprema Felicidad del Pueblo. URL: https://www.bbc.com/mundo/ultimas_noticias/2013/10/131024_ultnot_venezuela_viceministerio_suprema_felicidad_az (date of access: 30.01.2019).
- Rodríguez* – Rodríguez A. Evadas, cien frases de Juan Evo Morales Ayma para la historia. Santa Cruz,. URL: <https://peru21.pe/mundo/evo-morales-trece-frases-celebres-mandatario-ganaron-titulares-141398> (date of access: 30.01.2019).
- Trao* – Trao P. El curioso cambio de la RAE a la definición de la palabra ‘populista’. URL: <https://www.asivaespana.com/politica/el-curioso-cambio-de-la-rae-a-la-definicion-de-la-palabra-populista> (date of access: 31.01.2019).

REFERENCES

- Baranov N.A., 2002. *Populizm kak politicheskaya deyatel'nost* [Populism as a Political Activity]. Saint Petersburg, Izd-vo SZAGS. 44 p.
- Varentsova O.B., 2014. *Tri volny populizma v Latinskoy Amerike* [Three Waves of Populism in Latin America]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, iss. 6 (39), pp. 153-160.
- Deyviks K., 2012. *Populizm* [Populism]. URL: <http://gifter.ru/archive/6800> (accessed 30 January 2019).
- Dokuchaeva O.N., 2007. *Sovremenny latinoamerikanskiy populizm: novyy povorot* [Modern Latin-American Populism: A New Turn]. A.Yu. Melvil, ed. *Prostranstvo i vremya v mirovoy politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: materialy IV Konventa RAMI. V 10 t.* [Space and Time in Global Politics and International Relations: Proceedings of the 4th RAMI Convent. In 10 Vols.]. A.V. Shestopal, L.S. Okuneva, S.M. Henkin, eds. *Ispaniya i Latinskaya Amerika v mirovoy politike* [Spain and Latin America in the World Politics]. Moscow, MGIMO-Universitet, vol. 7, pp. 108-116.
- Mokhova E.K., 2010. *Voennaya metafora v politicheskom diskurse prezidentov Baraka Obamy i Nikolya Sarkozi* [The Military Metaphor in the Political Discourse of Presidents Barack Obama and Nicolas Sarkozy]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], no. 3, pp. 193-196. URL: <https://moluch.ru/archive/14/1282/> (accessed 30 January 2019).
- Mokhova E.K., 2011. *Metaforicheskaya reprezentatsiya kategorii SVOI - CHUZHIE v prezidentskom diskurse Baraka Obamy, Nikolya Sarkozi i Ugo Chavesa. Dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphorical Representation of

- the Category US vs THEM in the Presidential Discourse of Barack Obama, Nicolas Sarkozy and Ugo Chaves. Cand. philol. sci. diss.]. Surgut. 254 p.
- Shpetnyy K.I., 2017. *Lingvisticheckie osobennosti oratorskogo diskursa Prezidenta SShA Donalda Dzhona Trampa: inauguratsionnaya rech* [Linguistic Features of the Oratory Discourse of the US President Donald Trump: Inauguration Speech]. Eksplitsitnoe i implitsitnoe v yazyke i rechi. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Minsk, 10–11 maya 2017 g. [The Explicit and the Implicit in Language and Speech. Proceedings of the International Scientific Conference. Minsk, May 10–11, 2017]. Minsk, MGLU, pp. 296-298.
- Caudillo Félix G.A., 2013. Identidad y cultura en los líderes indígenas latinoamericanos. *Contextualizaciones latinoamericanas*, N. 8, enero-junio, pp. 1-6.
- Charaudeau P., 2009. Reflexiones para el análisis del discurso populista. *Discurso y Sociedad*, Aco 3, Número 2, Junio 2009, pp. 253-279.
- Chumaceiro Arreaza I., 2003. El Discurso de Hugo Chávez: Bolívar como estrategia para dividir a los venezolanos. *Boletín de Lingüística*, vol. 20. pp. 22-42.
- Giraldo E., Vallejo M., Charte M., 2013. *Minuto a minuto: La Academia Militar de Caracas acoge el funeral de Hugo Chávez*. URL: <http://www.rtve.es/noticias/20130308/minuto-minuto-maduro-anuncia-fallecimiento-hugo-chavez/613441.shtml> (accessed 30 January 2019).
- Guervós de Santiago J., 2015. La relexicalización en el discurso político actual: el ejemplo de populismo a través de la prensa española. *Boletín de la Real Academia Española*. BRAE. Tomo XCV. Cuaderno CCCXII. Julio-Diciembre, pp. 471-500.
- Guervós de Santiago J., 2017. Análisis del discurso populista en la Espaca actual. *AnMal*. XXXIX, 2016-2017. pp. 115-141.
- Knight A., 1998. Populism and Neo-Populism in Latin America, Especially Mexico. *Journal of Latin American Studies*, vol. 30, iss. 2, pp. 223-248. DOI: 10.1017/S0022216X98005033.
- Monedero J. C., 2019. ¿Populismo de izquierdas o caudillismo amable? URL: <https://blogs.publico.es/juan-carlos-monedero/2019/02/14/populismo-de-izquierdas-o-caudillismo-amable> (accessed 30 January 2019).
- Panizza F., 2005. Introduction. F. Panizza, ed. *Populism and the Mirror of Democracy*. London, New York, Verso, pp. 1-32.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Baskov A., 2012. *Populizm* [Populism]. URL: <https://newideology.ru/slovar/p/populizm> (accessed 30 January 2019).
- Slovar politicheskikh terminov [The Dictionary of Political Terms]. *Politicheskaya entsiklopediya onlayn* [Political Online Encyclopedia]. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/pol.html> (accessed 30 January 2019).
- Slovo populism* [The Word ‘Populism’]. URL: <https://wordhelp.ru/word/> (accessed 30 January 2019).
- Adamovsky E., 2016. ¿De qué hablamos cuando hablamos de poplismo? URL: <http://revistaanfibia.com/ensayo/de-que-hablamoscuando-hablamoscudepopulismo-2> (accessed 30 January 2019).
- Cortés R., 2016. *Basta ya de realidades... queremos promesas. 26 agosto 2016*. URL: <https://www.razon.com.mx/columnas/basta-ya-de-realidades-queremos-promesas/> (accessed 30 January 2019).
- Daniel Ortega, 2019. *Vamos a restablecer la ruta de seguridad y el bienestar par alas familias nicaragüenses*. URL: <https://www.lavozdelsandinismo.com/nicaragua/2019-02-21/daniel-vamos-a-restablecer-la-ruta-de-seguridad-y-el-bienestar-para-las-familias-nicaraguenses/> (accessed 30 January 2019).
- DRAE, 2006. Diccionario esencial de la lengua espacola. *Real Academia Espacola*. URL: <http://lema.rae.es/desen/srv/search?key=populismo> (accessed 30 January 2019).
- DRAE, 2016. Diccionario esencial de la lengua espacola. *Real Academia Espacola*. URL: <https://dle.rae.es/?id=TfyMi6t> (accessed 30 January 2019).
- García Vega M.A., 2019. *El populismo agita la economía y la llena de recetas oportunistas*. URL: https://elpais.com/economia/2019/02/06/actualidad/1549467137_086938.html (accessed 30 January 2019).
- Fundéu. “Populismo”, palabra del aco para la Fundéu BBVA. URL: https://elpais.com/cultura/2016/12/30/actualidad/1483092782_433550.html (accessed 30 January 2019).
- Hansen H., 2010. *Nuevo lema militar y la relaciyn con Chile marcarán el “Día del Mar” boliviano*. URL: <https://www.elmostrador.cl/noticias/mundo/2010/03/22/nuevo-lema-militar-y-la-relacion-con-chile-marcaran-el-dia-del-mar-boliviano/> (accessed 30 January 2019).
- Las diez frases más insólitas de Nicolás Maduro*, 2013. URL: <https://www.lanacion.com.ar/1649240-las-diez-frases-mas-insolitas-de-nicolas-maduro> (accessed 30 January 2019).

Linguee. Dictionary Spanish-English. URL: <https://www.linguee.com/spanish-english/translation/la+voz+del+pueblo.html> (accessed 30 January 2019).
Martín del Barrio J., 2019. *El arrolador fenómeno del presidente de Portugal ya se estudia en la universidad.* URL: https://elpais.com/internacional/2019/01/31/mundo_global/1548958150_864588.html (accessed 30 January 2019).
Ortega A., 2002. *!Basta de realidades; queremos promesas!* URL: https://elpais.com/diario/2002/07/08/internacional/1026079211_850215.html (accessed 30 January 2019).
Peio Riaño H., 2016. *El día que España dijo: "populismo".* URL: https://www.elespanol.com/cultura/libros/20161230/182232347_0.html (accessed 30 January 2019).

Redacción BBC Mundo. Maduro crea un Viceministerio para la Suprema Felicidad del Pueblo, 2013. URL: https://www.bbc.com/mundo/ultimas_noticias/2013/10/131024_ulnnot_venezuela_viceministerio_suprema_felicidad_az (accessed 30 January 2019).
Rodríguez A., 2011. *Evadas, cien frases de Juan Evo Morales Ayma para la historia.* Santa Cruz. URL: <https://peru21.pe/mundo/evo-morales-trece-frases-celebres-mandatario-ganaron-titulares-141398> (accessed 30 January 2019).
Trao P., 2016. *El curioso cambio de la RAE a la definición de la palabra 'populista'.* URL: <https://www.asivaespana.com/politica/el-curioso-cambio-de-la-rae-a-la-definicion-de-la-palabra-populista> (accessed 30 January 2019).

Information about the Author

Lilia V. Moiseenko, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38, 119034 Moscow, Russia, liliamoiseenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7703-2965>

Информация об авторе

Лилия Васильевна Моисеенко, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, liliamoiseenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7703-2965>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.11>

UDC 811.111'282
LBC 81.432.1-025.7

Submitted: 27.12.2018
Accepted: 20.05.2019

FEATURES OF ENGLISH LANGUAGE INDIGENIZATION IN NIGERIA

Tatiana G. Voloshina

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Abstract. The purpose of the article is to find some peculiarities of Indigenization of the English language in one of the greatest countries of West Africa - Nigeria. In regard to it an inclusive approach was used: linguistic and cultural specificity of the relationship of the English language and culture of Nigeria is carried out on the one hand as the influence of cultural factors on the language from the perspective of cultural linguistics, on the other hand, from the perspective of the influence of the language factor on the spread of culture, that is, from the perspective of linguistic cultural study issues. The author emphasizes an important role of English in various spheres of Nigerian life, including education, economy, politics, states that in everyday conversations peoples use their local dialects, defines the factors that might led to indigenization. A Nigerian dialect of English is described as a certain type of hybrid with the basis formed from English syntax, lexis, phonetics and some elements of Nigerian. On the example of lexical groups "National Food" and "National Clothes" the author proves that the dialect under study contains a layer of words that denote local realities but are adjusted to the norms of English. In conclusion it is stated that Indigenization of English is reflected in combination of the English-adapted nominations of local food and clothes that have developed new meanings, and Nigerian and Portuguese borrowings.

Key words: language, culture, communication, indigenization, territorial variant of English, Nigeria, language situation, ethnic dialects.

Citation. Voloshina T.G. Features of English Language Indigenization in Nigeria. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 118-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.11>

УДК 811.111'282
ББК 81.432.1-025.7

Дата поступления статьи: 27.12.2018
Дата принятия статьи: 20.05.2019

ОСОБЕННОСТИ ИНДИГЕНИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НИГЕРИИ

Татьяна Геннадьевна Волошина

Белгородский государственный университет, г. Белгород, Россия

Аннотация. Задача исследования состоит в выявлении специфики реализации индигенизации английского языка на территории Нигерии – одного из наиболее крупных государств Западной Африки. Решение поставленной задачи осуществляется комплексно: с позиций культурологической лингвистики, что проявляется в изучении влияния культурного фактора на язык, и с позиций лингвистической культурологии, что проявляется в изучении влияния языкового фактора на культуру. Охарактеризована языковая ситуация в Нигерии: при доминировании английского языка в различных сферах жизни (образовании, экономике, политике) в бытовом общении используются этнические языки народностей, населяющих Нигерию. Установлены факторы, способствовавшие формированию в границах нигерийской культуры территориального варианта английского языка – гибридного образования, основу которого составляют синтаксис, лексика и фонетика английского языка, дополненные элементами нигерийских языков, определены причины индигенизации английского языка. На примере анализа тематических групп «Национальные продукты питания» и «Национальная одежда» показано, что в территориальном варианте английского языка имеется широкий пласт слов, обозначающих местные реалии и отражающих адаптацию английского языка к нигерийской культуре. Выявлено, что для наименования местных продуктов питания и одежды используются слова английского языка, развивающие новые лексические значения, слова из нигерийских языков, а также португальские заимствования.

Ключевые слова: язык, культура, коммуникация, индигенизация, территориальный вариант английского языка, Нигерия, языковая ситуация, этнические языки.

Цитирование. Волошина Т. Г. Особенности индигенизации английского языка в Нигерии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 118–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.11>

Введение

Способность языка влиять на мышление была впервые обнаружена американским лингвистом и антропологом Эдвардом Сепиром и его учеником Бенджамином Уорфом. Согласно их гипотезе то, как человек думает и воспринимает мир, задается его языком [Sapir, 1987, p. 46–52]. Культура – это совокупность способов, которыми люди живут и могут осмыслить свое существование. Она будучи продуктом человеческого разума, определяется, распространяется и поддерживается через язык. Связь между языком и культурой, бесспорно, является симбиозом.

Культура рассматривается нами как сверхдинамичная структура, которая направлена на достижение человеческого роста и языкового развития. В работе исследуется процесс развития языка и его способность влиять на культуру.

В качестве объекта изучения избран английский язык, функционирующий в Нигерии во взаимодействии с этническими языками племен, проживающих в ней. Хотя эти языки фактически и составляют основу этнической, региональной, национальной самобытности, национальный язык, вокруг которого могут сплотиться различные этнические группы, еще не определен (см. об этом, например: [Awonusi, 2002, p. 24; Igboanus, 2008, p. 45; Obot, 2007, p. 78]).

Языковая ситуация в Нигерии

Культура напрямую связана с образом жизни людей, их обычаями, традициями, идеями, ценностями, которые воплощаются в разных формах, в том числе и языковых. Язык обладает способностью взаимодействовать с культурой. Так, история английского языка началась с контактов англосаксов с римлянами и французами, что отражено, например, в лексике (в настоящее время 80 % «кулинарных» номинаций в английском языке имеют фран-

цузское происхождение, а большая часть слов английского языка содержит латинские корни [Ifemesia, 2001, p. 35]). Отношения между английским языком и нигерийской культурой имеют сходную историю: многие английские заимствования были интегрированы в нигерийские языки.

В Нигерии в рамках национальной политики в области образования английский язык был принят в качестве стандарта успешного образования и социального развития, что определялось статусом английского языка, используемого для всех официальных и образовательных целей [Adedeji, 1995, p. 34; Aliyu, 1999, p. 21]. Английский сегодня является также основным языком законодательства, используемым как в национальном, так и государственном Собрании. В настоящее время в каждой семье, в том числе полуграмотной, знакомство детей с английским языком начинается уже в первые годы обучения в школе [Banjo, 2005, p. 167–168; Iwara, 2002, p. 102].

Влияние английского языка на культуру современной Нигерии чрезвычайно высоко, что настораживает многих нигерийских лингвистов. При этом вопрос о специфике «нигерийского английского языка» невозможно обсуждать без учета нигерийского культурного влияния на строй английского языка. В современном нигерийском языкознании принято различать несколько разновидностей нигерийского английского языка. По мнению лингвиста Айо Банджо, наиболее широко распространенной является та синтаксическая, лексическая и фонетическая система, которая максимально близка к стандартному британскому английскому языку. Исследователь признает, что этот территориальный вариант нигерийского английского языка обладает ярко выраженными лексическими особенностями, которые отражают влияние нигерийской культуры на английский язык [Banjo, 2005, p. 166–167].

Другой отличительной чертой языковой ситуации в Нигерии является существенное

влияние американизмов на речь представителей одной из социальных групп – нигерийских студентов [Adegbija, 2008, p. 66–71]. Этому способствует глобализация, которая обусловлена широкой технологической и электронной коммуникацией между носителями разных культур, при этом сверхмощный поток информации студенты получают именно из США. Нигерийские студенты часто путают американское и британское произношение, написание, сленг, в связи с чем преподаватели нигерийских университетов в последнее время настаивают на использовании обучающимися именно английского языка, а не его американского варианта [Bamgbose, 2006, p. 42–48; Egbe, 2010, p. 56–58].

Взаимное влияние нигерийской культуры и английского языка обусловило появление такого понятия, как «нигерийский английский язык» [Deru, 1991, p. 51].

При этом частью нигерийской культуры является знание нигерийских языков. Гражданин Нигерии, который не может говорить на родном языке, не считается полноценным сыном своей страны. Нигерия – многоязычное государство, в котором существует более пятисот этнических языков: хауса, игбо, йоруба, ибибио, фулани, эдо, каниру, эфик, фулфульде и нескольких сотен других [Kachru, 1992, p. 86–91]. Многие этнические группы внутри сообщества общаются на своих диалектах, но коммуникация между разными этническими группами осуществляется на английском языке (подробно об этом см.: [Omolewa, 2000, p. 15]).

Язык и культура как симбиоз

Язык, как известно, выполняет несколько функций, он позволяет человеку стать полноправным членом социума и наделяет его силой самовыражения, обеспечивает межличностную коммуникацию, а также выступает средством, с помощью которого культура общества находит вербальное выражение, и именно эта прочная связь между культурой и языком порождает, как считают В. Кук и М. Ньюсон, сравнение их сосуществования с существованием «тела и души» [Cook, Newson, 2007, p. 121–123]. Нигерийские лингвисты, рассматривая эти отношения как симбиоз, полагают, что культу-

ра вряд ли может быть полностью развита вне языка, более того, язык и культура являются «кровесниками», а потому понятны только в контексте друг друга [Ifemesia, 2001, p. 56–59; Rowland, 2003, p. 45–49]. Известный нигерийский языковед Игбоануси (Igboanusì) представил диаграмму, демонстрирующую, что именно через язык культурная информация сохраняется в памяти для последующего извлечения на протяжении тысячелетий. По мнению исследователя, язык всегда был неотъемлемой частью, хранилищем и средством выражения и передачи своей культуры [Igboanusì, 2008, p. 78]. Культура и язык совместно действуют при генерации мыслительного процесса и выражения мысли: культура проявляется через понятия, а язык – через предложения в форме высказываний; понятия хранятся в памяти с помощью языка, а мышление исходит из запоминающихся понятий и предложений, которые преобразуются в речь [Igboanusì, 2008, p. 79–82].

Существует ряд особенностей взаимодействия культуры и языка при активизации мыслительного процесса. Одна из них заключается в том, что именно тип культуры общества определяет способ ее передачи: речевая культура передается в устной и письменной формах. Другой особенностью является то, что культуры, которые выражают себя в своих языках, имеют уникальную возможность сделать это более эффективно, чем культуры, которые зависят от языка «пришельцев» с чужим культурным багажом. Носители языка, естественно, обладают способностью оперировать своим языком для эффективности мышления. Если бы нигерийская культура, которая находит выражение на родном языке, передавалась как в устных, так и письменных формах, то она имела бы лучшие шансы на выживание и развитие, но нигерийская культура, которая находит выражение на родном языке, передается исключительно устно, а потому ее шансы на выживание уменьшаются. Как утверждает Ивара, это исчезающий вид культурного достояния, спасение которого может быть достигнуто только путем графемизации языка [Iwara, 2002, p. 115].

Нигерийская культура, которая находит выражение на чужом языке (в устной или

письменной форме), также представляет собой вымирающий вид, поскольку любая культура без собственного языка сталкивается с проблемами толкования ее смысла. На современном этапе развития нигерийского общества очевиден тот факт, что развитие коренных языков становится наиболее острой проблемой, требующей незамедлительного решения со стороны нигерийских властей, иначе в скором будущем может возникнуть проблема вымирания родного языка, которая сопутствует процессу утраты культуры.

В соответствии с языковой политикой Нигерии в области образования в течение первых трех лет пребывания ребенка в начальной школе он должен обучаться на местном языке, а английский язык должен преподаваться в качестве общеобразовательного предмета. Далее, начиная с четвертого класса начального образования, английский язык должен служить средством обучения для всех предметов, а язык коренных народов (игбо, хауса или йоруба) будет преподаваться в качестве обычного предмета [Adedeji, 1995, p. 68].

Способы индигенизации в Нигерии

Характеризуя индигенизацию на территории Нигерии, необходимо отметить, что влияние локальных тенденций на культурное обособление и цивилизационную независимость может рассматриваться как адаптация и некоторое ограничение английского языка в соответствии с нормами нигерийской языковой среды. Для обозначения такого явления согласно исследованиям Адегбиа (Adegbija) можно использовать термин «nativisation» (одомашнивание), поскольку английский язык в Нигерии был адаптирован для домашнего использования и стал применимым к повседневной жизни, опыту, нюансам и чувствам [Adegbija, 2008, p. 23].

Индигенизация свидетельствует о том, что английский язык стал нигерийской собственностью. Эту мысль поддерживают и нигерийские специалисты в сфере политологии, лингвокультурологии и социологии, например, известный лингвист и культуролог Качру (Kachru) полагает, что английский язык больше не является только иностранным языком,

который Нигерия фактически присвоила себе, автор устанавливает статус нигерийского английского языка как диалектное подмножество, которое сопоставимо с американским, австралийским, британским, канадским подмножеством [Kachru, 1992, p. 54]. Современный политолог Авонуси (Awonusi) предлагает образную характеристику, согласно которой не сравним более с малолетним ребенком, а достиг уже возраста совершеннолетия [Awonusi, 2002, p. 28].

Процесс индигенизации в Нигерии приводит к выработке внутренней нормы, о чем свидетельствует тот факт, что в речевой практике нигерийцев используются многочисленные структуры, которые непонятны носителям английского языка. Некоторые ученые в прошлом отрицали существование нигерийского английского языка и объясняли особенности английского языка в Нигерии отклонениями от стандартного британского английского. При этом многие известные ученые, в частности Адэгбиа (Adegbija), Банио (Banjo), утверждают, что нигерийский английский уже сформировался и имеет многочисленные социальные подтипы. Нигерийские лингвисты XXI в. Авонуси (Awonusi) и Эгбе (Egbe) в своих работах предложили описание природы и характера нигерийского английского языка. Знаменитый языковед Игбоануси (Igboanusi) создал серию лингвистических словарей территориального варианта английского языка Нигерии, в которых зафиксировал фонетические, лексические, семантические особенности нигерийского английского языка и отраженную в нем культурную специфику. Такие исследования, по мнению Адегбиа (Adegbija), несомненно показывают, что адаптация английского языка в Нигерии прошла долгий путь [Adegbija, 2008, p. 61].

Гибридность тематической группы как результат индигенизации

Как известно, значения слов тесно связаны с ментальными представлениями, существующими у носителей того или иного языка, поэтому при переводе с одного языка на другой необходимо убедиться, что ментальное представление сохраняется при его интерпретации. Словесный перевод может нару-

шить идею интерпретации, так как мысленные представления, создаваемые переводом, могут отличаться от таковых в тексте. Качественно выполненные переводы лексических единиц направлены на создание того же эффекта в переводе, что и в оригинальном тексте. Например, слово *хлеб* вызывает разные ментальные образы в сознании носителей различных культур в зависимости от того, являются ли они, например, французами или африканцами. Согласно представлениям французов хлеб имеет разные формы и состав, например, деревенский хлеб, багет, бриошь, при этом разный хлеб употребляется с разными блюдами и в разное время (завтрак, обед, ужин). Согласно представлениям африканцев, в частности нигерийцев, хлеб имеет один состав, но разные формы: он может быть цельным или нарезанным на кусочки – хлеб едят в любое время и с любыми блюдами и напитками (подробно об этих традициях см.: [Rowland, 2003, p. 61]).

Приведенный пример наглядно иллюстрирует особенности той или иной культуры, которые необходимо учитывать при интерпретации лексической единицы на другом языке.

Особенности индигенизации территориального варианта английского языка Нигерии, в нашем исследовании выявляются на лексическом уровне при рассмотрении семантико-этимологических характеристик слов в тематических группах «Национальные продукты питания» и «Национальная одежда».

Тематическая группа «Национальные продукты питания» представляет собой пласт лексических единиц, которые передают культурное разнообразие нигерийских народностей.

В Африке местная кухня есть в каждой стране и у каждого народа. Ежедневная нигерийская национальная еда – это уникальное сочетание традиций и обычаев множества народностей стран Западной Африки. Еда нигерийца состоит, как правило, из двух компонентов: гарнира и основного блюда (овощи и мясо или рыба в соусе).

Гарнир представляет собой пресные блюда, которые готовят обычно из ямсовой муки (ямс – это клубень, по форме и вкусу напоминающий картофель, блюда из него являются весьма сытными). Ямсовый гарнир

вполне можно сравнить с картофельным пюре, но по своим свойствам он отличается большей клейкостью, имеет кашеобразную консистенцию, может быть белого или коричневого цвета. В нигерийском языке он называется *ийян*, по-английски – *pounded yam*. Ямс лучшего, а следовательно, дорогого сорта имеет белый цвет, этот сорт называется *Abuja yam*. Другая разновидность *ийяна* имеет коричневый цвет и называется *амале* (*amala, àmàlà*). *Амале* при приготовлении предварительно тщательно просушивается, поэтому приобретает такой цвет.

Еще одним неотъемлемым компонентом кухни Западной Африки и в частности Нигерии является *кассава* – продукт, представляющий собой крахмалистое вещество, добываемое из клубней мучнистого растения маниоки. Своими формой и вкусом это растение напоминает ямс, но обладает значительно меньшим размером. Мука из *кассавы* называется *гарри* (*gari*), из нее часто готовят кашеобразный гарнир, который называется *эба* (*eba, èbà*).

Рис в Нигерии является типичным блюдом национальной кухни. Особенно известен местный сорт риса – *офада* (*ofada*), из него принято готовить тушеное блюдо, называемое *офада стью* (*ofada stew*). Рис *офада* – дорогой продукт, в связи с чем едят его в малом количестве, чаще всего на праздники и по особым случаям. Примером праздничного блюда из риса может служить национальное блюдо Нигерии *jollof rice* – «rice cooked with tomatoes and spices, served with chunks of meat at parties» (Blench, p. 18–22) – «рис, приготовленный с помидорами и специями, который подается с кусками мяса на праздниках».

Блюдом, дополняющим *ийяну*, *амале*, *эбе* или *офаде*, в нигерийской кухне всегда выступает особое острое блюдо (нигерийская кухня существенно острее, чем, например, кухня Эфиопии или Ганы).

Основное блюдо имеет интернациональное название *суп* (*soup*), но нигерийский *суп*, как правило, значительно более густой консистенции, чем русский или французский суп, для ее достижения в процессе приготовления используется специальный продукт, который называется *ачи* – «a powder-like substance used for soup thickening» (Igboanusi, 2010,

р. 36) – «порошкообразное вещество, используемое для загустения супа».

Способом приготовления нигерийского супа является долгое тушение, в отличие от русского способа приготовления супа – варки. В то же время следует отметить, *суп* и *тушеное блюдо* (*stew*) имеют различия. В нигерийский *суп* обычно добавляются листья или зелень, а в *тушеное блюдо* нет.

Разновидностей *супа* в национальной кухне Нигерии множество, при этом существенные отличия определяются локальной принадлежностью той или иной национальной кухни: к северной, западной или южной части региона. *Суп* может быть приготовлен из различных овощей, видов рыбы и мяса. Например: *Congo Meat soup* – «soup made from the Giant African land snail» – «суп приготовленный из гигантских африканских улиток»; *Crayfish soup* – «soup made of shrimps and prawns» – «суп из креветок»; *Cowleg soup* – «soup made of cow» – «суп из телятины»; *Croaker* – «sea-fish soup» – «суп из морской рыбы»; *Grasseater* – «fish soup (came from Hausa)» – «рыбный суп»; *Pepper soup* – «type of consommé soup made with meat or fish and containing chili pepper but no oil» – «суп с мясом или рыбой, в состав которого входит перец чили, не требующий масла для приготовления»; *Peprish* – *peppery soup* – «суп из перца», все примеры из: (Blench, p. 7–11; 20); *Afang* – «vegetable soup made of afang leaves» – овощной суп из листьев (Igboanusi, 2002, p. 38).

Особенностью территориального варианта английского языка в Нигерии, на наш взгляд, является выбор глагола, используемого для выражения процесса употребления супа и зафиксированного в словаре Тома Лангло как *lick soup* (буквально «пить суп»). В словаре автор приводит следующий пример: *While eating with me, you are licking the soup, but I am eating the porridge* (Blench, p. 15) – «Пока ты ешь со мной, ты пьешь суп, а я ем кашу».

К супу в Нигерии принято подавать специальный соус *draw* – «a sauce made from sticky vegetables such as okra» (Blench, p. 8) – «особый соус, обладающий густой консистенцией, приготовленный из овощей, например из окры». Вместе с ним часто подают сушеные листья баобаба, которые называют *kuka* – «dried baobab leaves used to eat soup» (Blench,

р. 15) – «сухие листья баобаба, при помощи которых едят суп».

Ежедневный рацион нигерийца включает блюдо, называемое *porridge*, которое отличается от традиционной европейской каши. Слово *porridge* имеет в нигерийском английском два значения, зафиксированных в словаре (Blench, p. 21): 1) *porridge* – «heavy dumpling like porridge of cereals such as sorghum, millet» – «очень густая каша с клецками из крупы типа сорго, просо»; 2) *porridge* – «cooked staple with sauce» – «основное блюдо с соусом».

Широта семантики слов тематической группы «Национальные продукты питания» предопределила широту синонимии.

Для территориального варианта английского языка Нигерии характерно как сохранение названия оригинальных блюд и напитков, так и использование современных аналогов британского английского языка с определенной национальной спецификой. Приведем примеры названий разных блюд и напитков: *chin-chin* – «triangular fried cakes served at gatherings» – «специальный пирог треугольной формы, при помощи которого традиционно встречают гостей»; *moinmoin* – «cake made of boiled Bambara groundnuts» – «торт из арахиса Бамбара»; *pudding* – «prepared food wrapped in leaves» – «еда, завернутая в листья, готовая к употреблению»; *puff-puff* – «ground fried cake made from flower and sugar» – «торт круглой формы, приготовленный на основе муки и сахара»; *groundnut* – «peanut» – «арахис» (лексема *groundnut* представляет собой пример панафриканской англофонии по аналогии с франкофонией – *pois de terre*); *hot* – «1. short for “hot drink”, 2. alcoholic drink» – «1. горячий напиток, 2. алкогольный напиток»; *chapman* – «soft drink usually made from mineral water and fruit, similar to a non-alcoholic Sangria» – «легкий напиток с минеральной водой и фруктами»; *tea* – «refers to any beverage with a hot water base, although it can sometimes be taken in cold water» – «любой горячий напиток, иногда его можно употреблять в холодном виде»; *kunu* – «soft drink prepared from millet or corn» – «безалкогольный напиток, приготовленный из проса или кукурузы»; *Lipton* – «all sorts of tea» – «любой чай»; *kaikai* – «a local gin fermented of the palm» – «местный джин, ферментированный из пальмы»; *palm wine* – «sap tapped from the terminal

bud of various palms, which is used as a drink» – «напиток на основе пальмового сока»; *pito* – «local beer brewed from sorghum, millet» – «местное пиво, сваренное из сорго, просо» (Blench, p. 6–21).

В территориальном варианте английского языка Нигерии в тематической группе «Национальные продукты питания» сохранились некоторые названия блюд из португальского языка, например: *Farina* – «dry food prepared from cassava» (Blench, p. 8) – «продукты, приготовленные из маниоки».

Некоторые лексемы рассматриваемой тематической группы, характерные для нигерийского территориального варианта английского языка, вошли в него из наиболее распространенных диалектов Нигерии, например:

– из языков хауса: *grasseater* – «fish soup» – «рыбный суп»; *kose* – «fried bean cake» – «жареные блинчики»; *kunnu* – «drink made from cereal flower, sugar and ginger, sold in North Nigeria, but also known in southern urban areas» – «напиток из злаковых культур, сахара и имбиря, который широко распространен в Северной части Нигерии, но также известен в южных районах страны» (Blench, p. 8–15);

– из языков йоруба: *eba* – «staple food made from boiled cassava, originally low status compared with yams and standing for cheap food» – «основное блюдо, приготовленное из вареной маниоки, продукт более дешевый, чем ямс»; *eko* – «boiled food made from cassava» – «вареная пища из маниоки»; *egusi* – «melon, or its dried and crushed seeds, used to make a popular sauce» – «дыня, или высушенные семена, используемые для приготовления соуса» (Blench, p. 8–9); *amala* – «brown-coloured food, prepared from yam» – «продукт коричневого цвета, приготовленный из батата» (Igboanusi, 2002, p. 79); *assorted* – «different parts of meat usually served in restaurants» – «тушеное блюдо из различных частей мяса, которое обычно подается в ресторанах» (Igboanusi, 2010, p. 49);

– из языков игбо: *agidi* – «cream of corn, meal prepared from maize» – «блюдо кремовой консистенции, приготовленное из кукурузы»; *akpu* – «mashed cassava» – «пюре из маниоки»; *alligator pepper* – «a coinage used for eating kola nut» – «специальное приспособление, при помощи которого колют орехи» (Igboanusi, 2010, p. 42, 44, 47).

Тематическая группа «Национальная одежда» в территориальном варианте английского языка Нигерии исключительно самобытна и сохраняет лексические единицы коренных языков для описания тех или иных реалий в нигерийском английском языке. Традиции изготовления и ношения одежды в Нигерии весьма разнообразны, некоторые традиционные наряды восходят к древним племенам, жившим на этой территории столетия назад, другие появились в результате британского, португальского и французского влияния на рубеже XIX–XX веков. Сегодня многие жители Нигерии используют современную одежду, предпочитая западный стиль, но все же есть много нигерийцев, которые носят традиционную одежду в повседневной жизни. Национальная одежда Нигерии отражает локальные тенденции культурной идентичности и ее цивилизационную независимость.

В Нигерии проживает несколько этнических групп, самые крупные из которых йоруба, игбо и хауса-фулани; каждая из этих народностей имеет свою национальную одежду.

Для народа йоруба типичны яркие цвета в гардеробе, особенно когда одежда предназначается для особых случаев, таких как свадьбы и похороны. Есть основания полагать, что национальная одежда народа йоруба является традиционным костюмом для Нигерии в целом, такое мнение было сформировано благодаря широкой популярности и преобладанию ярких цветов – желтого, зеленого, красного. Для обозначения этнической одежды йорубы существуют следующие слова, вошедшие в нигерийский английский: *adire* – «a colorful designed and painted wear worn by men and women» – «красочная одежда, которую носят мужчины и женщины»; *buba* – «a loose-fitting blouse with round or V-shaped neckline and long sleeves, its length is a little bit lower the waistline, both men and women use it» – «блуза свободного покроя с круглым или V-образным вырезом и длинными рукавами, ее длина немного ниже талии, такой вид одежды приемлем как для мужчин, так и для женщин»; *iro* – «a long wrap-around skirt» – «длинная юбка»; *agbada* – «a men's robe that is worn over the other clothes, it is used for formal events» – «мужской халат, который надевается поверх другой одежды, исполь-

зуются для официальных мероприятий»; *sokotos* – «loose-fitting trousers with a drawstring to hold them up» – «свободные брюки со шнурком на поясе»; *gele* – «the traditional Nigerian headdress, it is a piece of cloth that is used by women, they wrap it around their heads» – «традиционный нигерийский головной убор, который используется женщинами»; *aso ebi* – «an identical cloth worn by several persons friends or relatives on a special occasion» – «определенный вид одежды, которую принято носить родственникам или друзьям при особых случаях»; *aso oke* – «a locally woven heavy wear worn by both men and women, used in ceremonies such as wedding, burial etc.» – «особый тип одежды, который надевают как мужчины, так и женщины для участия в важных церемониях, таких как свадьба, похороны и др.» (Igboanusì, 2010, p. 18–56).

Традиционным нарядом для женщин народности игбо являются различные вариации накидок: накидки для повседневной жизни, сделанные из грубых тканей, и накидки для официальных случаев, сшитые из импортированной ткани, с узорами и различными украшениями. Национальная одежда для мужчин игбо состоит из хлопчатобумажных накидок, рубашек и сандалий. Накидки для повседневного использования изготавливаются из дешевых тканей, а одежды для праздников и особых мероприятий шьют из более качественных тканей.

Одежда ежедневного гардероба народности игбо имеет следующие номинации (они вошли в нигерийский английский): *agbada* – «a large flowering gown worn by men and women» – «яркое платье, которое носят мужчины и женщины»; *akwete* – «a type of embroidered clothes, produced in Akwete town and used by Igbo people» – «особый тип одежды с вышивкой, производимой в городе Аквете и используемой людьми племени игбо» (Igboanusì, 2010, p. 41–45).

Мужской традиционный наряд племени хауса – это халат длиной до пола с широкими рукавами (*babban riga*). Эта одежда схожа с *agbada* – одеждой йорубы. Такое мужское платье популярно среди нигерийских мужчин в качестве одежды для официальных мероприятий. Мужчины хауса тоже носят головной убор *fula* (фула), представляющий собой круг-

лую шапку. Традиционный женский наряд хауса состоит из красочных накидок *abaia* (абая), которые дополняются соответствующими блузами.

Некоторые предметы одежды йорубы, игбо, хауса и других народов Нигерии стали традиционными для всей страны, например, для народностей буба, сокото, фуле. В целом нигерийская национальная одежда красочна, в процессе ее создания часто используются украшения ручной работы, которые изготавливают из натуральных материалов (стекла, камней, дерева, керамики). Нигерийцы надевают также украшения в большом количестве.

Таким образом, тенденции индигенизации в Нигерии отражают специфику ее лингвокультуры. Тематические группы «Национальные продукты питания», «Национальная одежда» содержат лексические единицы как британского английского, так и языков коренных народностей Нигерии. Лексические единицы английского языка адаптируются к культурным реалиям нигерийцев и приобретают новые компоненты лексического значения.

Выводы

Язык и культура – это «сверхчувствительные» образования, способные адаптироваться к разным условиям бытования. В Нигерии результатом такой адаптации английского языка к полиэтнической культуре стало формирование территориального варианта английского языка. Он представляет собой гибридный язык, основа которого (фонетика, лексика, грамматика британского английского языка) сочетается с маркерами языков коренных народов. В результате такого взаимодействия нигерийский английский язык был подвержен индигенизации, которая проявилась прежде всего в лексической системе. Тематические группы лексики, отражающей культурные реалии полиэтнической Нигерии, например «Национальные продукты питания» и «Национальная одежда», характеризуются гетерогенностью, поскольку включают слова английского языка, у которых развиваются новые лексические значения, слова из языков нигерийских народностей, а также португальские заимствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Adedeji A., 1995. Determining language in education policy: The dilemma in Africa. Language in Nigeria. Ibadan : Group Publishers. 112 p.
- Adegbija A., 2008. Features of language use in Yoruba traditional language. Ibadan : University of Ibadan. 98 p.
- Aliyu J. S., 1999. The Problems of Multilingualism in Nigerian Primary and Post-Primary Schools. Language in Education in Nigeria // Attendus Congres de la société linguistique de L'Afrique Occidentale. Vol. 1, № 2. P. 18–27.
- Awonusi M., 2002. Man-made language. London : Routledge. 76 p.
- Bamgbose A., 2006. Mother Tongue Education: The West African Experience. Paris : UNESCO. 110 p.
- Banjo A., 2005. Towards a definition of standard Nigerian English // Attendus Congres de la société linguistique de L'Afrique Occidentale. Vol. 2, № 3. P. 165–175.
- Cook V. J., Newson M., 2007. Chomsky's Universal grammar. An introduction. Oxford : Blackwell Publishers Ltd. P. 119–127.
- Derry N., 1991. Language in Africa. Cambridge : CUP. 99 p.
- Egbe M., 2010. English as a second language and second language teaching. Olabisi : Onabanja University Press. 109 p.
- Ifemesia C., 2001. The place of local languages in Nigeria today. Nigerian languages and cultural development. Ibadan : Mosuro Publishers. 112 p.
- Igboanusi H., 2008. Language contact and bilingualism. Ibadan : University Press Limited. 116 p.
- Iwara A. U., 2002. Nigeria and the national language policy question. Ibadan : Mosuro Publishers. 309 p.
- Kachru B. B., 1992. World Englishes in language teaching. Cambridge : Cambridge University Press. 316 p.
- Obot J. U., 2007. Nigeria: The people and their Heritage. Calabar : Wusen Press. 134 p.
- Omolewa M., 2000. The Emergence of Non-Standard English in Nigeria. Varieties and Functions of English in Nigeria. Ibadan : African University Press. 26 p.
- Rowland E., 2003. Yoruba and English: A problem of co-existence. African Language Studies. Lagos : Concept Publications. 89 p.
- Sapir E., 1987. Communication. The psychology of language, thought and instruction. New York ; Holt : Rhinehart and Winston. 109 p.

СЛОВАРИ

- Blench – Blench R. A dictionary of Nigerian English. Cambridge : United Kingdom, 2005. 39 p.

- Igboanusi, 2002* – Igboanusi H. A Dictionary of Nigerian English Usage. Ibadan : Enicrownfit Publishers, 2002. 305 p.
- Igboanusi, 2010* – Igboanusi H. A Dictionary of Nigerian English Usage. African languages – African Literature. Berlin : Transaction Publishers, 2010. 374 p.

REFERENCES

- Adedeji A., 1995. *Determining Language in Education Policy: The Dilemma in Africa. Language in Nigeria*. Ibadan, Group Publishers. 112 p.
- Adegbija A., 2008. *Features of Language Use in Yoruba Traditional Language*. Ibadan, University of Ibadan. 98 p.
- Aliyu J.S., 1999. The Problems of Multilingualism in Nigerian Primary and Post-Primary Schools. Language in Education in Nigeria. *Attendus Congres de la société linguistique de L'Afrique Occidentale*, vol. 1, no. 2, pp. 18-27.
- Awonusi M., 2002. *Man-Made Language*. London, Routledge. 76 p.
- Bamgbose A., 2006. *Mother Tongue Education: The West African Experience*. Paris, UNESCO. 110 p.
- Banjo A., 2005. Towards a Definition of Standard Nigerian English. *Attendus Congres de la société linguistique de L'Afrique Occidentale*, vol. 2, no. 3, pp. 165-175.
- Cook V.J., Newson M., 2007. *Chomsky's Universal Grammar. An Introduction*. Oxford, Blackwell Publishers Ltd., pp. 119-127.
- Derry N., 1991. *Language in Africa*. Cambridge, CUP. 99 p.
- Egbe M., 2010. *English as a Second Language and Second Language Teaching*. Olabisi, Onabanja University Press. 109 p.
- Ifemesia C., 2001. *The Place of Local Languages in Nigeria Today. Nigerian Languages and Cultural Development*. Ibadan, Mosuro Publishers. 112 p.
- Igboanusi H., 2008. *Language Contact and Bilingualism*. Ibadan, University Press Limited. 116 p.
- Iwara A.U., 2002. *Nigeria and the National Language Policy Question*. Ibadan, Mosuro Publishers. 309 p.
- Kachru B.B., 1992. *World Englishes in Language Teaching*. Cambridge, Cambridge University Press. 316 p.
- Obot J.U., 2007. *Nigeria: The People and Their Heritage*. Calabar, Wusen Press. 134 p.
- Omolewa M., 2000. *The Emergence of Non-Standard English in Nigeria. Varieties and Functions of*

English in Nigeria. Ibadan, African University Press. 26 p.

Rowland E., 2003. *Yoruba and English: A Problem of Co-Existence. African Language Studies*. Lagos, Concept Publications. 89 p.

Sapir E., 1987. *Communication. The Psychology of Language, Thought and Instruction*. New York, Holt, Rhinehart and Winston Publ. 109 p.

DICTIONARIES

Blench R. *A Dictionary of Nigerian English*. Cambridge, United Kingdom, 2005. 39 p.

Igboanusi H. *A Dictionary of Nigerian English Usage*. Ibadan, Enicrownfit Publishers, 2002. 305 p.

Igboanusi H. *A Dictionary of Nigerian English Usage. African languages – African Literature*. Berlin, Transaction Publishers, 2010. 374 p.

Information about the Author

Tatiana G. Voloshina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Second Foreign Language Department, Belgorod State University, Pobedy St., 85A, 308000 Belgorod, Russia, tatianavoloshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6532-1572>

Информация об авторе

Татьяна Геннадьевна Волошина, кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный университет, ул. Победы, 85А, 308000 г. Белгород, Россия, tatianavoloshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6532-1572>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.12>

UDC 81'373.612.2:32
LBC 81.055

Submitted: 21.01.2019
Accepted: 31.05.2019

CROSSLINGUISTIC REPOSITORY OF POLITICAL METAPHORS: STRUCTURE AND METHODOLOGICAL ISSUES

Inna V. Skrynnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article presents a critical review of numerous approaches to the analysis of metaphor in various scientific traditions. The focus is set on the interdisciplinary methods applied in the metaphor studies which resulted in corpora, databases of figurative language and analysis of repositories of metaphors in English, French, and German. The question of reliable methods and procedures of identification of metaphors in modern linguistics is discussed in the article. The author praises efficiency of a metaphor methodology that was verified in the University of California (Berkeley, USA), and considers possibility of its application for studies on Russian political metaphors through their comparison with English. The metaphors of government are used for exemplification of explanatory potential of an integrative approach that unites the opportunities of combining bottom-up and top-down procedures of identifying and analyzing metaphors within a single repository. The paper presents a procedure of deep multi-level semantic analysis of metaphors and dwells on techniques of formalizing the conception of neural cascades as applied to the analysis of metaphors. The author uncovers the problems in constructing the cross-linguistic (English and Russian) repository of political discourse metaphors. The proposed approach enables to determine interrelated conceptual networks and present metaphors at different levels of specificity and complexity of a multimodal model of metaphorical cognition.

Key words: conceptual metaphor, frame, image-schema, inferences, repository, computational modeling of metaphor.

Citation. Skrynnikova I.V. Crosslinguistic Repository of Political Metaphors: Structure and Methodological Issues. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 128-146. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.12>

УДК 81'373.612.2:32
ББК 81.055

Дата поступления статьи: 21.01.2019
Дата поступления статьи: 31.05.2019

КРОССЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РЕПОЗИТОРИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР: СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Инна Валериевна Скрынникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлен критический обзор подходов к исследованию метафоры в различных научных традициях. Показаны преимущества междисциплинарных методов, применяемых при анализе метафоры и способствовавших созданию корпусов и баз данных метафор. Охарактеризованы репозитории метафор английского, французского и немецкого языков. Выявлены проблемы выбора надежных методов и процедур идентификации и анализа метафор в современной лингвистике. Описаны достоинства методологии анализа, апробированной в калифорнийском университете (Беркли, США), и обосновано ее применение для анализа русских политических метафор в сопоставлении с английскими. На примере метафор управления продемонстрирован экспланаторный потенциал интегративного подхода, сочетающего нисходящие и восходящие методы идентификации и анализа метафор в рамках одного репозитория. В статье представлена процедура глубинного многоступенчатого семантического анализа метафоры и описана формальная реализация концепции нейронных каскадов применительно к анализу метафор. Автором выявлены и классифи-

цированы проблемы, которые возникают в процессе создания кросслингвистического англо-русского репозитория метафор политического дискурса. Намечены перспективы предлагаемого интегративного подхода при определении взаимосвязанных концептуальных сетей, представлении метафоры на разных уровнях специфичности и сложности и создании мультимодальной модели метафорического мышления.

Ключевые слова: концептуальная метафора, фрейм, образ-схема, инференция, репозиторий, компьютерное моделирование метафоры.

Цитирование. Скрынникова И. В. Кросслингвистический репозиторий политических метафор: структура и проблемы методологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 128–146. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.12>

Введение

Многочисленные исследования последних лет убедительно доказали, что метафора является когнитивным механизмом человеческого мышления и чаще всего используется носителями языка неосознанно. Она оказывает влияние на то, как люди размышляют о сложных реалиях, что приводит к формированию обычаев, ценностей, убеждений и идеологий. В разных языках наблюдаются как сходства в наборе первичных метафор, лежащих в основе процессов метафоризации, так и значительные несовпадения метафорических моделей на уровнях инференций и импликаций [Kövecses, 2010]. Этот факт делает метафору особенно перспективным объектом междисциплинарных исследований и свидетельствует о необходимости создания кросслингвистического репозитория метафор, отражающего области совпадений и различий в концептуализации сложных абстрактных сущностей носителями разных языков.

С учетом принципов, на которых базируются многочисленные теории метафоры (теории концептуальной метафоры [Lakoff, 1993; Lakoff, Johnson, 1980], модели концептуального наложения [Politics, Gender and Conceptual Metaphors, 2009], модели структурного наложения [Wolff, Gentner, 2000] и гипотезы категоризации атрибутов [McGlone, 1996]), были составлены и опубликованы словари и сборники метафор: словарь основных метафор Master Metaphor List [Lakoff, 1994], в котором метафоры английского языка группируются в соответствии с их концептуальным наложением; гамбургская база метафор французского и немецкого языков (HMD) [Eilts, Lönneker, 2002]; EuroWordNet, где представлены синсеты на основе сфер-источников и сфер-мишеней словаря метафор (MML), которые указы-

вают на определенные источники метафорической семантики во французском и немецком языках. На разработку инструментов выявления и распознавания образного языка направляют свои усилия специалисты в области вычислительной лингвистики [Bogdanova, 2010; Li, Sporleder, 2010; Peters, Wilks, 2003; Shutova, 2011], где одним из аспектов исследований стала идентификация метафорических выражений в тексте [Fass, 1991]. Проводится также кластеризация имен и глаголов [Shutova, Sun, Korhonen, 2010], которая начинается с небольшого набора образцов однословных метафор и заканчивается кластерами, представляющими концепты сферы-источника и сферы-мишени и связанными определенными метафорическими отношениями. Эти кластеры затем используются для аннотирования метафоричности текста.

Однако в упомянутых и других публикациях вне поля исследовательского внимания остаются некоторые важные аспекты анализа метафоры: описание грамматических конструкций, содержащих метафоры, с учетом различий в синтаксическом строе неблизкородственных языков, выявление конвенциональности (стертости) или новизны метафоры, ее неосознанного / преднамеренного использования носителями языка, влияния контекста и типа дискурса на ее интерпретацию.

Обзор существующих ресурсов метафор

После так называемого когнитивного поворота в лингвистике и создания теории концептуальной метафоры (ТКМ) в 1980-х годах, многочисленные исследования опирались на ее основные положения и принципы. Революционная идея о том, что метафора служит не только лингвистическим орнаментом, но и является когнитивным механизмом мышле-

ния, побудила ученых проводить анализ концептуальных метафорических моделей в разных типах дискурса как на материале одного языка, так и в сопоставительном аспекте. Несмотря на беспрецедентную популярность ТКМ, представленной в книге «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980; 2003], некоторые исследователи позднее поставили под сомнение обоснованность методов, применяемых в ней и доказывающих когнитивную природу метафоры [Deignan, 2010; Gibbs, 2007, p. 7; 2011, p. 533–537; Low, Todd, 2010; Steen et al., 2010a, 2010b]. Основная критика касается того, что большинство примеров, приводимых Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, взяты не из естественно возникающего дискурса и, следовательно, являются искусственными. Чрезмерное внимание к концептуальному характеру функционирования метафоры привело к многочисленным исследованиям, в которых нет сложных процедур сбора лингвистических данных и идентификации метафоры. Так, Л. Камерон считает, что акцент на когнитивных аспектах привел к необоснованному отсутствию интереса к языку метафоры [Researching and applying metaphor..., 1999, p. 11].

Идентификация и аннотация метафоры представляют собой сложные процедуры, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, метафора в языке проявляется разнообразными способами и может быть обнаружена как в случайных, новых выражениях, так и в конвенциональных выражениях, метафорический потенциал которых едва ли идентифицируется. Тот факт, что метафоричность градуальна [Hanks, 2006], послужил основанием для разработки различных подходов к метафоре и расходящихся взглядов на то, что считается метафорой. Во-вторых, несмотря на большое количество исследований по метафоре, среди ученых до сих пор нет единодушия относительно достоверных и надежных методов и принципов идентификации метафоры в языке. Поэтому специалисты в течение многих лет в основном полагались на свою интуицию, определяя метафоричность слова или фразы в (кон)тексте. Однако первазивный характер метафоры привел к многочисленным попыткам создания баз, репозиториев

и банков метафор как для одного языка, так и для нескольких языков.

Одной из первых попыток систематизации и классификации метафор было составление перечня базовых метафор, выполненное коллективом лингвистов-когнитивистов (G. Lakoff, J. Espenson, A. Goldberg) в Калифорнийском университете, Беркли (The University of California, Berkeley) в 1989 г. [Lakoff, 1994] на основе книг «The Conduit Metaphor» М. Редди [Reddy, 1979] и «Metaphors we live by» Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980], а также студенческих работ. В этом перечне метафоры зафиксированы и проанализированы в едином формате в соответствии с группой, которую они представляли (например, метафоры структуры событий, эмоций, ментальных событий и т. д.).

Реализацией другого подхода к идентификации и анализу метафоры стала база данных Metalude, разработанная на факультете английского языка в университете Линнан (Гонконг). Это интерактивная база данных конвенциональных лексикализованных метафор, представляющих английские и китайские метафорические лексические элементы с буквальными и метафорическими значениями, грамматическими особенностями и примерами их использования. Языковые метафоры в Metalude сгруппированы в соответствии с типом концептуальных метафор, которые они вербализуют, или с учетом корневых аналогий, то есть метафорических паттернов, которые имеют решающее значение для носителей обоих языков [Goatly, 2007]. В отличие от стандартного метафорического списка Беркли и тезауруса традиционных английских метафор [Wilkinson, 2002], организованного в соответствии со сферой-источником, Metalude опирается на лексикографический подход к анализу метафоры. Для включения в базу лексические единицы проверяются на наличие определенных метафорических значений в словаре современного английского языка. Корневые аналогии фиксируются, если общее количество лексических элементов, реализующих корневую аналогию, не меньше, чем шесть, а количество токенов этих лексических элементов в блоке Cobuild Bank of English / Words Online составляет не менее 200. Список основных метафор Дж. Лакоффа и карта

корневых аналогий Э. Гоэтли – это два ресурса, которые устанавливают взаимосвязь между метафорами на основе импликаций.

В последние годы динамично развивающиеся корпусные исследования позволили разработать и применять более сложные процедуры идентификации метафор. В настоящее время идентификация метафоры, как правило, осуществляется на основе анализа в двух разных, хотя и не взаимоисключающих, направлениях: сверху вниз (top-down) и снизу вверх (bottom-up). Анализ «сверху вниз» состоит в установлении некоторого набора концептуальных метафор и дальнейшем извлечении поверхностных лингвистических метафор из текста, анализ «снизу вверх» – в выявлении концептуальных соответствий из лингвистических выражений, помеченных как метафорически используемые, и дальнейшем определении концептуальных метафор.

Методологию идентификации метафоры в корпусной лингвистике можно отнести к подходу «сверху вниз». Однако исследователи метафоры стали осознавать ограниченность этого метода и отдавать предпочтение подходу «снизу вверх». Все больше подчеркиваются различия между грамматикой и конкретным использованием языка [Steen, 2007], что приводит к изучению метафоры в конкретных контекстах и усложнению задачи ее идентификации [Krennmaut, 2013].

Группой лингвистов, известной как Pragglejaz Group (2007), был апробирован метод идентификации метафоры (Metaphor Identification Procedure – MIP) для выявления частотности метафорически используемых слов. Основная проблема в MIP – это определение соотношения основного и контекстуального значений лексических единиц [Steen et al., 2010a, p. 35]. MIPVU (Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit), разработанная пятью годами позже, служит более надежным инструментом для идентификации метафорического потенциала слов в дискурсе как проявлений базовых междоменных соответствий, хотя последние не являются основным объектом анализа MIPVU.

Недавнее амбициозное начинание в области кросслингвистического анализа метафор – проект MetaNet (<https://metaphor.icsi.berkeley.edu/pub/en/>), реализующийся в Международном ин-

ституте компьютерных наук, Беркли (International Computer Science Institute, Berkeley) и объединяющий специалистов в области когнитивной лингвистики, психологии, нейронауки и информатики. Этот коллектив разработал инновационный инструмент формализации теории концептуальной метафоры и ее реализации в структурированном репозитории метафоры [Stickels et al., 2016]. В основе анализа лежит как внутренняя структура фреймов, так и отношения между ними, основанные на принципах грамматики воплощенных конструкций (Embodied Construction Grammar). Эта грамматика «подпытывает» структуру метафор и отношения между ними. Очевидным преимуществом подхода MetaNet к созданию метафорического репозитория является открываемая им возможность представить иерархический характер отношений между метафорами и фреймами, причем информация о возникающих инференциях сохраняется во всей сети. Различия между языками, обнаруженные в высказываниях из естественно возникающего дискурса, могут быть уточнены, что позволит существенно расширить анализ метафоры. Несмотря на неоспоримую систематичность в наборах связанных между собой метафорических выражений, сущность и характер такой систематичности требует дальнейшей разработки. При создании многоязычных репозитория метафор эта проблема становится еще более актуальной как для определения культурно-специфичных типов отношений, так и для поиска решений этой задачи методами вычислительной лингвистики.

Опыт создания двуязычного репозитория политических метафор: новизна, задачи и методы

Принимая во внимание систему отношений между метафорами (базовыми и сложными) и опираясь на методологию глубокого четырехступенчатого семантического анализа метафор, апробированную в проекте MetaNet (основные достоинства которого описаны выше), автором статьи предпринята попытка интегрировать методы компьютерного моделирования, нейронной теории языка (метафорических каскадов) [Lakoff, 2008] и

критического анализа дискурса в ходе создания двуязычного репозитория политических метафор. Цель данной статьи состоит в описании процедуры анализа политических метафор русского и английского языков на основе системы «semantic media-Wiki» (программного обеспечения, позволяющего добавлять семантические аннотации, используя дополнительные элементы разметки). К достоинствам создаваемого репозитория относится то, что он не просто представляет список метафор в русском и английском языках, но является онтологией метафорических «семей» со всеми присущими им отношениями, возникающими между образ-схемами, фреймами, отражая междоменные соответствия разного уровня. Отношения между метафорами и фреймами автоматически фиксируются графически. Основу корпуса русских метафор составляют примеры из словаря русских политических метафор (А. Баранов, Ю. Караулов, 1994), Национального корпуса русского языка. Репозиторий постоянно пополняется новыми метафорами, извлекаемыми методом сплошной выборки из различных текстовых источников (журнальные статьи, официальные правительственные сайты, политические блоги, социальные сети) на английском и русском языках. При создании репозитория реализована возможность (полу)автоматического извлечения языковых метафор из текстов на основе шаблонов, которые были введены вручную. Поскольку для метафор русского языка все еще отсутствуют репозитории, аналогичные FrameNet и MetaNet, создание такого хранилища закладывает основы для дальнейшего применения полученных данных в лингвистических исследованиях.

Основная цель создания кросслингвистического репозитория метафор заключается в том, чтобы определить, как метафоры отражают языковую, концептуальную и культурную среду, в которой они развивались.

Конечные цели построения репозитория:

- создать первоначально двуязычную (англо-русскую) поисковую базу данных политических метафор с перспективой расширения спектра языков;

- выделить взаимосвязанные концептуальные сети, созданные каскадной теорией применительно к политическому дискурсу;

- представить метафоры на разных уровнях их специфичности и сложности (базовые, вторичные, сопряженные);

- выявить области пересечения метафорических моделей в анализируемых языках, а также специфичные для отдельной культуры модели концептуализации политических процессов носителями соответствующих языков, раскрывающие области гиперкогниции;

- создать репозиторий, отражающий функционирование метафор различного уровня в разных модальностях (языковой, визуальной, жестовой) и существующие отношения между ними.

На примере исследования политических метафор и их реализации в английском и русском языках показано, каким образом качественные и количественные методы анализа могут сочетаться в одной базе данных.

Новизна предлагаемой процедуры создания кросслингвистического (русско-английского) репозитория политических метафор заключается во внедрении и формальной реализации концепции метафорических каскадов применительно к глубокому семантическому анализу метафор. Каскад представляет собой иерархически организованную концептуальную комбинацию образ-схем, фреймов и метафор, которые употребляются носителями языка достаточно часто, чтобы быть зафиксированными как единая сложная концептуальная сущность. При этом каждая из частей каскада продолжает функционировать отдельно. Специфические новые языковые метафоры обычно используют уже существующие высокоуровневые структуры. Понятие каскада основывается на изучении данных фреймовой семантики, согласно которым фреймы представляют собой группу (набор) когерентных ролей, динамически связанных друг с другом [Fillmore, 1976; Ruppenhofer, Brandes, 2016], а в теории концептуальной метафоры, как и в нейронной теории языка в целом, метафоры являются по существу пучками концептуальных соответствий, образуемых фреймами внутри доменов (сфер) [Lakoff, 1993].

На нейронном уровне каскадообразная схема представляет собой полученную на основе накопленного опыта сеть, которая объединяет воплощенную (embodied) систему межнейронных связей в разных областях

мозга [Lakoff, 2008]. Каскад отражает межнейронные связи, которые, когда активны, (1) связывают локализованные схемы в области мозга на уровне нейронов и (2) создают интегрированное целое из сложных частей. Далее каскадная схема может применяться и повторно использоваться при обработке мысли и языка. Система межнейронных связей лежит в основе образ-схем, устойчивой образности, кластеров концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner, 1998] и метафорических концептуальных наложений. Ее важнейшими частями являются первичные воплощенные образ-схемы и метафоры, потому что информация из нейронных цепей, непосредственно связанных с телом (нейронные сети двигательных актов, восприятия, эмоций и мышления), обязательно активируется при использовании и понимании языка.

Методологический подход, применяемый в настоящем исследовании, сочетает в себе две теоретические традиции, обе из которых трактуют метафору как широко распространенную форму организации концептуальной структуры: нейронную теорию языка и метафоры [Feldman, 2006; Lakoff, 2008] и критический анализ дискурса [Charteris-Black, 2004]. Первая является наиболее перспективным направлением в когнитивной лингвистике, вторая представляет собой критический анализ метафор как более частный случай критического анализа дискурса. Сочетание этих двух методологических подходов к идентификации метафоры уже апробировано в на-

уже (см., например: [Charteris-Black, 2004; Goatly, 2007; Cienki, 2008]), интеграция этих подходов при изучении политического дискурса также может привести к плодотворным результатам, стимулирующим дальнейшие разработки в этой области. Комбинация вышеупомянутых подходов позволяет, с одной стороны, опираться на методологический аппарат нейронной теории метафоры (определение концептуальной метафоры, теории доменов (сфер), концептуальных соответствий, образ-схем, фреймов, инференций и т. д.), а с другой стороны, идти по пути признания значимости метафор в построении социальной реальности вокруг нас [Musolff, 2004]. Таким образом, применяемая комплексная методология позволяет «примирить» подходы к идентификации метафоры «снизу вверх» и «сверху вниз» [Skrynnikova, 2016] с критическим анализом дискурса, при котором постулируется решающая роль метафоры в понимании социальной и культурной среды вокруг нас. Модель идентификации и комплексного анализа метафоры представлена на рисунке 1.

Ключевыми для понимания модели анализа метафоры в репозитории являются фундаментальные положения когнитивной семантики. Основной объект анализа, фрейм [Fillmore, 1976; Lakoff, 1987; Langacker, 2008] включает в себя когнитивные структуры, поддерживающие основные семантические концепты (примитивы). Это ведет нас к пониманию фрейма как четко структурированной единицы, которая является схематическим

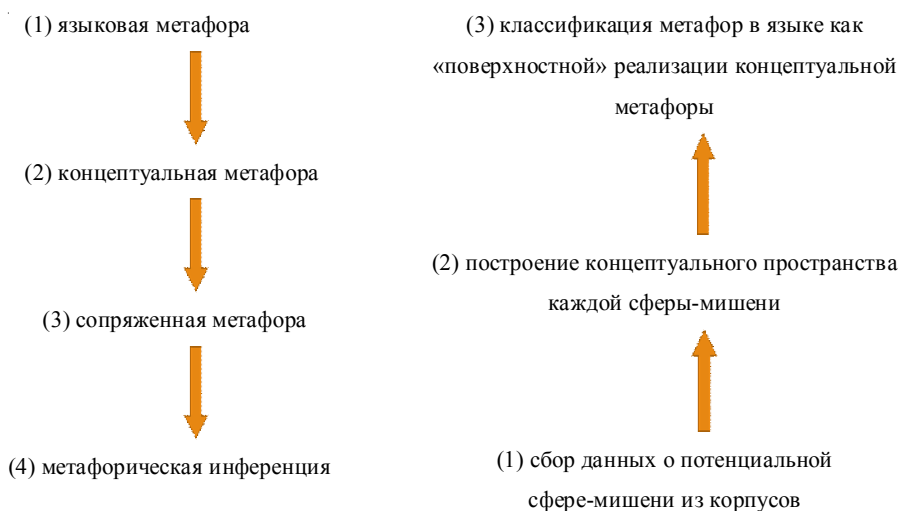

Рис. 1. Модель идентификации и анализа политической метафоры в репозитории

представлением наших знаний о мире. Таксономические отношения между фреймами устанавливаются путем определения их универсальности и специфичности, которые становятся очевидными, когда те или иные более конкретные фреймы создают более общие [Clausner, Croft, 1999]. Анализ фреймов английского языка частично импортирован в репозиторий из MetaNet Metaphor Wiki (ресурс доступен в Интернете), где некоторые фреймы в свою очередь базируются непосредственно на электронной базе фреймов FrameNet, остальные анализируются и вводятся в репозиторий вручную. Поскольку для русского языка такие ресурсы, как FrameNet, до сих пор отсутствуют, анализ фреймов на начальной стадии базируется на синтаксически аннотированном корпусе Treebank.

Метафора как инструмент убеждения

Изучение метафоры как мощного механизма, оказывающего воздействие на взгляды людей относительно насущных социальных проблем, уже давно занимает центральное место в анализе политического дискурса [Будаев, Чудинов, 2018; Lakoff, 1996/2002; Politics, Gender and Conceptual Metaphors, 2009]. Некоторые исследователи применяют концептуальную теорию метафоры, чтобы продемонстрировать ее значимость в построении и понимании политического дискурса [Musolff, 2004], который создается и разворачивается в результате экспликации концептов, отражающих мировоззрение тех, кто управляет, и тех, кем управляют. Современные ученые сосредоточены на анализе способов донесения до социума сложных идей посредством метафор как инструментов манипулирования общественным мнением и разрешения конфликта между культурной самобытностью и общечеловеческими ценностями. Примечательно, что толкование одного и того же концепта и вытекающих из него инференций может различаться как в рамках одной культуры, так и в разных культурах [Болдырев, 2013]. Образный язык в целом и метафора в дискурсе в частности имеют как лингвистическое, так и концептуальное наполнение и являются инструментами фрейминга [Burgers, Konijn, Steen, 2016, p. 412]. Убеждающая сила метафор не-

однократно подтверждалась мета-анализом, раскрывающим силу и эффективность метафоры в воздействии на аудиторию (см., например: [Sorogy, Dillard, 2002]).

Многочисленные исследования последних десятилетий наглядно продемонстрировали потенциал убеждения метафорического языка, а роль метафоры как инструмента, влияющего на общественное мнение, и мощного средства манипулирования взглядами людей, едва ли вызывает сомнение. Модели употребления метафорического языка и превалирование определенных метафорических моделей, используемых государственными субъектами (руководящими органами) и управляемыми субъектами, могут не только дать представление о культуре, но и показать сходства и различия в их взглядах на возможные способы решения таких критических проблем, как контроль над оружием, права человека, демократия, коррупция, аборт и т. д.

Все упомянутое выше доказывает целесообразность изучения метафор и дальнейшей систематизации наших знаний о роли метафор в политическом дискурсе, обосновывая необходимость построения репозитория метафор, который послужит базой для будущих разысканий.

Метафоры управления в репозитории

Проведение кросслингвистического исследования метафор в дискурсе предполагает сравнение и противопоставление присутствующих каждому языку метафорических моделей, а также анализ и представление целостной картины основных культурных особенностей, сравнение и противопоставление моральных взглядов, влияющих на предпочтительные способы концептуализации политических процессов.

В рамках данной статьи процедура извлечения и анализа метафоры демонстрируется на примере одного из кластеров политических метафор, метафор управления (governance metaphors), отобранных из различных текстовых источников и корпусов американских и российских СМИ. Глубинный семантический анализ этого кластера метафор в репозитории позволяет выявить на инференциальном уровне то, как метафоры отражают

культурные и идеологические вариации в концептуализации управления, приводящие к трудностям их понимания носителями других языков. Каждая такая метафора выражает концепт сферы-мишени в терминах концепта сферы-источника. В качестве иллюстрации возможностей интегрирующего подхода к анализу метафоры рассмотрим высказывание президента России В.В. Путина во время прямой линии в июне 2018 г., выражающее его позицию в связи с провокационными действиями стран Запада: *Иногда я думаю, может быть, лучше, чтобы наш медведь сидел тихо, а не гонялся по лесу за поросятами.* В нем можно выделить сферу-источник (животные), и сферу-мишень (политики или на более высоком уровне – управленческие структуры). Концептуальное соответствие (mapping) между сферой-источником и сферой-мишенью и является концептуальной метафорой, которая реализуется на языковом уровне совокупностью лингвистических метафор. Схема анализа представлена на рисунке 2.

Четырехступенчатый анализ метафоры позволяет выявлять существующие импликации и инференции. Однако при такой процедуре анализа метафор, ограниченной определенным набором шаблонов анализа в media-Wiki, не фиксируются характеристики, приписываемые конкретному типу животного в той или

иной лингвокультуре. Таким образом, не находит отражения культурная информация, закодированная в конкретной метафоре, что свидетельствует о сложности исчерпывающего анализа метафор в дискурсе.

Иллюстрируя процесс создания репозитория политических метафор и характеризуя возникающие в связи с этим проблемы, в статье мы ограничимся одной сферой-мишенью – управление. Нами определен набор потенциальных сфер-источников, начиная со сферы-источника первичных метафор, которые предположительно являются универсальными. Затем этот набор был расширен за счет включения сфер-источников, которые упоминаются в научной литературе о метафоре, а также те примеры метафор управления, которые были извлечены автором статьи из разных текстовых источников и внесены в репозиторий вручную (всего анализу подвергнуто 252 метафоры).

Методологические проблемы составления репозитория политических метафор

Исследователи утверждают, что изучение языковых особенностей, а также когнитивных и коммуникативных аспектов метафоры является фундаментальной предпосылкой

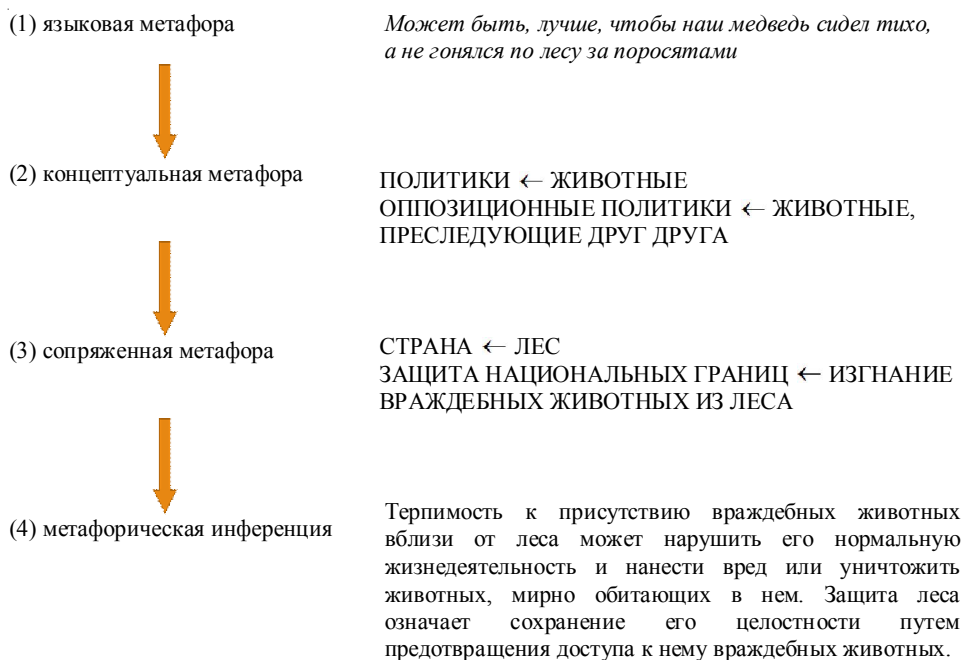

Рис. 2. Схема глубинного семантического анализа метафор

понимания ее природы и способов воздействия на способы мышления людей [Gibbs, 2008; Researching and applying metaphor..., 1999]. Решение исследовательских задач построения репозитория неизбежно приводит к возникновению методологических проблем, связанных с возможностью адекватного отражения всех этих аспектов в одном репозитории. Эти проблемы становятся особенно очевидными, когда лингвисты занимаются сопоставлением метафорических данных в таких неблизкородственных языках (например, английском и русском).

Решение задачи построения репозитория метафор политического дискурса предполагает не только анализ универсальных и специфических для сопоставляемых языков способов метафорической концептуализации, но и изучение культурного и идеологического подтекста, затрагивающего определенные модели концептуализации. Проблемы, возникающие в ходе создания репозитория, можно разделить на проблемы, имеющие лингвокогнитивный характер, и проблемы, связанные с вычислительной стороной проекта, то есть обусловленные сложностью разработки электронной оболочки репозитория.

Проблемы

лингвокогнитивного характера

Одна из первых проблем, которая возникает в процессе создания репозитория, – это выбор типа конструкции, принятого для метафорического анализа в обоих языках из-за различий в их структуре. Метафоры различаются в зависимости от того, как они выражаются грамматически в языке. Сфера-источник и сфера-мишень накладывают ограничения на набор синтаксических ролей, которые могут быть отражены в метафоре, и, следовательно, на синтаксические варианты выражения метафорического значения. В русском языке свободный порядок слов может способствовать большему количеству синтаксических конструкций, содержащих метафору. Задача исследователя состоит в том, чтобы представить эту информацию в репозитории, сравнивая языки различного синтаксического строя. Другая проблема заключается в поиске способа установления синтаксических

конструкций, используемых для передачи метафорических значений, в определении уровня, на котором необходимо выполнять аннотирование.

Поскольку политические метафоры рассматриваются на уровне дискурса, их можно назвать расширенными (распространенными) метафорами, представляющими непрерывный сценарий. Следовательно, определенный нарратив создается только в результате взаимодействия нескольких метафор одновременно, что невозможно отразить в репозитории с ограниченным набором темплейтов для анализа. Примером такой метафоры является метафора европейской интеграции:

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ) ← ПУТЕШЕСТВИЕ
СТРАНЫ ЕС ← ВАГОНЫ ПОЕЗДА
НАРОДЫ СТРАН ЕС ← ПАССАЖИРЫ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ВАГОНОВ
ЦЕЛИ ← (НЕИЗВЕСТНЫЕ) ПУНКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ

Не менее важна проблема того, что опыт взаимодействия человека с окружающей действительностью, лежащий в основе якобы универсальных метафор (например, метафоры гнева), может варьироваться в разных лингвокультурах. Следовательно, во многих случаях универсальность опыта нашего телесного взаимодействия с окружающим миром не обязательно приводит к универсальной концептуализации – по крайней мере, не на уровне вторичных метафор, которые могут возникнуть из совокупности нескольких первичных метафор. Различия в наборе предпочтительных метафор, используемых политическими субъектами в определенной культуре, также могут быть результатом истории общества и личной истории [Kövecses, 2010]. По Дж. Лакоффу, американская политика структурирована двумя противоположными воззрениями на руководителя, основанными на двух различных семейных моделях: Строгий отец (Strict Father) и Заботливый родитель (Nurturant Parent) [Lakoff, 2010], отражающих разные моральные взгляды на семью республиканцев и демократов соответственно. Нами предложена схема репрезентации модели моральных суждений по Дж. Лакоффу (рис. 3).

Однако эта модель едва ли может быть применена к российскому политическому дискурсу ввиду отсутствия четко определенной дихотомии между консерваторами и либералами и незрелости парламентской системы в России.

Глубинный анализ метафоры НАЦИЯ – это СЕМЬЯ, которая, на первый взгляд, универсальна для русской и английской лингвокультур, показывает, что различные инференции и сопряженные метафоры – результат применения разных моделей морали. Российский политический дискурс, как показывает проанализированный нами языковой материал, во многом строится на модели «руководитель – добрый и мудрый царь-отец». В какой-то степени эта модель является «пограничным» случаем между «Строгим отцом» и «Заботливым родителем». С одной стороны, добрый и мудрый царь-отец неограничен во власти над своими детьми, отдавая приказы, наказывая тех, кто не подчиняется, и даря подарки послушным детям. Однако, поскольку у отца много детей (региональных губернаторов), он не всегда может контролировать их действия, что приводит к возможным проступкам или аморальному поведению (бесхозность, бюрократия, коррупция, и т. д.). Борьба с последней, будучи важной частью государственного управления, получила отра-

жение в языке и стала источником разнообразной метафорической концептуализации. Примеры анализа англо- и русскоязычных метафор в репозитории представлены ниже с указанием междоменных соответствий на рисунке 4.

В репозитории зафиксированы также другие универсальные метафоры: КОРРУПЦИЯ – это ЭРОЗИЯ, КОРРУПЦИЯ – это ДИКИЙ ЗВЕРЬ, КОРРУПЦИЯ – это РАСТЕНИЕ (СОРНЯК), КОРРУПЦИЯ – это ГРЯЗЬ.

Семантический анализ метафор управления (464 единицы, из которых 252 русских и 212 английских) позволил сделать вывод о том, что в целом носители русского и английского языков разделяют отрицательное отношение к коррупции как к проявлению безнравственного поведения. Это подтверждают сходные метафорические модели в обоих языках. Однако, несмотря на значительное сходство в концептуализации коррупции в разных языках, были обнаружены специфические для русского языка метафорические модели (например, КОРРУПЦИЯ – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ, КОРРУПЦИЯ – НЕПРЕОДОЛИМАЯ СИЛА). Интересным представляется пример специфичной концептуализации коррупции как природного бедствия, уникальность которой проявляется на уровне анализа инференций (рис. 5).

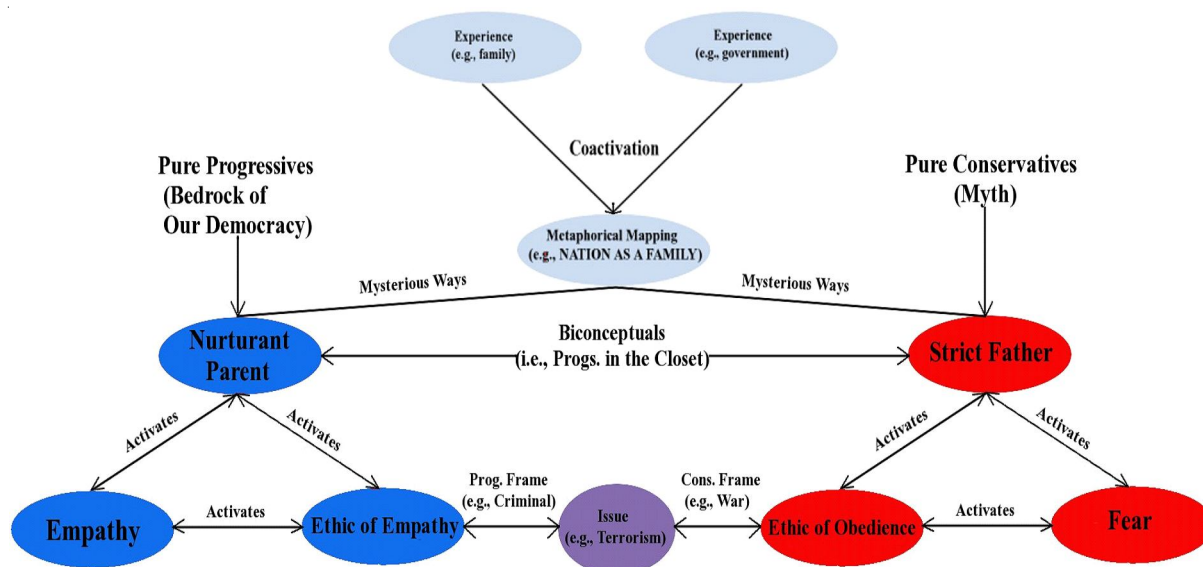

Рис. 3. Графическая репрезентация модели моральных суждений

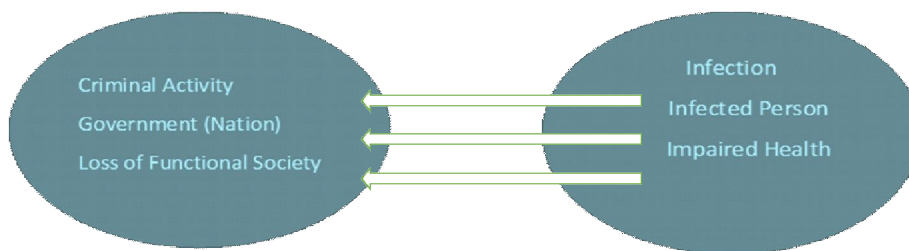
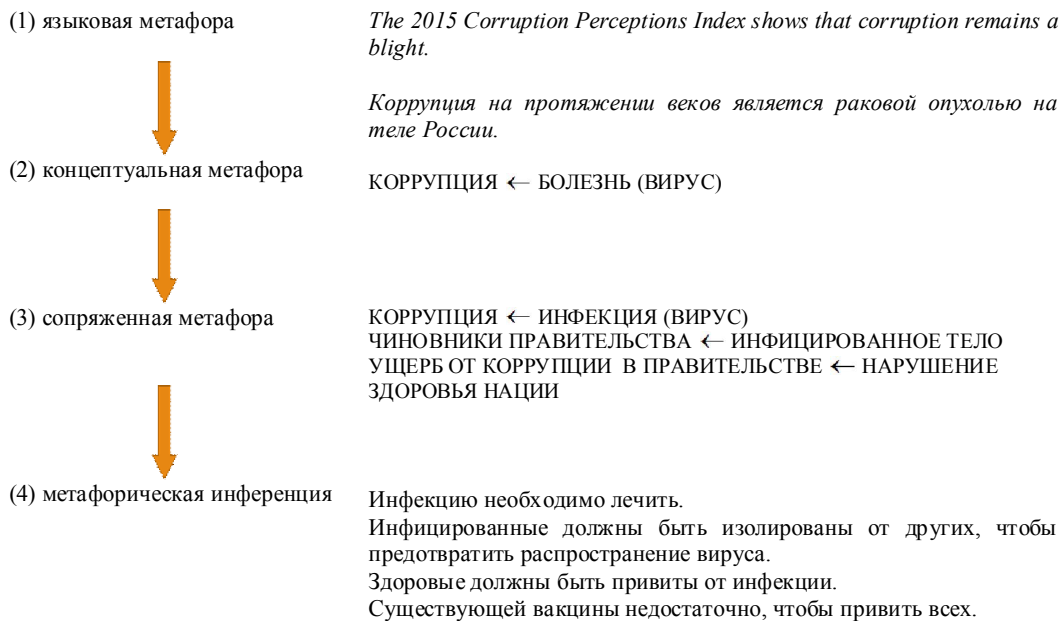

Рис. 4. Междоменные соответствия метафоры
КОРРУПЦИЯ ← ВИРУС (CRIMINALACTIVITY is a VIRUS)

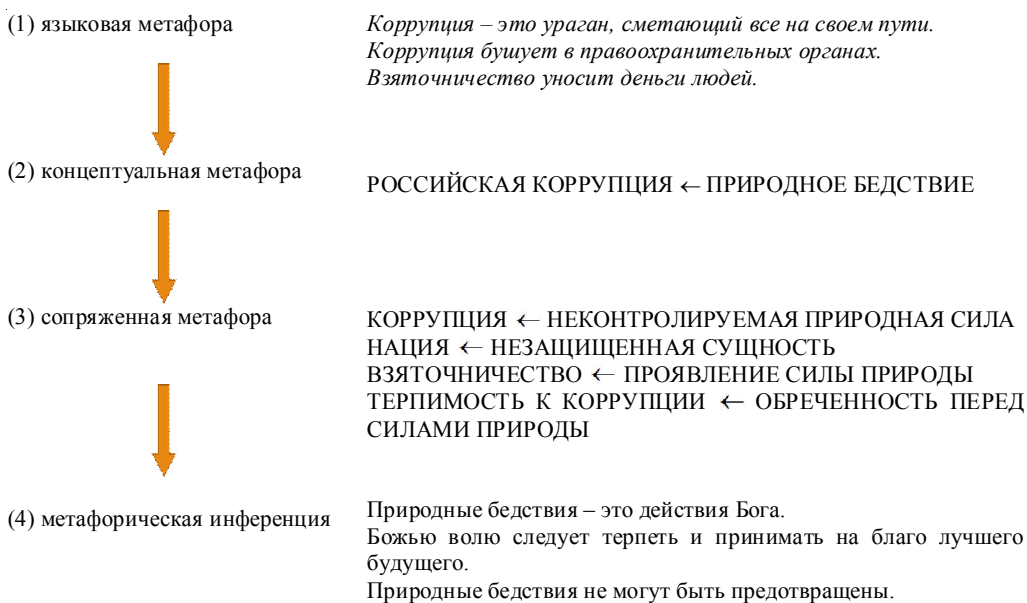

Рис. 5. Схема глубинного семантического анализа метафоры
КОРРУПЦИЯ ← СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

Такая метафора является более частным случаем базовой метафоры СОБЫТИЯ – это СИЛЫ. Эта модель подчеркивает непредсказуемость, быстроту и беспомощность людей, пострадавших от бедствия. Инференция отражает укоренившиеся убеждения и суеверия русского народа, связанные с природной силой (бедствием), которые есть отражение как архаичного языческого, так и православного мировосприятия. Языческое мировосприятие определяет понимание стихийного бедствия как наказания людей, которые не угодили духам, православное мировоззрение обуславливает понимание событий, происходящих в жизни людей, как проявление воли Бога, а следовательно, они должны восприниматься со смирением.

Наличие в русской лингвокультуре специфических метафор, концептуализирующих коррупцию, дает основания классифицировать концепт «Коррупция» как спорный концепт (*contested concept*) (термин Дж. Лакоффа).

Приведенные выше примеры свидетельствуют о сложности адекватного сравнительного изучения моделей морали, лежащих в основе потенциально различных способов концептуализации одних и тех же объектов, основанных на разных культурных традициях. Следовательно, в силу несоответствия между моделями морали их носителей возникает

проблема противопоставления метафор государственного управления в двух языках. Представляется сложным также графически отобразить в репозитории области гиперкогниции, хотя это является одной из важных задач его построения. На рисунке 6 представлен фрагмент иерархически организованной модели отношений метафор морали в английском языке с указанием всех типов отношений между метафорами разных уровней. Предложить аналогичную модель для русского языка на данном этапе создания репозитория пока невозможно ввиду отсутствия русскоязычной версии FrameNet.

Кроме рассмотренных проблем, в ходе создания репозитория неизбежно возникают сопутствующие им вопросы: а) какие сегменты языка следует привлечь для анализа и сравнения; б) каковы процедуры сравнения и сопоставления метафор как на лингвистическом, концептуальном, так и на дискурсивном уровне; в) каковы способы выделения тонких различий, выявленных на уровне инференций, особенно для кажущихся универсальными метафор; г) каковы критерии идентификации универсальности и вариативности метафор. Ответы на эти вопросы существенно расширят возможности применения интегративного подхода к анализу метафор и отражения в репозитории сложных отношений разного уровня между ними.

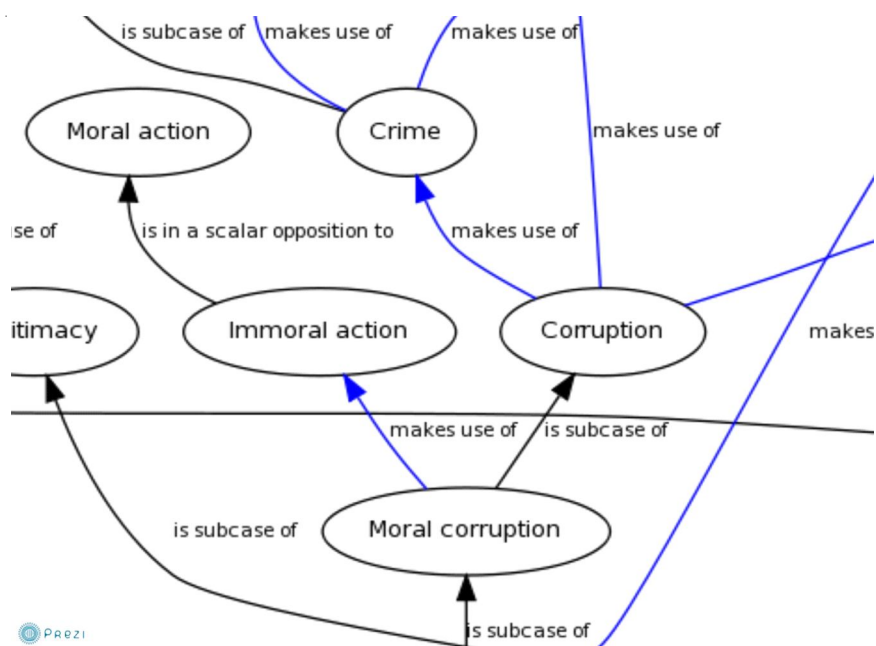

Рис. 6. Иерархическая модель отношений метафор морали в английском языке (источник: MetaNet)

*Проблемы**компьютерного моделирования метафоры*

Специалисты в области вычислительной лингвистики, участвующие в исследованиях метафоры, обычно полагаются на ранее аннотированные наборы данных. Однако создание таких баз данных метафор является сложной задачей. Сложность объясняется тем, что проведение любого семантически разнообразного аннотирования – это начинание, которое требует строго определенного стандарта аннотации, согласованного между участвующими в нем учеными. Даже высококвалифицированные аннотаторы, использующие специализированные инструменты, склонны не соглашаться относительно смысла отдельных предложений [Banarescu et al., 2013]. В предпринятых ранее попытках разметки метафор трудности возникали даже при аннотировании метафоры с метками сферы-источника и сферы-мишени, проводимом вручную [Shutova, Sun, 2013], что обусловлено отсутствием консенсуса относительно схемы аннотаций. Значительная часть работ посвящена созданию семантически аннотированных корпусов, например: AMR 1.0 состоит из 13 000 предложений [Knight et al., 2014], FrameNet – из 170 000 аннотированных предложений [Fillmore, 2003]. Условное семантическое представление фиксирует буквальное значение метафорических предложений. В сочетании с системой идентификации LM такой семантический анализ может служить основой для автоматической интерпретации метафор.

Благодаря усилиям специалистов в области компьютерной лингвистики было успешно разработано несколько подходов к автоматической обработке метафоры: кластеризация имен и глаголов [Shutova, Sun, Korhonen, 2010; Shutova, Sun, 2013], модели векторных пространств [Mohler et al., 2013; Shutova, Van de Cruys, Korhonen, 2012], веб-поиск с лексико-синтаксическими образцами [Veale, Hao, 2008]. Однако до сих пор эти и другие исследования касались только извлечения текстовых данных для построения метафорических моделей. Принимая во внимание мультимодальный характер метафоры, а также перцептивные свойства концептов и их образность, в качестве наиболее сложной задачи на бли-

жайшие годы можно определить разработку таких процедур идентификации метафоры, которые позволили бы использовать не только аннотированные вручную лингвистические ресурсы, но и информацию, полученную на основе данных других модальностей (жестовых, визуальных и др.). Эта задача представляется особенно актуальной для создания репозитория метафоры в дискурсе, поскольку его целью является раскрытие полного потенциала метафоры в воздействии на мышление людей и манипулировании их мнением.

Заключение

В представленном исследовании метафор политического дискурса охарактеризованы методологические основы глубинного семантического анализа метафор применительно к созданию двуязычного репозитория метафор с функцией поиска. В статье изложены основные проблемы, стоящие перед лингвистами на начальном этапе разработки репозитория, а также показано, каким образом когнитивный / нейронный взгляд на метафору можно комбинировать с критическим анализом дискурса и теорией культурной концептуализации в рамках одной базы данных.

Промежуточные результаты, полученные на начальном этапе создания репозитория, показывают, что политические метафоры и связанные с ними образные инструменты дискурса отличаются вариативностью, изменчивостью, сценарностью, идеологической и культурной обусловленностью. На примере метафор управления установлено, что степень универсальности и специфичности метафор различна. Английский и русский языки характеризуются общностью большинства способов метафорической концептуализации таких связанных с управлением проблем, как демократия, выборы, преступность и т. д. При этом применение интегративных методик анализа кажущихся универсальными способов концептуализации позволяет выявить некоторые особенности на уровне инференций. Вариативность в использовании метафор связана главным образом со степенью конвенциональности, с набором предпочтительных концептуализаций на уровне сферы-источника, что обусловлено культурным фоном.

Дальнейшая разработка репозитория на основе каскадной теории позволит определить взаимосвязанные концептуальные сети применительно к политическому дискурсу, представить метафоры на разных уровнях специфичности и сложности, идентифицировать области совпадения метафорических моделей, а также обнаружить культурно маркированные модели концептуализации политических процессов в соответствующих языках.

В ходе работы автора статьи над созданием репозитория в сотрудничестве с коллегами из университета Калифорнии (Беркли) выявлено несколько проблем (как лингвистических, так и связанных с компьютерным моделированием метафоры), которые требуют решения. Если учитывать сценарный характер политических метафор, нельзя не отметить необходимость дальнейшей доработки методов, применяемых для их извлечения и анализа. Поскольку политические метафоры не ограничиваются только вербальной репрезентацией, а находят реализацию в других модальностях (визуальной, жестовой), полученный репозиторий обеспечит возможности построения целостной, мультимодальной, модели метафорического мышления, которая по своим достоинствам превосходит существующие в настоящее время модели, основанные на анализе только языковых данных. Однако такая амбициозная цель требует решения ряда методологически значимых задач, описанных в статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н., 2013. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. 15. С. 12–21.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2018. Метафора в политической коммуникации. 3-е изд., стер. М. : Флинта : Наука. 249 с.
- Banarescu L., Bonial C., Cai S., Georgescu M., Griffitt K., Hermjakob U., Knight K., Koehn Ph., Palmer M., Schneider N., 2013. Abstract Meaning Representation for Sembanking // Proceedings of the 7th Linguistic Annotation Workshop and Interoperability with Discourse. Sofia, Bulgaria : Association for Computational Linguistics. P. 178–186.
- Bogdanova D., 2010. A framework for figurative language detection based on sense differentiation // Proceedings of the ACL 2010 Student Research Workshop. P. 67–72. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/P10-3012>.
- Burgers C. F., Konijn E. A., Steen J., 2016. Figurative framing: shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony // Communication Theory. Vol. 26, iss. 4. P. 410–430. DOI: 10.1111/comt.12096.
- Charteris-Black J., 2004. Corpus approaches to critical metaphor analysis. Basingstoke : Palgrave-MacMillan. URL: <http://eprints.uwe.ac.uk/6739>. DOI: 10.1057/9780230000612.
- Cienki A., 2008. The application of conceptual metaphor theory to political discourse: Methodological questions and some possible solutions // Political Language and Metaphor: interpreting and changing the world / ed. by T. Carver, J. Pikalo. London ; New York : Routledge. P. 241–256.
- Clausner T. C., Croft W., 1999. Domains and image schemas // Cognitive Linguistics. № 10–1. P. 1–32.
- Deignan A., 2010. MIP, the corpus and dictionaries: what makes for the best metaphor analysis? // Metaphor and the Social World. Iss. 5.1. P. 145–154. Repository URL: <http://eprints.whiterose.ac.uk/83351/> DOI: 10.1075/msw.5.1.09dei.
- Eilts C., Lönneker B., 2002. The Hamburg Metaphor Database // Metaphorik.de. Aus. 3. S. 100–110.
- Fass D., 1991. Met*: A method for discriminating metonymy and metaphor by computer // Computational Linguistics. Vol. 17, iss. 1. P. 49–90.
- Fauconnier G., Turner M., 1998. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. Vol. 22, iss. 2. P. 133–187.
- Feldman J. A., 2006. From Molecule to Metaphor: A Neural Theory of Language. Cambridge, MA : The MIT Press (A Bradford book). 367 p.
- Fillmore C. J., 1976. Frame semantics and the nature of language // Origins and evolution of language and speech. Annals of the NY Academy of Sciences / ed. by S. R. Harnad, H. D. Steklis, J. Lancaster. New York : Academy of Sciences. Vol. 280. P. 20–32.
- Fillmore C. J., 2003. Valency and Semantic Roles: the Concept of Deep Structure Case // Dependency and Valency: An International Handbook of Contemporary Research / ed. by V. Agel [et al.]. Berlin : Walter de Gruyter. P. 457–475.
- Gibbs R., 2007. Why cognitive linguists should be concerned with empirical methods // Methods in Cognitive Linguistics / ed. by M. Gonzalez-Marquez [et al.]. Amsterdam : John Benjamins. P. 2–18. DOI: 10.1075/hcp.18.06gib.
- Gibbs R., 2008. The strengths and weaknesses of conceptual metaphor theory: A view from cognitive science // Journal of Foreign Language. Vol. 31. P. 2–12.

- Gibbs R., 2011. Evaluating Conceptual Metaphor Theory // *Discourse Processes*. Vol. 48, iss. 8. P. 529–562. DOI: 10.1080/0163853X.2011.606103.
- Goatly A., 2007. Washing the brain – Metaphor and hidden ideology // *Discourse Approaches to Politics, Society and Culture*. Vol. 23. DOI: 10.1075/dapsac.23.
- Hanks P., 2006. Metaphoricity is gradable // *Trends in Linguistic Studies and Monographs*. Vol. 17. P. 17–35.
- Knight K., Baranescu L., Bonial C., Georgescu M., Griffith K., Hermjakob U., Marcu D., Palmer M., Schneider N., 2014. Abstract meaning representation (AMR) annotation release 1.0 LDC2014T12 // Web download. Philadelphia : Linguistic Data Consortium. URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC2014T12>.
- Kövecses Z., 2010. *Metaphor: A practical introduction*. 2nd ed. Oxford and New York : Oxford University Press. 375 p.
- Krennmayr T., 2013. Top-down versus bottom-up approaches to the identification of metaphor in discourse // *Metaphorik.de*. Aus. 24. P. 7–36.
- Lakoff G., 1987. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago ; London : University Press. 614 p.
- Lakoff G., 1993. The contemporary theory of metaphor // *Metaphor and thought* / ed. by A. Ortony. New York : Cambridge University Press. P. 202–251. URL: <https://escholarship.org/content/qt54g7j6zh/qt54g7j6zh.pdf>.
- Lakoff G., 1994. Master Metaphor List. Berkeley : University of California. URL: <http://cogsci.berkeley.edu>.
- Lakoff G., 1996/2002. *Moral politics: How liberals and conservatives think*. Chicago, IL : The University of Chicago Press. 471 p.
- Lakoff G., 2008. The Neural Theory of Metaphor // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / ed. by W. Raymond, Jr. Gibbs. New York : Cambridge University Press. P. 17–38.
- Lakoff G., 2010. *Moral politics: How liberals and conservatives think*. University of Chicago Press. 471 p.
- Lakoff G., Johnson M., 1980/2003. *Metaphors we live by*. Chicago, IL : The University of Chicago Press. 191 p.
- Langacker R. W., 2008. *Cognitive grammar: A basic introduction*. Oxford : Oxford University Press. 562 p.
- Li L., Sporleder C., 2010. Using gaussian mixture models to detect figurative language in context // *Human Language Technologies: The 2010 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics*. P. 297–300. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/N10-1039>.
- Low G., Todd Z., 2010. Good practice in metaphor analysis: guidelines and pitfalls // *Metaphor Analysis. Research Practice in Applied Linguistics, Social Sciences and the Humanities* / ed. by L. Cameron, R. Maslen. London : Equinox. P. 217–229.
- McGlone M. S., 1996. Conceptual Metaphors and Figurative Language Interpretation: Food for Thought? // *Journal of Memory and Language*. Vol. 35, iss. 4. P. 544–565. DOI: 10.1006/jmla.1996.0029.
- Mohler M., Bracewell D., Tomlinson M., Hinote D., 2013. Semantic signatures for example-based linguistic metaphor detection // *Proceedings of the First Workshop on Metaphor in NLP*. Atlanta, Georgia. P. 27–35.
- Musolff A., 2004. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Basingstoke : Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230504516.
- Peters W., Wilks Y., 2003. Data-driven detection of figurative language use in electronic language resources // *Metaphor and Symbol*. Vol. 18, iss. 3. P. 161–173. DOI: 10.1207/S15327868MS1803_03.
- Politics, Gender and Conceptual Metaphors, 2009. *Politics, Gender and Conceptual Metaphors* / ed. by K. Ahrens. Basingstoke : Palgrave Macmillan. 275 p. DOI: 10.1057/9780230245235.
- Reddy M. J., 1979. The conduit metaphor – a case of frame conflict in our language about language // *Metaphor and thought* / ed. by A. Ortony. Cambridge : Cambridge University Press. P. 284–324.
- Researching and applying metaphor..., 1999. *Researching and applying metaphor (Cambridge Applied Linguistics)* / ed. by L. Cameron, G. Low. Cambridge : Cambridge University Press. 312 p. DOI: 10.1017/CBO9781139524704.
- Ruppenhofer J., Brandes J., 2016. Effect Functors for Opinion Inference // *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016)* / ed. by N. Calzolari [et al.]. Portoroz, Slovenia. P. 2879–2887. URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/5500/file/Ruppenhofer_Brandes_Effect_Functors_for_Opinion_Inference_2016.pdf.
- Shutova E., 2011. *Computational approaches to figurative language*. Technical report. University of Cambridge. 217 p. URL: <https://www.cl.cam.ac.uk/techreports/UCAM-CL-TR-803.pdf>.
- Shutova E., Sun L., 2013. Unsupervised metaphor identification using hierarchical graph

- factorization clustering // Proceedings of the 2013 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. P. 978–988. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/N13-1118>.
- Shutova E., Sun L., Korhonen A., 2010. Metaphor identification using verb and noun clustering // Proceedings of COLING / ed. by C. Huang, D. Jurafsky. P. 1002–1010. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/C10-1113>.
- Shutova E., Van de Cruys T., Korhonen A., 2012. Unsupervised metaphor paraphrasing using a vector space model // Proceedings of COLING 2012: Posters. P. 1121–1130. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/C12-2109>.
- Skrynnikova I. V., 2016. Cultural and ideological implications of governance-related metaphors and their translation in media discourse // Proceedings of the International Symposium “Metaphor as means of knowledge communication”. Perm : Perm State University. P. 104–108.
- Sopory P., Dillard J. P., 2002. The persuasive effects of metaphor: A meta-analysis // Human Communication Research. Vol. 28, iss. 3. P. 382–419.
- Steen G., 2007. Finding Metaphor in Discourse: Pragglejaz and Beyond. Cultura, Lenguaje y Representación // Cultural Studies Journal of Universitat Jaume. Vol. V. P. 9–25.
- Steen G. J., Dorst A. G., Herrmann J. B., Kaal A. A., Krennmayr T., Pasma T., 2010a. A Method for Linguistic Metaphor Identification: from MIP to MIPVU. Amsterdam : John Benjamins. xi + 238 p. DOI: 10.1075/celcr.14.
- Steen G. J., Biernacka E., Dorst A. G., Kaal A. A., López-Rodríguez I., Pasma T., 2010b. Pragglejaz in practice: Finding metaphorically used words in natural discourse // Researching and Applying Metaphor in the Real World / ed. by G. Low [et al.]. Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins. P. 165–184.
- Stickels E., David O., Dodge E. K., Hong J., 2016. Formalizing contemporary conceptual metaphor theory: A structured repository for metaphor analysis // Constructions and Frames. Vol. 8, iss. 2. P. 166–213. DOI: 10.1075/cf.8.2.03sti.
- Veale T., Hao Y., 2008. A fluid knowledge representation for understanding and generating creative metaphors // Proceedings of COLING 2008. P. 945–952. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/C08-1119>.
- Wilkinson P. R., 2002. Thesaurus of traditional English metaphors. London : Routledge. XXVI, 870 p.
- Wolff P., Gentner D., 2000. Evidence for role-neutral initial processing of metaphors // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. Vol. 26, iss. 2. P. 529.

ИСТОЧНИКИ

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н., 1994. Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры. 351 с.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Treebank. URL: <http://treebank.info>.

REFERENCES

- Boldyrev N.N., 2013. Interpretatsionnyy potentsial kontseptualnoy metafory [The Interpretative Potential of the Conceptual Metaphor]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], iss. 15, pp. 12–21.
- Budaev E.V., Chudinov A.P., 2018. Metafora v politicheskoy kommunikatsii [Metaphor in Political Communication]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 249 p.
- Banarescu L., Bonial C., Cai S., Georgescu M., Griffitt K., Hermjakob U., Knight K., Koehn Ph., Palmer M., Schneider N., 2013. Abstract Meaning Representation for Sembanking. *Proceedings of the 7th Linguistic Annotation Workshop and Interoperability with Discourse*. Sofia, Bulgaria, Association for Computational Linguistics, pp. 178–186.
- Bogdanova D., 2010. A Framework for Figurative Language Detection Based on Sense Differentiation. *Proceedings of the ACL 2010 Student Research Workshop*, pp. 67–72. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/P10-3012>.
- Burgers C.F., Konijn E.A., Steen J., 2016. Figurative Framing: Shaping Public Discourse Through Metaphor, Hyperbole, and Irony. *Communication Theory*, vol. 26, iss. 4, pp. 410–430. DOI: 10.1111/comt.12096.
- Charteris-Black J., 2004. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke, Palgrave-MacMillan. URL: <http://eprints.uwe.ac.uk/6739>. DOI: 10.1057/9780230000612.
- Cienki A., 2008. The Application of Conceptual Metaphor Theory to Political Discourse: Methodological Questions and Some Possible Solutions. T. Carver, J. Pikalo, eds. *Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World*. London, New York, Routledge, pp. 241–256.
- Clausner T.C., Croft W., 1999. Domains and Image Schemas. *Cognitive Linguistics*, no. 10-1, pp. 1–32.
- Deignan A., 2010. MIP, the Corpus and Dictionaries: What Makes for the Best Metaphor Analysis? *Metaphor and the Social World*, iss. 5.1, pp. 145–154. Repository URL: <http://eprints.whiterose.ac.uk/83351/> DOI: 10.1075/msw.5.1.09dei.

- Eilts C., Lönneker B., 2002. The Hamburg Metaphor Database. *Metaphorik.de*, vol. 3, pp. 100-110.
- Fass D., 1991. Met*: A Method for Discriminating Metonymy and Metaphor by Computer. *Computational Linguistics*, vol. 17, iss. 1, pp. 49-90.
- Fauconnier G., Turner M., 1998. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, vol. 22, iss. 2, pp. 133-187.
- Feldman J.A., 2006. *From Molecule to Metaphor: A Neural Theory of Language*. Cambridge, MA, The MIT Press (A Bradford Book). 367 p.
- Fillmore C.J., 1976. Frame Semantics and the Nature of Language. S.R. Harnad, H.D. Steklis, J. Lancaster, eds. *Origins and Evolution of Language and Speech. Annals of the NY Academy of Sciences*. New York, Academy of Sciences, vol. 280, pp. 20-32.
- Fillmore C.J., 2003. Valency and Semantic Roles: The Concept of Deep Structure Case. V. Agel, L.M. Eichinger, H.-W. Eroms, P. Hellwig, H.J. Heringer, H. Lobin, eds. *Dependency and Valency: An International Handbook of Contemporary Research*. Berlin, Walter de Gruyter, pp. 457-475.
- Gibbs R., 2007. *Why Cognitive Linguists Should be Concerned with Empirical Methods. Methods in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 2-18. DOI: 10.1075/hcp.18.06gib.
- Gibbs R., 2008. The Strengths and Weaknesses of Conceptual Metaphor Theory: A View from Cognitive Science. *Journal of Foreign Language*, vol. 31, pp. 2-12.
- Gibbs R., 2011. Evaluating Conceptual Metaphor Theory. *Discourse Processes*, vol. 48, iss. 8, pp. 529-562. DOI: 10.1080/0163853X.2011.606103.
- Goatly A., 2007. Washing the Brain – Metaphor and Hidden Ideology. *Discourse Approaches to Politics, Society and Culture*, vol. 23. DOI: 10.1075/dapsac.23.
- Hanks P., 2006. Metaphoricity is Gradable. *Trends in Linguistic Studies and Monographs*, vol. 17, pp. 17-35.
- Knight K., Baranescu L., Bonial C., Georgescu M., Griffitt K., Hermjakob U., Marcu D., Palmer M., Schneider N., 2014. Abstract Meaning Representation (AMR) Annotation Release 1.0 LDC2014T12. *Web Download*. Philadelphia, Linguistic Data Consortium. URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC2014T12>.
- Kövecses Z., 2010. *Metaphor: A practical Introduction*. Oxford, New York, Oxford University Press. 375 p.
- Krennmayr T., 2013. Top-Down Versus Bottom-Up Approaches to the Identification of Metaphor in Discourse. *Metaphorik.de*, vol. 24, pp. 7-36.
- Lakoff G., 1987. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago, London, University Press. 614 p.
- Lakoff G., 1993. The Contemporary Theory of Metaphor. A. Ortony, ed. *Metaphor and Thought*. New York, Cambridge University Press, pp. 202-251. URL: <https://escholarship.org/content/qt54g7j6zh/qt54g7j6zh.pdf>.
- Lakoff G., 1994. *Master Metaphor List*. Berkeley, University of California. URL: <http://cogsci.berkeley.edu>.
- Lakoff G., 1996/2002. *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*. Chicago, IL, The University of Chicago Press. 471 p.
- Lakoff G., 2008. The Neural Theory of Metaphor. W. Raymond, Jr. Gibbs, eds. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. New York, Cambridge University Press, pp. 17-38.
- Lakoff G., 2010. *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*. University of Chicago Press. 471 p.
- Lakoff G., Johnson M., 1980/2003. *Metaphors We Live by*. Chicago, IL, The University of Chicago Press. 191 p.
- Langacker R.W., 2008. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford, Oxford University Press. 562 p.
- Li L., Sporleder C., 2010. Using Gaussian Mixture Models to Detect Figurative Language in Context. *Human Language Technologies: The 2010 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics*, pp. 297-300. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/N10-1039>.
- Low G., Todd Z., 2010. Good Practice in Metaphor Analysis: Guidelines and Pitfalls. L. Cameron, R. Maslen, eds. *Metaphor Analysis. Research Practice in Applied Linguistics, Social Sciences and the Humanities*. London, Equinox, pp. 217-229.
- McGlone M.S., 1996. Conceptual Metaphors and Figurative Language Interpretation: Food for Thought? *Journal of Memory and Language*, vol. 35, iss. 4, pp. 544-565. DOI: 10.1006/jmla.1996.0029.
- Mohler M., Bracewell D., Tomlinson M., Hinote D., 2013. Semantic Signatures for Example-Based Linguistic Metaphor Detection. *Proceedings of the First Workshop on Metaphor in NLP*. Atlanta, Georgia, pp. 27-35.
- Musolf A., 2004. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230504516.
- Peters W., Wilks Y., 2003. Data-Driven Detection of Figurative Language Use in Electronic Language

- Resources. *Metaphor and Symbol*, vol. 18, iss. 3, pp. 161-173. DOI: 10.1207/S15327868MS1803_03.
- Ahrens K., ed., 2009. *Politics, Gender and Conceptual Metaphors*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 275 p. DOI: 10.1057/9780230245235.
- Reddy M.J., 1979. The Conduit Metaphor – A Case of Frame Conflict in Our Language About Language. A. Ortony, ed. *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 284-324.
- Cameron L., Low G., eds., 1999. *Researching and Applying Metaphor (Cambridge Applied Linguistics)*. Cambridge, Cambridge University Press. 312 p. DOI: 10.1017/CBO9781139524704.
- Ruppenhofer J., Brandes J., 2016. Effect Functors for Opinion Inference. N. Calzolari, K. Choukri, T. Declerck, M. Grobelnik, B. Maegaard, J. Mariani, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis, eds. *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016)*. Portoroz, Slovenia, pp. 2879-2887. URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/5500/file/Ruppenhofer_Brandes_Effect_Functors_for_Opinion_Inference_2016.pdf.
- Shutova E., 2011. *Computational Approaches to Figurative Language. Technical Report*. University of Cambridge. 217 p. URL: <https://www.cl.cam.ac.uk/techreports/UCAM-CL-TR-803.pdf>.
- Shutova E., Sun L., 2013. Unsupervised Metaphor Identification Using Hierarchical Graph Factorization Clustering. *Proceedings of the 2013 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, pp. 978-988. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/N13-1118>.
- Shutova E., Sun L., Korhonen A., 2010. Metaphor Identification Using Verb and Noun Clustering. C. Huang, D. Jurafsky, eds. *Proceedings of COLING*, pp. 1002-1010. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/C10-1113>.
- Shutova E., Van de Cruys T., Korhonenm A., 2012. Unsupervised Metaphor Paraphrasing Using a Vector Space Model. *Proceedings of COLING 2012: Posters*, pp. 1121-1130. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/C12-2109>.
- Skrynnikova I.V., 2016. Cultural and Ideological Implications of Governance-Related Metaphors and Their Translation in Media Discourse. *Proceedings of the International Symposium "Metaphor as Means of Knowledge Communication"*. Perm, Perm State University, pp. 104-108.
- Sopory P., Dillard J.P., 2002. The Persuasive Effects of Metaphor: A Meta-Analysis. *Human Communication Research*, vol. 28, iss. 3, pp. 382-419.
- Steen G., 2007. Finding Metaphor in Discourse: Pragglejaz and Beyond. *Cultura, Lenguaje y Representaciyn. Cultural Studies Journal of Universitat Jaume*, vol. 5, pp. 9-25.
- Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T., Pasma T., 2010a. *A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU*. Amsterdam, John Benjamins. xi + 238 p. DOI: 10.1075/celcr.14.
- Steen G.J., Biernacka E., Dorst A.G., Kaal A.A., López-Rodríguez I., Pasma T., 2010b. Pragglejaz in Practice: Finding Metaphorically Used Words in Natural Discourse. Low G., Todd Z., Deignan A., Cameron L., eds. *Researching and Applying Metaphor in the Real World*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 165-184.
- Stickels E., David O., Dodge E.K., Hong J., 2016. Formalizing Contemporary Conceptual Metaphor Theory: A Structured Repository for Metaphor Analysis. *Constructions and Frames*, vol. 8, iss. 2, pp. 166-213. DOI: 10.1075/cf.8.2.03sti.
- Veale T., Hao Y., 2008. A Fluid Knowledge Representation for Understanding and Generating Creative Metaphors. *Proceedings of COLING 2008*, pp. 945-952. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/C08-1119>.
- Wilkinson P.R., 2002. *Thesaurus of Traditional English Metaphors*. London, Routledge. XXVI, 870 p.
- Wolff P., Gentner D., 2000. Evidence for Role-Neutral Initial Processing of Metaphors. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, vol. 26, iss. 2, p. 529.

SOURCES

- Baranov A.N., Karaulov Yu.N., 1994. *Slovar russkikh politicheskikh metaphor* [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow, Pomovskiy i partner Publ. 351 p.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Treebank*. URL: <http://treebank.info>.

Information about the Author

Inna V. Skrynnikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Germanic and Romance Philology Department, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

Информация об авторе

Инна Валериевна Скрынникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.13>

UDC 81'42
LBC 81.055.1

Submitted: 05.02.2019
Accepted: 23.05.2019

NATURAL TEXT: MATHEMATICAL METHODS OF ATTRIBUTION¹

Vladimir V. Popov

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Tatyana V. Shtelmakh

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article proposes two algorithms for substandard texts filtering. The first of these is based on the fact that the frequency of n -grams occurrence in a quality text obeys the Zipf law, and when the words of the text are rearranged, the law ceases to act. Comparison of the frequency characteristics of the source text with the characteristics of the text resulting from the permutation of words enables researchers to draw conclusions regarding the quality of the source text. The second algorithm is based on calculating and comparing the rate new words appear in good quality and randomly generated texts. In a good text, this rate is, as a rule, uneven whereas in randomly generated texts, this unevenness is smoothed out, which makes it possible to detect low-quality texts.

The methods for solving the problem of substandard texts filtering are statistical and are based on the calculation of various frequency characteristics of the text. As compared to the “bag of words” model, a graph model of the text, in which the vertices are words or word forms, and the edges are pairs of words, as well as models with higher order structures, in which the frequency characteristics of n -grams are used with $n > 2$, takes into account the mutual disposition of word pairs, as well as triples of words in a common part of the text, for example, in one sentence or one n -gram.

Key words: natural text, pseudo-text, text filtering, Zipf’s law, n -grams, the rate of appearance of new words, “bag of words” model of the text, graph model of the text.

Citation. Popov V.V., Shtelmakh T.V. Natural Text: Mathematical Methods of Attribution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 147-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.13>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 05.02.2019
Дата принятия статьи: 23.05.2019

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АТРИБУЦИИ¹

Владимир Валентинович Попов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Татьяна Владимировна Штельмах

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье предложено два алгоритма фильтрации некачественных текстов. Первый алгоритм основан на том, что частота появления n -грамм в качественном тексте подчиняется закону Зипфа, а в случай-

но генерированных текстах данный закон перестает действовать. Сравнение частотных характеристик двух типов текстов позволяет делать выводы относительно качества исходного текста. Второй алгоритм основан на сравнении скорости появления новых слов в текстах. В качественном тексте эта скорость, как правило, неравномерна, а в случайных текстах неравномерности нивелируются, что дает возможность обнаруживать некачественные тексты.

Основные методы решения задачи фильтрации некачественных текстов – статистические. Они базируются на вычислении различных частотных характеристик текста. В отличие от модели «мешка слов», не учитывающей порядок следования слов в тексте, графовая модель текста (в ней вершинами являются слова или словоформы, а ребрами – пары слов), а также модели со структурами более высокого порядка, в которых используются частотные характеристики n -грамм при $n > 2$, позволяют учитывать взаимное расположение пар и троек слов в какой-либо общей части текста: в одном предложении или одной n -грамме.

Ключевые слова: естественный текст, псевдотекст, фильтрация текстов, закон Зипфа, n -граммы, скорость появления новых слов, «мешок слов», графовая модель текста.

Цитирование. Попов В. В., Штельмах Т. В. Естественный текст: математические методы атрибуции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 147–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.13>

Введение

Интенсивное развитие информационных технологий способствует качественному изменению процессов порождения текстов, что выводит на первый план вопрос о разграничении естественных текстов и текстов, созданных при помощи различных программных средств. В связи с большим количеством текстового материала, функционирующего в пространстве электронной коммуникации, возникает задача разработки способов автоматической идентификации «случайных» текстов, которая должна осуществляться с опорой на количественный анализ текстовых характеристик.

В настоящее время применение количественных методов в языкознании аналогично их использованию в других естественных и социальных науках. Поскольку количественные показатели несут определенную информацию о самих текстах, одной из важнейших прикладных лингвистических задач становится моделирование топика коллекции текстов для систематизации документов и их использования в образовательных, маркетинговых и иных целях [Bakalov et al., 2012; Wallach, 2006; Yao, Mimno, McCallum, 2009; Zeng et al., 2012].

Квантитативные методы широко применяются для описания и классификации текстов, например, при установлении авторства анонимных текстов. Это связано с тем, что большинство двусторонних единиц и конструкций языка могут служить различению текстов. Доказано, что части речи играют немаловаж-

ную роль в формировании функциональных стилей языка. Статистические различия между ними, а также между жанрами составляют основу корпусной стилистики [McIntyre, Walker, 2019].

Количественные методы используются для идентификации индивидуального стиля автора. Учитывая важность данных статистического материала, еще Б.Н. Головин ставил ряд важных вопросов, требующих творческого решения: 1. Связаны ли показываемые статистикой особенности функционирования частей речи, предложений и их членов в речи писателей некоторыми внутренними зависимостями, то есть носят ли они системный характер? 2. Стоят ли за различиями активности частей речи, членов предложений и предложений у разных писателей устойчивые различия художественного содержания их произведений? 3. Следует ли думать, что в необследованных фрагментах текста (не вошедших в выборки) активность изучаемых элементов будет такой же, как и в выборках? [Головин, 1970, с. 9]. Как отмечал исследователь, активность частей речи в произведениях проявляется регулярно, следовательно, в разных местах разных произведений она закономерно характеризует стиль того или иного автора.

Итак, статистика предоставляет большие возможности для систематического изучения языкового функционирования и развития.

Ключевым моментом, который объединяет все квантитативные методики анализа текста, является то, что в их основе лежат

представления о некоторой единице анализа. Ее определение крайне важно, поскольку она выступает своего рода аналогом исследуемых (но неконтролируемых) переменных в эксперименте. Под единицей, вслед за Л.С. Выготским, мы подразумеваем «такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее не разложимыми живыми частями этого единства» [Выготский, 1999, с. 14].

Однако их трактовка при конкретном методе анализа текста может быть принципиально различной. Так, под единицей лингвистического анализа текста понимаются инварианты различных лингвистических моделей описания языка, соотносящиеся с языком или языковым стандартом (морфема, фонема, предложение, словосочетание, высказывание и др., понимание которых в разных лингвистических направлениях может различаться). Единицами анализа выступают коллокации, которые в отечественной лингвистике понимаются как несвободные сочетания, не относящиеся к идиомам: с одной стороны, ключевое слово этих сочетаний может появляться в контексте с разными языковыми единицами, с другой стороны, эти единицы (то есть контекст ключевого слова) можно перечислить в виде закрытого («полузакрытого») списка (ср., напр., работы Л.Н. Иорданской, И.А. Мельчука и их последователей по изучению лексических функций и моделей управления [Иорданская, Мельчук, 2007]). В последние годы применение компьютерных программ обработки большого текстового материала позволяет использовать другие сущности в качестве единиц текстового анализа, к которым относятся, например, текстовые n-граммы. Они необходимы для решения разнообразных прикладных лингвистических задач, в частности автоматической категоризации и классификации текстов [Cavnar, Trenkle, 2001].

Целью нашей работы является поиск количественных критериев, позволяющих автоматически распознать естественный текст и отличить данный текст от созданного при помощи определенных алгоритмов порождения текста. Единицей анализа избрана *n*-грамма.

Прежде чем приступить к анализу языкового материала, обратимся к дефиниции понятия «текст». Вслед за И.Р. Гальпериним мы считаем, что текст – это «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2006, с. 18]. В качестве объекта исследования мы рассматриваем текст в целом, а не его составляющие, разделяя мнение А.А. Леонтьева о том, что сложные закономерности формирования целостности и завершенности текста участвуют в формировании его смыслового аспекта: «В противоположность связности цельность есть характеристика текста как смыслового единства, как единой структуры, и определяется на всем тексте» [Леонтьев, 1979, с. 12]. Кроме того, мы изучаем тексты без ограничения на объем, обладающие характеристиками отдельнооформленности, связности и цельности (о признаках текста см.: [Мурзин, Штерн, 1991]). Такие тексты в данной работе мы будем называть *естественными*.

Если на естественном языке сформирована некоторая последовательность слов, то возникает вопрос о реализации указанных выше фундаментальных свойств текста. Назовем *псевдотекстом* любую последовательность слов естественного языка, полученную на основе некоторой вероятностной модели сочетания слов в тексте. При этом считаем, что псевдотекст не получен многократным дублированием одной из своих частей. В качестве лексической единицы текста будем рассматривать слово в тексте (словоформу), а список слов будет образовывать *словарь* текста. Псевдотексты получим как результат случайной перестановки слов естественного текста, тогда распределение вероятностей слов в псевдотексте останется неизменным. Статистические модели текста в связи с необходимостью его автоматической обработки, создания машинных алгоритмов вводятся

и обосновываются, в частности, в [Пиотровский, 1975].

В части I данной статьи текст рассмотрен в статическом состоянии (оно, по мнению Л.А. Новикова, соответствует тексту как «результату речемыслительной деятельности» [Новиков, 1983]), в части II – в динамическом состоянии, то есть в процессе его порождения, при этом не затрагиваются вопросы его психологического восприятия и понимания.

Исследования естественных текстов и псевдотекстов проводим на основе графовой модели, описанной в [Григорьева и др., 2017]. Граф образуется как совокупность двух множеств: множество вершин – слова текста, множество ребер – пары слов, находящихся в одной n -грамме. Каждому ребру приписывается вес – количество n -грамм, содержащих эту пару слов.

I. Структура n -грамм текста

Пусть имеется некоторый текст D . Выберем целое число $n \geq 2$. Под n -граммой будем понимать последовательность из n подряд идущих слов одного текста (о таком толковании n -граммы см.: [Бузикашвили, Самойлов, Крылова, 2000]). Составим список всех n -грамм текста D и для каждой n -граммы подсчитаем ее частоту. Расположим n -граммы в порядке убывания их частот, полученный ряд значений назовем *вектором частот n -грамм*. Компьютерные эксперименты показывают, что n -граммы естественного (связного) текста подчиняются аналогу закона Зипфа, то есть имеются n -граммы с достаточно высокой частотой, а затем их частота быстро убывает. Отметим, что, как правило, частоты псевдотекста небольшие и убывают сравнительно медленно. Например, вектор частот 3-грамм естественного текста: (15, 14, 13 13, 12, 12, 10, 9, 9, 8, 8, 8, 7, 7, 7, 7, 7, 6, 6...); псевдотекста: (4, 3, 3, 2, 2, 2, 2,...).

Для текста D зафиксируем целые числа h и m , где $h, m \geq 2$. Пусть D_1, D_2, \dots, D_m – тексты, полученные на шаге 1, 2, ..., m перемешивания D . Обозначим через $Sum(D)$, $Sum(D_i)$, $1 \leq i \leq m$ суммы частот h первых n -грамм (то есть n -грамм с наибольшими частотами) соответствующих текстов. Обозначим через MS среднее арифметическое величин $Sum(D_1), Sum(D_2), \dots, Sum(D_m)$:

$$MS = \frac{Sum(D_1) + Sum(D_2) + \dots + Sum(D_m)}{m},$$

и положим:

$$\theta(D) = \frac{Sum(D)}{MS}.$$

Отметим, что величина $\theta(D)$ зависит не только от документа D и параметров n, h и m , но и от того, какие перестановки списка слов документа D применялись при формировании документов D_1, D_2, \dots, D_m . Если эти перестановки выбираются случайно, то при повторном применении алгоритма будут получаться различные, хотя и достаточно близкие между собой значения. Так, при трех запусках компьютерной программы с параметрами $n = 3$, $h = 20$ и $m = 6$ могут быть получены значения величины θ , равные 1.775, 1.738 и 1.753 соответственно. Для реализации алгоритма исследований нам необходимо зафиксировать набор возможных параметров: вектор $\alpha = (n, i, j, k, m, h)$, влияющих на частоту n -грамм и величины $Sum(D)$, MS и $\theta(D)$:

n – число слов в одной n -грамме;

i – следует ли рассматривать n -граммы лексем (при $i = 1$) или словоформ ($i = 0$);

j – надо ли сортировать слова в каждой n -грамме по алфавиту ($j = 1$) или не надо ($j = 0$);

k – минимальная длина учитываемых слов;

m – число формируемых псевдотекстов;

h – число учитываемых n -грамм с наибольшей частотой.

Исследования проводились на коллекции из 60 естественных текстов, число слов в которых насчитывается от 485 до 460326.

Анализ коллекции естественных текстов

Упорядоченные по алфавиту, то есть без учета порядка слов, наиболее частотные 3-граммы из одного текста получаем, например, такие:

– словоформные: как после того, для того чтобы, такое что это, дело том что, знает черт что, все что это, было как слышно, несколько секунд через, кроме того что, том убедился что, время некоторое через, было видно что;

– лексемные: как после тот, для тот чтобы, дело тот что, тот убедиться что,

такой что это, быть мочь это, весь что это, она тот что, быть как слышный, несколько секунда через, мысль тот что, кроме тот что.

Неупорядоченные по алфавиту словоформы этого же текста: *после того, для того чтобы, дело том что, черт знает что, слышно было как, через несколько секунд, что это такое, через некоторое время, кроме того что, через несколько минут, убедился том что, позвольте вас спросить.*

В результате расчетов θ сформированы таблицы определенного вида, которые продемонстрируем на таблицах 1 и 2 для одного из текстов коллекции при $\alpha = (3, 0, 1, 3, 12, 200)$.

В ходе исследования всей коллекции получены следующие свойства θ при $\alpha = (n, i, j, k, m, h)$, $m = 3, h = 200$:

1. Для $n = 2$ количество естественных текстов, близких по расчетным показателям θ к псевдотекстам, значительно выше, чем для $n = 3$ с такими же значениями остальных параметров в α . Поэтому далее рассматриваем $n = 3$.

2. Значения θ не превышали значения 2 для всех псевдотекстов (расчеты в таблицах типа 2) при различных вариантах i, j и $k = 3$ вектора параметров α , кроме $\alpha = (3, 1, 1, 3, 12, 200)$ (не выше 2.7).

3. Значение минимума θ не ниже значения 1 для всех естественных текстов (расче-

ты в таблицах типа 1) при различных вариантах i, j и $k = 3$ вектора параметров α .

4. Значение максимума θ не ниже значения 2 для всех естественных текстов (расчеты в таблицах типа 1) при $\alpha = (3, 0, 0, 3, 12, 200)$.

5. Длина диапазона значений θ (размах θ) при $\alpha = (3, 0, 1, 3, 12, 200)$ и $\alpha = (3, 0, 0, 3, 12, 200)$ для естественного текста во всех 60 случаях больше длины диапазона значений его же псевдотекста. При этом минимальное значение θ (при указанных параметрах) для большинства из рассмотренных текстов строго больше, чем максимальное значение этой же величины для соответствующего псевдотекста (кроме 5 из 60 для первого вектора параметров и 1 из 60 для второго вектора параметров).

6. При $\alpha = (3, 0, 0, 3, 12, 200)$ наименьший размах θ естественных текстов равен 0.927 и только 2 псевдотекста из 60 имеют размах θ больше этого минимума (1.059 и 0.996), что продемонстрировано на рисунке 1. У 56 из 60 естественных текстов размах θ больше 1.059 (от 1.24 до 55.797), и они могут идентифицироваться представленным методом как естественные. А значит, размах θ также может служить отличительным признаком псевдотекстов.

При рассмотрении лексемных n -грамм условия 4 и 5 нарушаются для 30 из 60 текстов коллекции, что продемонстрировано на рисунке 2.

Таблица 1

Значения величины $\theta(D)$ при различных m и h (D – естественный текст)

	$m = 1$	$m = 2$	$m = 3$	$m = 4$	$m = 5$	$m = 6$	$m = 7$	...	$m = 12$
$h = 1$	3.75	5.0	5.0	5.0	4.411	4.285	4.375	...	4.285
$h = 2$	4.142	5.272	5.437	5.272	4.833	4.702	4.720	...	4.578
$h = 3$	4.2	5.25	5.478	5.419	5.0	4.941	4.9	...	4.893
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
$h = 100$	2.558	2.584	2.588	2.587	2.573	2.573	2.571	...	2.573
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
$h = 200$	2.283	2.341	2.313	2.328	2.328	2.357	2.364	...	2.389

Таблица 2

Значения величины $\theta(D)$ при различных m и h (D – псевдотекст)

	$m = 1$	$m = 2$	$m = 3$	$m = 4$	$m = 5$	$m = 6$	$m = 7$	...	$m = 12$
$h = 1$	1.5	1.2	1.125	1.2	1.153	1.125	1.05	...	1.058
$h = 2$	1.5	1.2	1.125	1.2	1.153	1.125	1.076	...	1.107
$h = 3$	1.333	1.066	1.0	1.066	1.052	1.021	0.982	...	1.010
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
$h = 100$	1.01	1.0	0.996	1.0	1.0	0.997	0.996	...	0.998
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
$h = 200$	0.985	0.954	0.968	0.982	0.988	0.976	0.977	...	0.971

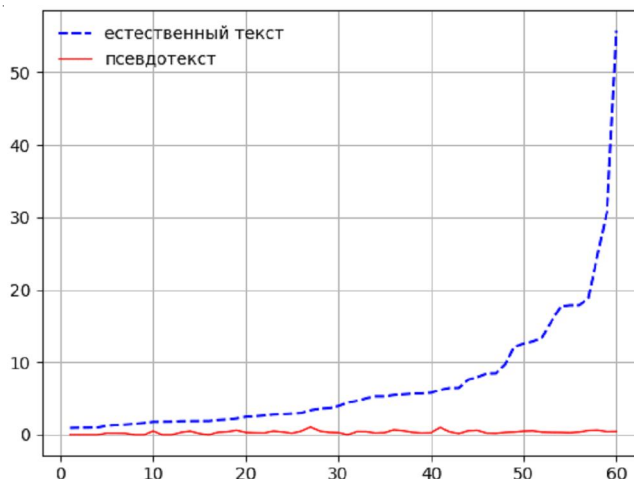

Рис. 1. Значения размаха θ , упорядоченные по его возрастанию, для 60 естественных текстов и псевдотекстов при $\alpha = (3, 0, 0, 3, 12, 200)$

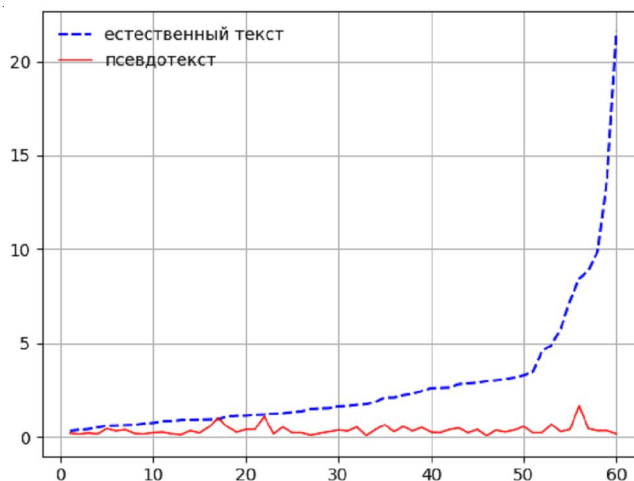

Рис. 2. Значения размаха θ , упорядоченные по его возрастанию, для 60 естественных текстов и псевдотекстов при $\alpha = (3, 1, 1, 3, 12, 200)$

Не идентифицированные как естественные по условию 6 тексты (4 из 60, то есть точность 93 %) имеют $\max \theta = 2$, то есть не проходят так же условие 2. Такого вида тексты требуют дополнительных исследований. Отметим, что в рассматриваемой коллекции они имеют наименьший объем, не более 6000 слов. С ростом объема текста размах θ , как правило, увеличивается. Но этот факт не является однозначной закономерностью, что видно по рисунку 3.

Приведенные результаты позволяют предложить следующий алгоритм, основанный на вычислении величины $u(D)$, который позволяет разделять тексты на «хорошие» (близкие по свойствам к естественным текстам) и «подозрительные» (близкие по свойствам к псевдотекстам). Пусть D – некоторый текст, подлежащий исследованию.

Алгоритм 1

1. Полагаем $n = 3, i = 0, j = 0, k = 3$.
2. Для каждого m от 1 до 10 и каждого h от 1 до 100 вычисляем величину $\theta_{m,h} = \theta(D)$ для вектора параметров $\alpha = (m, i, j, k, m, h)$.
3. Если все величины $\theta_{m,h}$ найденные в пункте 2, удовлетворяют неравенствам: $\max \theta_{m,h} > 2$, то считаем, что D – «хороший» текст.
4. Если $\max \theta_{m,h} < 2$, то считаем, что это «подозрительный» текст.
5. Если $\theta_{m,h} = 2, \min \theta_{m,h} \geq 1$, то полагаем $n = 3, i = 0, j = 1, k = 3$ и выполняем пункт 2. Если $\max(\theta) < 2, \min(\theta) < 1$, то считаем, что D – «подозрительный» текст, иначе считаем, что требуется другой способ исследования.

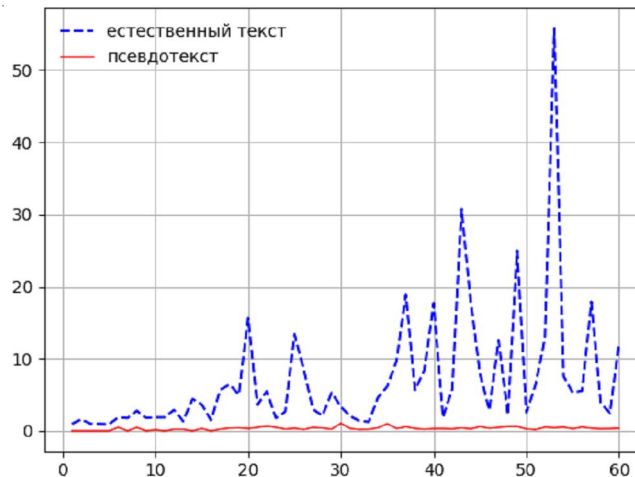

Рис. 3. Значения размаха θ , упорядоченные по возрастанию количества слов в тексте, для 60 естественных текстов и псевдотекстов при $\alpha = (3, 0, 0, 3, 12, 200)$

Рассмотрим использование метода n -грамм на примере. На 28-м международном фестивале рекламы, проходившем 15–16 ноября 2018 года (ТВЗ.ру, 2018), был представлен совместный проект канала ТВ-3, «Яндекс» и С. Лукьяненко, в котором использовали рассказ «Дурной договор», созданный нейросетью, обученной на массиве русской прозы и произведениях Н.В. Гоголя, по сюжету С. Лукьяненко. Результаты исследований этого текста:

– $\alpha = (3, 0, 0, 3, 12, 200)$. Исходный текст: вектор частот $(2, 1, 1, 1, 1, 1 \dots)$, $\max(\theta) = 2.0$, $\min(\theta) = 1.004$, размах θ равен 0.996; его псевдотекст: $\max(\theta) = 1.0$, $\min(\theta) = 1.0$, размах θ равен 0. По свойствам θ текст похож на один из четырех естественных текстов коллекции, не идентифицированных методом n -грамм;

– $\alpha = (3, 0, 1, 3, 12, 200)$. Исходный текст: вектор частот $(2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 1, \dots)$, $\max(\theta) = 1.384 < 2$, $\min(\theta) = 0.8 < 1$, размах θ равен 0.584; его псевдотекст: $\max(\theta) = 1.147$, $\min(\theta) = 1.0$, размах θ равен 0.147.

Таким образом, в связи с нарушением условий 3 и 4 и достаточно малым размахом θ рассказ «Дурной договор» можно идентифицировать как текст, близкий по свойствам к псевдотекстам.

II. Структура словарей фрагментов текста

Пусть имеется некоторый текст D . Составим список $L(D)$ всех его слов в том по-

рядке, в котором они появляются в тексте. Обозначим через $L(D, t)$ начальный отрезок (срез) списка $L(D)$, состоящий из первых t слов, где t не превосходит длины $len(D)$ всего списка $L(D)$.

Приводя каждое из слов $w \in L(D, t)$ к лемме и учитывая каждую лемму один раз, получим словарь $V(D, t)$ начального отрезка $L(D, t)$ текста D . Обозначим через $f(D, t)$ длину этого словаря, то есть число слов в нем.

Если $t = len(D)$, то $V(D, t)$ будет словарем, который соответствует всему исходному тексту. Обозначим через $V(D)$ этот словарь, а через $len(V(D))$ – его длину, то есть число слов в нем.

В работе [Baker, 1988] введено понятие скорости (*pace*), с которой появляются новые слова в авторском тексте. Используя введенные только что обозначения и учитывая тот факт, что *pace* выражают в процентах, можно записать формулу для вычисления величины *pace*:

$$pace = \frac{len(V(D))}{len(D)} \cdot 100 \%$$

Компьютерные эксперименты показывают, что в естественном тексте скорость появления новых слов неравномерна. Например, эта скорость увеличивается при смене объекта, который описывается в тексте. Далее эта скорость постепенно уменьшается (см. рис. 4). При перемешивании слов текста скорость появления новых слов усред-

няется, поэтому естественные тексты можно обнаружить, если сравнивать описанные скорости. Проследить указанную закономерность для одного из текстов коллекции (рассматриваемый ниже в расчетах Текст1) можно на рисунке 4.

В данном разделе будет получена более детальная характеристика поведения функций $L(D,t)$, $V(D,t)$ и $f(D,t)$.

Пусть исходный текст D – естественный текст. Формируем псевдотексты D_1, D_2, \dots, D_m , перемешивая слова D случайным образом m раз, $m \geq 2$. При каждом целом t , $1 \leq t \leq \text{len}(D)$, обозначим через $\bar{u} = \overline{u(t)}$ среднее арифметическое величин $u_i = f(D_i, t)$, $i = 1, 2, \dots, m$, а через $s = s(t)$ их среднее квадратическое отклонение:

$$\bar{u} = \frac{u_1 + u_2 + \dots + u_m}{m}$$

$$s = \sqrt{\frac{1}{m}((u_1 - \bar{u})^2 + (u_2 - \bar{u})^2 + \dots + (u_m - \bar{u})^2)}.$$

Обозначим через $Gt2$ количество тех значений t , $1 \leq t \leq \text{len}(D)$, для которых выполнено двойное неравенство

$$\bar{u} - 2 \cdot s < f(D, t) < \bar{u} + 2 \cdot s,$$

а через $Lt2$ – количество тех значений t , $1 \leq t \leq \text{len}(D)$, для которых оно не выполнено. Если $s = 0$ при некотором t , то это t не относим ни к $Gt2$, ни к $Lt2$.

Приведем результаты компьютерных экспериментов (проведенных при $n = 3$ и

$m = 5$) для трех текстов коллекции и текста нейросети:

Текст	$Gt2$	$Lt2$	$Gt2/Lt2$
Текст1	19162	6057	3.1636
Текст2	76996	27391	2.8109
Текст3	95194	21717	4.3833
Текст1, псевдотекст	10377	14848	0.6988
Текст1, (первые 15000 слов)	927	2334	0.3971
«Дурной договор»	249	2125	0.1171

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что если D – естественный текст, то $Gt2$, как правило, превосходит $Lt2$, поэтому отношение $Gt2/Lt2$ существенно больше 1. Если рассматривать текст D в его исходном виде и $L(D)$ – список словоформ, то получаем следующие результаты (см. рис. 5):

1. У 11 из 60 текстов коллекции (18 %) $Gt2 / Lt2 < 1$ и у 22 из 60 текстов коллекции (37 %) $Gt2 / Lt2 < 2.5$.

2. Для 5 псевдотекстов из 60 выполнено $Gt2 / Lt2 > 1$, для одного $Gt2 / Lt2 > 2$. Для всех псевдотекстов выполнено $Gt2 / Lt2 < 2.5$.

3. Для двух из четырех естественных текстов, указанных в I разделе статьи, как близкие по свойствам к псевдотекстам, выполнено соотношение $1 < Gt2 / Lt2 < 2$, для остальных двух $Gt2 / Lt2 < 1$, и все четыре текста остаются в группе «подозрительных» текстов.

Если преобразовать текст D и рассматривать $L(D)$ как список лексем, то получаем следующие результаты (см. рис. 6):

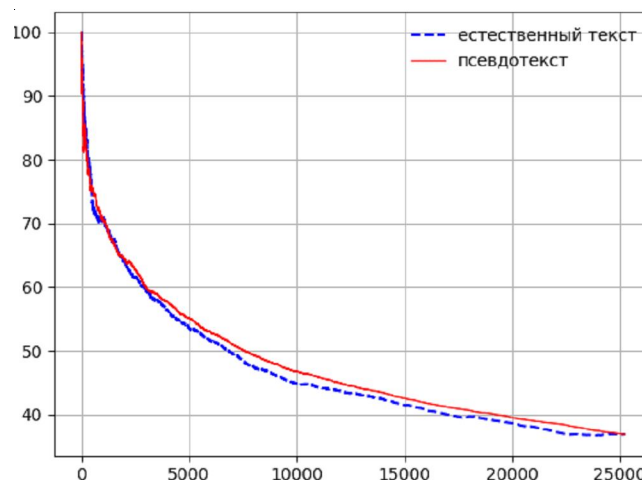

Рис. 4. Изменение скорости появления новых слов ($rate$) в естественном тексте и псевдотексте

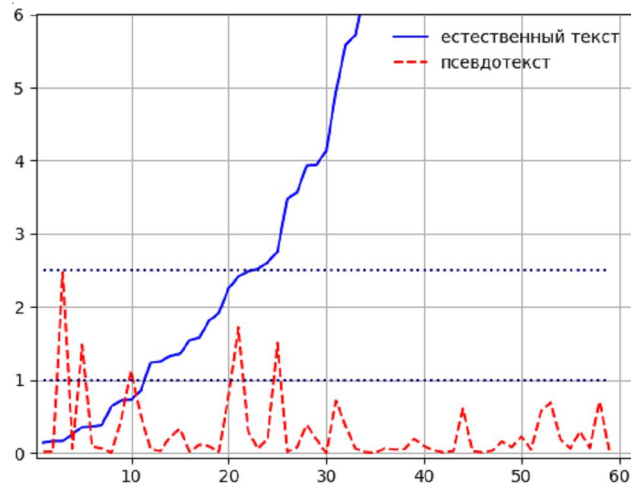

Рис. 5. Значения величины $Gt2/Lt2$ для 60 естественных текстов (часть графика в окрестности значений 2.5 и 1, значения упорядочены по возрастанию) и псевдотекстов в виде списка словоформ

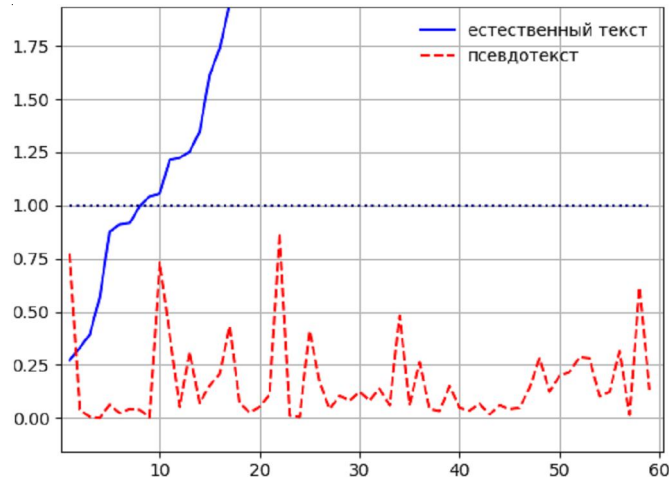

Рис. 6. Значения величины $Gt2 / Lt2$ для 60 естественных текстов (часть графика в окрестности значения 1, значения упорядочены по возрастанию) и псевдотекстов в виде списка лексем

4. Для 8 из 60 текстов коллекции (14 %) выполнено $Gt2 / Lt2 < 1$.

5. Для всех псевдотекстов выполнено $Gt2 / Lt2 < 1$.

6. Для двух из четырех естественных текстов, указанных в I разделе статьи как близкие по свойствам к псевдотекстам, выполнено соотношение $Gt2 / Lt2 > 2$, и эти тексты можно отнести к группе «хороших».

Опишем алгоритм (точность 86 %), основанный на вычислении величин $Gt2$ и $Lt2$, который позволяет разделять тексты на «хорошие» и «подозрительные».

Пусть задан некоторый текст D .

Алгоритм 2

1. Полагаем $n = 3$ и $m = 10$.

2. Приводим каждое слово текста D к лемме.

3. Вычисляем для текста D величины $Gt2$ и $Lt2$.

4. Если выполнено неравенство $Gt2 / Lt2 > 1$, то считаем, что D – «хороший» текст. В противном случае считаем, что это «подозрительный» текст.

В результате применения алгоритмов 1 и 2 из 60 исследуемых естественных текстов в группе «подозрительных» остались два текста (4 %).

Выводы

В работе предложены два алгоритма, которые позволяют разделять тексты на качественные и «случайные». Первый из них

основан на том, что для качественных текстов закон Зипфа выполняется как для отдельных слов, так и для n -грамм, а в случайных текстах закон Зипфа продолжает действовать для отдельных слов, но перестает действовать для n -грамм.

Второй алгоритм основан на подсчете скорости появления новых слов. В «хорошем» тексте эта скорость неравномерна. В случайных текстах она усредняется, поэтому оригинальные тексты можно обнаружить, если сравнивать описанные скорости.

Возможности применения обоих алгоритмов зависят от ряда параметров, поэтому в дальнейшем предполагается проведение более объемных компьютерных экспериментов для выбора оптимальных параметров.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации Волгоградской области, проект № 18-412-340007 «Лингвистические исследования проблем автоматизированной обработки корпусов текстов для региональных организационно-управленческих целей и разработка соответствующего программного комплекса».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Volgograd Region Administration, project no. 18-412-340007 “Linguistic Foundation for Information Retrieval from Corpus and Computer Software Development Relevant to Document-Government”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузикашвили Н. Е., Самойлов Д. В., Крылова Г. А., 2000. N-граммы в лингвистике // Методы и средства работы с документами : сб. ст. М. : Едиториал УРПС. С. 91–130.
- Выготский Л. С., 1999. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М. : Лабиринт. 352 с.
- Гальперин И. Р., 2006. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд. стер. М. : Ком-Книга. 144 с.
- Головин Б. Н., 1970. Язык и статистика. М. : Просвещение. 190 с.
- Григорьева Е. Г., Клячин В. А., Помельников Ю. В., Попов В. В., 2017. Алгоритм выделения ключевых слов на основе графовой модели лингвистического корпуса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 58–67. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.6>.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А., 2007. Смысл и сочетаемость в словаре. М. : Языки славянских культур. 672 с.
- Леонтьев А. А., 1979. Понятие текста в современной лингвистике и психолингвистике // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия / под ред. Ю. А. Жлуктенко, А. А. Леонтьева. Киев : Вища школа. С. 7–17.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С., 1991. Текст и его восприятие. Свердловск : Изд-во УГУ. 172 с.
- Новиков А. И., 1983. Семантика текста и ее формализация. М. : Наука. 215 с.
- Пиотровский Р. Г., 1975. Текст, машина, человек. Л. : Наука. 327 с.
- Bakalov A., McCallum A., Wallach H., Mimno D., 2012. Topic models for taxonomies // Proceedings of the 12th ACM/IEEE-CS joint conference on digital libraries (Washington, DC, USA, June 10–14, 2012). P. 237–240. DOI: <https://doi.org/10.1145/2232817.2232861>.
- Baker J. C., 1988. Pace: A Test of Authorship Based on the Rate at which New Words Enter an Author's Text // Literary and Linguistic Computing. Vol. 3, no. 1. P. 36–39.
- Cavnar W., Trenkle J., 2001. N-Gram-Based Text Categorization. URL: https://www.researchgate.net/publication/2375544_N-Gram-Based_Text_Categorization.
- McIntyre D., Walker B., 2019. Corpus Stylistics: Theory and Practice. Edinburgh University Press. 376 p.
- Wallach H. M., 2006. Topic modeling: beyond bag-of-words // Proceedings of the 23rd international conference on Machine learning (Pittsburgh, Pennsylvania, USA, June 25–29, 2006). P. 977–984. DOI: <https://doi.org/10.1145/1143844.1143967>.
- Yao L., Mimno D., McCallum A., 2009. Efficient methods for topic model inference on streaming document collections // Proceedings of the 15th ACM SIGKDD international conference on knowledge discovery and data mining (Paris, France, June 28 – July 01, 2009). P. 937–946. DOI: <https://doi.org/10.1145/1557019.1557121>.
- Zeng Q. T., Redd D., Rindfleisch T. C., Nebeker J. R., 2012. Synonym, topic model and predicate-based query expansion for retrieving clinical documents // AMIA. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3540443>.

ИСТОЧНИК

ТВ3.ру, 2018 – «Нейро-Гоголь» вошел в шорт-лист Red Apple // ТВ3.ру. URL: <https://tv3.ru/post/luchshaya-innovatsiya-v-reklame> (дата обращения: 25.01.2019).

REFERENCES

- Buzikashvili N.E., Samoylov D.V., Krylova G.A., 2000. N-grammy v lingvistike [N-Grams in Linguistics]. *Metody i sredstva raboty s dokumentami* [Methods and Means of Working with Documents]. Moscow, Editorial URSS Publ., pp. 91-130.
- Vygotskiy L.S., 1999. *Myshlenie i rech* [Thinking and Speech]. Moscow, Labirint Publ. 352 p.
- Galperin I.R., 2006. Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ. 144 p.
- Golovin B.N., 1970. Yazyk i statistika [Language and Statistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 190 p.
- Grigoryeva E.G., Klyachin V.A., Pomelnikov Yu.V., Popov V.V., 2017. Algoritm vydeleniya klyuchevykh slov na osnove grafovoy modeli lingvisticheskogo korpusa [Algorithm of Key Words Search Based on Graph Model of Linguistic Corpus]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 58-67. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.6>.
- Iordanskaya L.N., Melchuk I.A., 2007. *Smysl i sochetaemost v slovare* [Meaning and Compatibility in the Dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 672 p.
- Leontev A.A., 1979. Ponyatie teksta v sovremennoy lingvistike i psikholingvistike [The Concept of Text in Modern Linguistics and Psycholinguistics]. *Psikholingvisticheskaya i lingvisticheskaya priroda teksta i osobennosti ego vospriyatiya* [Psycholinguistic and Linguistic Nature of Text and Features of Its Perception]. Kiev, Vishcha shkola Publ., pp. 7-17.
- Murzin L.N., Shtern A.S., 1991. *Tekst i ego vospriyatie* [The Text and Its Perception]. Sverdlovsk, Izdvo UGU. 172 p.
- Novikov A.I., 1983. *Semantika teksta i ee formalizatsiya* [Text Semantics and Its Formalization]. Moscow, Nauka Publ. 215 p.
- Piotrovskiy R.G., 1975. *Tekst, mashina, chelovek* [Text, Machine, Person]. Leningrad, Nauka Publ. 327 p.
- Bakalov A, McCallum A, Wallach H, Mimno D., 2012. Topic Models for Taxonomies. *Proceedings of the 12th ACM/IEEE-CS Joint Conference on Digital Libraries*, pp. 237-240.
- Baker J.C., 1988. Pace: A Test of Authorship Based on the Rate at Which New Words Enter an Author's Text. *Literary and Linguistic Computing*, vol 3, no. 1, pp. 36-39.
- Cavnar W., Trenkle J., 2001. *N-Gram-Based Text Categorization*. URL: https://www.researchgate.net/publication/2375544_N-Gram-Based_Text_Categorization.
- McIntyre D., Walker B. 2019. *Corpus Stylistics: Theory and Practice*. Edinburgh University Press. 376 p.
- Wallach H.M. 2006. Topic Modeling: Beyond Bag-of-Words. *Proceedings of the 23rd International Conference on Machine Learning (Pittsburgh, Pennsylvania, USA, June 25–29, 2006)*, pp. 977-984.
- Yao L., Mimno D., Mccallum A., 2009. Efficient Methods for Topic Model Inference on Streaming Document Collections. *Proceedings of the 15th ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (Paris, France, June 28 – July 1, 2009)*, pp. 937-946. DOI: <https://doi.org/10.1145/1557019.1557121>.
- Zeng Q.T., Redd D., Rindfleisch T.C., Nebeker J.R., 2012. Synonym, Topic Model and Predicate-Based Query Expansion for Retrieving Clinical Documents. *AMIA*. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3540443>.

SOURCE

«Neuro-Gogol» voshel v short-list Red Apple [“Neuro-Gogol” Was Included in Red Apple Shortlist], 2018. *TV3.ru*. URL: <https://tv3.ru/post/luchshaya-innovatsiya-v-reklame> (accessed 25 January 2019).

Information about the Authors

Vladimir V. Popov, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Computer Science and Experimental Mathematics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, popov.vlaval@volsu.ru, kiem@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0419-2874>

Tatyana V. Shtelmakh, Senior Lecturer, Department of Computer Science and Experimental Mathematics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, shtelmakh_tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5320-7406>

Информация об авторах

Владимир Валентинович Попов, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры компьютерных наук и экспериментальной математики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, popov_v_v@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0419-2874>

Татьяна Владимировна Штельмах, старший преподаватель кафедры компьютерных наук и экспериментальной математики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, shtelmakh_tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5320-7406>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.14>

UDC 811.161.1:659.181
LBC 81.411.2-55

Submitted: 31.01.2019
Accepted: 23.05.2019

THE SYSTEM OF RHETORICAL ARGUMENTATION IN DISCOURSE OF SOCIAL ADVERTISING¹

Tatyana V. Anisimova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Natalia K. Prigarina

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Svetlana A. Chubay

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is written in support of necessity in studying composition and purpose of the argument for each type of discourse separately. A classification of argument types is proposed for verifying specifics of argumentation within the social advertising discourse, in particular, arguments are divided into rational and emotional, and within each group they split into internal and external. An internal argument is an inseparable element of the thesis, it indicates the internal logic of thought development. An external argument is independent but related to judgment. It is easily extracted from the text with its content. Among the internal rational arguments, the frequency in social advertising demonstrates arguments to reason, interpretation, circumstances and condition. Among the external rational arguments there are facts, information, links to laws and statistics. The most frequent type of the internal emotional arguments is the argument for fear. In addition, there exist arguments to shame, self-preservation, fashion, self-esteem (among threat arguments) and arguments to advantage, benefit, promise, approval, patriotism (among promise arguments). Finally, among the external emotional arguments there are examples, illustrations, patterns, characteristics and an argument for authority.

The article presents the argumentative specificity in certain thematic groups of social advertising. Advertising on “Man and Law” covers references to laws, statistics, information imparting, and cause as the most popular rational arguments. The “Health” group demonstrates rational arguments which formally prevail, nevertheless arguments to fear, self-preservation, compassion, and opposition are most frequent among the emotional ones. In advertising on “Culture” dominates emotional arguments with a positive coloring (to benefit, to success, to approval, to curiosity). The “Family” group is marked by objective emotional arguments for sympathy and promise. In the “Ecology” group emotional arguments that appeal to the addressee lead, causing fear of extinction of all living beings, while the objective ones call to assist animals.

Key words: social advertising, thematic groups of social advertising, rhetorical argumentation, type of argument, function of social advertising, impact function, impact mechanism.

Citation. Anisimova T.V., Prigarina N.K., Chubay S.A. The System of Rhetorical Argumentation in Discourse of Social Advertising. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 159-173. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.14>

УДК 811.161.1:659.181
ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 31.01.2019
Дата принятия статьи: 23.05.2019

СИСТЕМА РИТОРИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ¹

Татьяна Валентиновна Анисимова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Наталья Константиновна Пригарина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Светлана Анатольевна Чубай

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости исследования состава и назначения аргументации отдельно для каждого вида дискурса. Предлагается классификация видов аргументов для изучения специфики аргументации дискурса социальной рекламы: они подразделяются на рациональные и эмоциональные, а внутри каждой группы – на внутренние или внешние. Внутренние аргументы являются элементами тезиса, указывают на логику развития мысли. Внешние аргументы – это самостоятельные, однако связанные с тезисом суждения. Они легко вычлняются из текста и имеют законченный характер. Установлено, что среди внутренних рациональных аргументов востребованными в социальной рекламе оказались аргументы к причине, к истолкованию, к обстоятельствам и к условию. Среди внешних рациональных аргументов – факты, информирование, ссылки на законы, статистика. Внутренние эмоциональные аргументы представлены аргументами к стыду, к самосохранению, к моде, к чувству собственного достоинства (среди доводов от угрозы), а также аргументами к выгоде, к пользе, к обещанию, к одобрению, к патриотизму (среди доводов от обещания). Среди внешних эмоциональных аргументов востребованы примеры, иллюстрации, образцы, характеристики и аргументы к авторитету.

В статье охарактеризованы особенности аргументации в отдельных тематических группах социальной рекламы. В группе «Человек и закон» наиболее востребованы ссылки на законы, статистика, информирование, аргумент к причине. В группе «Здоровье» формально преобладают рациональные аргументы, однако они часто являются дополнением аргумента к страху. В группе «Культура» большая часть аргументов – эмоциональные доводы с положительной окраской (к пользе, к успешности, к одобрению, к любознательности). В группе «Семья» наиболее частотны объектные эмоциональные аргументы к сочувствию и аргументы к обещанию. В группе «Экология» преобладают эмоциональные аргументы: субъектные, которые должны вызывать у адресата страх перед гибелью всего живого, и объектные, которые призывают оказывать помощь животным.

Ключевые слова: социальная реклама, тематические группы социальной рекламы, риторическая аргументация, виды аргументов, функции социальной рекламы, функция воздействия, механизм воздействия.

Цитирование. Анисимова Т. В., Пригарина Н. К., Чубай С. А. Система риторической аргументации в дискурсе социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 159–173. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.14>

Введение

Социальная реклама (далее – СР) играет все более важную роль в жизни россиян, поскольку направлена на формирование общественного мнения. Она является одним из инструментов государственного управления, предназначенным для достижения социального согласия и снятия социальной напряженности. Вместе с тем многие ученые отмечают весьма низкую эффективность современной СР. Так, А.В. Ковалева, проводившая социологические опросы респондентов, отмечает, что «реклама, призванная изменить отношение целевой аудитории к проблеме, напротив, провоцирует у респондентов еще большее раздражение и недоверие. Естественно, что говорить об изменении намерений и мнений, об эффективности социальной рекламы в данном

случае крайне сложно. Это обстоятельство можно объяснить неграмотностью подхода к изготовлению рекламы, которая должна базироваться на ценностных ориентациях и стереотипах целевой группы» [Ковалева, 2006, с. 75–76]. Таким образом, слабая изученность приемов воздействия, характерных именно для СР и отличающихся от тех, что имеются в других сферах коммуникации (в частности, в политике, в деловом общении, в юридической практике и т. п.), нередко становится одной из причин ее неспособности существенно изменить ситуацию.

Указанная проблема имеет комплексный характер и требует внимания специалистов, представляющих разные научные направления. В настоящей статье поставлена цель описания аргументации СР: выявление состава специфичных для нее аргументов и установ-

ление особенностей использования аргументации в отдельных тематических рубриках СР.

Для решения этих задач было собрано около 12 000 плакатов методом сплошной выборки из различных медиабанков российского сегмента сети Интернет, посвященных социальной рекламе (на официальных Интернет-ресурсах общественных организаций и фондов, бизнес-субъектов, государственных органов, российских фестивалей и конкурсов СР, рекламных порталов и т. п.). Плакаты были проанализированы на предмет наличия в них аргументов, способных повлиять на мнение адресата по поводу общественно значимых для России проблем.

Как показано во многих исследованиях (см., например: [Абдикеримова, 2014; Брюшинкин, 2009; Викторук, 2003; Желтухина, 2003; Пригарина, 2013]), аргументация, используемая за пределами точных наук, обязательно состоит из аргументов двух областей: рациональных, реализующих описательную функцию языка, и эмоциональных, реализующих его оценочную функцию. Далее рассмотрим их применительно к текстам СР.

Общая характеристика риторической аргументации

Основания предлагаемой классификации *рациональных аргументов* СР базируются на предложенном еще Аристотелем делении всех способов убеждения на «технические» и «нетехнические». «Нетехническими» (atechnoi) я называю те способы убеждения, которые не нами изобретены, но существовали раньше [помимо нас]; сюда относятся: свидетели, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т. п.; «техническими» же (entechnoi) [я называю] те, которые могут быть созданы нами с помощью метода и наших собственных средств, так что первыми из доказательств нужно только пользоваться, вторые же нужно [предварительно] найти» [Аристотель, 1978а, с. 19]. В дальнейшем к нетехническим (естественным) доказательствам стали относить документы, данные экспертизы и научного анализа и т. п. и назвали это «эвиденцией»; а к техническим (искусственным) – аргументы речи.

Сам принцип, который выбрал Аристотель для классификации аргументов, наводит

на мысль о том, что существуют две независимые группы аргументов – внутренние и внешние.

Внутренние аргументы являются сочетанием элементов самого тезиса. Они органически включаются в рассуждение как неотделимый его элемент, указывают на внутреннюю логику развития мысли. Это ходы мысли, на которых строится обоснование тезиса. К ним в первую очередь относятся типичные способы рассуждения, известные в рационалистической риторике как топы. Списки таких аргументов весьма обширны и неоднородны, однако в самом общем виде эта система выглядит так. Сначала определяется, кто субъект действия (имя), из каких частей оно состоит, как можно охарактеризовать это действие, каковы его свойства и т. д., что дает возможность на синхронном уровне достаточно полно описать суть проблемы. Далее устанавливается связь рассматриваемого явления с другими, указываются причины возникновения описываемой ситуации и следствия, к которым она может привести. Эта система отражает работу мысли и бывает полезна при обучении риторике. При этом для нужд практического анализа аргументации она подходит далеко не всегда. Само по себе указание на место и время, причину и следствие, а тем более имя и т. п. не обязательно выполняет функцию аргумента. Нередко такой топ является только элементом информации или выполняет инвентивную или даже иллюстративную функцию. Вместе с тем в некоторых случаях топы могут быть использованы именно как аргументы – с целью воздействия на адресата. Причем в разных сферах коммуникации в роли аргументов активно используются разные топы.

Внешние аргументы – это вполне самостоятельные, однако связанные с тезисом суждения аргументы. Они легко вычлняются из текста и имеют законченный характер. К ним относятся факты, научные теории, статистика и т. п., используемые для подтверждения тезиса адресанта.

Эмоциональная аргументация описана гораздо хуже, чем рациональная (см. об этом: [Анисимова, 2008]). Здесь можно видеть самые разные точки зрения, начиная от объявления всех эмоциональных аргументов

недопустимыми логическими ошибками и заканчивая включением некоторых из них в состав топов. Как правило, подобные различия связаны с тем, какой именно материал анализировался для определения состава аргументов, поскольку их виды и назначение существенно различаются по сферам коммуникации. Для сферы СР считаем возможным предложить классификацию эмоциональных аргументов, в которой, как и в классификации рациональных аргументов, выделены две группы.

Роль *внутренних аргументов* выполняют психологические доводы, опирающиеся на чувства и потребности адресата. Они лежат в основе собственно риторической аргументации, имеют главной целью возбуждение определенной эмоции у слушателей. Классификация психологических аргументов осуществляется по двум основаниям:

- по характеру субъекта, который должен испытывать те или иные чувства, могут быть выделены аргументы к чувствам самого адресата (субъектный аргумент) и аргументы, описывающие чувства других людей (объектный аргумент) и призывающие адресата проникнуться сочувствием к страданиям и переживаниям третьих лиц;

- по характеру чувства выделяются доводы от угрозы (акцентируют те негативные последствия, которые возникнут, если адресат не сделает требуемое) и доводы от обещания (описывают те ценности, которые приобретет адресат, если последует рекомендациям).

Роль *внешних аргументов* в СР выполняют различные виды иллюстраций, обращения к авторитетам и т. п.

Соотношение рациональных и эмоциональных элементов аргументации весьма существенно отличается в разных сферах общения. Так, в сфере науки приоритет имеет доказательство, поэтому в научном дискурсе используются в основном рациональные аргументы. В сфере управления коммуникация ориентируется в основном на убеждение, поэтому в управленческом дискурсе рациональные и эмоциональные элементы находятся в равновесии. Политическая сфера ориентируется на внушение, поэтому в политическом дискурсе актуальны преимущественно эмоци-

ональные элементы. Дискурс СР занимает промежуточное положение между вторым и третьим типами: в отличие от политической и товарной рекламы, рациональная аргументация здесь не превращается в псевдорациональную, содержит объективную информацию, которая, однако, не имеет самостоятельного характера, отбирается (как выявлено в: [Чубай, 2017]), чтобы оказать эмоциональное и психологическое воздействие на адресата.

Состав рациональной аргументации в социальной рекламе

Среди *внутренних рациональных аргументов* встретились следующие.

Аргумент к причине, с помощью которого устанавливаются каузальные связи между событиями и явлениями. Иногда причинно-следственные связи прямо формулируются в тексте СР: *Жгли траву – спалили дом. Бесконтрольный пал сухой травы – частая причина лесных пожаров; Чиновник взятку взял – чин потерял!* Однако гораздо чаще такие связи, хотя и явно просматриваются в тексте, но прямо не формулируются: *Решил взять взятку? Вспомни об ответственности* (взятка является причиной уголовного наказания); *Оставлять окна открытыми – опасно. У вашего ангела нет крыльев* (открытое окно является причиной гибели детей).

Аргумент к истолкованию. О роли определений в риторическом тексте писал еще Аристотель в своей «Топике»: «Определение есть речь, обозначающая суть бытия [вещи]. Оно заменяет имя речью или речь речью, ибо можно дать определение тому, что выражено речью. Но кто каким-то образом объясняет нечто одним только именем, тот, ясно, вовсе не дает определения предмета, так как каждое определение есть какая-нибудь речь; однако и такого рода [имя] должно считаться определительным, как, например, когда говорят, что прекрасное есть подобающее» [Аристотель, 1978б, с. 352].

В дискурсе СР определения в логическом понимании используются крайне редко: *По определению Всемирной Организации Здравоохранения, здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не просто*

отсутствие болезней; Экология слова есть сохранение родного языка, его словесного богатства, чистоты. Обычно это фигура выбора, так как ее назначение состоит не в том, чтобы передать смысл слова, а в том, чтобы выделить некоторые аспекты, которые для адресата могут остаться незамеченными: *Поджог травы – это не шалость, это – преступление!*; *Толерантность – это гармония в разнообразии.*

Аргумент к обстоятельствам включает данные, которые характеризуют ситуацию. Хотя в других сферах коммуникации подобные аргументы весьма востребованы, в СР они не используются в связи с особенностями построения ее текстов. В качестве примера приведем текст плаката, призывающего не поджигать сухую траву: *Пал травы опасен! Остановить разбушевавшийся огонь непросто: сгорают дома и даже целые дачные поселки. Минусов больше, чем плюсов: травяной пожар губит плодородную землю, уничтожая в почве полезные органические вещества; дым от горящей травы угрожает здоровью, провоцируя развитие тяжелых болезней.* К обстоятельственным аргументам могут быть отнесены и указания на место и время совершения действия, которые реализуются в форме указания на своевременность этого действия: **Пора задуматься...** *Как ваш ребенок проводит досуг...;* **Времени мало,** *когда дело касается рака. Сдай кровь – подари жизнь.*

Аргумент к условиям необходим для установления того, при каких условиях может быть достигнут тот результат, к которому должен стремиться адресат СР: *Если его встретят из школы, он не встретится с бедой. 36 % преступлений против детей совершаются в дневное время.* В ряде случаев, наоборот, сообщаются условия возникновения нежелательного результата, которого следует избежать: *Черный аист. Больше не прилетит? Если продолжится браконьерство, вырубка лесов, осушение болот.*

Единичными примерами представлены другие виды внутренних рациональных аргументов:

– средство / способ: *Лучший способ сделать детей хорошими – это сделать их счастливыми; Маша вся в мать* (Маша кри-

чит на куклу). *Воспитывайте детей так, чтобы быть спокойными за внуков;*

– результат: *Избитый ребенок сегодня – кошмар для общества завтра; Насилие сжигает психику ребенка дотла. Задумайся о его будущем;*

– препятствующие обстоятельства: *Твоя дочь могла бы стать художником! Но аборт не дал ей родиться; Большинство людей никогда не умрут, потому что они никогда не родятся и др.*

Из **внешних рациональных аргументов** в СР обнаружены следующие виды.

Факты – это предложения, фиксирующие эмпирическое знание. Если факт правильно сформулирован, из него с неизбежностью вытекает аргументируемый тезис. Таким образом, в тексте СР сначала полностью предъясняется тезис, а затем приводится некоторое объективно существующее явление, подтверждающее правильность тезиса: (изображен зубр в лесу) *Спаси... Я хочу жить! Из-за браконьерской активности людей в Брянской области поголовье зубров сократилось до 50 особей.* Здесь тезис о недопустимости уничтожения зубров подтверждается фактом почти полного их уничтожения в природе. *В нашем магазине нет нелегальной продукции. Мы заботимся о качестве товаров для наших покупателей!* В этом примере тезис (магазин заботится о покупателях) подтвержден фактом отсутствия нелегальной продукции.

Нередко в лингвистических трудах понятие «сообщить факты» приравнивается к понятию «проинформировать адресата». Вместе с тем с точки зрения теории аргументации между этими понятиями имеются как минимум два существенных различия. Факт может быть либо истинным, либо ложным. Он статичен, не привязан к определенному моменту. Информация же ориентирована на поток происходящего в реальном пространстве и времени и не связана с понятием истинности [Арутюнова, 1988, с. 168]. В связи с этим выделяем информирование как отдельный вид аргумента.

Информирование (передача целенаправленно отобранной информации). С помощью информации адресант может описывать существующее положение дел: *Каждый*

второй лесной пожар возникает из-за поджога сухой травы или сельхозпала. 8 из 10 лесных пожаров возникает по вине человека. В случае обнаружения травяного, торфяного или лесного пожара звоните на прямую линию лесной охраны 8-800-100-94-00; может иметь цель заинтересовать адресата (раньше такая информация помещалась в журналах в рубрике «Знаете ли вы...»): *Если бы ты читал книгу, то знал бы, что у Рика Декарта на крыше жила электронная овца. Эту овцу он купил после смерти Гроучо, его живой овцы, которая погибла от столбняка. А ты всего лишь посмотрел «Бегающий по лезвию»*; иногда же информация используется для того, чтобы сообщить адресату специальные научные сведения, которыми тот не владеет, но они нужны ему для правильного понимания сложного вопроса: *Вакцинация – самый эффективный способ защиты от гриппа и его тяжелых последствий. Это важно! Вакцины для профилактики гриппа безопасны, эффективны, не содержат живых вирусов, антигенный состав ежегодно обновляется. Наконец в некоторых случаях информация используется для нейтрализации ошибочных суждений: «Многие мои друзья считают, что сдавать анализы в медицинском центре небезопасно – там можно заразиться ВИЧ...» Хватит мифов! Стерилизованный или одноразовый медицинский инструмент совершенно безопасен. ВИЧ передается при незащищенном сексе, использовании нестерильного инструментария и инъекционном употреблении наркотиков.*

Ссылки на законы, правила, постановления и другие официально принятые документы. Хотя в целом апелляция к авторитетам не относится в логике к рациональным аргументам, в юридической сфере ссылка на закон считается самым строгим рациональным аргументом (см. об этом: [Пригарина, 2008, с. 88]). Именно поэтому особенно большое количество аргументов этого вида обнаружено в рубрике «Человек и закон» (о принципах выделения рубрик и тематических групп в СР см.: [Анисимова, Чубай, 2019, с. 21–66]). В некоторых случаях статья закона просто упоминается, что само по себе подтверждает правомерность требований адресанта: *Видишь*

подросток покупает пиво, скажи – НЕТ! Это не просьба, это закон. Статья 14.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях. П. 4 ст. 2 Закона № 11 ФЗ от 07.01.2005 «Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготовленных на его основе». В других случаях в тексте СР цитируются статьи закона и указываются формы ответственности при их нарушении: В соответствии с Законом № 15-ФЗ с 15.11.2013 полностью запрещена реклама табака, табачной продукции, табачных изделий и курительных принадлежностей. Штраф за нарушение данного запрета для организаций составит от 150 до 600 тыс. руб. К ответственности могут быть привлечены рекламодатели, рекламопроизводители и рекламораспространители. Вместе с тем этот вид аргумента встречается и в других рубриках, таких как «Здоровье»: Самый эффективный метод предупреждения инфекционных заболеваний – вакцинация. «Каждый ребенок имеет право быть защищенным от всего, от чего он может быть защищен!» (Конвенция ООН о правах ребенка, 1989 год); «Семья»: За одного битого... до трех лет дают (УК РФ. Глава 20. Преступления против семьи и несовершеннолетних. Ст. 156. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) и др.

Статистика – количественные показатели, подтверждающие правильность выдвинутого тезиса. И хотя статистика – это только «особо организованные факты», в риторической аргументации она рассматривается отдельно.

Краткость текста и комбинированный характер аргументации СР не дает возможности строго отграничивать аргумент «статистика» от аргументов других видов. Поэтому полагаем, что говорить о нем как о самостоятельном виде возможно только в тех случаях, когда не просто приводятся некоторые числовые показатели, а обозначаются те организации, которые несут ответственность за достоверность представленных сведений. Они могут упоминаться либо в самом тексте послания: **По данным Всемирной Организации Здравоохранения** потребление алкоголя

более 8 литров в год на душу населения ведет к необратимому угасанию нации. В России потребление алкоголя на душу населения – 15–18 литров в год, либо в подписи под плакатом: *Помни! Железная дорога – зона повышенной опасности! Соблюдайте правила поведения на объектах ж/д транспорта. Ежегодно на железной дороге получают травмы около 255 детей и подростков, из них 114 со смертельным исходом! (РЖД).*

Состав эмоциональной аргументации в социальной рекламе

Внутренние эмоциональные аргументы представлены в дискурсе СР следующими видами.

Субъектный аргумент предполагает непосредственное обращение к целевой группе и демонстрацию того, что лично адресат приобретет (потеряет), если сделает (не сделает) то, о чем идет речь. «В аспекте языка добро и зло представляют собой парные понятия, которые нельзя мыслить по отдельности. Такое положение получило название *принципа корреляции*» [Герасимова, 2006, с. 98].

Среди субъектных аргументов особенно популярными являются аргументы к угрозе, поскольку главная задача СР состоит в том, чтобы выявлять и осуждать неправильные модели поведения людей в обществе. Большая часть примеров в этой группе может быть охарактеризована как **аргумент к страху**, поскольку основная их задача состоит в указании на те опасности, которые грозят адресату. Далее этот аргумент может быть конкретизирован в зависимости от того, что именно должно вызывать страх.

Страх потери жизни: *Небрежное обращение с огнем приводит к пожарам. Остановись! Не испытывай судьбу! Даже длинная линия жизни может прерваться в любой момент; Алкоголь убивает.*

Страх потери здоровья: *Курение вызывает рак легких; Боишься инфекции? Верность – лучшая профилактика СПИДа и венерических заболеваний.*

Страх получения увечий. Этот аргумент особенно частотен в тематической группе «Охрана труда», где большая часть плака-

тов строится именно на его использовании: *Работай в каске! Выживает тот, кто не пренебрегает защитой; Когда-нибудь ты пожалеешь, что не надел защитную обувь!; Береги руки, работай в рукавицах.* В большом количестве примеров, однако, этот аргумент предъясняется не с помощью слов, а посредством изображения: требования техники безопасности формулируются словами (*Используй средства индивидуальной защиты; Проверь страховочный пояс; Не стой под грузом*), а наказание, которое ждет нарушителя, – в наглядной форме (перебинтованный рабочий лежит на больничной койке; рабочий хромает на костылях; рабочий раздавлен плитой).

Страх потери семьи, близких: *Алкоголь разрушает семью; Нельзя, малыши, с огнем играть – опасны игры эти. Ведь могут люди пострадать: и взрослые, и дети.*

Страх потери молодости и красоты: *Наркотики убивают красоту; Красота – хрупкая сила! Бросай курить, пока она не стала страшной! Многие отдадут любые средства, чтобы пусть даже совсем не надолго продлить свою молодость. Хотя достаточно не ускорять время сигаретами.*

Страх потери свободы: *Неуплата налогов – скорая дорога в казенный дом; Взятка лишает тебя свободы.*

Страх перед глобальной катастрофой: *Остановитесь! Не убивайте Землю! Подарите планете жизнь; Человек, остановись! Твоя алчность погубит Землю!*

Как отдельные виды психологических аргументов рассматриваем те, которые апеллируют преимущественно к другим чувствам (хотя и элементы страха могут присутствовать).

Аргумент к стыду. Субъект не просто поступил неправильно, но совершил нечто аморальное (пошел против своей совести): *Никто не увидит, что ты продал пиво ребенку! Кроме твоей совести; Энерговор! Какой позор!*

В качестве отдельной разновидности аргумента к угрозе выделяем **аргумент к самосохранению**. Здесь не предполагается, что субъект сам нарушает какие-то нормы. Речь идет о проявлении гражданской ответственности ради сохранения общественного

благополучия. При этом акцент может быть сделан как на благополучии местного масштаба (ограниченного территориально или социально): *Свободный доступ на чердаки и подвалы – возможная угроза терроризма. Контролируйте доступ к подвальным и чердачным помещениям. При обнаружении свободного доступа звоните 112*, так и на благополучии всего государства: *Курение губит наши города. Размер среднего города в России 230 000 человек. Курение в России ежегодно убивает 300 000 человек.*

Аргумент к моде. Поскольку многие люди считают престижным строгое следование моде, указание на то, что адресат не в тренде, может восприниматься им как угроза его престижу и оказаться весьма действенным: *Сегодня в моде здоровый образ жизни!; Хочешь быть модным – читай!* Этот аргумент часто используется в дополнение к тем или иным рациональным аргументам: *Продолжаешь курить? 400 000 человек в России умирает ежегодно! Откажись от табака – это уже не модно!*

Аргумент к чувству собственного достоинства. Этот аргумент можно охарактеризовать как противоположный предыдущему. Если следование моде (положительная модель поведения) свидетельствует о принадлежности человека к престижной социальной группе, то следование осуждаемой модели поведения переводит адресата в не-престижную группу: *Наркотики – выбор неудачников; Читать скучно? О'кей, оставься быдлом.*

Доводы от обещания строятся на предположении, что субъект получит что-то желательное для него, если выполнит требуемое. Эти аргументы встречаются гораздо реже, и они беднее по содержанию. Чаще всего в этом качестве выступают обещания разнообразных преимуществ, состав которых зависит от особенностей тематической группы. Например, в антиалкогольной СР: *Трезвость – уверенность в своих силах; Трезвость – это новые возможности!; Трезвость – свобода* и т. п.

Более или менее регулярно встречаются следующие виды аргументов.

Аргумент к выгоде. Гораздо менее популярен, чем в товарной рекламе. Кроме того,

в СР, как правило, речь идет не столько о сохранении денег, сколько о получении общих преимуществ: *Нечестные деньги – суровый приговор. Жить честно – выгодно; Несоблюдение твоих прав – воровство из твоего кармана! Профсоюз – твоя защита!*

Аргумент к пользе: *Творог – ваш полезный завтрак каждый день!; Езда на велосипеде избавляет от головных болей и придает бодрость.* Как видно из примеров, аргумент к пользе чаще всего связан со здоровьем человека. В связи с этим в группе «Вредные привычки» сконцентрированы аргументы, подчеркивающие вред курения или пьянства для здоровья человека (*Брось курить! Подумай о своем здоровье. Курение и избыточный вес в 5 раз увеличивают риск смерти от сердечно-сосудистых заболеваний; Алкоголь сушит мозг*), а в группе «ЗОЖ» – пользу для него физкультуры (*Спорт для всех. Наш главный рекорд – здоровье; Чемпионами станут лучшие – здоровыми будут все!*).

Аргумент к обещанию состоит в том, что адресату в качестве награды за выполнение требуемого действия предлагаются некоторые ценности: *Музей спасет от скуки, безвкусицы, обыденности, виртуальности...; Книга учит, книга помогает, книга защищает.*

Аргумент к одобрению. В примерах этой группы дается общая положительная оценка адресата, выполнившего требование СР: *Вы герой, вы победитель, вам помог огнетушитель!; Стать донором крови может только человек с большой буквы, человек, который готов встать пораньше, потратить свое время, чтобы спасти чью-то жизнь.*

Аргумент к патриотизму. В данном случае предполагается, что адресат должен сделать нечто для того, чтобы процветала страна: *Введи ответные санкции. 97 % табачного производства в России принадлежит иностранным компаниям. Россия – один из основных рынков сбыта. Не кури! Перестань отдавать деньги. Если все здравомыслящие россияне откажутся от курения, мы не только оздоровим наше общество, но и нанесем серьезный финансовый удар по тем, кто разрушает нашу стра-*

ну; *Возрождение массового спорта – залог успешного развития страны и улучшения качества жизни.* Особенно часто этот аргумент используется в антиалкогольной СР, где актуализируются самые разные аспекты патриотизма: *Трезвость – патриотизм современности; Трезвая семья – могучая держава!; Русь сильна богатырями, а не водкой с дураками.*

Кроме того, выделяются аргументы, характерные не для всей СР в целом, а для одной группы. Например, в группе «Чтение книг» популярны аргументы к интересу (*Читать книги так же увлекательно, как и общаться по телефону; Чтение открывает новые горизонты*), к образованности (*Чтение детерминирует вербальную аддитивность (увеличивает словарный запас); Хочешь эрудитом стать – должен много ты читать!*), а также аргументы к увеличению привлекательности в глазах противоположного пола (*Галантные мальчики предпочитают читающих девочек!; Чтобы девичьи сердца восхищать, надо Есенина, парень, читать*).

Объектные аргументы имеют двухступенчатое построение: первый шаг состоит в том, чтобы вызвать эмпатию к объекту, заставить сопереживать ему (см. об этом: [Борисова, 2017]), а второй шаг – в том, чтобы убедить в необходимости сделать нечто для его блага.

По характеру транслируемых эмоций объектные аргументы подразделяются на аргументы к сопереживанию (когда адресата призывают сделать что-то, поскольку объект нуждается в помощи) и аргументы к обещанию (когда адресата призывают сделать что-то ради счастья и благополучия объекта).

Из объектных аргументов к сопереживанию в СР встречаются следующие.

Аргумент к состраданию. Здесь предполагается, что жизни и здоровью объекта угрожает прямая опасность. Адресат должен защитить его (*Спаси Арктику!* (изображен умиравший белый медведь); *Вдохни в меня жизнь, стань донором!*) или не покушаться на него (*Мама, не кури! Родители, от дыма сигарет страдают ваши дети; Бросил камень в поезд – попал в человека!*). К этой же группе относим и плакаты, посвященные

глобальным угрозам жизни на земле: *Мир хрупкий! Сохраним его для детей!; Мы должны сохранить дом, в котором будут жить наши дети!* (изображен мальчик с земным шаром в руках).

Аргумент к сочувствию. В этом случае предполагается, что здоровью и жизни объекта ничего не угрожает, однако для его благополучия необходимо, чтобы адресат сделал нечто хорошее: *Продавая пиво несовершеннолетним, вы открываете перед чужими детьми новые перспективы* (изображена банка пива с колючей проволокой, имитирующей тюремную решетку); *Каждый день 110 человек заражается СПИДом. Не отворачивайся от них, будь человеком. У каждого свои особенности.*

Аргумент к участию. В отличие от первых двух ситуаций, где проблемы объекта были очевидны (он болен, ему угрожает опасность), в данном случае жизнь объекта вполне стабильна. Поэтому требуется яркими красками изобразить его страдания, чтобы адресат захотел оказать требуемую помощь: *Чем будут дышать твои дети? Защити детей! Останови вырубку парка!; От вас зависит! В каком дворе будут играть ваши дети!* В связи с этим аргумент к участию – это самый эмоциональный вид аргументов к сопереживанию. Чаще всего он встречается в тематической группе «Детский дом»: *Мы пришли в этот мир, чтобы помогать. Не оставайтесь равнодушными!!! Поможем детям вместе!; Ребенку плохо одному – подари семью ему!*

Все сопереживания, которые пытается сформировать адресант, должны иметь четкие основания, то есть должно быть понятно, почему именно адресат должен сопереживать объекту. В некоторых случаях дополнительная аргументация не требуется, поскольку речь идет о собственных детях адресата: *Мама, не убивай меня* (изображена беременная женщина, которая пьет и курит); *Скутер детский. Цена: жизнь. Родители! Если вы любите своего ребенка, откажитесь от покупки скутера.* В других случаях в дополнительных аргументах нет необходимости, поскольку они очевидны для всех (например, если адресата призывают стать донором). Если этого нет, обязательно приводятся до-

полнительные основания для получения согласия адресата: *Внимание! Уважаемые горожане, соблюдайте тишину с вечера и до утра. Помните, рядом живут люди, которым требуется отдых. За нарушение тишины штраф до 20 000 рублей! Спасибо!* Здесь просьба о соблюдении тишины аргументируется ссылкой на необходимость отдыха для соседей. Однако шумным подросткам этот аргумент может не показаться веским, поэтому он совмещается с угрозой наказания за несоблюдение соответствующего закона.

Аргументы к обещанию встречаются сравнительно редко и не образуют устойчивых групп. Они имеются в основном в тематических группах «Против аборт» (*Мама, сохрани мне жизнь! Когда я вырасту, я буду защищать тебя!*; *Я ваше маленькое счастье...*), «Вредные привычки» (*Не кури – ради наших счастливых улыбок!*; *Чистый воздух – светлое будущее ваших детей. Оградите детей от табачного дыма*), «Домашние животные» (*Лучший друг особенный согреет холодной ночью. Найди своего в приюте*; (портрет кота) *Архитектор счастья: 25 % веселья, 40 % радости, 35 % любви*) и «Работа гос. учреждений» (*Наша ответственность сегодня – это стабильность для наших детей завтра! Не забудьте оплатить имущественные налоги до 1 ноября*).

Внешние эмоциональные аргументы привлекаются извне для обоснования позиции адресанта. Наиболее частотными оказались следующие виды аргументов.

Пример – это частный случай, используемый для подтверждения выдвинутого тезиса. Пример всегда является элементом индуктивного рассуждения, в то время как факт – элемент дедуктивного рассуждения.

В дискурсе СР назначение примеров состоит в том, чтобы подтвердить наличие осуждаемого в тезисе явления в общественной практике и его угрозу адресату: *Коррупция убивает. Две террористки-смертницы, взорвавшие бомбы на самолетах в 2004 году, смогли попасть на свои рейсы благодаря взятке в 1000 рублей. Погибли 90 человек; Селфи на железнодорожных путях – плохая идея, если тебе дорога жизнь! Подросток из Рязанской области хотел*

сфотографировать себя на путях железной дороги и зацепился за линию электропередачи. От удара током он упал с моста, скончался в больнице.

Иллюстрации обычно используют в рассуждениях абстрактного характера для того, чтобы сделать их более наглядными для неподготовленного адресата. Это искусственно сконструированная картина в отличие от примера – действительно имевшего место случая из жизни.

В дискурсе СР иллюстрирование имеет упрощенный характер и часто осложняется аргументами других видов. Тем не менее следует констатировать, что данный вид аргумента встречается: *Чтение расширяет твой словарный запас, помогает лучше выразить свои мысли и делает твою речь невыразимо прекрасной: (до чтения) Соль передай. (после чтения) Дорогуша! не благоволишь ли ты оказать мне любезность (если тебя не затруднит, разумеется) и передать мне вон тот хлорид натрия дабы приправить сию картошку фри. Заранее благодарю.* Здесь с помощью иллюстрации показано, как чтение совершенствует умение выражать свои мысли.

Образец предлагается обычно либо как пример желательной модели поведения, которой должен подражать адресат, либо как олицетворение общественно одобряемой формы поведения (ср. у Аристотеля: «...даже Евмениды соблаговолили явиться в суд Ареопага, а Максидемид – нет»). Образец как вид аргумента существенно отличается от примера: назначение примера – описывать некоторое реальное явление, в то время как назначение образца – оценивать это явление как идеал для подражания.

В дискурсе СР в качестве образцов могут предъявляться различные исполнители требуемого действия:

– анонимный идеальный представитель той целевой группы, к которой обращается адресант: **Настоящие нижегородцы** соблюдают чистоту на улицах, во дворах, в подъездах;

– рядовой член целевой группы, как названный (*В моей жизни нет места наркотикам! Я буду играть за Россию!* **Антон Полин, школьник**), так и (гораздо чаще) не

названный: *(Я не пью за рулем!; Я всегда пропускаю пешеходов);*

– член семьи субъекта, изображенного на плакате: *А моя мама не курит!; Мой папа заплатил алименты, а твой?;*

– известный человек (чаще всего спортсмен или актер), уже совершивший то действие, к которому призывают адресата: *Хочешь завести друга? Возьми из приюта! Александр Лазарев, Народный артист РФ, лауреат Государственной премии. Снялся более чем в 20 картинах. Дома живут две собаки, одна из них неопределенной породы с улицы. С сердцем самой благородной породы!; Проглотил «Собачье сердце» в 14 лет. Илья Лагутенко. Читай книги – будь личностью.*

Наряду с образцами в риторике известны и аргумент **антиобразец**, описывающий, в противоположность образцу, самую неодобряемую форму поведения, то, что следует осудить как недопустимое: *Зло должно быть наказано!* (изображены люди, сидящие за решеткой и олицетворяющие никотин, наркотики и алкоголь); *Серия плакатов «Радость порока – иллюзия жизни»,* где изображены обжираться толстяки и неопрятные алкоголики.

Характеристика – это указание на особенные, отличительные черты того или иного человека или явления. По форме часто напоминает определение, однако это не логическая дефиниция, а образное указание на роль описываемого явления в жизни общества. Характеристика нужна, чтобы сформировать у адресата соответствующее отношение к описываемому явлению. Поэтому, как правило, содержит весьма выразительные оценки: *Коррупционер – спонсор и друг терроризма; Книга – лучшее лекарство от скуки, лени и глупости!*

Аргумент к авторитету. Это чрезвычайно востребованный во всех дискурсах аргумент. В отличие от тех случаев, когда приводится мнение людей (как известных, так и обычных), участвующих в описываемом действии, в данном случае речь идет о людях известных, уважаемых адресатом, но при этом являющихся сторонними наблюдателями и в качестве таковых высказывающих свое отношение к рассматриваемой ситуа-

ции. В связи с этим, если на плакате изображен Константин Хабенский и его собачка Фрося, взятая из московского приюта «Бим», то реализуется такой аргумент, а если приводится мнение Льва Толстого: «Государство, которое плохо относится к животным, всегда будет нищим и преступным», – ссылка на авторитет.

Для дискурсов, где оценивается общественная практика (политический, судебный, дискурс СР и др.), аргумент к авторитету должен быть определен как любая апелляция к опыту других людей, в том числе и к таким высказываниям, которые не имеют конкретного автора (например, слухи, пословицы). Весьма частотными разновидностями этого аргумента является обращение к традициям народа, к здравому смыслу и под., поскольку такие суждения формулируются людьми и используются как авторитетные (ценностные) суждения.

В СР аргумент к авторитету может иметь такие формы:

– **апелляция к мнению известных современников.** В этой роли, независимо от тематической группы, чаще всего выступают спортсмены (*Что значит быть взрослым? «Сказать НЕТ, когда тебе предлагают сигарету». Алексей Смертин, спортсмен*) и артисты (*Для меня мех – это сомнительная роскошь ценой чьей-то жизни. Певуца Ёлка*);

– **апелляция к мнению лиц прославившихся, вошедших в историю.** Чаще всего в этой роли выступают известные писатели: *Природа-мать мудра, да сын безмозглый... У. Шекспир; От курения тупеешь, оно не совместимо с творческой работой. Иоганн Гете;* ученые: *Доказано, что даже малые дозы алкоголя ослабляют умственные способности. В.М. Бехтерев; Подвижный, быстрый человек гордится стройным станом. Сидящий сиднем целый век подвержен всем изъяснам. Авиценна;* исторические деятели: *Кто украдет из казны больше, чем стоит метр веревки, тот на этой веревке повешен будет. Петр Первый; Народ, не имеющий национального самосознания, есть навоз, на котором прорастают другие народы. П.А. Столыпин, великий русский государственный деятель;*

– *апелляция к народной мудрости* используется в качестве аргумента пословицы и поговорки, а также всевозможные другие устойчивые суждения, содержащие морально-этические оценки: *Мыслящий человек не пьет, а пьющий – не мыслит; Мы за здоровый образ жизни! В здоровом теле – здоровый дух!* Причем часто эти пословицы используются в трансформированном в соответствии с ситуацией виде: *Рожденный ездить – летать не должен!!* (об автомобиле, превышающем скорость. Ср.: *Рожденный ползать – летать не может*); *Хочешь жить – умей светиться!* (об использовании пешеходами стикеров в ночное время суток. Ср.: *Хочешь жить – умей вертеться*); *Читать не вредно. Вредно не читать* (Ср.: *Хотеть не вредно, вредно не хотеть*);

– *апелляция к традициям*. Риторика, описывая аргумент к традиции, определяет ее как анонимную, стихийно сложившуюся систему образов, норм, правил, которой руководствуется обширная и устойчивая группа людей. В этих образах «аккумулируется предшествующий опыт успешной деятельности, и они оказываются своеобразным его выражением» [Ивин, Никифоров, 1997, с. 30]: *В русской традиции нет места ювенальной юстиции!*; *Трезвость – русская традиция*;

– *апелляция к религиозным нормам и заповедям*. Религиозные ценности являются весьма важными, поскольку нередко оказываются той первоосновой, из которой вырастают правовые и моральные ценности.

В СР встречаются как цитаты из священных книг: *Делайте добро сиротам и таким, которые в нужде. Коран; Кто мой ближний? Оказавший милость. Библия; С точки зрения Вед, аборт – это самое жестокое убийство, которое только существует*, так и высказывания святых и праведников: *«Вот вам мое завещание: не имейте в доме своем не только вина, но даже посуды винной»* (Серафим Саровский о грехе винопития); *«Заклающий вола – то же, что убивающий человека»* (Исайя. 66:3).

Особенности использования аргументов в тематических группах

В заключение укажем на особенности аргументации в отдельных тематических

группах СР. Некоторые из них очевидные (например, частотность ссылки на закон в рубрике «Человек и закон»), другие заранее прогнозировать было бы трудно.

В группе «Человек и закон» наиболее востребованными из рациональных аргументов являются ссылки на законы, статистика, информирование, аргумент к причине. Редко встречаются факты, аргументы к обстоятельствам и условиям. Среди эмоциональных частотны аргументы к страху, к самосохранению, к состраданию, а также противопоставление. Непопулярны аргументы к личным потребностям и приоритетам: к пользе, к выгоде, к интересу и т. п., а также апелляция к авторитетам.

В группе «Здоровье» формально преобладают рациональные аргументы (в частности, информация), однако чаще всего эта информация нужна только для того, чтобы вызвать у адресата страх перед болезнями и ранней смертью. Кроме того здесь, как ни в какой другой группе, широко представлены объектные эмоциональные аргументы, посредством которых у адресата формируется сочувствие или сострадание к детям, больным и старикам.

В группе «Культура» развернутый состав аргументов имеет только подгруппа «Польза чтения», причем их набор существенно отличается от того, что встречается в других группах. Во-первых, в этой группе почти нет рациональных аргументов: как внешних, так и внутренних. Во-вторых, в этой группе практически отсутствуют доводы, с помощью которых осуждается отрицательная модель поведения. Большая часть аргументов – это эмоциональные доводы с положительной окраской (к пользе, к успешности, к одобрению, к любознательности).

В группе «Семья» преобладают объектные эмоциональные аргументы, поскольку здесь адресата призывают сделать нечто ради счастья и благополучия детей. Наиболее востребованными поэтому являются аргументы к сочувствию и аргументы к обещанию.

В группе «Экология» также преобладают эмоциональные аргументы, причем здесь много плакатов без текста: катастрофические последствия неразумной деятельности человека наглядно изображаются на плакатах и не требуют пояснений. Субъектные аргументы должны вызывать у адресата страх перед

гибелью всего живого, а объектные призыва-ют оказывать помощь животным (как домаш-ним, так и диким).

Выводы

Итак, для того, чтобы СР произвела тот эффект, на который рассчитана, она должна со-ответствовать некоторым общим риторическим требованиям, обычно предъявляемым к любо-му тексту, предназначенному для воздействия на адресата. СР должна быстро и без усилий восприниматься адресатом с первого взгляда; она должна адресоваться конкретному сегменту аудитории, опираться на вкусы и взгляды этих людей; она должна предлагать пути решения общественных проблем, а не ограничиваться абстрактными лозунгами. По словам В.З. Де-мьянкова, «реальное высказывание в общении расценивается как удачное или неудачное толь-ко в зависимости от того, смог ли слушающий последовать переданной ему “инструкции”» [Демьянков, 2009, с. 141]. В связи с этим од-ним из важных требований к СР, повышающих ее эффективность, является правильное (умес-тное) использование разнообразных аргументов как средств (инструментов) воздействия на со-знание и поведение адресата.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградс-кой области в рамках научного проекта № 18-412-340005, р_а «Коммуникативная и мотивационная эффективность социальной рекламы в Южном фе-деральном округе».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Volgograd Region Administration in the framework of scientific project no. 18-412-340005, р_а “Communicative and Motivational Effectiveness of Social Advertising in the Southern Federal District”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдикеримова Г. С., 2014. О единстве логических и эмоциональных элементов в аргументации риторической коммуникации // *Русский язык и культура в зеркале перевода*. № 1. С. 508–516.
- Анисимова Т. В., 2008. Назначение ценностного аргумента в системе судебной аргументации // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. № 10. С. 78–83.
- Анисимова Т. В., Чубай С. А., 2019. Риторика соци-альной рекламы. Волгоград : Изд-во НОО Про-фессиональная наука. 138 с. URL: <http://scipro.ru/conf/rhetoric.pdf>.
- Аристотель, 1978а. Риторика // *Античные риторика* / под ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Изд-во МГУ. С. 3–164.
- Аристотель, 1978б. *Тописка* // Аристотель. *Сочине-ния* : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль. С. 349–533.
- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 341 с.
- Борисова Е. Г., 2017. Эмпатия в сообщении как инструмент «мягкой силы»: психологические и языковые аспекты // *Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн* : сб. мате-риалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Моск-ва, 7–8 нояб. 2017 г.). М. : Изд-во МГЛУ. С. 38–44.
- Брюшинкин В. Н., 2009. Обобщенная системная мо-дель аргументации // РАЦИО.ru. Вып. 2. С. 2–22. URL: http://ratio.albertina.ru/pub/theory_of_argumentation (дата обращения: 04.06.2019).
- Викторук Е. Н., 2003. Неклассические модели эти-ческой аргументации. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 188 с.
- Герасимова И. А., 2006. Проблема добра и зла (ду-алистическая и холистическая модели аргу-ментации) // *Мысль*. Т. 6, № 1. С. 97–109.
- Демьянков В. З., 1984. Коммуникативное воздей-ствие на структуру сознания // *Роль языка в структурировании сознания*. М. : Ин-т фило-софии АН СССР. С. 138–161.
- Желтухина М. Р., 2003. Масс-медиаальная коммуни-кация: языковое сознание – воздействие – суггестивность // *Язык, сознание, коммуника-ция* : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Исто-вов. М. : МАКС-ПРЕСС. С. 13–28.
- Ивин А. А., Никифоров А. Л., 1997. *Словарь по ло-гике*. М. : ВЛАДОС. 384 с.
- Ковалева А. В., 2006. Эффективность социальной рекламы: опыт измерения // *Известия Алтай-ского государственного университета*. № 2 (40). С. 74–77.
- Пригарина Н. К., 2008. Аргументация судебного дискурса: риторический аспект. Волгоград : Перемена. 310 с.
- Пригарина Н. К., 2013. Концептуальные основы построения риторической модели аргумен-тации // *Известия Сочинского государствен-ного университета*. № 3 (26). С. 233–236.
- Чубай С. А., 2017. Современная социальная рекла-ма в России и США: тематика и особенности функционирования // *Вестник Волгоградско-го государственного университета*. Серия 2, Языковедение. Т. 16, № 4. С. 201–206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.19>.

REFERENCES

- Abdikerimova G.S., 2014. O edinstve logicheskikh i emotsionalnykh elementov v argumentatsii ritoricheskoy kommunikatsii [The Unity of Logical and Emotional Elements in Argumentation of Rhetorical Communication]. *Russkiy yazyk i kultura v zerkale perevoda*, no. 1, pp. 508-516.
- Anisimova T.V., 2008. Naznachenie tsennostnogo argumenta v sisteme sudebnoy argumentatsii [Appointment of Value Argument in the System of Judicial Argumentation]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 10, pp. 78-83.
- Anisimova T.V., Chubay S.A., 2019. *Ritorika sotsialnoy reklamy* [Rhetoric of Social Advertising]. Volgograd. 138 p.
- Aristotel, 1978a. Ritorika [Rhetoric]. Takho-Godi A.A., ed. *Antichnye ritoriki* [Antique Rhetoric]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 3-164.
- Aristotel, 1978b. Topika [Topeka]. *Aristotel. Sochineniya. V 4 t.* [Aristotel. Works. In 4 Vols.]. Moscow, Mysl Publ., vol. 2, pp. 349-533.
- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.
- Borisova E.G., 2017. Empatiya v soobshchenii kak instrument «myagkoy sily»: psikhologicheskie i yazykovye aspekty [Empathy in Communication as a Tool of “Soft Power”: Psychological and Linguistic Aspects]. *Strategiya «myagkoy sily» v kontekste informatsionnykh voyn: sb. materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 7–8 noyabrya 2017 g.)* [Strategy of “Soft Power” in the Context of Information Wars: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, November 7–8, 2017)]. Moscow, Izd-vo MGLU, pp. 38-44.
- Bryushinkin V.N., 2009. Obobshchennaya sistemnaya model argumentatsii [Generalized System Model of Argumentation]. *RATIO.ru*, iss. 2, pp. 2-22. URL: http://ratio.albertina.ru/pub/theory_of_argumentation.
- Viktoruk E.N., 2003. *Neklassicheskie modeli eticheskoy argumentatsii* [Non-Classical Models of Ethical Reasoning]. Saint Peterburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. 188 p.
- Gerasimova I.A., 2006. Problema dobra i zla (dualisticheskaya i kholisticheskaya modeli argumentatsii) [The Problem of Good and Evil (Dualistic and Holistic Models of Argumentation)]. *Mysl*, vol. 6, no 1, pp. 97-109.
- Demyankov V.Z., 1984. Kommunikativnoe vozdeystvie na strukturu soznaniya [Communicative Effect on the Structure of Consciousness]. *Rol yazyka v strukturirovaniy soznaniya* [The Role of Language in Consciousness Structuring]. Moscow, Institut filosofii Akademii Nauk SSSR, pp. 138-161.
- Zheltukhina M.R., 2003. Mass-medialnaya kommunikatsiya: yazykovoie soznanie – vozdeystvie – suggestivnost [Mass-Medial Communication: Linguistic Consciousness-Impact-Suggestiveness]. Krasnykh V.V., Izotov A.I., eds. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, MAKS-PRESS Publ., pp. 13-28.
- Ivin A.A., Nikiforov A.L., 2008. *Slovar po logike* [Dictionary of Logic]. Moscow, VLADOS Publ. 384 p.
- Kovaleva A.V., 2006. Effektivnost sotsialnoy reklamy: opyt izmereniya [The Efficiency of a Social Advertising: The Experience of the Measuring]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Altai State University Journal], no. 2 (40), pp. 74-77.
- Prigarina N.K., 2008. *Argumentatsiya sudebnogo diskursa: ritoricheskii aspekt* [The Argument of Judicial Discourse: A Rhetorical Aspect]. Volgograd, Peremena Publ. 310 p.
- Prigarina N.K., 2013. Kontseptualnye osnovy postroeniya ritoricheskoy modeli argumentatsii [Conceptual Foundations of Argumentation Rhetoric Model Construction]. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Sochi Journal of Economy], no. 3 (26), pp. 233-236.
- Chubay S.A., 2017. Sovremennaya sotsialnaya reklama v Rossii i SShA: tematika i osobennosti funktsionirovaniya [Modern Public Service Advertising in Russia and the United States: Topics and Functional Specificity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 4, pp. 201-206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.19>.

Information about the Authors

Tatyana V. Anisimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, tv_anisimova@volsu.ru, atvritor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-2041>

Natalia K. Prigarina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russia, prigarina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3081-0533>

Svetlana A. Chubaj, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, chubaj77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3660-8267>

Информация об авторах

Татьяна Валентиновна Анисимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, tv_anisimova@volsu.ru, atvritor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-2041>

Наталья Константиновна Пригарина, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Россия, prigarina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3081-0533>

Светлана Анатольевна Чубай, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, sa_chubaj@volsu.ru, chubaj77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3660-8267>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.15>

UDC 81:008:82-6
LBC 81.006.3

Submitted: 21.01.2019
Accepted: 03.04.2019

EPISTOLARY STYLE AS AN OBJECT OF A LINGUOCULTUROLOGICAL RESEARCH

Inna A. Koroleva

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Abstract. The article highlights some peculiarities of epistolary colloquial speech, registered in a business- and-friendly written dialogue of the Russian creative intelligentsia in the late 20th century. The material for this scientific consideration were some letters of A. V. Makedonov, a Smolensk-born literary historian, critic and publicist addressed to Yu. V. Pashkov, a Smolensk poet, whose literary talent A. V. Makedonov always wished to support; the letters, which have never been under study, are available at Smolensk University Literary Museum Archive.

A complex analysis of the epistolary style in the letters by A. V. Makedonov was based on the communicative- and-pragmatic and linguoculturological approaches and directed at reconstruction of a speech portrait with regard to the several levels of speech personality, in particular, the semantic level, which characterizes the epistolary style as a written form of colloquial speech, the linguo-cognitive level, that singles out epistolary concepts conductive to informational and assessment aspects of the letters, and the motivation level, which implies analysis of speech acts and speech-etiquette standards in the letters, makes it possible to single out several peculiarities of the communicants' inter-relations on a par with their personal characteristics.

In conclusion the article sums up epistolary stylistic peculiarities of A. V. Makedonov's creative personality and speech culture.

Key words: epistolary style, epistolary idiosyncrasy, epistolary etiquette, A. V. Makedonov, Yu. V. Pashkov, colloquial speech, language personality, speech culture.

Citation. Koroleva I.A. Epistolary Style as an Object of a Linguoculturological Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 174-182. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.15>

УДК 81:008:82-6
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 21.01.2019
Дата принятия статьи: 03.04.2019

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ СТИЛЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Инна Александровна Королёва

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности эпистолярной разговорной речи творческой российской интеллигенции второй половины XX в., проявляющиеся в деловом и дружеском письменном диалоге. Материалом для исследования послужили письма известного советского историка литературы, критика и публициста А.В. Македонова, смолянина по рождению, к смоленскому поэту Ю.В. Пашкову, которому он оказывал постоянную поддержку на литературном поприще. Письма хранятся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета и впервые вводятся в научный оборот. Проведено комплексное изучение речевого материала в русле коммуникативно-прагматического и лингвокультурологического подходов и в соответствии с уровнями исследования речевой личности и реконструкции речевого портрета говорящего: на семантическом уровне охарактеризован эпистолярный стиль как письменная форма разговорной речи; на лингвокогнитивном уровне выделены эпистолярные концепты, позволяющие анализировать информативную и оценочную стороны эпистолярия; на мотивационном уровне посредством анализа содержащихся в письмах речевых актов и стандартов речевого этикета показаны особенности взаимоотно-

шений коммуникантов, выявлены некоторые черты их личности. Делается вывод об особенностях эпистолярного стиля творческой языковой личности А.В. Македонова, о его речевой культуре.

Ключевые слова: эпистолярный стиль, эпистолярный идиостиль, эпистолярный этикет, А.В. Македонов, Ю.В. Пашков, разговорная речь, языковая личность, речевая культура.

Цитирование. Королёва И. А. Эпистолярный стиль как объект лингвокультурологического исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 174–182. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.15>

Введение

Коммуникативная стилистика – одно из перспективных научных направлений исследований, в котором важное место занимает исследование эпистолярных текстов как особых способов коммуникации. Специфика эпистолярного обусловлена тем, что он представляет собой письменную форму речевого общения, имеющего дистанционный характер, на которую существенное влияние оказывают личностные характеристики адресанта и адресата, характер их взаимоотношений, темы коммуникации, затекстовые ситуации и т. д. и которая позволяет хранить информацию в устойчивой неизменяемой форме частного письма.

Эпистолярные тексты занимают промежуточное положение между художественными и документальными. Поэтому при публикации частных писем перед издателями всегда встает вопрос о возможности / невозможности по этическим, моральным и иным соображениям «придать огласке» заключенную в них информацию.

В настоящее время существует разноречивость в терминологическом определении статуса эпистолярного. В зависимости от направленности исследования лингвисты используют термины «эпистолярный жанр», «эпистолярный стиль», «эпистолярный дискурс», «эпистолярная литература» (см., например: [Бетущина, 1984; Кожеко, 2015; Козлова, Кушнина, 2012; Курьянович, 2008; Фесенко, 2008; Цыцарина, 1989]). Мы считаем, что в коммуникативной стилистике текста предпочтительнее использовать термин «эпистолярный стиль», который в справочной литературе трактуется как исторически сложившаяся разновидность письменной речи, в которой используется форма писем или посланий (эпистол) (греческое *epistole* «послание, письмо») [Кохтев, 1998, с. 639; Протопопова, 2003, с. 631]. Поскольку письмо является единицей эпистолярной ком-

муникации, ему присущи все признаки речевого жанра [Кирьянова, 2007а, с. 125–126; 2007б, с. 246]. Как считает М. Бахтин, речевой жанр характеризуется с точки зрения коммуникативной ситуации, экспрессии, объема, концепции адресата и над адресата [1986, с. 458, 496].

В обмене эпистолами участвуют две стороны – адресант и адресат, и именно характеристики коммуникантов (возраст, пол, социальное положение, степень знакомства, их личные отношения, индивидуальные речевые особенности) во многом определяют языковую специфику текстов. При коммуникативном подходе к изучению эпистолярного важно оценивать мотивы обмена письмами, цель и задачи эпистолярной коммуникации, ситуации написания отдельных посланий и проч. Интенсивную переписку, как правило, мотивирует общность профессиональной среды, дружеского круга, бытовых дел и т. д.

На основании анализа различных точек зрения и исследований эпистолярного Н.И. Белунова в качестве основных характеристик письма выделяет следующие: эксплицитная направленность на адресата; реализация коммуникативно-прагматической оси «Я – Ты»; политематичность; полифункциональность; отражение особенностей речевого этикета; смысловая завершенность; структурное единство, специфика которого обозначается наличием границ (начало и конец письма), являющихся своего рода формализаторами; прикрепленность к определенной ситуации; целостность образа содержания, поддержанного двумя слоями информации: эксплицитно выраженной и имплицитной, контекстной; система коммуникативных задач, отражающих особенности языковой личности адресанта и адресата; индивидуально-авторская манера письма [Белунова, 2000, с. 75–78].

Традиционно изучению подвергаются письма известных деятелей политики, куль-

туры, а переписка выдающихся личностей становится фактом литературного наследия. Речевая практика людей, связанных с литературным творчеством, – это своеобразный синтез элементов литературного языка с возможными вкраплениями просторечной и даже диалектной лексики. На эту особенность частных писем обратила внимание О.Н. Седова [Седова, 1985, с. 57]. Некоторые лингвисты отождествляют язык эпистолярия с литературной разговорной речью, однако, как справедливо отмечает И.А. Лешутина, «любой письменный памятник несет на себе отпечаток литературности, особенно когда речь идет о “почтовой прозе” писателей и поэтов. В этом случае... уместнее говорить об своеобразной эпистолярной разговорной речи» [Лешутина 2003, с. 35]. Это убеждение разделяет Т.П. Акимова, утверждая, что именно эпистолярные тексты мастеров слова отражают правильную разговорную речь той или иной исторической эпохи [Акимова, 2016, с. 5, 8; и др.]. Заметим, что помимо этого в письмах имеет место своеобразие индивидуально-авторского эпистолярного идиостиля, позволяющего воссоздать черты языковой личности коммуникантов и реконструировать их речевые портреты, а следовательно охарактеризовать отношения коммуникантов, их личностные особенности и тем самым показать значимость личности пишущего в литературном контексте эпохи. В связи с этим целесообразной при изучении эпистолярия представляется интеграция коммуникативного и лингвокультурологического подходов.

Наиболее исследованы в лингвистике письма классиков отечественной словесности, хранящиеся в центральных архивах и музеях, тогда как письма видных деятелей российской и советской культуры из фондов региональных архивов и музеев редко становились объектом лингвистического описания. Эту лауну отчасти восполняет исследование, результаты которого представлены в статье.

Характеристика объекта исследования

Объектом нашего исследования являются письма Адриана Владимировича Македонова (1909–1994) – известного советского критика, публициста и историка литературы, смо-

лянина по рождению, литератора, много лет сотрудничавшего со смоленскими мастерами слова, – к известному смоленскому поэту, члену Союза писателей России, краеведу Юрию Васильевичу Пашкову (1930–2017). Письма хранятся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета (фонд № 7, единица хранения № 2, с. 42–60). Всего 11 писем. 7 из них напечатаны на пишущей машинке, 4 написаны от руки, но во всех есть личная подпись А.В. Македонова. Судя по архивным листам, эти письма еще не были объектом научного исследования.

В литературном мире имя Македонова прочно связано со Смоленщиной. Именно он в 1960 г. выделил Смоленскую поэтическую школу и назвал ее основоположников: М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского и Н.И. Рыленкова. С тех пор деятельность поэтов Смоленского края рассматривалась как особое направление в контексте русской (советской) поэзии. К представителям этой школы можно отнести и Пашкова, который хорошо известен не только смоленским, но и российским читателям [Смоленская область..., 2001, с. 153–154, 189].

Результаты и обсуждение

Исследование писем А.В. Македонова выполнено нами в русле коммуникативно-прагматического и лингвокультурологического подходов с использованием традиционных для них методов и приемов.

Каждое из 11 писем начинается с этикетных формул приветствия. Отметим, что во всех письмах Македонов обращается к Пашкову только *Дорогой Юрий Васильевич*, что, на наш взгляд, свидетельствует, с одной стороны, о дружеских отношениях, с другой – об определенной дистанции в коммуникации. Эта дистанция поддерживается употреблением только местоимения *Вы*, хотя у коммуникантов достаточно большая разница в возрасте – Пашков младше, он «ученик», но «учитель» никогда не пишет ему *ты*.

Стандартной является и этикетная формула подписи: *Ваш А.М. Македонов* (в 6 письмах), *Ваш А. Македонов* (в 3 письмах), *Ваш А.М.* (в 2 письмах); она неизменно сопровождается подписью от руки. В 10 письмах из

11 подписи предшествует этикетная формула приветия, который Македонов передает знакомым смолянам, что свидетельствует о его постоянном желании «соприкасаться» с родным Смоленском и его жителями: *Привет всем смолянам* (18 мая 1974); *Привет землякам* (26 декабря 1975); *Привет землякам* (25 января 1977); *Привет всем знакомым* (9 апреля 1982); *Привет всем землякам* (1 марта 1983) и др.

О желании автора писем узнавать новости литературного Смоленска свидетельствуют и этикетные вопросы в концовках некоторых писем: *Как дела всей смоленской писательской организации и литературной среды?* (26 июля 1982); *Кто же Вам в Смоленске помог в трудную минуту? Хочется и об этом знать, ибо все, касающееся Смоленщины, и даже околосмоленских нравов для меня, как стойкого смоляка, всегда интересно* (22 декабря 1982); *Каково Ваше мнение о стихах Мишина? О Мишине в целом? Как движется дело о приеме в ССП Раисы Ипатовой? Как здоровье Нины Семенович?* (1 марта 1983); *Как прошла годовщина Рыленкова? Что еще нового в Смоленской и Вашей личной литературной жизни?* (28 ноября 1984).

Постоянная «смоленская линия» в письмах Македонова показывает его тесные связи с родным городом. В одном из первых писем находим: *В будущем году хочется и кое-что написать о новых успехах наших смоляков... но еще думаю над формой этого* (26 декабря 1975). В письмах упоминается большое количество имен смоленских литераторов, с ними Македонов, судя по текстам, был либо знаком лично, либо хорошо знал их творчество. Критик часто спрашивает мнение Пашкова о стихах молодых смолян: Р. Ипатовой, Н. Егоровой, о сборнике стихов В. Смирнова, о пьесах Н. Семенович и т. д. О некоторых пишет неоднократно и дает оценку творчеству: *Поэтесса безусловно талантливая, и это радует. Еще один ярус смоленской поросли вырос* (о Р. Ипатовой, 9 апреля 1982). Вот оценка некоторых смолян только из одного письма (26 июля 1982): *Человек, кстати сказать, очень достойный и образованный, который может многим помочь смоленским литераторам* (о В. Баевском); *Сме-*

лость, как известно, берет города и на Парнасе, а она пишет все смелей и смелей»; «...интересны пьесы молодого врача З. Кагана» (о Н. Семенович). Таким образом, в письмах эксплицируется лингвокультурный концепт «Смоленск», что свидетельствует о тесной духовной связи Македонова со своей малой родиной. Его интересует даже частный вопрос о том, как правильнее называть жителей Смоленщины: *Как, кстати, по Вашему мнению, все-таки лучше говорить – смоляки? Смоленцы? Смоляне?* (25 сентября 1978). Сам Македонов чаще употребляет устаревшее ныне *смоляки* (общеупотребительное – *смоляне*).

Хорошо известно о давних дружеских и литературных связях А.В. Македонова и А.Т. Твардовского, которого критик считал центральной фигурой выделенной им в 1960 г. Смоленской поэтической школы. В письмах Македонова к Пашкову реализуется концепт «Семья Твардовских». Тема семьи Твардовского интересовала Македонова на протяжении всей его деятельности, и он пытался через окружение поэта понять его «феномен».

По мнению Македонова, писать о Твардовском – долг, и этот долг еще не отдан. Критик постоянно упоминает о своей книге о Твардовском, которую писал в конце 70-х гг. XX в.: *Дела еще очень переполняют. И главный долг – по отношению к А.Т. – еще далек от выполнения* (26 декабря 1975); *Мы с Р.А. (жена Македонова, Раиса Абрамовна. – И. К.) собираемся побывать в Смоленске в этом году – я пару недель должен кое-что еще посмотреть для своей книги об А.Т.* (25 января 1977). Как видим, Македонов делится с Пашковым своими творческими и издательскими планами, что свидетельствует о доверительных профессиональных отношениях коммуникантов.

Приведем отрывок письма Македонова с оценкой семьи Твардовских, который считаем образцом эпистолярного идиостиля Македонова: *Что касается семейных дел Твардовских, то здесь ситуация сложная и не однозначная. Вся эта семья интересна не только сопричастием судьбе великого поэта, но и собственными личностями, во многом незаурядными, и всей своей историей, как бы сконцентрировавшей на тес-*

ной человеческой площадке типичные и вместе с тем экстремальные судьбы миллионов людей в течение большого отрезка нашей истории. И самое расслоение, и даже антагонизм внутри этой семьи очень показательны. Не только как показатель среды Твардовского. Тем более что по крайней мере двое из братьев – Константин и Иван – люди несомненно яркие, очень одаренные, очень много и сложно пережившие, и при всех своих различиях это настоящие таланты труда и необыкновенной жизненной энергии. Люди, которые, перефразируя известные слова Твардовского, все превзошли и с поля труда и жизни не ушли (22 ноября 1982).

К судьбе семьи Твардовских Македонов обращается и в других письмах, используя разнообразные оценочные лексемы: *Семья... противоречивая, многострадальная в целом все же достойная уважения и серьезного изучения не только биографами Твардовского, но и биографами времени, семья* (23 ноября 1983). Типичным для стиля Македонова является выражение оценки посредством прилагательных, однако не менее точны и существительные, причем автор писем не боится «называть вещи своими именами», то есть давать и отрицательную оценку: *брат Павел – пьяница, алкоголик* (23 ноября 1983).

Реализация центрального концепта эпистолярная – «Творчество» – связана с оценкой стихов Ю.В. Пашкова. Критик практически в каждом письме характеризует произведения поэта, проводит подробный анализ отдельных стихотворений и сборников стихов. Уже в первом письме мы читаем: *...Пишу Вам о Вашей книге. Я ее сразу же прочитал, и она сразу же мне понравилась (за исключением некоторых стихотворений)... Главное впечатление – книга хорошая. Много настоящих стихов. Вы – поэт. ...Много великолепных миниатюр... есть много хороших мест... искреннее поэтическое чувство... у Вас есть свой голос, свой путь... Прекрасные места в стихах... хорошие строчки* (18 мая 1974). Речь идет о первом сборнике стихов, изданном в Москве, – «Соколя гора» (1974). Высказывая критические замечания, Македонов не обижает поэта-земляка, а старается по-доброму научить его. С некоторой

иронией дает самооценку: *Я придирчив, как старый критикан и блохоискатель. Блохи, недотяжки в сборнике, мелкие острехи. Но все это, конечно, мелочи* (18 мая 1974).

В последующих письмах отражено дружеское участие Македонова в судьбе Пашкова: Македонов пишет рецензии на его сборники, анализирует отдельные стихи в тексте писем, дает советы. Выработан уже эпистолярный стиль оценки: частотными являются прилагательные, выражающие положительную оценку: *поэтическая смелость, органическое чувство земли, углубленная духовность, смелые и точные метафоры-ассоциации* (Македонов первым отметил эту особенность стихотворной манеры Пашкова. – И. К.). Однако отмечены и прилагательные в метафорическом употреблении, выражающие отрицательную оценку (критические замечания): *недоношенные определения-слова, ходячие литературные представления* (25 января 1977).

О постоянном интересе Македонова к творчеству Пашкова свидетельствуют этикетные фразы, выражающие эмоциональное состояние адресанта: *Рад был увидеть в «Литературной России» хотя бы небольшую, но вполне положительную рецензию на Вашу последнюю книгу* (25 сентября 1978); *На днях я с удовольствием прочитал вполне положительную рецензию на Вашу книгу в «Литературном обозрении». Она сходится и с моей оценкой, о которой я Вам писал. Важно, что книга получила признание в центральной печати* (1 марта 1983); *Буду рад прочесть новые Ваши стихи* (23 июня 1983); *Всегда рад читать Ваши новые стихи* (23 декабря 1983); *Всегда рад получать от Вас письма и новые стихи* (28 ноября 1984) и т. п. Македонов видел в Пашкове достойного представителя Смоленской поэтической школы, что выражается разнообразными эпистолярными речевыми актами: утверждение – *Важно, что Вы уже завоевали среди смоляков тот минимум признания, без которого бывает трудно двигаться дальше* (25 января 1977); пожелание – *Хотелось бы, чтобы и Вы лично, и другие продолжатели, наследники основателей Смоленской... школы, немножко меньше избегали... рисков. Время суровой правды; со-*

вет – *Каждый пусть идет своей колеей...* (28 ноября 1984).

Переписка, судя по частотной реализации этического речевого акта «Благодарность», была полезна для обоих коммуникантов и отражает их крепкие дружеские отношения: *Спасибо за присланную рецензию* (26 декабря 1976); *Спасибо за отзыв на мое сочинение и за Ваши новые стихи* (25 января 1977); *Вы писали, что могли бы мне прислать последние публикации смоленских писателей. Буду благодарен* (1 марта 1983); *Благодарю за заметку о моем юбилее, за добрые слова и пожелания Рад буду, если эти пожелания в какой-то мере оправдаю* (30 мая 1984).

Переписка была регулярной, но все же с некоторыми перерывами, о чем свидетельствуют этикетные фразы извинения: *Давно от Вас нет известий. Мне казалось, что я когда-то отвечал на Ваше последнее письмо, но может быть и ошибаюсь. Все же прошу прощения за задержку* (25 сентября 1978); *К стыду своему обнаружил, что, кажется, до сих пор не ответил на Ваше апрельское письмо. Это не было подражанием Вашему долговому молчанию, а просто как-то так получилось... Прошу за это прощения* (26 июля 1982). В целом в рассматриваемые годы переписка была продуктивной.

Характер отношений между коммуникантами проявляется и в реализации речевого акта эпистолярного стиля «Поздравление» – отношения между Македоновым и Пашковым не близкие, а дружеско-деловые: *Будьте здоровы. Р.А. и я еще раз поздравляем с Новым Годом, желаем здоровья, всех благ и прежде всего мук и радостей созидания новой книги* (26 декабря 1976); *Поздравляю с Новым Годом, будьте здоровы, счастливы* (22 декабря 1983). Возможно, это не все сохранившиеся письма и поздравительных речевых актов было больше.

В качестве черты идиостиля Македонова можно отметить ограниченное употребление разговорных слов. Они использованы ситуативно, для более яркого описания состояния адресанта: *...Муторно от всех тех же фонтанов болтологии* (при рассказе о неформальных разговорах с неприятными для него людьми, 26 декабря 1975); *...Заболел,*

ухитрился простудиться, навалились срочные дела по службе, немного очухался (о своей задержке ответа на письмо Пашкова, 18 мая 1974); *предстоит пыхтеть и пыхтеть* (о ситуации трудной работы над книгой о Твардовском, 30 мая 1984). В контекстах, имеющих иное тематическое наполнение, разговорные слова представлены единичными вкраплениями (*письмишко, жилка, недоделка, незавершенка* и проч.). Такая черта идиостиля Македонова, как употребление большого количества этикетных эпистолярных книжных оборотов, свидетельствует об интеллигентности Македонова в общении с людьми, с которыми он поддерживает дружески-творческие отношения, не переходящие в тесную дружбу.

Выводы

Введенные в научный оборот эпистолярные тексты дают возможность выявить специфику эпистолярного идиостиля известного советского критика и публициста, определить черты его языковой личности. Несомненно, А.В. Македонов – элитарная творческая языковая личность, он прекрасно владеет письменной разговорной речью, что характеризует его как высокообразованного интеллигентного человека.

Хорошее владение эпистолярным этикетом позволяет Македонову поддерживать дружеско-деловые отношения с адресатом. Об этом свидетельствуют и многочисленные реализации этикетных речевых актов (извинение, благодарность, поздравление и др.).

А.В. Македонов предстает в эпистолярной (через экспликацию концептов «Семья Твардовских», «Творчество», через ситуативную оценку стихов Ю.В. Пашкова) как высокопрофессиональный историк литературы и литературный критик. Некоторые фрагменты писем можно рассматривать как критические мини-статьи по анализу литературных произведений. При этом оценка (положительная и отрицательная), как правило, выражается посредством прилагательных, часто в метафорическом употреблении. Ограничено использование Македоновым стилистически сниженных лексических единиц. Они являются своеобразными маркерами фрагментов определенного содержания.

Анализ эпистолярия показал, что А.В. Македонов, смолянин по рождению, не забывает свою малую родину и постоянно старается быть в курсе дел смоленской творческой интеллигенции. Хотя главной фигурой для Македонова-критика был А.Т. Твардовский (об этом свидетельствует реализация в письмах соответствующего концепта), Ю.В. Пашков стал для него своеобразным символом творчества «новой поросли смоленских поэтов», продолживших традиции А.Т. Твардовского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Т. П., 2016. Эпистолярный текст: лингвокультурологические характеристики (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.). Волгоград : ИП Поликарпов И.Л. 332 с.
- Бахтин М. М., 1986. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература. С. 428–472.
- Белунова Н. И., 2000. Дружеское письмо в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в школе. № 1. С. 75–78.
- Бетузия Н., 1984. Особенности текстов эпистолярного жанра // Русский язык за рубежом. № 3. С. 81–84.
- Кирьянова А. П., 2007а. Адресант в аспекте языковой оценки (на материале писем М.И. Цветаевой) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. Т. 16, № 40. С. 124–129.
- Кирьянова А. П., 2007б. Адресант в виртуальном пространстве письма (на материале эпистолярия М.И. Цветаевой) // Житниковские чтения (VIII; 2007). Информационные системы: гуманитарная парадигма : материалы Всерос. науч. конф. (г. Челябинск, 20–22 февр. 2007 г.) / отв. ред. И. Ю. Голованова. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2007. С. 244–249.
- Кожеко А. В., 2015. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы // Современные проблемы науки и образования. № 2, ч. 3. URL: <https://science-education.ru/pdf/2015/2-3/194.pdf> (дата обращения: 21.12.2018).
- Козлова О. Д., Кушнина Л. В., 2012. Эго-текст в культурно-речевом пространстве // Современные проблемы науки и образования. № 4. URL: <https://science-education.ru/pdf/2012/4/296.pdf>.
- Кохтев Н. Н., 1998. Эпистолярный стиль // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб и доп. М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа. С. 639–640.
- Курьянович А. В., 2008. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 2. С. 44–49.
- Лешутина И. А., 2003. Русская разговорная речь (лексика) в «почтовой прозе» первой трети XIX столетия. М. : МГОУ. 126 с.
- Протопопова О. В., 2003. Эпистолярный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука. С. 631–634.
- Седова О. Н., 1985. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка // Филологические науки. № 6. С. 57–62.
- Смоленская область, 2001. Энциклопедия : в 2 т. / отв. ред. Г. С. Меркин. Т. 1. Смоленск : СГПУ. 303 с.
- Фесенко О. П., 2008. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. № 23 (124). С. 132–143.
- Цыцарина О. Ф., 1989. О понятии «эпистолярный жанр» в современной лингвистической литературе // Функционально-семантические аспекты языковых явлений : сб. ст. Куйбышев : Изд-во КГУ. С. 103–110.

ИСТОЧНИК

Архив Литературного музея СмолГУ, отдел рукописей. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 2. С. 42–60.

REFERENCES

- Akimova T.P., 2016. *Epistolary text: linguoculturological characteristics (based on letters of Russian literature classics of the 19th–20th c.)*. Volgograd, IP Polikarpov Publ. 332 p.
- Bakhtin M.M., 1986. *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of Speech Genres]. *Literaturno-kriticheskie statyi* [Literary Critical Articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 428–472.
- Belunova N.I., 2000. *Druzheskoe pismo v funktsionalno-stilisticheskom aspekte* [Friendly Letter in the Functional and Stylistic Aspect]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 1, pp. 75–78.

- Betuziya N., 1984. Osobennosti tekstov epistolyarnogo zhanra [Features of Epistolary Genre Texts]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 3, pp. 81-84.
- Kiryanova A.P., 2007a. Adresant v aspekte yazykovoy otsenki (na materiale pisem M.I. Tsvetaevoy) [Addresser in the Aspect of Linguistic Evaluation (By the Material of M. Tsvetaeva's Epistolary Texts)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], vol. 16, no. 40, pp. 124-129.
- Kiryanova A.P., 2007b. Adresant v virtualnom prostranstve pisma (na materiale epistolyariya M.I. Tsvetaevoy) [Addressee in the Virtual Space of the Letter (Based on the Epistolary of M.I. Tsvetaeva)]. Golovanova I.Yu., ed. *Zhitnikovskie chteniya (VIII; 2007). Informatsionnye sistemy: gumanitarnaya paradigma: materialy Vseros. nauch. konf. (g. Chelyabinsk, 20–22 fevr. 2007 g.)* [Zhitnikov Readings (8; 2007): Information Systems: Humanitarian Paradigm: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Chelyabinsk, February 20–22, 2007)]. Chelyabinsk, Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 244-249.
- Kozheko A.V., 2015. Epistolyarnye zhanry: traditsionnye i sovremennye formy [Epistolary Genres: Traditional and Modern Forms]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 2, part 3. URL: <https://science-education.ru/pdf/2015/2-3/194.pdf> (accessed 21 December 2018).
- Kozlova O.D., Kushnina L.V., 2012. Ego-tekst v kulturno-rechevom prostranstve [Ego-Text in the Cultural and Discourse Space]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 4. URL: <https://science-education.ru/pdf/2012/4/296.pdf>
- Kokhtev N.N., 1998. Epistolyarnyy stil [Epistolary Style]. Karaulov Yu.N., ed. *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, Drofa Publ., pp. 639-640.
- Kuryanovich A.V., 2008. Elektronnoe pismo kak funktsionalno-stilevaya raznovidnost epistolyarnogo zhanra v prostranstve sovremennoy kommunikatsii [E-mail as a Functional and Style Variety of Epistolary Genre in the Field of Contemporary Communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 2, pp. 44-49.
- Leshutina, I.A., 2003. *Russkaya razgovornaya rech (leksika) v «pochtovoy proze» pervoy treti XIX stoletiya* [Russian Colloquial Speech (Lexicon) in the “Postal Prose” of the First Third of the 19th Century]. Moscow, MGOU. 126 p.
- Protopopova O.V., 2003. Epistolyarnyy stil [Epistolary Style]. *Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 631-634.
- Sedova O.N., 1985. Epistolyarnyy stil v sisteme funktsionalnykh stiley russkogo yazyka [Epistolary Style in the System of Functional Styles of the Russian Language]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 6, pp. 57-62.
- Merkin G.S., ed., 2001. *Smolenskaya oblast. Entsiklopediya: v 2 t.* [Smolensk Region. Encyclopedia. In 2 Vols]. Smolensk, SGPU. 303 p.
- Fesenko O.P., 2008. Epistolyariy: zhanr, stil, diskurs [Epistolary: Genre, Style, Discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya: Filologiya. Iskusstvovedeniye* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art Criticism], no. 23 (124), pp. 132-143.
- Tsytsarina O.F., 1989. O ponyatii «epistolyarnyy zhanr» v sovremennoy lingvisticheskoy literature [On the Concept of “Epistolary Genre” in Modern Linguistic Literature]. *Funktsionalno-semanticheskie aspekty yazykovykh yavleniy: sbornik statey* [Functional-Semantic Aspects of Linguistic Phenomena. Collected Articles]. Kuybyshev, Izd-vo KGU, pp. 103-110.

SOURCE

Arkhiv Literaturnogo muzeya SmolGU, otdel rukopisey [Archive of The Literary Museum of Smolensk State University, Department of Manuscripts]. F. 7. Op. 1. Ed. khr. 2, pp. 42-60.

Information about the Author

Inna A. Koroleva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language, Smolensk State University, Przhevalskogo St., 4, 214000 Smolensk, Russia, innakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

Информация об авторе

Инна Александровна Королёва, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, 4, 214000 г. Смоленск, Россия, innakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0597-6921>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.16>

UDC 811.112.2'42:61
LBC 81.432.4-51

Submitted: 14.01.2019
Accepted: 29.05.2019

SPEECH STRATEGY OF COMMUNICATIVE INITIATIVE CONTROL (ON MATERIAL OF GERMAN TALK-SHOW ABOUT HEALTH)

Elena Yu. Vasil'eva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. In the article mechanisms of the speech strategy of a communicative initiative control in a media medical discourse are described from a position of pragmalinguistics. Releases of the German talk-show about health "Hauptsache Gesund" served as material for the research. It is presumed that voluntary efforts to regulate exchange of communicative roles might influence the speech strategy of a communicative initiative control by means of different tactics in relation to the status of communicants. In the course of the research the following speech tactics were revealed: tactics of "an initiative transfer", of "taking of an initiative", of "stimulation of an initiative", of "evasion from an initiative" and "conclusion of a conversation". By means of correlation between communicative efforts of speech interaction partners the leading role of the moderator (a host of the talk show) in the course of redistribution of a communicative initiative is verified. It is revealed that the most frequent tactics are: tactics of "an initiative transfer" which is carried out by actions of the talk-show host with the aim to contribute to the development of subject lines of the program and to prepare mass audience for discussion of a new subject; the tactics of "conclusion of a conversation", implemented by means of a subject change and switching attention onto other speaker.

Key words: medical discourse, medical media discourse, speech strategy, speech tactics, control of the communicative initiative, exchange of communicative roles, verbal signal, non-verbal signal.

Citation. Vasil'eva E. Yu. Speech Strategy of Communicative Initiative Control (On Material of German Talk-Show about Health). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 183-194. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.16>

УДК 811.112.2'42:61
ББК 81.432.4-51

Дата поступления статьи: 14.01.2019
Дата принятия статьи: 29.05.2019

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ КОНТРОЛЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНИЦИАТИВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ТОК-ШОУ О ЗДОРОВЬЕ)

Елена Юрьевна Васильева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье с позиций прагматической лингвистики описываются механизмы реализации речевой стратегии контроля коммуникативной инициативы в пространстве медицинского медийного дискурса. Материалом для исследования послужили выпуски немецкого ток-шоу о здоровье «Hauptsache Gesund» (2015–2018 гг.). Показано, что целенаправленные усилия по контролю мены коммуникативных ролей составляют речевую стратегию контроля коммуникативной инициативы, которая реализуется с помощью разных тактик в зависимости от статуса коммуникантов: «передачи инициативы», «взятия инициативы», «поощрения инициативы», «уклонения от инициативы» и «завершения разговора». Посредством соотнесения коммуникативных усилий партнеров речевого взаимодействия установлено, что значимой в процессе перераспределения коммуникативной инициативы является роль модератора (ведущего ток-шоу). Определены наиболее частотные тактики: тактика «передачи инициативы», которая реализуется действиями ведущего ток-шоу, поскольку его основная задача – способствовать развитию сюжетных линий программы и подготавливать массовую зрительскую аудиторию к обсуждению новой темы, и тактика «завершения разговора», кото-

рая реализуется сменой темы и переключением внимания на другого собеседника. Показано, что при воплощении стратегии контроля коммуникативной инициативы участниками ток-шоу применяются и невербальные сигналы, сопровождающие высказывание и актуализирующие ту или иную тактику.

Ключевые слова: медицинский дискурс, медицинский медийный дискурс, речевая стратегия, речевая тактика, контроль коммуникативной инициативы, мена коммуникативных ролей, вербальный сигнал, невербальный сигнал.

Цитирование. Васильева Е. Ю. Речевая стратегия контроля коммуникативной инициативы (на материале немецкого ток-шоу о здоровье) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 183–194. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.16>

Введение

В современном медицинском медийном дискурсе, как и в других видах дискурса, коммуникация осуществляется в вербальной форме. Участвуя в коммуникации, говорящий имеет своей целью донести до слушающего необходимую информацию и достичь, таким образом, правильного толкования им своего намерения. Следовательно, адресант должен организовать свое речевое поведение так, чтобы оно адекватно воспринималось адресатом. Для достижения целей речевого общения коммуниканты применяют специальные коммуникативные стратегии и тактики. Как подчеркивает М.Л. Макаров, термины «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика» используются в любых более или менее серьезных трудах по коммуникативной лингвистике [Макаров, 2003, с. 193]. Разработкой проблем коммуникативных стратегий и тактик занимаются многие лингвисты (см., например: [Дейк, Кинч, 1988; Демьянков, 1983; Ильина, Покидов, 2017; Иссерс, 2008; Лукашова, 2014; Невзорова, 2017; Петрова, Егорченкова, Шамне, 2016; Сухих, 1986; Parret, 1983]), однако до сих пор нет их единой классификации. Это объясняется различными причинами: большим количеством жизненных ситуаций, разнообразием психотипов адресантов, форм коммуникации (монолог или диалог; устная или письменная).

Одним из первых отечественных лингвистов, использовавших в своих трудах понятия стратегии и тактики, является В.З. Демьянков. Исследователь считает, что сущность стратегий заключается в соблюдении определенных правил общения, и выделяет два типа стратегических планов, реализуемых адресантом: осознанный и подсознательный. Выполнение коммуникантом стратеги-

ческого плана осуществляется посредством нескольких тактик, зачастую одной основной и нескольких второстепенных [Демьянков, 1983, с. 122]. Многие ученые рассматривают стратегию в качестве умения планировать и организовывать общение таким образом, чтобы достичь желаемой коммуникативной цели. Тактику определяют как целенаправленный выбор языковых средств, способных повлиять на коммуниканта, как общность речевых действий, которая направлена на достижение цели коммуникации [Ильина, Покидов, 2017, с. 69].

Понимание стратегий и тактик как целенаправленной деятельности носителей языка закрепилось в учебной литературе (см., например: [Клюев, 2002, с. 7]). Автор этого пособия характеризует и механизм выбора той или иной стратегии: «Используя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель и, следуя определенной коммуникативной интенции, вырабатывает коммуникативную стратегию» [Клюев, 2002, с. 12]. Для достижения цели необходимым условием является рациональный выбор и использование тактик, которые трактуются как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [Клюев, 2002, с. 19]. Таким образом, основные характерные черты коммуникативных стратегий и тактик сформированы на основе целевой направленности индивида.

Кроме понятий коммуникативных стратегий и тактики для нашего исследования значимо понятие диалога. С технической точки зрения диалог выступает одним из основных объектов изучения в науке о языке [Арутюнова, 1990; Sacks, 1992]. Это обусловлено тем, что, несмотря на появление новых коммуникационных приемов, средств и методов, систематическая человеческая коммуникация представ-

ляет собой тесное диалогическое взаимоотношение, иными словами разговор. Поскольку диалог характеризуется динамичным сотрудничеством участников коммуникации, он развивается посредством мены коммуникативных ролей – адресанта и адресата. В диалоге вероятно неравенство речевых позиций говорящего и слушающего, вследствие чего в лингвистике появился термин «коммуникативная инициатива». М.Л. Макаров дает следующее его определение: «Коммуникативная инициатива – это процесс взаимовлияния стратегий, при котором ходы одного из коммуникантов определяют и предписывают пути развития дискурса» [Макаров, 2003, с. 217].

В исследованиях характеризуются случаи, когда обычная поочередная мена ролей адресанта и адресата нарушается участниками речевого взаимодействия. Коммуникативную инициативу можно перехватить или принудительно передать партнеру, следовательно, необходимо отличать инициативу адресанта и адресата в процессе мены коммуникативных ролей. Коммуникативная роль адресанта может перейти к адресату посредством следующих действий: адресантом становятся в результате обращения; от адресата требуется ответ на вопрос; очередного адресанта назначают партнеры речевого взаимодействия. Однако на обмен репликами может повлиять способ захвата инициативы адресатом. Мена коммуникативных ролей может быть реализована: по «гладкому» сценарию; в случае перебивания партнера; после паузы (подробно о таких ситуациях см.: [Макаров, 2003, с. 191; Яшина, 2014, с. 215]).

Согласно концепции О.С. Иссерс, перераспределение инициативы в диалоге связано со специальными действиями участников коммуникации, вызывающими нарушение процесса естественной мены ролей. Данные действия выражаются в тех или иных фразах, которые или содействуют сохранению инициативы говорящего, или же способствуют переходу инициативы от одного участника речевого взаимодействия к другому. Такое воздействие на процесс диалога осуществляется посредством речевой стратегии контроля инициативы. Исследователь систематизирует тактики, которые способствуют реализации этой стратегии, учитывая следу-

ющие параметры: переход или удержание инициативы адресантом; принудительный или добровольный характер передачи инициативы; усилия партнеров в отношении передачи инициативы, включающие такие тактики, как «перераспределение инициативы», «сохранение инициативы», «завершение разговора» [Иссерс, 2008, с. 215].

Управление инициативой представляет собой основной показатель владения коммуникативной инициативой. Он ярко выражен в таких типах институционального дискурса, как судебный, учебный, медийный. В данных типах дискурса возможность передавать инициативу имеет тот участник коммуникации, который изначально является более значимой коммуникативной фигурой (судья, учитель, ведущий) [Кудрявцева, 2017, с. 44].

В центре нашего внимания находится медицинский медийный дискурс. Материалом для анализа послужили видеозаписи немецкого телевизионного ток-шоу «Hauptsache Gesund», посвященного медицине и проблемам со здоровьем, – 10 выпусков ток-шоу с 2017 по 2018 г. общей продолжительностью звучания 8 часов¹.

Результаты и обсуждение

Стратегия контроля коммуникативной инициативы реализуется в диалогах участников ток-шоу речевыми тактиками «передачи инициативы», «взятия инициативы», «поощрения инициативы», «уклонения от инициативы», «завершения разговора». **Тактика «передачи инициативы»** реализуется посредством прямого обращения, называющего следующего говорящего по имени:

(1) Ситуативный контекст: К.1 – ведущий, К.2 – эксперт.

К.1: **Nicole**, die Grundzutaten für Bier, also Wasser, Hopfen und Malz, die kennt fast jeder. Aber was am Ende im Glas ist, das ist vielleicht für manchen überraschend.

К.2: Man muss immer auf die Menge aufpassen. Alkohol ist ja nicht immer gut für die Leber (29.11.2018).

Обращения могут свидетельствовать как о дистанции между собеседниками (вежливое официальное обращение на «Вы»), так и о ее сокращении (обращение на «ты», которое яв-

ляется показателем того, что коммуниканты, скорее всего, знакомы друг с другом):

(2) Ситуативный контекст: К.1 – ведущий, К.2 – врач.

К.1: Für welche Patienten kommt so eine Operation mit einem Ballon infrage? **Erzählen Sie uns bitte!**

К.2: Insbesondere dann, wenn Rekonstruktionen der Sehne nicht mehr möglich sind (29.11.2018).

(3) Ситуативный контекст: К.1 – эксперт ток-шоу, К.2 – спортсмен.

К.1: **Sag mal Franz, sag mal, hast du** es nach so einem Training schon mal mit einem alkoholfreies Bier getrunken, zur Erfrischung?

К.2: Nein, noch nie (20.04.2017).

При реализации тактики «передачи инициативы» адресант претендует на роль адресата, поэтому, формулируя вопрос по интересующей теме, дает возможность слушающему высказаться по той или иной проблеме:

(4) Ситуативный контекст: К.1 – ведущий, К.2 – врач.

К.1: Man denkt ja immer, Beschwerden mit der Achillessehne haben nur junge Sportler. Aber das ist gar nicht so! Warum sind auch Ältere so anfällig dafür?

К.2: Es trifft vor allem ältere Leute. Die grösste Gruppe sind Männer ab 50. Das etwas mit der Hormonumstellung zu tun. Da lagern sich freie Radikale in den grossen Sehnen ab. Das Gewebe wird belastungunfähiger und reist dadurch schneller (01.06.2017).

В примере (4) тактика «передачи инициативы» реализуется не только посредством специального вопроса (*Warum sind auch Ältere*

so anfällig dafür?), но и благодаря невербальным сигналам – знакам, имеющим материальную (действия и движения человека) и идеальную (значение, смысл, отражающие психологическое состояние той или иной личности) составляющие. Жесты могут сообщать дополнительную информацию, замещать отсутствующий вербальный элемент, дублировать смысл, который передается вербально (подробно об этом см.: [Петрова, Егорченкова, Шамне, 2016, с. 91]). В примере (4) таким невербальным сигналом является прямой взгляд адресанта на собеседника. Посредством такого знака адресант приглашает собеседника взять слово (рис. 1).

В исследуемом материале тактика «передачи инициативы» реализуется с помощью фраз и наречий, выражающих уточнение: *Das heist also..., also..., beziehungsweise..., wie ich verstanden habe...* Их функция состоит в том, чтобы восстановить опущенную информацию, перепроверить сказанное или выяснить личное представление партнера о какой-то проблеме:

(5) Ситуативный контекст: К.1 – ведущий, К.2 – врач.

К.1: **Das heist also**, dass, was ich rausschwitze, das kommt auch idealerweise ganz schnell wieder hinein.

К.2: Genau, je ähnlicher dieses Konstrukt, desto schneller kann der Körper die Mineralien als auch das Wasser aufnehmen (29.11.2018).

Передача коммуникативной инициативы может осуществляться также посредством

Рис. 1. Прямой взгляд адресанта на собеседника

речевых формул: ...*oder?* ...*nicht wahr?* ...*ja?*, являющихся в немецком языке элементами «речевой организации» [Wunderlich, 1976, S. 331]:

(6) Ситуативный контекст: К.1 – ведущий, К.2 – врач.

К.1: Das kann auch ein Gürtel vom Bademantel sein **oder?**

К.2: Ja (12.01.2017).

(7) Ситуативный контекст: К.1 – ведущий, К.2 – эксперт ток-шоу.

К.1: Herzlich willkommen Nicole Lins, Ernährungsexpertin. Nicole, das klingt für manch einen vielleicht zu simpel: Wer viel Zucker isst, wird zuckerkrank **oder?**

К.2: Es ist aber tatsächlich so, wobei nicht nur Zucker alleine, sondern alle Kohlenhydrate. Der Zuckerspiegel geht hoch, wir brauchen Insulin. Dann muss immer mehr Insulin ausgeschüttet werden und dann hat man relative schnell den Diabetes (15.06.2017).

Призыв к высказыванию является ожидаемым в рамках рассматриваемой телепередачи, поэтому перераспределение инициативы осуществляется по взаимному согласию собеседников:

(8) Ситуативный контекст: К.1 – ведущий, К.2 – врач.

К.1: Teilweise kann man auch andere Behandlungen machen. Wir haben mal einen Film vorbereitet. **Sie können ja mal kurz erklären, was da passiert.**

К.2: Wir sehen hier eine Katheter-Untersuchung. Hier wird ein kleiner Draht durch ein verstecktes Gefäß geschoben. Material wird abgesaugt. Blutgerinnsel, dass das Gefäß verstopft hat. Die Patienten sind örtlich betäubt. Im Verlauf kann man sehen, wie sich die Gefäße weiten (10.08.2017).

В приведенном примере призыв к высказыванию – вежливая и мягкая форма перераспределения ролей собеседников.

Анализ собранного фактического материала позволил обнаружить случай передачи коммуникативной инициативы, которая совершается посредством незаконченных предложений, то есть говорящий преднамеренно не заканчивает свою мысль. Кроме того, адресант изменяет интонацию, что также является призывом к ответу собеседника:

(9) Ситуативный контекст: К.1 – ведущий, К.2 – врач.

К.1: Der Körper gewöhnt sich also an die hohen Insulinmengen. Wenn wir also zu **reduzieren...**

К.2: Oder noch weitergehen, die Kohlenhydrate im gesamten reduzieren, könnten wir den Diabetestyp 2 heilen (08.06.2017).

Необходимо обратить внимание на невербальный сигнал, используемый модератором, – жест, при котором указательный палец направлен в сторону слушающего (рис. 2).

Современные лингвисты относят данный невербальный сигнал к «дейктическим иллюстративным жестам», отмечая, что такой кинемой говорящий выражает адресованность

Рис. 2. Жест, при котором указательный палец направлен в сторону слушающего

к собеседнику [Петрова, Егорченкова, Шамне, 2016, с. 103]. В примере (9) данный жест сигнализирует о том, что адресант ожидает ответа от адресата.

Как отмечает О.С. Иссерс, сохранение инициативы говорящим может происходить благодаря его собственным усилиям или усилиям собеседника [Иссерс, 2008, с. 221]. Формат рассматриваемой нами передачи не предполагает недружелюбного или невоспитанного поведения участников ток-шоу, поэтому частотной тактикой в проанализированном материале является **тактика «поощрения инициативы»**, которая реализуется посредством усилий второго коммуниканта. Нами отмечены случаи использования вербальных сигналов, когда слушающий поощряет инициативу говорящего, прибегая к минимальным репликам: *Ja-ja, natürlich, richtig, genau.*

(10) Ситуативный контекст: К.1 – врач, К.2 – ведущий.

К.1: Der Patient kann aktiv den Arm bewegen. Sonst bewegt man den Arm passiv und schaut, ab wann tut es weh. So kann man auch die Kraft testen. Z.b. bittet man den Patienten gegen zu spannen.

К.2: **Ja-ja.**

К.1: Man kann dann schauen, ob eine Sehne betroffen ist. Das sind die ersten Hinweise (17.08.2017).

(11) Ситуативный контекст: К.1 – врач, К.2 – ведущий.

К.1: Die Schulterkapsel ist da entzündet. Es bleibt in der Regel nur die operative Möglichkeit. Man versucht die Narben zu lösen, auf zu denen. Gegebenenfalls sogar die Kapsel durhzuschneiden. Man guckt, wo sind noch Narbenstränge, die ich noch nicht gelöst habe. Die Schulter wird danach physiotherapeutisch behandelt.

К.2: **Natürlich, ja.**

К.1: Hier kann man die Schulter nur schwer bewegen. Hier ist eine intensive Entzündung des Schleimbeutel in der Schulter vorhanden (17.08.2017).

Анализ собранного фактического материала позволил выявить ситуации, в которых инициатива поощряется участниками ток-шоу с помощью невербального сигнала: кивком головы. Этот жест лингвисты относят к «жестам-регуляторам» диалога, которые могут сопровождать речь или использоваться отдельно от нее. Функция «жестов-регуляторов» диалога заключается в том, что они поддер-

живают общение и способны управлять им [Петрова, Егорченкова, Шамне, 2016, с. 92]. Приведем пример такой ситуации, зафиксированный в нашем материале:

(12) Ситуативный контекст: К.1 – ведущий, К.2 – врач.

К.1: Es gibt noch eine 3. Methode. Auch die ist relative neu: ein Magnetband. Was wird da gemacht?

К.2: Das Magnetband ist ein Band aus Titankugeln. Die haben einen Magnetkern. Der wird unter die untere Speiseröhre herumgeschlungen. Durch die Magnetkraft wird das Band wieder zusammengezogen. Es schützt auf der anderen Seite vor dem Rückfluss von Mageninhalt. Wenn der Druck gross ist, dann öffnet sich das Band. Wenn man erbricht, dann öffnet sich das Band auch. Wenn der Druck aber nur ein wenig steigt, wie beim Reflux, dann schützt das Band vor dem Zurücklaufen (08.03.2018).

Высказывание одного из участников диалога сопровождается кивком головы, который направлен на поддержание коммуникации, в данном случае на ее поощрение, так называемый сигнал одобрения продолжения разговора. В современной лингвистике такой жест называют «академическим кивком». Многократно повторяющийся, как в приведенной ситуации, данный сигнал является ярким выражением фатической функции [Егорченкова, Шамне, 2016, с. 114]. Одобрение слов говорящего инсценируется более активно, поскольку кивок головы сопровождается закрытием глаз (см. рис. 3).

В рассматриваемом материале обнаружены случаи реализации **тактики «взятия инициативы»**. Ее использует ведущий ток-шоу, когда высказывание партнера (врача или пациента) затянuloсь и не укладывается во временной лимит телепередачи.

(13) Ситуативный контекст: К.1 – врач, К.2 – ведущий.

К.1: Ich habe versucht, dass er nicht losrennt. Ich habe festgehalten. Es hat auch nicht wirklich weh getan. Die Ärztin meinte dann, bitte gehen Sie dort nach drüben. Bitte benutzen Sie das Desinfektionsmittel. Bitte gehen Sie sofort zum Arzt.

К.2: **Und es ist dick geworden! Wir haben Fotos...**

К.1: Und es ist.

К.2: Hier haben wir ein Foto. Das ist die operierte Hand. Genäht sieht das so aus. Auch heute haben sie noch eine Narbe. Warum muss man beim Hundebiss so stark operieren? (07.09.2017).

В приведенном примере ведущий ток-шоу берет инициативу и продолжает рассказ пациента о том, что его рука распухла после укуса собаки, а далее переключает внимание телезрителя с пациента на фотографии прооперированной руки. Кроме этого, ведущий ток-шоу использует невербальный сигнал (рис. 4) – кинесический жест особого привлечения внимания «указательный палец вверх» (подробно о таком жесте см.: [Петрова, Егорченкова, Шамне, 2016, с. 120]).

Проанализированный нами материал позволяет сделать вывод о том, что **тактика «уклонения от инициативы»** реализуется в коммуникативном взаимодействии ведущего и пациента, врача и пациента. По мнению О.С. Иссерс, одним из приемов уклонения от инициативы со стороны слушающего являются

однословные ответы, которые демонстрируют коммуникативную пассивность [Иссерс, 2008, с. 222]. Приведем пример из нашего материала:

(14) Ситуативный контекст: К.1 – врач, К.2 – пациент.

К.1: Was wir als nächstes machen, ist, dass wir ihre Hände in Eiswasser baden, so dass wir die Situation simulieren, die Ihnen immer so zu schaffen macht.

К.2: **Gut.**

К.1: Hier ist der Finger, der Ihnen gerade zu schaffen gemacht hat, wunderbar durchblutet.

К.2: **Ok, verständlich.**

К.1: Wir können an der Stelle sagen, dass keine Gefäße verstopft sind. So wie es aussieht, ist es ein Raynaud-Phänomen. Das können wir heute bestätigen. Das zeigt auch diese Untersuchung (20.04.2017).

Рис. 3. Кивок головы с закрыванием глаз

Рис. 4. Кинесический жест особого привлечения внимания «указательный палец вверх»

Мы считаем, что в приведенном примере слушающий (пациент) уклоняется от инициативы не потому, что не хочет поддерживать разговор, а потому, что не способен его поддерживать, поскольку является носителем не профессиональной, а наивной картины мира (о таких ситуациях подробнее см.: [Жура, 2012, с. 54]).

Особым случаем контроля над инициативой является **тактика «завершения разговора»**. Существуют ситуации, когда беседа завершается по обоюдному желанию партнеров. Однако особенно сложным в плане реализации завершения разговора становится односторонний выход из диалога. Анализируя такие ситуации, О.С. Иссерс выделяет три коммуникативных приема, посредством которых совершается односторонний выход из коммуникации: прямой, косвенный и вспомогательный. К прямым приемам завершения разговора исследователь относит эксплицитные сообщения о завершении, более вежливые сообщения о намерении уйти и ритуальные завершения в рамках этикета, такие как, например, положительная оценка разбираемой проблемы и обобщение. К косвенным приемам завершения диалога автор относит уклонение от участия в беседе, сообщения, связанные с невозможностью развивать разговор вследствие временной ограниченности, присутствием третьего собеседника, состоянием здоровья и т. п., намеки на занятость участника речевого взаимодействия. К вспомогательным приемам завершения разговора О.С. Иссерс причисляет смену темы и переключение внимания на другого участника дискуссии [Иссерс, 2008, с. 226–227].

Коммуникация в рамках медицинского медийного дискурса направлена на передачу медицинской информации и ее правильное восприятие массовой аудиторией. Этические нормы данной дискуссии требуют взаимного уважения коммуникантов и эффективного общения. В проанализированном материале реализуются прямые, косвенные и вспомогательные тактики завершения дискуссии. Наиболее частотной является вспомогательная тактика завершения разговора, которая используется ведущим ток-шоу для того, чтобы вежливо закончить обсуждение одного аспекта проблемы и перейти к другому.

Изучая фактический материал, мы смогли выявить примеры реализации вспомогательной тактики завершения разговора:

(15) Ситуативный контекст: К.1 – врач, К.2 – ведущий.

К.1: Der Sonnenstich kann auch gefährlich sein. Aber meistens ist er nicht gefährlich. Meistens ist er nur mit Kopfschmerzen und etwas Übelkeit verbunden. Manchmal auch mit Erbrechen.

К.2: Wenn jemand überhitzt ist, führen wir Kälte zu. Idealer Weise schützt man sich aber sowieso gegen die Hitze. Und wie machen die Menschen das? Schauen wir ins Tierreich. Wildschweine suhlen sich gerne im Schlamm. Vögel und Hunde Eicheln. Und Störche beschweren sich mit Kot. Und der Mensch? (15.06.2017).

В приведенном фрагменте дискуссии врач высказывается на тему солнечного удара, а ведущий телепередачи использует невербальный сигнал, когда коммуникативная инициатива переходит в его руки (см. рис. 5).

Предвидя возможные действия собеседника (прерывание, вклинивание в разговор), ведущий ток-шоу вынужден реагировать на поведение партнера, поэтому использует жест-регулятор, представляющий собой виртуальную преграду, запретительный жест (рука поднята, ладонь направлена в сторону собеседника), нацеленный на предотвращение вклинивания (о таких знаках см.: [Егорченкова, Шамне, 2016, с. 113]). Кроме этого, ведущий изменяет тему разговора, и его фраза заканчивается вопросом, ответ на который телезритель находит уже в следующем сюжете ток-шоу. Таким образом, дискуссия между врачом и ведущим завершается.

Еще одним примером реализации вспомогательной тактики завершения разговора является переключение внимания на другого собеседника:

(16) Ситуативный контекст: К.1 – пациент, К.2 – ведущий, К.3 – приглашенный эксперт.

К.1: Ich bin am Morgen ins Bad gegangen und musste niesen. Um die andere nicht aufzuwecken, habe ich mir Handtuch genommen. Und ich nieste hinein und klappte vor Schmerz zusammen wie ein Taschenmesser.

К.2: Dieser Druck unten auf den Kanal hat das ausgelöst. Was mache ich da?

Рис. 5. Приподнятая рука направлена в сторону собеседника

К.3: In einer Weise sich auf die Erde legen oder ins Bett. Und die Beine hoch legen. Das nennt man Stufenlagerung. Das kann man schlecht vormachen, dass es bei jedem anders, wie er in diese Position kommt. Aber irgendwie muss auf dem Rücken liegen und die Beine sind oben (15.06.2017).

В данном примере после последней фразы пациента ведущий переключает свое внимание и внимание зрителей на приглашенного эксперта и задает ему вопрос, поскольку его интересует авторитетное мнение в рамках обсуждаемой проблемы. Кроме этого, ведущий ток-шоу использует вспомогательный невербальный сигнал (рис. 6), демонстрирующий вежливость, – указывает рукой в сторону «авторитета» (подробную характеристику этого

жеста см. в работе: [Петрова, Егорченкова, Шамне, 2016, с. 104]).

После обращения ведущего к специалисту его диалог с пациентом завершается.

В рамках анализируемой телепередачи встречается косвенная тактика завершения беседы, которая, в большинстве случаев, связана с временной ограниченностью. Поскольку дискуссии телевизионного ток-шоу «вписаны» в строгие временные рамки, коммуникация собеседников строго регламентируется, а за соблюдением правил следит ведущий:

(17) Ситуативный контекст: К.1 – врач, К.2 – ведущий.

К.1: Man sollte den Körper schützen vor Auskühlung. Der Körper versucht, dieses Wärme zu

Рис. 6. Ведущий указывает рукой в сторону эксперта

zentralisieren. Verletzungen sind aber möglich, die schlecht abheilen. Oder Krankheiten, die zu Grunde liegen, dass man auskühlt. Das ist auf Basis von ätherischen Ölen. Damit kann man sich die Hände oder Füße einreiben. Das fördert ein bisschen die Durchblutung. Das fördert die Feinmotorik. Es ist eine schöne Variante. Sie trainieren die Handmuskeln und regen die Gefäße an...

K.2: Und sie können Handschuhe und Socken stricken!

K.1: Warme Socken und Handschuhe stricken, genau!

K.2: Vielen Dank für das Gespräch, Frau Dr. Mühlberg (15.06.2017).

В приведенном примере ведущий перехватывает инициативу у врача, используя шутку, и переключает внимание телезрителя на себя, прощаясь с приглашенным экспертом.

В медицинском медийном дискурсе встречается прямая тактика завершения дискуссии. Однако отметим, что коммуникативные приемы, которые прямо указывают на завершение речевого взаимодействия, такие как эксплицитные сообщения, неприемлемы в рамках анализируемого ток-шоу о здоровье. Выше мы упоминали о том, что существуют более вежливые ритуальные завершения в рамках этикета, которые являются актуальными в рассматриваемой телевизионной передаче:

(18) Ситуативный контекст: К.1 – приглашенный эксперт, К.2 – ведущий.

K.1: Ja richtig, wir geben der Bandscheibe die Chance, wieder rein zu gehen.

K.2: Bett und Schulleitung sind komplett tabu. Den Ruhe kann die Symptome zusätzlich verschlimmern. Wie so oft hilft wie so oft nur Bewegung. Aber dazu müssen erstmal die Schmerzen weg und dabei hilft die Schmerztherapie (15.06.2017).

В приведенном фрагменте финальная реплика используется для реализации прямой тактики завершения разговора, которая представлена подведением итогов, то есть резюмированием.

Выводы

В медицинском медийном дискурсе мена коммуникативных ролей осуществляется в стратегии «контроля коммуникативной инициативы», для реализации которой используют-

ся разные тактики в зависимости от статуса коммуникантов. Частотна тактика «передачи инициативы», которая актуализируется усилиями ведущего ток-шоу, поскольку он является модератором: следит за развитием действия и подготавливает телезрителя к очередному сюжету. Адресаты, как правило, обращаются к тактике «взятия инициативы». Сохранение коммуникативной инициативы осуществляется посредством тактики «поощрения инициативы», используемой слушающим. Тактика «уклонения от инициативы» реализуется пациентами вследствие того, что они, будучи носителями наивной картины мира, не способны поддерживать профессиональную дискуссию. Прямые, косвенные и вспомогательные тактики «завершения разговора» в полной мере используются ведущим ток-шоу. Наиболее частотна вспомогательная тактика «завершения разговора», реализуемая посредством смены темы и переключения внимания на другого собеседника. При воплощении стратегии контроля коммуникативной инициативы участниками ток-шоу применяются и невербальные сигналы, сопровождающие высказывание и актуализирующие ту или иную тактику.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Использованы материалы ток-шоу «Hauptsache Gesund», представленные на сайтах Mitteldeutsche Rundfunk (<https://www.mdr.de>) и ARD (www.ardmediathek.de). В ссылках на выпуски ток-шоу указана дата выпуска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1990. Феномен второй реплики, или О пользе спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. С. 175–189.
- Дейк Т. А. ван, Кинч В., 1988. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. М. : Прогресс. Вып. 23. С. 153–211.
- Демьянков В. З., 1983. Аргументирующий дискурс в общении // Речевое общение: проблемы и перспективы : сб. науч.-аналит. обзоров / сост. В. Г. Садур. М. : ИНИОН. С. 114–131.

- Егорченкова Н. Б., Шамне Н. Л., 2016. Координативные ресурсы мультимодальной интеракции в политическом ток-шоу // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (30). С. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.14>.
- Жура В. В., 2012. Взаимодействие картин мира врача и пациента в ходе медицинской коммуникации и способы их экспликации // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине : сб. ст. / под общ. ред. В. Л. Лехциера. Самара : Изд-во Сам. гос. ун-та. С. 54–65.
- Ильина И. А., Покидов Д. К., 2017. Дискурс-анализ общественно-политических ток-шоу // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. № 2 (58). С. 62–74.
- Иссерс О. С., 2008. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : ЛКИ. 288 с.
- Клюев Е. В., 2002. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М. : Рипол Классик. 320 с.
- Кудрявцева А. Ю., 2017. Речевые реализации стратегии доминирования в официальном диалоге (на материале ток-шоу) : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 184 с.
- Лукашова Р. Н., 2014. К вопросу о коммуникативных стратегиях и тактиках // Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире : материалы VII Науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Л. Р. Татарникова. Чита : Изд-во Забайк. гос. ун-та. С. 23–29.
- Макаров М. Л., 2003. Основы теории дискурса. М. : Гнозис. 280 с.
- Невзорова М. С., 2017. Стратегия тематического контроля медицинской научно-профессиональной дискуссии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (73), ч. 1. С. 135–140.
- Петрова А. А., Егорченкова Н. Б., Шамне Н. Л., 2016. Мультимодальное взаимодействие в интерактивном пространстве медиа-политического дискурса : монография. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 144 с.
- Сухих С. А., 1986. Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его единицы : межвуз. сб. науч. тр. / собр., ред., предисл. И. П. Сусов. Калинин : Изд-во КГУ. С. 71–77.
- Яшина Н. В., 2014. Некоторые особенности организации речевого взаимодействия в телеинтервью // Человек в информационном пространстве : сб. науч. тр. / под общ. ред. Н. В. Анишкиной. Ярославль : Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского. С. 213–218.
- Parret H., 1983. Semiotics and Pragmatics : An Evaluative Comparison of Conceptual Frameworks. Amsterdam : Philadelphia. 136 p.
- Sacks H., 1992. Lectures on Conversation / ed. G. Jefferson. USA : Blackwell Publishing. 2 vols.
- Wunderlich D., 1976. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt a. M. : Suhrkamp. 416 S.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1990. Fenomen vtoroy repliki ili o polze spora [Phenomenon of the Second Remark or About Advantage of a Dispute]. *Logicheskij analiz yazyka. Protivorechivost i anomalnost teksta* [The Contradictory and Anomalous Character of the Text]. Moscow, Nauka Publ., pp.175-189.
- Deyk T.A. van., Kinch V., 1998 Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for Understanding of Coherent Text]. Petrova V.V., Gerasimova V.I., eds. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka* [New Tendencies in Foreign Linguistics. Cognitive Aspects of Language], no. 23, pp. 153-211.
- Demyankov V.Z., 1983. Argumentiruyushchiy diskurs v obshchenii [The Reasoning Discourse in Communication]. Sadur V.G., ed. *Rechevoe obshchenie: problemy i perspektivy: sb. nauch.-analit. obzorov* [Speech Communication: Problems and Prospects: Collection of Scientific and Analytical Reviews]. Moscow, INION Publ., pp. 114-131.
- Egorchenkova N.B., Shamne N.L., 2016. Koordinativnye resursy multimodalnoy interaktsii v politicheskom tok-shou [Coordinative Resources of Multimodal Interaction in Political Talk-Show]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 107-118. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.14>.
- Zhura V.V., 2012. Vzaimodeystvie kartin mira vracha i patsienta v khode meditsinskoy kommunikatsii i sposoby ikh eksplikatsii [Interaction of Worldviews of Doctor and Patient During Medical Communication and Ways of Their Explication]. Lekhtsier V.L., ed. *Obshchestvo remissii: na puti k narrativnoy meditsine: sb. st.* [Society of Remission: On the Way to Narrative Medicine. Collected Articles]. Samara, Izd-vo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 54-65.
- Ilyina I.A., Pokidov D.K., 2017. Diskurs-analiz obshchestvenno-politicheskikh tok-shou [Discourse Analysis of Social and Political Talk-Shows]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologiy upravleniya i ekonomiki* [Scientific Notes of UMTE], no. 2 (58), pp. 62-74.

- Issers O.S., 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of the Russian Speech]. Moscow, LKI Publ. 288 p.
- Klyuev E.V., 2002. *Rechevaya kommunikatsiya: uspehnost rechevogo vzaimodeystviya* [Speech Communication: Success of Speech Interaction]. Moscow, Ripol Klassic Publ. 320 p.
- Kudryavtseva A.Yu., 2017. *Rechevye realizatsii strategii dominirovaniya v ofitsialnom poliloge (na materiale tok-show): dis. ... kand. filol. nauk* [Speech Implementation of the Domination Strategy in the Official Polylogue (Based on Talk Shows). Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 184 p.
- Lukashova R.N., 2014. K voprosu o kommunikativnykh strategiyakh i taktikakh [To the Issue of Communicative Strategies and Tactics]. Tatarnikova L.R., ed. *Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya v sovremennom mire: materialy 7-y Nauchno-praktich. konf. s mezhdunar. Uchastiem* [Linguistics and Intercultural Communication in the Modern World. Proceedings of the 7th Scientific and Practical Conference with the International Participation]. Chita, Izd-vo Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta, pp.23-29.
- Makarov M.L., 2003. *Osnovy teorii diskursa* [Bases of the Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ. 280p.
- Nevzorova M.S., 2017. Strategiya tematicheskogo kontrolya meditsinskoy nauchno-professionalnoy diskussii [Strategy of Thematic Monitoring of Medical Scientific and Professional Discussion]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 7 (73), part 1, pp. 135-140.
- Petrova A.A., Egorchenkova N.B., Shamne N.L., 2016. *Multimodalnoe vzaimodeystvie v interaktivnom prostranstve media-politicheskogo diskursa: monografiya* [Multimodal Interaction in Interactive Space of a Media and Political Discourse. Monograph]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo. 144 p.
- Sukhikh S.A., 1986. Rechevye interaktsii i strategii [Speech Interactions and Strategies]. *Yazykovoe obshchenie i ego edinitsy: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Language Communication and Its Units. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Kalinin, Izd-vo KGU, pp. 71-77.
- Yashina N.V., 2014. Nekotorye osobennosti organizatsii rechevogo vzaimodeystviya v teleintervyu [Some Peculiarities of Organization of Speech Interaction in TV Interviews]. Aniskina N.V., ed. *Chelovek v informatsionnom prostranstve: sb. nauch. tr.* [Man in the Information Space. Collection of Scientific Papers]. Yaroslavl, Izd-vo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K.D. Ushinskogo, pp.213-218.
- Parret H., 1983. *Semiotics and Pragmatics: An Evaluative Comparison of Conceptual Frameworks*. Amsterdam, Philadelphia. 136 p.
- Sacks H., 1992. *Lectures on Conversation*. USA, Blackwell Publ. 2 Vols.
- Wunderlich D., 1976. *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp. 416 s.

Information about the Author

Elena Yu. Vasil'eva, Postgraduate Student, Department of German and Romance Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, alyn85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6586-7209>

Информация об авторе

Елена Юрьевна Васильева, аспирант кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, alyn85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6586-7209>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.17>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.1.5

Submitted: 20.04.2018
Accepted: 27.02.2019

VECTORS OF VALUE ORIENTATION EVOLUTION OF PERSONAL ASSESSMENT AREA IN MODERN MEDIA DISCOURSE

Kseniya V. Kokina

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The urgent issue about the evolution of value orientations in modern linguistics is considered from the point of view of realization of contextual evaluative conceptualization in the texts of media discourse in line with the elaboration of the problem of determining the vectors of transformation processes.

The subject of the media discourse analysis is a personal value area of a human presented in the texts related to the basic value of family and children. In the article the concept of valorizing discourse is defined as a representative type of evaluative discoursivization. The means of structuring the evaluative relation to family as markers of value orientations and means of evaluative conceptualization are revealed on the basis of dynamic processual approach to discourse, methods of interpretative analysis and inference. Discursive analysis of the English and German texts of valorizing discourse helped to discover reframing of the conventional idea about the family, construction of the "real" value for a person instead of the established one, and also combination of value orientations in addition to another value concept. It is mentioned that revelation of the evolution vectors of value orientations is based on the Russian and German linguistic culture, and also the possibility of using this analysis concerning other linguistic cultures may take place.

It is established that the evolution processes in the modern personal axiosphere are defined by the processes of divergence or negation, inversion and integration.

Key words: value, evaluative conceptualization, evolution of the values, valorizing discourse, media text, Russian language, German language.

Citation. Kokina K. V. Vectors of Value Orientation Evolution of Personal Assessment Area in Modern Media Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 195-203. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.17>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.1.5

Дата поступления статьи: 20.04.2018
Дата принятия статьи: 27.02.2019

ВЕКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ПЕРСОНАЛЬНОЙ АКСИОСФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Ксения Викторовна Кокина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Актуальный в современной лингвистике вопрос об эволюции ценностных ориентиров рассматривается с точки зрения реализации контекстуальной оценочной концептуализации в текстах медийного дискурса и в русле разработки проблемы определения векторов трансформационных процессов. В качестве предметной сферы анализа медийного дискурса избрано личностное ценностное пространство человека, представленное текстами, темой которых является отношение к базовой ценности «семья и дети». В статье уточняется понятие валоризирующего дискурса как репрезентативного вида оценочной дискурсивизации. На основе динамического процессуального подхода к дискурсу с применением методов интерпретативного анализа и инференции устанавливаются способы структурирования оценочного отношения к семье как маркера ценностных ориентиров и способов оценочной концептуализации. Дис-

курсивный анализ текстов валоризирующего дискурса на русском и немецком языках позволил определить возможности рефрейминга конвенционального представления о семье, конструирования «истинной» ценности человека взамен устоявшейся, а также соединения ценностных смыслов в дополнение к другому ценностному понятию.

Делается вывод о том, что векторы эволюции ценностных ориентиров в современной персональной аксиосфере обусловлены их дивергенцией, отрицанием, инверсией и интеграцией. Отмечается возможность применения методики выявления эволюции ценностных ориентиров при изучении других лингвокультур, в которых характеризуются эволюционные процессы.

Ключевые слова: ценность, оценочная концептуализация, эволюция ценностей, валоризирующий дискурс, медиатекст, русский язык, немецкий язык.

Цитирование. Кокина К. В. Векторы эволюции ценностных ориентиров персональной аксиосферы в современном медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 195–203. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.17>

Введение. Валоризирующий дискурс и его роль в формировании ценностей

Развитие информационного общества сопровождается коренными изменениями форм бытия и коммуникации, способов порождения и мультиплицирования мнения и оценки, интенсивной трансформацией ценностей в современной культуре. В процессе цивилизационных сдвигов, по мнению ученых, происходит «слом», «дрейф» традиционных ценностей [Кузнецов, 2017], эволюция ценностных ориентиров [Лингвистика и аксиология..., 2011]. Наиболее репрезентативен в этом плане медиадискурс, поскольку медийное информационное коммуникативное пространство становится пространством репрезентации современных способов формулирования, формирования и продвижения наиболее значимых ценностных смыслов. Они ориентированы прежде всего на субъектно и оценочно центрированную когнитивную систему адресата. Такая тенденция характеризуется переосмыслением и столкновением ценностей коллективных и индивидуальных, универсальных и культурно специфичных, традиционных и новых. Ценности являются определенным образом сгруппированными принципами, предпочтениями, нормами, идеалами, формирующими «аксиосферу» и аксиологическое измерение языка, онтологически отражающего экзистенциальный статус переживания человеком такого состояния, которое В.В. Ильин назвал «между миром реального и миром должного, сущностного, желаемого» [Ильин, 2005]. Кроме того, ценности рассматриваются как вечные объекты [Whitehead, 1967], воплощающи-

еся в актуальные сущности и становящиеся внутренней реальностью явления для человека и общества. Включенность человека в «вечный мир» ценностей определяется благодаря инкультурации и социализации по оси семиотического континуума передачи особо значимых смыслов, формирующих в обществе разделенное знание. Вместе с тем в аспекте дискурсивной самоидентификации говорящего они могут иметь относительное, индивидуально-личностное воплощение в дискурсе «здесь и сейчас», в котором реализуется конструирование ценностных смыслов, высказывается субъектное интерпретативное отношение человека к миру, социуму, ближайшему окружению, собственным целевым ориентирам и установкам, сформировавшимся на базе опыта и моделей освоенного знания, которые составляют основу, с одной стороны, для личностной самоидентификации человека, с другой – для возникновения общих смыслов в социальной коммуникации.

Формирование оценочного отношения к воспринимаемому и осмысляемому объекту реализуется посредством определенных дискурсивных стратегий и конструирует контекстуальный ценностный смысл по отношению к предмету осмысления – дискурсивному топикю. Концептуальное пространство оценки – маркера глубинного уровня концептуализации – представлено непрерывной референцией в соответствии со шкалой инференции к освоенной системе ценностей с двумя экстремумами «хорошо» – «плохо» на основе эталонов, корректирующих инференцию. Структуры размышления и понимания, в частности в виде фреймов, с необходимостью возводятся к ценностным

ориентирам [Lakoff, 1987, p. 235]. В работах Н.Н. Болдырева показано, что соотношение, оценивание воспринимаемых объектов с уже существующими концептами и категориями отражает интерпретацию как освоение мира человеком, составляя оценочную концептуализацию [Болдырев, 2002; 2004]. Она происходит, как это показано С.Н. Плотниковой и Е.Ф. Серебренниковой [Плотникова, Серебренникова, 2013], в траектории дискурсивизации, что репрезентируется в ценностных ориентирах дискурса как «живого» субъектного знания, мнения, оценки. Валоризация – повышение или понижение ценностного статуса дискурсного топика – осевой процесс оценочной концептуализации. Дискурс, в котором реализуется базовая интенция говорящего к валоризации, проецирующей целостную траекторию дискурсивизации, Е.Ф. Серебренникова предлагает определять как валоризирующий тип дискурса [Серебренникова, 2015; 2017]. Виды валоризирующего дискурса представлены текстами, в которых выражено собственно оценочное суждение, и текстами, в которых смыслообразование выстроено как структурирование оценочного отношения к объекту [Лингвистика и аксиология..., 2011].

В исследованиях Е.Ф. Серебренниковой показано, что значимости, восходящие к нравственным, мировоззренческим или эстетическим нормам, идеалам и предпочтениям, в процессе валоризации осмысляемого приобретают характер ценностей, ценностных ориентиров и установок, а также что в континууме эволюции культуры и общества формируется аксиологический континуум, изменяющийся под влиянием факторов «хронотопа», «духа времени» и телеологии человека, на которую безусловное влияние оказывает понимание конечности жизни (см., например: [Серебренникова, 2013]).

Валоризирующий дискурс, таким образом, является наиболее репрезентативным для анализа оценочной дискурсивизации; процесс его реализации, смыслопорождение от интенциональности (термин Дж. Серля: [Searle, 1983, p. 79]) до дестинации, представляет собой конструирование оценочного отношения в дискурсе в данных параметрах коммуникации.

В связи с этим актуальным является дальнейшее исследование проблемы эволю-

ции ценностных ориентиров, разрабатываемой в аксиологии [Ильин, 2005; Каган, 1997] и лингвоаксиологии [Арутюнова, 1988; 1999; Вольф, 2002; Карасик, 2002], на основе анализа медийного валоризирующего дискурса предметной сферы личностного ценностного пространства.

На современном этапе развития культуры и общества наблюдаются изменения, обусловленные более активной ролью субъекта в социальной жизни и открытостью личной сферы тенденциям и изменениям в обществе и культуре (подробно об этом см.: [Ахиезер, Сайко, 2006]). Следовательно, важным представляется изучение трансформации ценностного отношения в дискурсе с целью выявления современных тенденций изменений личностной аксиосферы.

Методология и материал исследования

Методология нашего исследования опирается на положения теории ценностей, оценки, динамический, интерпретативный, процессуальный подходы к изучению дискурса с точки зрения его когнитивной природы в модели траектории дискурсивизации [Плотникова, Серебренникова, 2013], а также на параметры и категории аксиологически ориентированной лингвистики [Арутюнова, 1988; 1999; Вольф, 2002; Казыдуб, 2009; Карасик, 2002; Серебренникова, 2017; Слышкин, 2004]. В центре нашего внимания находятся процессы концептуализации и категоризации с точки зрения их актуальной репрезентации в дискурсе как субъектно обусловленных интерпретативных процессов конструирования особо значимого смысла. Установление способов репрезентации оценочной концептуализации в валоризирующем медийном дискурсе представляет собой одну из актуальных проблем аксиологически ориентированной лингвистики.

Один из значимых «топосов» означивания личностной персональной сферы и одна из базовых ценностей наряду с такими, как добро, любовь, жизнь, – это ценность «семья и дети». Создание и существование семьи, рождение детей, являющихся в мире реального основным способом продолжения бытия народа, в ценностном плане видится как некое защитное поле вокруг человека, которое представляет ценностные ориентиры обеспе-

чения будущего и естественного пути самореализации.

Способы структурирования оценочного отношения к семье как маркеры ценностных ориентиров определяются нами на материале медиатекстов на русском и немецком языках, включенных в валоризирующий дискурс. Такие тексты рассматриваются как единый массив, без учета специфики русской и немецкой лингвокультуры. Предметную сферу анализа составляет личностное ценностное пространство человека, представленное текстами, темой которых является отношение к базовой ценности «семья и дети». Источником материала для анализа послужили интернет-ресурсы; корпус медиатекстов отобран в результате поиска по ключевым словам персональной сферы мнения и оценки, например: *по-моему, семья – это...; для меня дети – это...; думаю, что семья...; семья сегодня...; семья – это главное; семья – это не главное; Familie ist das wichtigste im Leben; Glücklich mit Kindern, frei vom Kind.*

В рамках статьи представим анализ шести текстов (см. список источников), отобранных методом случайной выборки из общего корпуса текстов валоризирующего дискурса, дискурсным топиком которых является отношение к семье и детям. Этот материал репрезентативен с точки зрения отражения способов структурирования оценочного отношения к семье как базовой ценности, поскольку значимость, восходящая к нравственной норме «семья и дети», в валоризирующем типе дискурса приобретает в континууме эволюции культуры характер ценности или ее антипода – антиценности.

Способы репрезентации ценностных изменений

Выявлены 3 способа репрезентации изменений в отношении ценностных ориентиров в валоризирующем дискурсе.

Способ 1. Структурирование референциальной ценностной оппозиции «раньше – сейчас»: устойчивое понимание семьи как традиционной базовой ценности / актуальная оценочная концептуализация понятия семьи. Такой способ реализуется в статьях «Дети – это счастье, а разве может быть счастья слишком

много?» (ПОЛАВКАМ), «Чайлдфри: как возникает и стоит ли бороться» (ОБ).

Устойчивое понимание семьи как традиционной ценности раскрывается в статье посредством позитивных ассерций – оценочных суждений о семье как цели и смысле жизни.

Семья – это: *будущее рода и всего человечества* (ПОЛАВКАМ); *главная цель в жизни множества людей* (ПОЛАВКАМ).

Абсолютная ценность семьи связана с рождением детей, что подтверждается переносом понимания семьи в координаты базовой нравственной антиценности персональной сферы человека – позора: *бездетность считалась позором* (ПОЛАВКАМ).

При этом глагол коллективного мнения и оценки *считаться* в прошедшем времени задает ретроспективную проекцию, имплицитную изменение данного ориентира в настоящее время.

Как видим, оценочная концептуализация осуществляется благодаря апелляции к аксиологемам, являющимся именами ценностно насыщенных концептов «Будущее», «Главная цель в жизни», а также с опорой на воспроизведение доксистического мнения с точки зрения его изменения.

Актуальная, изменившаяся оценочная концептуализация реализуется в описании этого понятия как «лучшей жизни», в результате чего смысложизненная ценность «семья» теряет свою значимость.

В отличие от ассерций ценностного понимания семьи «раньше», новая ценностная ориентация – «лучшей жизни» – конструируется путем проекции в будущее; аксиологической стратегией является валоризация будущего, которое требует изменения отношения человека к себе «здесь и сейчас»: жизнь у человека одна, женщина имеет право делать выбор жизненного пути по своему усмотрению. Грамматическую основу такой дискурсивизации составляет будущее время глагола-предиката, выстраивающего желаемый ориентир «лучшей жизни» в координатах ситуации жизни «без детей». К аргументам в реализации стратегии относятся:

– подведение под ценностный ориентир «насыщенность жизни»: *жизнь будет насыщена без малышей* (ОБ);

– подведение под ценностный ориентир «успех», «карьера», «самореализация» в векторе экстремума «плохо»: *дети станут по-мехой карьеры и самореализации* (ОБ);

– подведение под непреодолимую альтернативу (жизнь или ребенок) и совершение выбора автором вместо людей, обобщающее утверждение о том, что и как чувствуют люди: *люди сегодня не хотят жертвовать своей жизнью ради ребенка* (ОБ); субъект дискурса принимает позицию коллективного субъекта оценочного суждения;

– подведение под новый концепт «Чайлдфри»; концептуальное заимствование в российскую инфосферу из глобальной инфосферы в форме транскрипции англоязычного слова-имени концепта маркирует его принадлежность сфере моды, актуальных «трендов» современной культуры.

В анализируемых текстах аргумент обосновывается путем апелляции к «эталонной», прецедентной сакральной ситуации жертвования, причем в качестве жертвы представляется сам человек, его жизнь. Следует отметить, что заголовок текста, сформулированный в виде постановки проблемы, вопроса *Чайлдфри: как возникает и стоит ли бороться* (ОБ), также является средством валоризации данной персональной сферы человека и индикатором происходящей эволюции ценностей. Дискурсивный анализ примеров валоризирующего дискурса демонстрирует изменение, возможность рефрейминга стереотипного, конвенционального представления о семье.

Способ 2. Выражение сомнения в базовой ценности или ее однозначное отрицание на основе создаваемых в дискурсе новых ценностных ориентиров. Сомнение и отрицание конструируются в смысловом пространстве «sollen / sein» как основной морально-нравственной альтернативы человека, сформулированной еще И. Кантом.

Данный способ наиболее полно представлен в статьях «Familie: besser leben ohne Kinder» (Eltern) – «Семья: лучше жить без детей» (здесь и далее перевод с немецкого наш. – К. К.) и «Frau soll frei vom Kind sein» (WZ) – «Женщина должна быть свободна от ребенка», в которых конструируется новое ценностное осмысление семьи, «семьи без детей» посредством:

– постановки под сомнение устойчивой ценности «семья и дети» как базовой для женщины путем введения новообразования *Famimami* с ироничным карикатурным эффектом (неологизм *Famimami* создан на основе сложения двух слов *Familie* (семья) и *Mutter* (мама) и означает в контексте «мутировавших» в семейное существо женщин). Оценочная концептуализация здесь отражает негативное отношение к базовой ценности, что приводит к изменению ценностного смысла посредством перестановки ценности семьи в координаты антиценности;

– категоризации отрицательного отношения к материнству в виде негативных, достаточно категорических утверждений, введения аксиологемы «материнство» в отрицательный контекст: *zweifache Mutter genießt ihre Elternschaft nicht besonders* (WZ) – «дважды мать не особо наслаждается материнством»; *die Mutterschaft besteht aus üblen Schmerzen bei der Geburt, dem Verzicht auf sämtliche Lebensfreude* (Eltern) – «материнство состоит из неприятных болей при рождении ребенка и отказа от всех радостей жизни»; *der Dauerbelastung durch Job, Haushalt und das Erziehen kleiner Egoisten sowie dem geradezu zwangsläufigen Verdummen und Verfetten* (Eltern) – «постоянная нагрузка на работе, домашнее хозяйство и воспитание маленьких эгоистов, а также почти неизбежное отупление и ожирение». В результате такой контекстуализации происходит конструирование новой симулятивной ориентации ценностного смысла: семья не может рассматриваться в качестве блага и ценностно положительного понятия;

– апелляции к личному опыту женщин. Для этого используется такой аргумент, как экземплификация, личное свидетельство: отрицание «семьи с детьми» осуществляется на основе воспроизведения отрицательного опыта реальной, конкретной матери двух детей; высказывание персонализируется, рассказ ведется от первого лица в форме диалога, доверительного разговора о реальности повседневной жизни, исповедального мнения о сущности происходящего: *Ich persönlich habe in meinem ganzen Leben nichts erlebt, das (Kindergeburt) mir so weh getan hätte. Erstens tut es verdammt weh. Und zweitens, haben Sie*

sich schon einmal die Brüste einer stillenden Frau angesehen? Appetitlich ist das nicht. Von Schrunden und Rissen entstellte Brüste, an denen die Milch herunterläuft, igittigitt! Kinder zu bekommen heißt, sich bedingungslos und unwiderruflich zu verpflichten (Eltern) – «Лично я в своей жизни никогда не испытывала такой боли, как при рождении ребенка. Во-первых, это безумно больно, во-вторых, вы когда-нибудь видели грудь кормящей женщины? Это далеко не привлекательно. Обезображенная от растяжек и трещин грудь, по которой стекает молоко, фуфufу. Завести детей – это безоговорочно и окончательно взять на себя обязательство так жить». Воспроизведение личного опыта имплицитно ожидание эмпатии от адресата. Новый ориентир, противоположный устойчивой ценности, репрезентируется как существующая реальность, разделяемая и переживаемая многими, что представляет собой контекстную актуальную оценочную концептуализацию ценности семьи в качестве псевдоценности и ее репрезентацию на данных основаниях.

Используется номинативный, а не предикативный способ означивания жизни в связи с рождением детей: *und das (Kinder, Nerven usw) für den Rest des Lebens* (Eltern) – «и это (дети, нервы и т. д.) до конца жизни»; *...dass Sie Ihr «Leben davor» zu Grabe tragen müssen* (Eltern) – «что Вы должны похоронить свою жизнь “до”»; *Ihr Leben spielt sich nur noch in den Zeitfenstern ab, die Ihr Kind Ihnen lässt* (Eltern) – «Ваша жизнь происходит только в те промежутки времени, которые Вам дает Ваш ребенок»; *Verzicht auf sämtliche Lebensfreude* (Eltern) – «отказ от всех радостей жизни». Репрезентация представлений о деторождении как элементе фрейма «Жизнь» способствует восприятию жизни как статичной, застойной, не имеющей для матери никакого развития, превращает видение жизни в ее антипод – безжизненность и, таким образом, способствует актуальной оценочной концептуализации семьи как не совсем или вовсе неприемлемого образа существования человека.

Создаваемое данным способом отрицание устойчивой ценности «семья и дети», как и в случае первого способа, приводит к конструированию «истинностной» ценности чело-

века, которая, по сути, проявляется как «сверхценность» личностного бытия – ценность жизни отдельного человека как жизни для себя (*sein*) в противоположность жизни для других – ради семьи, ради детей (*sollen*). Эти направления дискурсивизации выражены в ценностном суждении-кредо: *Besser leben ohne Kinder* (WZ) – «Лучше жить без детей».

Способ 3. Компромиссная аргументация на основе интегральной ценности.

Анализ текстов интервью с психологом Анатолием Некрасовым «Главное предназначение человека – быть счастливым» (КазВед) и с телеведущей Туттой Ларсен «“Тутта Ларсен”. Интервью. Телеведущая» (Слимим) позволяет говорить о таком феномене в валоризирующем дискурсе, как оценочная концептуализация посредством создания на фоне двух ценностей одной, интегральной ценности, более значимой с точки зрения видения целей, смысла жизни, ее предназначения.

В указанных интервью ценности «семья и дети» и «карьера» не противопоставляются, а дополняют друг друга: *Постоянный труд и наличие брака – это еще не предназначение* (КазВед); *Без семьи тоже можно жить, но...* (КазВед); *Часто бывает так, что человек реализовался в профессии, но упустил из внимания семью, отношения с детьми, здоровье, полноту жизни, счастье...* *Если в пирамиде не хватает хотя бы одного из этих важных блоков, человека нельзя назвать настоящим счастливым* (КазВед).

Данные тезисы эксплицируют новую ценность – «быть счастливым», на фоне которой понятия семьи, детей, карьеры уходят на второй план. Приведем еще несколько высказываний, выражающих именно эту ценность: *Ведь это и есть главное и основное предназначение человека на Земле – быть полноценно счастливым* (КазВед); *Нужно очень любить свое дело, быть этим искренне увлеченным и постоянно совершенствоваться, узнавать что-то новое в своей профессии, учиться, не останавливаться* (Слимим); *Если женщина будет чувствовать себя счастливой, то счастлива будет и ее семья* (Слимим); *Уметь находить гармонию внутри себя, быть благодарными за то, что есть, но при этом не бояться открывать и познавать новое* (Слимим).

Актуальная оценочная концептуализация происходит в русле концепта «Предназначение» в результате конструирования интегральной ценности – формулы счастья: «гармония, гармонизация, самореализация». Аргументация направлена на соединение ценностных смыслов «семья и дети» и «работа, карьера» в дополнение к ценностному понятию счастья и самореализации как в семье, так в жизни в целом.

Заключение

Таким образом, векторы эволюции ценностных ориентиров в современной персональной аксиосфере определяются их дивергенцией, отрицанием, инверсией и интеграцией. Дивергенция обнаруживается в расхождении ценностных смыслов, возникновении двух вариантов понимания ценности по двум экстремумам шкалы оценивания «хорошо» – «плохо». Отрицание проявляется в абсолютном отвержении устойчивой ценности как базовой для человека на основе высказываний адресата и замещение ее вновь созданной псевдоценностью. Инверсия проявляется при изменении статуса ценности. Как интеграцию можно определить трансформационный процесс внедрения «третьей» ценности, на фоне которой дивергенция первых двух теряет свое значение. Анализируемые способы дискурсивной реализации оценочных процессов установлены на основе русской и немецкой лингвокультур, однако также могут быть применены в отношении других лингвокультур, характеризующих эволюционные процессы современной персональной аксиосферы индивида той или иной культуры. Изучение оценочной концептуализации в валоризирующем дискурсе как эволюции ценностных ориентиров показывает актуальность данного направления исследования и необходимость более глубокого изучения, в частности, дискурсивных способов валоризации ценностных ориентиров на уровне установок, интенциональностей, стратегий и предназначенности данного типа дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука. 341 с.
- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры. 896 с.
- Ахиезер А. С., Сайко Э. В., 2006. Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / отв. ред. Э. В. Сайко; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука. 600 с.
- Болдырев Н. Н., 2002. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Виноградов. М.; Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т. С. 103–114.
- Болдырев Н. Н., 2004. Свойства и границы оценочных категорий в свете новых представлений о процессах категоризации // Языковые категории: Границы и свойства: Материалы докл. Междунар. науч. конф. (г. Минск, 22–23 марта 2004 г.). Минск: Мин. гос. лингв. ун-т. С. 14–16.
- Вольф Е. М., 2002. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС. 280 с.
- Ильин В. В., 2005. Аксиология. М.: Изд-во МГУ. 216 с.
- Каган М. С., 1997. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис. 205 с.
- Казыдуб Н. Н., 2009. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета: Языкознание. № 2 (6). С. 132–137.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 477 с.
- Кузнецов И. М., 2017. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. № 1. С. 47–55.
- Лингвистика и аксиология..., 2011. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: колл. моногр. / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Л. Г. Викулова и др. М.: ТЕЗАУРУС. 352 с.
- Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф., 2013. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 1 (22). С. 183–188.
- Серебренникова Е. Ф., 2013. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета: Языкознание. № 2 (23). С. 13–18.
- Серебренникова Е. Ф., 2015. Аксиологические аспекты реализации дискурсивной позиции как точки зрения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 3 (714). С. 84–93.
- Серебренникова Е. Ф., 2017. Текст и дискурс: на пути к формированию методологии и инст-

- рументария лингвоаксиологического анализа // Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика : сб. науч. ст. в честь юбилея д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Викуловой / под общ. ред. Е. Г. Таревой. М. : МГПУ. Языки Народов Мира. С. 34–45.
- Слышкин Г. Г., 2004. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 29–34.
- Lakoff G., 1987. *Women, fire, and dangerous things*. Chicago : University of Chicago Press. 632 p.
- Searle J., 1983. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge : Cambridge University Press. 278 p.
- Whitehead A. N., 1967. *Process and reality: an essay in cosmology*. New York : Macmillan company. 546 p.
- Akhiezer A.S., Sayko E.V., 2006. *Subyekt vo vremeni sotsialnogo bytiya: istoricheskoe vypolnenie prostranstvenno-vremennogo kontinuumu sotsialnoy evolyutsii* [A Subject at the Time of Social Existence: Historical Performance of the Space-Time Continuum of Social Evolution]. Moscow, Nauka Publ. 600 p.
- Boldyrev N.N., 2002. *Struktura i printsipy formirovaniya otsenochnykh kategoriy* [Structure and Principles of Forming Evaluation Categories]. Vinogradov V.A., ed. *Slyubovuyu k yazyku: sb. nauch. tr.* [With Love to Language. Collection of Scientific Works]. Voronezh, IYa RAN, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 103-114.
- Boldyrev N.N., 2004. *Svoystva i granitsy otsenochnykh kategoriy v svete novykh predstavleniy o protsessakh kategorizatsii* [Properties and Boundaries of Evaluation Categories in the Light of New Concepts of Categorization Processes]. *Yazykovye kategorii: Granitsy i svoystva: Materialy dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (g. Minsk, 22–23 marta 2004 g.)* [Proceedings of the International Scientific Conference “Language Categories: Boundaries and Properties”]. Minsk, Minskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, pp. 14-16.
- Volf E.M., 2002. *Funktionalnaya semantika otsenki* [Functional Evaluation Semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ. 280 p.
- Ilyin V.V., 2005. *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow, Izd-vo MGU. 216 p.
- Kagan M.S., 1997. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [The Philosophical Theory of Value]. Saint Petersburg, Petropolis Publ. 205p.
- Kazydub N.N., 2009. *Aksiologicheskie sistemy v yazyke i rechi* [Value Systems in Language and Speech]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [ISLU Philological Review], no. 2 (6), pp. 132-137.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Kuznetsov I.M., 2017. *Tsennostnye orientiry i sotsialno-politicheskie ustanovki rossiyan* [Values and Socio-Political Attitudes in Contemporary Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 1, pp. 47-55.
- Serebrennikova E.F., Vikulova L.G., Antipyev N.P., Ladygin Yu.A., Malinovich Yu.M., Plotnikova S.N., Tareva E.G., Khakhalova S.A., Kazydub N.N., Litvinenko T.E., Semenova T.I., Gotlib O.M., Malinovich M.V., Sharunov A.I., Kulagina O.A., 2011. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov: koll. monografiya* [Linguistics and Axiology: Ethno-Semiometry of

ИСТОЧНИКИ

- КазВед* – Анатолий Некрасов: Главное предназначение человека – быть счастливым // Казанские ведомости. URL: <https://kazved.ru/article/63198.aspx> (дата обращения: 09.03.2018).
- ОБ* – Чайлдфри: как возникает и стоит ли бороться // Обозреватель.ua. URL: <https://www.obozrevatel.com/lady/psychology/chajldfri-kak-voznikaet-i-stoit-li-borotsya.htm> (дата обращения: 24.11.2017).
- ПОЛАВКАМ* – «Дети – это счастье, а разве может быть счастья слишком много?» // ПОЛАВКАМ. Семья в тренде. URL: <https://polavkam.livejournal.com/65394.html> (дата обращения: 26.02.2018).
- Слимим* – «Тутта Ларсен». Интервью. Телеведущая // Слимим. URL: <https://slimim.diet/41906/tutta-larsen/> (дата обращения: 09.03.2018).
- Eltern* – Eltern. URL: <https://www.eltern.de/familie-und-urlaub/familienleben/leseprobe-no-kid.html>
- WZ* – Frau soll frei vom Kind sein // Westdeutsche Zeitung. URL: https://www.wz.de/kultur/buch/frau-soll-frei-vom-kind-sein_aid-31485537 (дата обращения: 09.03.2018).

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.
- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 896 p.

- Value Meanings: Collective Monograph]. Moscow, TEZAURUS Publ. 352 p.
- Plotnikova S.N., Serebrennikova E.F., 2013. Kognitivnaya traektoriya diskursivizatsii: destinatsiya, strategiya, tekhnologiya [The Cognitive Trajectory of Discursivization: Destination, Strategy, Technology]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [ISLU Philological Review], no. 1 (22), pp. 183-188.
- Serebrennikova E.F., 2013. Aksiologicheskaya parametrizatsiya sotsialnogo diskursa [Axiological Parametrization of Social Discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [ISLU Philological Review], no. 2 (23), pp. 13-18.
- Serebrennikova E.F., 2015. Aksiologicheskie aspekty realizatsii diskursivnoy pozitsii kak tochki zreniya [Axiological Aspects of Realization of Discursive Position as Viewpoint]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], iss. 3 (714), pp. 84-93.
- Serebrennikova E.F., 2017. Tekst i diskurs: na puti k formirovaniyu metodologii i instrumentariya lingvoaksiologicheskogo analiza [Text and Discourse: On the Way to Forming the Methodology and Tools of Linguoaxiological Analysis]. Tareva E.G., ed. *Tekst: diskursivnoe proyavlenie i kommunikativnaya praktika: sb. nauch. st. v chest yubileya d-ra filol. nauk, prof. L.G. Vikulovoy* [Text: Manifestation of the Discursive and Communicative Practice: Collection of Scientific Works in Honor of the Anniversary of Doctor of Sciences (Philology), Professor L.G. Vikulova]. Moscow, MGPU, Yazyki Narodov Mira Publ., pp. 34-45.
- Slyshkin G.G., 2004. Lingvokulturnyy kontsept kak sistemnoe obrazovanie [Linguocultural Concept as a Systemic Formation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:* *Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 29-34.
- Lakoff G., 1987. *Woman, Fire, and Dangerous Things*. Chicago, University of Chicago Press. 632 p.
- Searle J., 1983. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge, Cambridge University Press. 278 p.
- Whitehead A.N., 1967. *Process and Reality: An Essay in Cosmology*. New York, Macmillan Company Publ. 546 p.

SOURCES

- Nekrasov A. Glavnoe prednaznachenie cheloveka – byt schastlivym [The Main Purpose of Man is to Be Happy]. *Kazanskije vedomosti*. URL: <https://kazved.ru/article/63198.aspx> (accessed 9 March 2018).
- Chajldfri: kak voznikaet i stoit li borotsya [Childfree: How Does it Occur and Is It Worth to Fight]. *Obozrevatel.ua*. URL: <https://www.obozrevatel.com/lady/psychology/chajldfri-kak-voznikaet-i-stoit-li-borotsya.htm> (accessed 24 November 2017).
- Deti – eto schastye, a razve mozhet byt schastya slishkom mnogo? [Children are Happiness, but Can Happiness Be too Much?]. *POLAVKAM. Semya v trende*. URL: <https://polavkam.livejournal.com/65394.html> (accessed 26 February 2018).
- «Tutta Larsen». Intervyu. Televedushchaya [“Tutta Larsen”. Interview. TV Presenter]. *Slimim*. URL: <https://slimim.diet/41906/tutta-larsen/> (accessed 9 March 2018).
- Eltern. URL: <https://www.eltern.de/familie-und-urlaub/familienleben/leseprobe-no-kid.html>
- Frau soll frei vom Kind sein. *Westdeutsche Zeitung*. URL: https://www.wz.de/kultur/buch/frau-soll-frei-vom-kind-sein_aid-31485537 (accessed 9 March 2018).

Information about the Author

Kseniya V. Kokina, Postgraduate Student, Department of Romano-Germanic Philology; Lecturer, Department of Oriental and Area Studies in the APR, Irkutsk State University, Lenina St., 8, 664025 Irkutsk, Russia, kseniya_kokina@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0576-1138>

Информация об авторе

Ксения Викторовна Кокина, аспирант кафедры романо-германской филологии; преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона, Иркутский государственный университет, ул. Ленина 8, 664025 г. Иркутск, Россия, kseniya_kokina@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0576-1138>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.18>

UDC 81'42:27-235
LBC 81.055.1

Submitted: 16.10.2018
Accepted: 10.04.2019

**ATTEMPTS TO DESCRIBE GOD AND DIVINE CATEGORIES
IN A GENDER-NEUTRAL WAY
IN THE MODERN FEMINIST LINGUISTIC DISCOURSE**

Konstantin S. Sharov

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of feminist linguistic concepts in which attempts are made to re-think the category of divinity. We study gender-neutral (inclusive) versions of English translations of the Bible that depict God not as the Father but as Father and Mother in the heaven. We also investigate quotations from classical versions of the Bible that use the model of imagining God in female terms (e. g., a mother, a nurse, a woman giving birth). The purpose of the paper is to study of feminist preferences is linguistic techniques of the Bible translation into English; to find out to what extent the results of such technique implementations are adequate from the point of view of the classical linguistic-theological approach; to define the limits to which these results are valuable for the linguistic analysis of sacred texts. The research methodology includes a contextual analysis method, comparative, structural, comparative historical methods. For comparison with gender-neutral versions of the Bible, quotations from classical translations are studied: the original edition of the English King James's Bible of 1611, the Elizabethan Russian Slavonic Bible of 1751, the Synodal Russian Bible of 1876 and the Hebrew Masoretic text of the Tanakh. It is shown that, from a linguistic view, God is beyond the gender field and is not traditionally described in the categories of male or female natural gender (sex). It is established that the comparison of God in the classical versions of the Bible with a woman, is no more than a conventional linguistic procedure that does not testify the essentialist feminist nature of the divine. It is concluded that despite high attractiveness and usefulness of feminist discourse in modern times, the academic Christian theology, history of confessions and religious linguistics cannot accept the idea of God as a Creature embodying the two polar gender principles (male and female). Similarly, gender-neutral English translations of the Bible should not be recognised nor accepted by the scientific and Church communities as an Anglican canon.

Key words: gender-neutral Bible, politically correct Bible, feminism, linguistic description of God, English Bible, Masoretic text, Septuagint, Russian Slavonic Bible.

Citation. Sharov K.S. Attempts to Describe God and Divine Categories in a Gender-Neutral Way in the Modern Feminist Linguistic Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 204-216. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.18>

ГЕНДЕРНО-НЕЙТРАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ БОГА И КАТЕГОРИЙ БОЖЕСТВЕННОСТИ С ПОЗИЦИЙ ФЕМИНИСТСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Константин Сергеевич Шаров

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению феминистских лингвистических представлений, в рамках которых предпринимаются попытки переосмыслить категории божественности. Исследуются гендерно-нейтральные (инклюзивные) версии английских переводов Библии, где Бог изображается не как Отец, а как Отец и Мать на небесах. Анализируются фрагменты Библии, в которых использованы приемы воображения Бога в категориях женского (мать, кормилица, роженица). Целью является изучение лингвистических техник переводчиков Библии на английский язык, работающих в рамках феминистского дискурса; установление того, насколько адекватными будут результаты применения подобных техник с точки зрения классического лингвистико-богословского подхода и до какой степени эти результаты ценны для лингвистического анализа священных текстов. Показано, что с лингвистической точки зрения Бог находится за пределами гендерного поля и не описывается в категориях мужского или женского натурального гендера (пола). Установлено, что в Библии сравнения Бога с женщиной – условность, языковой прием, не свидетельствующий об эссенциалистской феминной сущности божественного. Делается вывод, что, несмотря на высокую привлекательность и полезность феминистского дискурса в современности, академическое христианское богословие, история конфессий и религиозная лингвистика не могут принять представление о Боге как о Существо, воплощающем в Себе два полярных гендерных начала (мужское и женское), а гендерно-нейтральные английские переводы Библии не должны признаваться научным и священным сообществом в качестве англиканского канона.

Ключевые слова: гендерно-нейтральная Библия, политически корректная Библия, феминизм, лингвистическое описание Бога, английская Библия, масоретский текст, Септуагинта, церковнославянская Библия.

Цитирование. Шаров К. С. Гендерно-нейтральное описание Бога и категорий божественности с позиций феминистского лингвистического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 204–216. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.18>

Введение

В настоящее время в рамках феминистского дискурса осуществляется неолиберальная критика традиционных переводов Библии как патриархально-ориентированных, доносящих антиженские дискриминирующие смыслы до читателей; причем неважно, являются эти читатели верующими или нет [An Inclusive Language Lictionary, 1985; Bibel in gerechter Sprache, 2006; Harrelson, 1991; Jacobs, 2001; Walsh, 1999]. С конца 1970-х гг. до наших дней появилось несколько десятков версий так называемых гендерно-нейтральных (инклюзивных) переводов христианского Священного Писания, в которых предприняты попытки заменить обычный, гендерно-специфичный язык, новым [Brenner, Fontaine, 2001, p. 7; Gomola, 2010, p. 193]. Существенная часть

феминистских изменений касается английских переводов священных текстов [Kittel, Friedrich, 2003, p. 22]. Мы находим этому две причины: 1) английские переводы Библии самые многочисленные в мире; 2) английский язык в большей степени связан с дискурсом политкорректности, который сегодня доминирует в странах англоговорящего мира.

Гендерно-нейтральный перевод отражает не столько попытки создать наиболее адекватный перевод Священного Писания, сколько переосмысление самого библейского послания. Например, С. Шольц говорит, что написанные на инклюзивном языке версии Библии должны не только устранять маскулинную лексику, грамматику и смыслы, но и внедрять эгалитарные и неиерархические концепты, трансформировать языковые структуры, посредством которых выражены любые

виды дискриминации (сексистская, расовая, классовая), убирать все фрагменты, отсылающие к физической инвалидности людей и их ментальной ограниченности, а также реферирующие к националистическим движениям и идеологиям [Scholz, 2010, p. 1–2].

Большинство феминистских переводов Писания имеют в качестве методологической базы подход Г.Дж. Вермеера, согласно которому методика перевода должна зависеть от его цели; при реализации разных целей допустимы разные интерпретации текста [Munday, 2012, p. 38; Scholz, 2010, p. 4]. В инклюзивных переводах Библии реализована иная, отличная от традиционной, парадигма следования языковым нормам и использования слов и конструкций в тексте. Опираясь на принципы лингвистической концептологии, феминистские переводчики часто называют свой подход к переводам священных текстов на английский язык «культурноориентированным» [Spencer, 1997, p. 618]. Так, Д.Л. Бок и Дж. Дарт настаивают на отказе от буквализма при переводе книг Библии и переходе к методу, который вобрал бы в себя достижения исследований связи культурного контекста, исторической уместности и соответствующих переводческих тактик [Bock, 2002, p. 652; Dart, 2002, p. 11].

Цель настоящей работы – изучение лингвистических приемов перевода Библии на английский язык, выполненного в рамках феминистского дискурса, и установление адекватности результатов применения таких приемов с точки зрения классического лингвистико-богословского подхода, определение их ценности для языковедческого анализа священных текстов.

Методика

Методика исследования включает сопоставительный, структурный, сравнительно-исторический методы, а также контекстный анализ. Для сопоставления с гендерно-нейтральными версиями Библии изучаются цитаты из классических переводов: оригинального издания английской Библии короля Иакова 1611 г. (King James' Bible), елизаветинской церковнославянской Библии 1751 г. (Елизаветинская Библия), синодальной русской Библии

1876 г. (Синодальная Библия) и древнееврейского масоретского текста Танаха (Танах). При определении лексической семантики анализируемых в статье единиц использовались следующие лексикографические источники: Словарь Джонсона (1755) – архаичные английские слова и выражения (Johnson's Dictionary), Древнееврейско-русский словарь (Glosbe Dictionary), Церковнославянско-русский словарь (Церковнославянско-русский словарь).

Объект исследования – ряд наиболее известных современных английских гендерно-нейтральных версий Библии [Gomola, 2010, p. 207]:

- The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (by Priests for Equality);
- The New Jerusalem Bible;
- The New Revised Standard Bible;
- The New Testament and Psalms (inclusive version);
- The Revised English Bible with the Apocrypha;
- Today's New International Version.

Предмет исследования – стратегии описания Бога и божественности, атрибутов и свойств Бога в данных переводах Библии.

Результаты и их обсуждение

Бог и гендерные категории

Переосмыслить понятие божественного исхода из нового языка Библии – одна из основных задач авторов политкорректных переводов священных текстов [Flotow, 2000, p. 10; Neff, 1995, p. 19–20; O'Day, 1996, p. 692]. Их аргументация во многом сводится к тому, что Бог в классическом богословии патриархален; Он понимается как мужчина, пожилой человек, старец, отец, царь, мужчина-судья; Он именно так изображается на иконах и библейских иллюстрациях; о Нем говорится с использованием местоимений мужского грамматического рода [Cosgrove, 1993, p. 265–267; Flotow, 1991, p. 72; Halligan, 1990, p. 381–382]. Описание Бога и атрибутов божественности тесно связано в феминистском дискурсе с критикой мужского грамматического рода, а также правил его использования в английском языке [Ellis, 2003, p. 9; Martin, 1990, p. 43].

В Предисловии к *New Jerusalem Bible* указывается, что предложенный перевод отражает значительные усилия по смягчению или устранению внутренне присущей английскому языку предвзятости по отношению к маскулинности и игнорирования женских форм, в то время как слово Божье рассматривает мужчин и женщин равноправно (*The New Jerusalem Bible*, p. VI). Сходным образом авторы одного из переводов Библии – *The Revised English Bible with the Apocrypha* – пишут о том, что использование ориентированного на мужчин языка в традиционных английских версиях Библии в тех местах, где речь идет явно об обоих полах (гендерах), стало неприемлемой практикой с позиций современного общества и требует пересмотра (*The Revised English Bible*, p. IX). Во введении к *The New Revised Standard Bible* редактор упоминает о недопустимости в языке сексизма, с которым мы все свыклись, используя английский в повседневной речи (*The New Revised Standard Bible*, p. IV). Тем не менее три данные версии Библии, несмотря на постулируемое желание опираться на другие принципы английского языка, являются умеренными гендерно-нейтральными вариантами: изменение грамматических форм мужского рода ведет к пересмотру фундаментальных концепций божественности и понимания Бога.

Однако с 1994 г. в печать вышли такие инклюзивные версии Библии, как *The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (by Priests for Equality)*, *Today's New International Version*, *The New Testament and Psalms (inclusive version)*, в которых авторы попытались одновременно переосмыслить как категории мужского и женского в отношении к грамматическому роду и природному полу (*natural gender*), так и понимание Бога, приписав Ему гендерные признаки и затем нивелировав их с помощью лингвистических конструкций.

В классических английских версиях Библии (и англиканских, и католических): *King James' Bible*, *Wycliffe Bible*, *Lexham English Bible*¹, *Douay-Rheims Bible*, безусловно, используется гендерно-специфичный (неинклюзивный) язык и мужской грамматический род в тех случаях, когда подразумевается общий род. Тем не менее в Библии многократно под-

черкивается, что Бог по Своей природе превосходит любые гендерные категории, находится вне и выше поля применимости концепции гендера. Говоря о Боге в мужском роде (как грамматическом, так и натуральном), классические переводы Библии не представляют Его божеством мужского пола [*Biblical Revelation and Inclusive Language*, 1998, p. 8]. Этим иудейское и христианское понимание Бога существенно отличается от языческого. Например, у финикийцев, живших в ближайшем соседстве с евреями в ветхозаветные времена, были божества и мужского (Ваал, Веельзевул), и женского (Астарта) пола, и финикийцы при общении с евреями не могли понять, как Бог может быть чем-то иным, не являться носителем ни мужских, ни женских черт [*Poythress*, 1998, p. 236]. В олимпийской греко-римской религии звучал тот же мотив присутствия пола в категориях божественного. В индуизме и древнем брахманизме также есть божества мужского и женского пола, и индуисты верят, что от их полового общения произошел мир. В даосизме и древнекитайской триграммической традиции есть духи мужского и женского начал.

Однако монотеистические религии, включая христианство, используют только описательные, условно-грамматические гендерные характеристики для выражения идей божественности, понимая, что Богу не присущи гендерные признаки *per se*. На Никейском Вселенском соборе 325 г. неоднократно подчеркивалось, что, говоря о Боге-Отце и Боге-Сыне и общении между ипостасями Бога, мы не имеем в виду точно того же, что подразумеваем, когда употребляем слова *отец* и *сын*, называя людей из одной семьи [*Pontifical Biblical Commission*, 1993, ch. 1E]. Иларию Пиктавийский указывает, что божественное и вечное не может мыслиться в категориях пола. Григорий Нисский отмечает, что в божественной природе не содержится различия мужского и женского, как это нормально понимается в природе человеческой (цит. по: [*Biblical Revelation and Inclusive Language*, 1998, p. 8]).

Феминистская критика традиционного христианского понимания Бога, отраженная в лингвистических формах новых гендерно-нейтральных версий Библии на английском языке, по существу, не состоятельна: эти вер-

сии Писания стараются устранить категории мужского из описания божественности, которые в традиционных переводах Библии представляют собой не более чем лингвистический (семантический) прием.

В традиционных текстах Библии можно увидеть разграничение сфер гендера и божественного. Рассмотрим несколько показательных примеров. В одной из глав Книги Чисел (Чис. 23:19) Бог говорит Валааму, сыну Веора:

(1) God is not a man that he should lie, neither the sonne of man, that hee should repent: hath he said, and shall he not doe it? or, hath hee spoken, and shall he not make it good? (King James' Bible) – Не яко человек Бог колеблется, ниже яко сын человеческий изменяется: Той глаголаше, не сотворит ли? Речет, и не пребудет ли? (Елизаветинская Библия).

Переводчики гендерно-нейтральной Библии *The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (by Priests for Equality)*, устраняя в этом фрагменте мужской грамматический род и пытаясь привести текст в соответствии с феминистской философией получают текст, в котором исходный смысл о том, что Бог не есть мужчина, элиминирован:

(2) God is not a human, able to lie, nor the offspring of humans, capable of retracting a promise. does God speak and then not act? does God promise and not fulfill? (The Inclusive Bible).

В Чис. 23:19 Бог не просто противопоставляет Себя человеческой сути, но и свидетельствует о том, что Он не является носителем мужских черт. Как мы видим, это хорошо отражено в классической Библии короля Иакова, но стерто в гендерно-нейтральной *Inclusive Bible*.

В книге пророка Осии (Ос. 11:9) сходным образом Бог дает знать человеку о Своей надчеловеческой и немужской природе:

(3) I will not execute the fiercenes of mine anger, I will not returne to destroy Ephraim, for I am God, and not man, the Holy One in the midst of thee, and I will not enter into the citie (King James' Bible). – Не сотворю по гневу ярости Моея, не оставлю еже потребитися Ефремови, зане Бог Аз есмь, а не человек: в тебе Свят, и не вниду во град (Елизаветинская Библия).

Отрывок из Исаяи (Ис. 55:8) тоже свидетельствует о том, что Бог имеет принципиально отличную от человека природу вне сферы гендера:

(4) For my thoughts are not your thoughts, neither are your wayes my wayes, saith the Lord (King James' Bible). – Не суть бо совети Мои якоже совети ваши, ниже якоже путие ваши путие Мои, глаголет Господь (Елизаветинская Библия).

Во всех приведенных фрагментах божественное откровение свидетельствует о различии сущности Бога и человека. Следовательно, такие номинации Бога, как *Отец*, *Царь* или *Жених*, – это метафора. Она проявляется и при визуализации: Бог-Отец изображен на иконах и фресках как седовласый старец лишь условно. Это предоставляет пространство для дальнейших политкорректных допущений в рамках феминистского дискурса. Если мы, говоря о Боге и рассуждая о категориях божественности, оперируем языковыми метафорами старца, пожилого мужчины для описания внегендерного Бога, то не можем ли мы сходным образом изображать Его женщиной (пожилой или молодой, белой или черной – не имеет значения) для достижения эгалитаризма и равноправия полов [Johnson, 1999, p. 3; Kimbrough, 1989, p. 197]? Феминистский посыл достаточно ясен: раз Бог находится за пределами сферы гендера, то почему мы должны обязательно использовать патриархальные категории для Его вербального и визуального представления? Не будут ли феминные категории столь же уместными [Blomberg, 2005, p. 201; Mollenkott, 1994, p. 47; The Liberating Word..., 1977, p. 28]?

Представление Бога в метафорах женского рода

Р.С. Гесс и С.Т. Кимбро, одобряя радикально гендерно-нейтральные версии английской Библии, указывают, что, думая о Боге, человек не должен всякий раз понимать Его в патриархальном смысле как «ветхого днями» старца, ему следует также часто мыслить и рассуждать о Нем как о воображаемой женщине, пожилой или молодой [Hess, 2005, p. 145; Kimbrough, 1989, p. 199].

Н. Хардести задается вопросом, можем ли мы говорить о Боге не только как об Отце, но как об Отце и Матери (см. гендерно-нейтральный перевод Библии *The New Testament and Psalms (inclusive version)* 1995 г.), ведь в ряде библейских текстов Бог представлен в женских категориях: поскольку использованы метафоры материнства и воспитания детей [Hardesty, 1988, p. 234]? В ее работе приводятся цитаты Ис. 44:2, 24, 46: 3-4, 49:1, 5 и Иер. 1:5, где говорится о том, что Бог создал человека от своего чрева, ложесн (матки) или утробы (*wombe* и *bellie* в Библии короля Иакова), что могло бы свидетельствовать в пользу легитимности изображения Бога как Матери людей [Hardesty, 1988, p. 235]. М. Грубер в своей статье «Материнство Бога у второго Исайи» отмечает, что пророк Исайя несколько раз приводит явные сравнения Бога с женщиной-матерью: Ис. 42:13, 45:10, 49:14, 66:13 [Gruber, 1983, p. 354].

Полагаем, что феминистская аргументация здесь разнопланова и не совсем корректна. В приведенных Грубером цитатах из Исайи применен прием сравнения, но ни в одной из них не говорится о Боге как существе, которое может быть изображено или вообразено существом женского пола, в эссенциалистском, то есть сущностном смысле. Например, в Ис. 66:13 сказано:

(5) As one whom his mother comforteth, so wil I comfort you: and ye shall be comforted in Ierusalem (King James' Bible). – Якоже аще кого мати утешает, тако и Аз утешу вы, и во Иерусалиме утешитесь (Елизаветинская Библия).

Однако это стандартный языковой прием сравнения; он не выражает эссенциалистских свойств того, кого сравнивают с кем-либо или чем-либо. Например, когда говорится *хитрый, как лиса*, не имеется в виду, что человека можно вообразить лисицей и он начнет рожать лисят; фраза *поезд быстрый, как ветер* вовсе не означает, что поезд перестает везти людей, дематериализуется и превращается в несущийся дальше поток воздуха. В русском языке постановка запятой перед союзом *как* сигнализирует о сравнении; ее отсутствие – о том, что говорится о персоне как о ком-либо или чем-либо, имеется в виду ее природа (то есть качество). В английском

языке такой пунктуационной подсказки, правда, нет.

В аргументации Н. Хардести значительное место занимает концептуальное овеществление Бога как рождающей Матери; исследователь ссылается на использование в речи пророков лексических единиц, характеризующих деторождение. Безусловно, слова *wombe* и *bellie* в английской Библии короля Иакова дают возможность такой интерпретации: Бог произвел (родил) человека из Своего собственного чрева. Однако полагаем, что подобное толкование поверхностно. Говорит ли Бог через пророков Исайю и Иеремию, что он так же, как женщина, родил первых людей из Своей утробы? Думается, нет. У Иеремии читаем (Иер. 1:5):

(6) Before I formed thee in the bellie, I knew thee; and before thou camest forth out of the wombe, I sanctified thee, and I ordeined thee a Prophet vnto the nations (King James' Bible). – Прежде неже мне создати тя во чреве, познах тя, и прежде неже изыти тебе из ложесн, освятих тя, пророка во языки поставих тя (Елизаветинская Библия).

В этом стихе не используются притяжательные местоимения *my* или *mine* (мой); Бог говорит не **I formed thee in my bellie* (Я создал тебя в Моем чреве), а *I formed thee in the bellie* (Я создал тебя во чреве); не **thou camest forth out of my wombe* (ты вышел из Моей утробы), а *thou camest forth out of the wombe* (ты вышел из утробы). Если принять во внимание тот факт, что в английском языке притяжательные местоимения употребляются намного чаще, чем в славянских языках, а также буквализм перевода Библии короля Иакова с древнееврейского оригинала, то можно предположить следующее: отсутствие притяжательных местоимений в процитированном отрывке свидетельствует о том, что речь идет не о чреве Бога, а о чреве матери пророка Иеремии. Следовательно, предложенное Н. Хардести истолкование слов Иеремии как описание рождения Богом человека из Своего чрева несостоятельно.

Не подтверждается и предположение Н. Хардести о рождении человека Богом как некой всеобщей Матерью мира и человечества. В Ис. 49:1 прямо говорится о том, что Бог призвал пророка Исайю от чрева его матери:

(7) Listen, O yles, vnto me, and hearken yee people from farre. The Lord hath called mee from the wombe, from the bowels of my mother hath he made mention of my name (King James' Bible). – Слушайте Меня, острова, и внимайте, народы дальние: Господь призвал Меня от чрева, от утробы матери Моей называл имя Мое (Синодальная Библия).

Здесь, помимо слова *wombe* (утроба), используется редкое в *King James' Bible* слово *bowels* (внутренность), но ясно сказано, что имеется в виду мать Исаяи (*my mother*). 46-я глава книги Исаяи (Ис. 46:3, 46:4) дает несколько большие возможности для феминистских интерпретаций:

(8) Hearken vnto me, O house of Iacob, and al the remnant of the house of Israel, which are borne by me, from the belly, which are caried from the wombe (King James' Bible). – Послушайте Мене, доме Иаковль и весь останок Израилев, носимии от чрева и наказуемии от детска даже до старости (Елизаветинская Библия);

(9) And euen to your old age I am he, and euen to hoare haire will I cary you: I haue made, and I will beare, euen I wil cary and wil deliuer you (King James' Bible). – Аз есмь, и дондеже состареемся, Аз есмь, Аз терплю вам, Аз сотворих и Аз понесу, Аз подиму и спасу вы (Елизаветинская Библия).

Н. Хардести настаивает на том, что глагол *to beare* во фразе *O house of Iacob, and al the remnant of the house of Israel, which are borne by me, from the belly* означает «рождать», а не «носить», и тогда возникает иной смысл: «которые рождены Мной». В древнееврейском оригинале читаем:

(Танах, Ис. 46:3)
שָׂמַעַתְּ אֵלַי בַּיּוֹם הַזֶּה

(10) וְכָל-שְׂאֵרֵיטַיִת בַּיּוֹם הַזֶּה יִשְׁרְאוּל הַעֲמִסִים מִנִּי לְפָנֶיךָ הַשְׂאִים מִנִּי-רַחֵם:

Здесь *הַעֲמִסִים* – форма глагола *אָמַץ* *amas* («поднимать бремя, нести, навьючивать на себя, нагружать на себя»); она переведена в Библии короля Иакова как *borne* (причастие II от глагола *to beare*), которое не реализует значение «рождать». *הַשְׂאִים* – форма глагола *נָסָא* *nasa* («поднимать, нести, возвышать»). Она переведена в *King James' Bible* как *are caried*, форма английского глагола *to cary*, которая также не выражает значения «производить на свет», «рождать». Буквалистский перевод

Библии короля Иакова 1611 г. позволяет предположить, что в данном контексте оба использованных глагола (*to cary* и *to beare*) означают одно и то же – «носить ношу, поднимать груз, возвышать нечто», поэтому глагол *to beare* не может переводиться как «рождать» (*to give birth*), хотя он может реализовывать это значение в других контекстах. Отметим, что в греческом Переводе семидесяти толковников смысл передан не столь буквально, как в *King James' Bible*: слово *הַשְׂאִים* «носимые» в Септуагинте трансформировалось в *παίδευόμενοι*, причастную форму глагола *παίδεῖω* («воспитывать, наставлять, дисциплинировать»).

Приводимые Н. Хардести выдержки из 44 главы Книги пророка Исаяи имеют некоторые новые, не менее интересные лингвистические коннотации: в стихе Ис. 44:2 читаем:

(11) Thus sayeth the Lord that made thee, and formed thee from the wombe, which wil helpe thee: Feare not, O Iacob, my seruant, and thou Iesurun², whom I haue chosen (King James' Bible). – Сице глаголет Господь Бог сотворивый тя и создавый тя из утробы: еще поможет ти: не бойся, рабе Мой Иакове, и возлюбленный Израилю, егоже избрах (Елизаветинская Библия);

а в стихе Ис. 44:24 находим:

(12) Thus saith the Lord thy redeemer, and he that formed thee from the wombe; I am the Lord that maketh all things, that stretcheth forth the heauens alone, that spreadeth abroad the earth by my selfe (King James' Bible). – Сице глаголет Господь избавляяй тя и создавый тя от чрева: Аз Господь совершаяй вся, распрострох небо един и утвердих землю (Елизаветинская Библия).

В обоих отрывках употреблено словосочетание *to forme from the wombe* («сотворить от утробы, создать от чрева»). Можно ли считать его синонимом словам со значением «родить», которое отсылало бы к пониманию Бога как Матери, родившей человечество? Достаточно литеральная Библия короля Иакова, ориентированная не на Септуагинту, а на древнееврейский подлинник, точно передает семантические оттенки оригинала, ср. Ис. 44:2 и 44:24 в древнееврейском тексте:

(Танах, Ис. 44:2)

בַּה־אָמַר יְהוָה עֲשֵׂה

(13) וַיִּצְרָה מִבְּטֶן יְעֻזְבָּה אֵל-תִּירְאָה עַבְדֵי גַעֲלֹב וַיִּשְׁרִיו פְּתוּרְתֵי בֹדִ:

(Танах, Ис. 44:24)

בַּה־אָמַר יְהוָה גָּאֲלָהּ וַיִּצְרָה מִבְּטֶן אֲנָכִי

יְהוָה עֲשֵׂה לְךָ נִטְמָה שְׂמִימִים לְבָדִי רַקַּע הֶעָרָיו [מִי כ] [אֶתִי כ]

(14) מֵאֲתָתִי:

Здесь после тетраграмматона יְהוָה «Иегова» в обоих контекстах использованы формы, соединенные союзом: в Ис. 44:2 это формы עֲשֵׂה וַיִּצְרָה («сделал и сформировал»), производные от глаголов עָשָׂה *asah* и יָצַר *yatsar*, в Ис. 44:24 – גָּאֲלָהּ וַיִּצְרָה («искупил и сформировал»), производные от глаголов גָּאֵל *ga'al* и יָצַר *yatsar*. *Asah* («делать, готовить, производить») эквивалентно англ. *to make, ga'al* («избавлять, спасать, искупать») – англ. *to redeeme; yatsar* («формировать, образовывать») – англ. *to forme* в значении «придавать форму» (как горшечник формирует глину или скульптор ваяет статую, но не как эмбрион во чреве матери становится ребенком, человеком).

Видимо, в древнееврейском оригинале заложена идея формирования человека Богом в утробе (недрах) земли³ (как если бы Бог, как некий горшечник, некий гончар, сформировал первого человека из глины), а не идея рождения человека из утробы Бога. Для обозначения процесса рождения младенца из утробы матери в древнееврейском существовал глагол לָלֶדֶת *laledith*, но у Исаяи это слово не использовано ни разу, как и глагол בָּרָא *bara* («сотворить из ничего»), который встречается у Моисея в первой фразе Библии при описании сотворения Богом мира. В Священном Писании в подавляющем большинстве фрагментов, где речь идет о творении, созданном человеком, употребляется слово יָצַר *yatsar* – «сотворить из чего-либо, из некоего подручного материала», то есть как мастер творит свое произведение. В этом нет противоречия с другими стихами Библии: Бог сформировал человека из земли (Быт. 2:7):

(15) And the Lord God formed man of the dust of the ground, and breathed into his nostrils the breath of life; and man became a living soule (King James' Bible). – И созда Бог человека, персть (взем) от зем-

ли, и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу (Елизаветинская Библия).

В древнееврейском тексте, как в английском и церковнославянском, используется сочинительный союз и форма прошедшего времени единственного числа мужского рода глагола *yatsar* со значением «формирование, образование»:

(Танах, Быт. 2:7)

וַיִּצֶר יְהוָה אֱלֹהִים אֶת-הָאָדָם עֹפֶר מִן-

(16) תְּלֵמָה וַיִּפַּח בְּאָפִיו נְשָׁמַת חַיִּים וַיְהִי הָאָדָם לְגַפְשׁ חַיָּה:

В контексте феминистского дискурса о возможности описания Бога в женских категориях, как утверждают Э. Стэнтон [Stanton, 2003, p. 117], М. Уокер [Walker, 1989, p. 12], С. Шреп и С. Битенхард [Schroeg, Bietenhard, 2003, p. 140], представляет интерес отрывок из Второзакония (Втор. 32:18), где, по их мнению, Бог говорит о Себе в женских категориях:

(17) Of the Rocke that begate thee thou art vnmindfull, and hast forgotten God that formed thee (King James' Bible). – а Заступника, родившего тебя, ты забыл, и не помнил Бога, создавшего тебя (Синодальная Библия).

Ни церковнославянский, ни английский тексты полностью не передают смысла древнееврейского оригинала, к которому апеллируют упомянутые авторы. Рассмотрим этот фрагмент. В масоретском тексте Танаха он представлен следующим образом:

(Танах, Втор. 32:18) צִיר יְלֶדֶךָ תִּשִׂי וְתִשְׁכַּח אֵל מְחַלְלֶךָ:

Бог уподобляется Скале, которая родила народ израильский: глагол *to begete* («рождать, производить на свет») в английском переводе короля Иакова – верный аналог древнееврейского глагола יָלַד *yalad*. Точка зрения упомянутых исследователей, казалось бы, подтверждается тем, что последняя глагольная форма в древнееврейском тексте – это מְחַלְלֶךָ, то есть причастная форма глагола חָלַל *khul* («мучиться в родах, корчиться в родовых муках, трепетать»). Значит, אֵל מְחַלְלֶךָ – это дословно – «Бог (*el*), корчившийся в муках рождения». Можем ли мы говорить о Боге не как об Отце, но как об Отце и Матери, ис-

ходя из этой фразы? Дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно. Па'аль-форма глагола *yalad* выражает значение «рожать», «давать рождение» и является синонимом глагола *laledith*. Однако *yalad* в древнееврейском отличается от *laledith* так же, как в английском глагол *to beget* от *to give birth*. Лексические единицы *laledith*, *to give birth* употребляются только по отношению к рождающей женщине, в то время как *yalad*, *to beget* – и к матери, и к отцу, например: *Abraham begate Isaac* (Авраам родил Исаака). Показательно, что в Библии короля Иакова употребляется *to begete*, а не *to give birthe*. Безусловно, «корчиться в муках» может только мать, но если принять во внимание то, что апостол Павел пишет в послании Галатам о себе как о человеке, находящемся в муках роженицы (τεκνία μου οὗς πάλιν ὠδίνω ἄχρις οὗ μορφωθήη Χριστὸς ἐν ὑμῖν – Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!), то возможно трактовать Втор. 32:18 как яркую метафору⁴, которую Моисей использует для того, чтобы сильно подействовать на огрубевшие сердца древних евреев, которые отказались от Бога, выведшего их из Египта.

Заключение

Предложенное в статье исследование библейских текстов не позволяет представлять Бога Матерью, воображать Его в сознании и изображать на фресках / иконах в облике женщины. Кроме Втор. 32:18, в Писании не обнаруживается каких-либо сравнений Бога с женщиной. В гендерно-нейтральных версиях Библии исключение грамматических форм мужского рода из стихов, посвященных описанию Бога и категорий божественности, и добавление в некоторых случаях феминных смыслов изменяют не только зафиксированное в священных текстах с древних времен представление о Самом Боге, но также влияют на наше понимание взаимоотношения Бога с миром, который Он сотворил. В языческих культах мир часто изображается порожденным утробой некоего божества женского пола, что неизбежно приводит к пантеизму, поскольку мир неявным образом продолжает оставаться ча-

стью символического тела женского божества. Однако в рамках христианского дискурса утверждается, что Бог сотворил Вселенную из ничего, не произвел из своего чрева, а именно создал в результате творческого акта по Своей свободной воле.

В результате изменения языка Библии не только отражается эгалитаризм и равноправие полов, но и неизбежно искажаются богословско-исторические контексты, подменяются содержащиеся в Библии исходные смыслы иными смыслами, возможно, более привлекательными с социальной точки зрения. Волонтаристские политкорректные изменения текстов Библии, касающихся описаний Бога, свойств и атрибутов божественности, нельзя проводить по четырем причинам:

1) язык Писания – не только дескриптивный инструмент для передачи библейских историй Ветхого и Нового Завета, это еще и язык откровения, которым, как полагают верующие иудеи, христиане и мусульмане, Сам Бог разговаривал с пророками, апостолами и учениками, следовательно, при изменении языка существенно меняется смысл послания;

2) в иудаизме, христианстве и исламстве утверждается, что Бог находится вне сферы гендера и не может отождествляться с мужским или женским началом мира, как это происходит во многих языческих религиях; описание Бога в мужских терминах условно и тесно связано с библейскими метафорами и конвенциями древнееврейского языка, а также с откровением Бога о Себе Самом, зафиксированном в языковых конструкциях;

3) Библия короля Иакова представляет собой точный литеральный английский перевод древних священных текстов, который хорошо передает контекст; современные гендерно-нейтральные версии Библии не обогащают академическое богословие, не расширяют возможностей исторического анализа древних обществ – израильского и соседних с ним народов (персов, вавилонян, ассирийцев, хеттов, финикийцев, арабов, греков, римлян и т. п.);

4) Христос воплотился в человеческом теле как мужчина (это не может подвергаться сомнению), Он говорил о Боге как об Отце

и Он говорил о Себе как о Боге и Сыне, что передано словами со значением «отец» (אבא *abba*) и «сын» (בן *ben*), а не словами со значением «мать» и «дочь» или «отец с матерью» и «сын»; значит, ветхозаветное рассуждение о Боге в мужских терминах имеет дополнительный пласт богословских смыслов, которые оправдывают использование лингвистического мужского рода и мужского натурального гендера, связанного с метафорами и языковыми контекстами Библии.

Лингвистика, таким образом, оказывается неразрывно связанной с богословскими толкованиями Писания; использование лингвистического инструментария приводит нас к различному пониманию Бога и Его свойств. Феминизм как борьба за равноправие женщин – явление позитивное и для общества нужное. Однако использование феминистского дискурса в рассуждениях о Боге, утверждающего, что Он содержит одновременно мужское и женское начала, неизбежно приводит читателя таких текстов к заблуждениям, а в крайних случаях – к ересям манихейско-зороастрийского толка. Каких бы идеологических принципов ни придерживался переводчик Библии, ему следует помнить о том, что ее язык обладает надвременным характером, а Бог – надчеловеческими свойствами, и любой перевод Писаний, игнорирующий эти особенности в угоду злободневным политическим, социальным и культурным предпочтениям, обречен на искажения библейского смысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Lexham Bible* – современный перевод текстов Библии на английский язык, который, однако, является одним из наиболее буквалистских: в этой Библии поэтика и стройность слога вторичны по отношению к жесткому следованию переводческой схеме «слово за слово».

² *Jesurun, Iesurun, Jeshurun* (Ешерон, Иешурун) – поэтическое название Израиля, используемое в некоторых местах Ветхого Завета.

³ Примечательно, что в английском языке слово *bowels* (недра) используется для обозначения и внутренностей человека, и недр земли.

⁴ Метафора роженицы широко использовалась в древнем мире по отношению как к женщине, так и мужчине и вне библейского контекста. Философ Сократ, например, употреблял метафору мук деторождения, в которых пребывают мужи,

рождающие истину, себя называл акушером, а свое искусство ведения диалога – майевтикой, акушерским занятием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- An Inclusive Language Lectionary, 1985. Philadelphia, PA : Westminster Press. 264 p.
- Bibel in gerechter Sprache, 2006. Gütersloh : Gütersloher Verlagshaus. 1856 S.
- Biblical Revelation and Inclusive Language. A Report of the Commission on Theology and Church Relations of the Lutheran Church – Missouri Synod, 1998. URL: <https://www.lcms.org/Document.fdoc?src=lcm&id=314> (accessed 30 September 2018).
- Blomberg C. L., 2005. Today's New International Version: The Untold Story of a Good Translation // *The Bible Translator*. Vol. 56, no. 3. P. 187–211.
- Bock D. L., 2002. Do Gender-Sensitive Translations Distort Scripture? Not Necessarily // *Journal of the Evangelical Theological Society*. Vol. 45, no. 4. P. 651–669.
- Brenner A., Fontaine C., 2001. *A Feminist Companion to Reading the Bible: Approaches, Methods and Strategies*. London ; Chicago : Fitzroy Dearborn. 654 p.
- Cosgrove Ch. H., 1993. The First Attempt to Use Gender-Inclusive Language in English Bible Translation // *Journal of Ecumenical Studies*. Vol. 30, no. 2. P. 263–268.
- Dart J., 2002. Gender and the Bible: Evangelical Wrangle Over New Translation // *Christian Century*. Vol. 119, no. 14. P. 11–13.
- Ellis E. E., 2003. Dynamic Equivalence Theory, Feminist Ideology, and Three Recent Bible Translations // *Expository Times*. Vol. 115, no. 1. P. 7–12.
- Flotow L. von, 1991. Feminist Translation: Contexts, Practices and Theories // *TTR: Traduction, terminologie, redaction*. Vol. 4, no. 2. P. 69–84.
- Flotow L. von, 2000. Women, Bibles, Ideologies // *TTR: traduction, terminologie, redaction*. Vol. 13, no. 1. P. 9–20.
- Gomola A., 2010. Feminist thought in Bible translations // *Przekładaniec. A Journal of Literary Translations*. Vol. 24. P. 193–208. DOI: 16891864ePC.12.009.0571.
- Gruber M. I., 1983. The Motherhood of God in Second Isaiah // *Revue Biblique*. Vol. 90. P. 351–359.
- Halligan F., 1990. *WomanChurch: Toward a New Psychology of Feminine Spirituality* // *Pastoral Care*. Vol. 44, no. 4. P. 379–389.
- Hardesty N. A., 1988. 'Whosoever Surely Meaneth Me': Inclusive Language and the Gospel // *Christian Scholar's Review*. Vol. 17, no. 3. P. 231–240.

- Harrelson W., 1991. Inclusive Language in the New Revised Standard Version // *The Making of the New Revised Standard Version of the Bible* / B. M. Metzger, R. C. Dentan, W. Harrelson (eds.). Grand Rapids, MI : Eerdmans. 92 p.
- Hess R. S., 2005. Adam, Father, He: Gender Issues in Hebrew Translation // *The Bible Translator*. Vol. 56, no. 3. P. 144–153.
- Jacobs M. M., 2001. Feminist scholarship, biblical scholarship and the Bible // *Neotestamentica*. Vol. 35, no. 1–2. P. 81–94.
- Johnson E., 1999. *She Who Is: The Mystery of God in Feminist Theological Discourse*. New York : Crossroad. 344 p.
- Kimbrough S. T., 1989. Theological Table-Talk: Bible Translation and the Gender of God // *Theology Today*. Vol. 46, no. 2. P. 195–202.
- Kittel G., Friedrich G., 2003. *Theological Dictionary of the New Testament*. Grand Rapids, MI : W.B. Eerdmans. 1392 p.
- Martin C. J., 1990. Womanist Interpretations of the New Testament: The Quest for Holistic and Inclusive Translation and Interpretation // *Journal of Feminist Studies in Religion*. Vol. 6, no. 2. P. 41–61.
- Mollenkott V., 1994. *The Divine Feminine: The Biblical Imagery of God as Female*. New York : Crossroad Publication. 120 p.
- Munday J., 2012. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*. London : Routledge. 384 p.
- Neff D., 1995. Lost in the Translation: Can the New Inclusive Bible's Human One, Child of Father-Mother God, Save Us? // *Christianity Today*. Vol. 39, no. 2. P. 19–25.
- O'Day G. R., 1996. Probing an Inclusive Scripture // *Christian Century*. No. 3. P. 692–694.
- Pontifical Biblical Commission, 1993. *The Interpretation of the Bible in the Church*. URL: http://catholic-resources.org/ChurchDocs/PBC_Interp1.htm (accessed 20 October 2018).
- Poythress V. S., 1998. Gender in Bible Translation: Exploring a Connection with Male Representatives // *Westminster Theological Journal*. Vol. 60. P. 225–253.
- Scholz S., 2010. The Bible as “Men’s World”? Feminism and the translation of the Hebrew Bible // *Lectio Difficilior*. No. 1. P. 1–43.
- Schroer S., Bietenhard S., 2003. *Feminist Interpretation of the Bible and the Hermeneutics of Liberation*. London : Sheffield Academic Press. 178 p.
- Spencer A. B., 1997. Power Play: Gender Confusion and the NIV // *Christian Century*. Vol. 114, no. 20. P. 618–619.
- Stanton E. C., 2003. *The Woman’s Bible: A Classic Feminist Perspective*. Mineola, New York : Dover. 384 p.
- The Liberating Word: A Guide to Nonsexist Interpretation of the Bible, 1977*. L. M. Russell (ed.). Philadelphia, PA : Westminster Press. 121 p.
- Walker M., 1989. The Challenge of Feminism to the Christian Concept of God // *Journal of Theology for Southern Africa*. Vol. 66. P. 4–20.
- Walsh M. P., 1999. *Feminism and Christian Tradition. An Annotated Bibliography and Critical Introduction to the Literature*. Westport, CT : Greenwood. 472 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Елизаветинская Библия* – Библия сирѣчь Книги Сщеннаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Санктпетербургъ : Ея Императорскаго Величества Тупографія, 1751. 3624 с.
- Синодальная Библия* – Библия. Санкт-Петербургъ : Тупографія Священнаго Снода, 1876. 2440 с.
- Церковнославянско-русский словарь* – Полный церковно-славянский словарь. С внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений. URL: <http://www.orthodic.org>.
- Танах* – Tanakh. Editio Iacobi ben Chajjim. Regensburg : Hr Rotman, 1556. 2682 S.
- Glosbe Dictionary* – Древнееврейско-русский словарь. URL: <https://ru.glosbe.com/hbo/ru>.
- Johnson’s Dictionary* – A Dictionary of the English Language in which the Words are Deduced from Their Originals, and Illustrated in Their Different Significations by Examples from the Best Writers. In 2 vols. London : J.F. Rivington, 1755.
- King James’ Bible* – The Holy Bible, Conteyning the Old Testament, and the New: Newly Translated out of the Originall Tongues: And with the Former Translations Diligently Compared and Reuised, by His Maiecties Special Comandement. Appointed to Be Read in Churches. London : Robert Barker, 1611. 1504 p.
- The Inclusive Bible* – The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (by Priests for Equality). New York : Sheed & Ward, 2009. 808 p.
- The New Jerusalem Bible* – The New Jerusalem Bible. Garden City, New York : Doubleday, 1985. 2108 p.
- The New Revised Standard Bible* – The New Revised Standard Bible. Grand Rapids, MI : Zondervan, 2009. 1536 p.
- The New Testament and Psalms* – The New Testament and Psalms (inclusive version). Oxford : Oxford University Press, 1995. 535 p.
- The Revised English Bible* – The Revised English Bible with the Apocrypha. New Rochelle, New York : Oxford University Press ; Cambridge University Press, 1989. 1269 p.
- Today’s New International Version* – Today’s New International Version. Grand Rapids, MI : Zondervan, 2005. 1184 p.

REFERENCES

- An Inclusive Language Lectionary*, 1985. Philadelphia, PA, Westminster Press. 264 p.
- Bibel in gerechter Sprache, 2006. Gütersloh, Gütersloher Verlagshaus. 1856 S.
- Biblical Revelation and Inclusive Language. A Report of the Commission on Theology and Church Relations of the Lutheran Church – Missouri Synod*, 1998. URL: <https://www.lcms.org/Document.fdoc?src=lcm&id=314> (accessed 30 September 2018).
- Blomberg C.L., 2005. Today's New International Version: The Untold Story of a Good Translation. *The Bible Translator*, vol. 56, no. 3, pp. 187-211.
- Bock D.L. 2002. Do Gender-Sensitive Translations Distort Scripture? Not Necessarily. *Journal of the Evangelical Theological Society*, vol. 45, no. 4, pp. 651-669.
- Brenner A., Fontaine C., 2001. A Feminist Companion to Reading the Bible: Approaches, Methods and Strategies. London, Chicago, Fitzroy Dearborn. 654p.
- Cosgrove Ch.H., 1993. The First Attempt to Use Gender-Inclusive Language in English Bible Translation. *Journal of Ecumenical Studies*, vol. 30, no. 2, pp. 263-268.
- Dart J., 2002. Gender and the Bible: Evangelical Wrangle Over New Translation. *Christian Century*, vol. 119, no. 14, pp. 11-13.
- Ellis E.E., 2003. Dynamic Equivalence Theory, Feminist Ideology, and Three Recent Bible Translations. *Expository Times*, vol. 115, no. 1, pp. 7-12.
- Flotow L. von, 1991. Feminist Translation: Contexts, Practices and Theories. *TTR: Traduction, Terminologie, Redaction*, vol. 4, no. 2, pp. 69-84.
- Flotow L. von, 2000. Women, Bibles, Ideologies. *TTR: Traduction, Terminologie, Redaction*, vol. 13, no.1, pp. 9-20.
- Gomola A., 2010. Feminist Thought in Bible Translations. *Przekładaniec. A Journal of Literary Translations*, vol. 24, pp. 193-208. DOI: 16891864ePC.12.009.0571.
- Gruber M.I., 1983. The Motherhood of God in Second Isaiah. *Revue Biblique*, vol. 90, pp. 351-359.
- Halligan F., 1990. WomanChurch: Toward a New Psychology of Feminine Spirituality. *Pastoral Care*, vol. 44, no. 4, pp. 379-389.
- Hardesty N.A., 1988. 'Whosoever Surely Meaneth Me': Inclusive Language and the Gospel. *Christian Scholar's Review*, vol. 17, no. 3, pp. 231-240.
- Harrelson W., 1991. Inclusive Language in the New Revised Standard Version. Metzger B.M., Dentan R.C., Harrelson W., eds. *The Making of the New Revised Standard Version of the Bible*. Grand Rapids, MI, Eerdmans. 92 p.
- Hess R.S., 2005. Adam, Father, He: Gender Issues in Hebrew Translation. *The Bible Translator*, vol. 56, no. 3, pp. 144-153.
- Jacobs M.M., 2001. Feminist Scholarship, Biblical Scholarship and the Bible. *Neotestamentica*, vol. 35, no. 1-2, pp. 81-94.
- Johnson E., 1999. *She Who Is: The Mystery of God in Feminist Theological Discourse*. New York, Crossroad. 344 p.
- Kimbrough S.T., 1989. Theological Table-Talk: Bible Translation and the Gender of God, *Theology Today*, vol. 46, no. 2, pp. 195-202.
- Kittel G., Friedrich G., 2003. *Theological Dictionary of the New Testament*. Grand Rapids, MI, W. B. Eerdmans. 1392 p.
- Martin C.J., 1990. Womanist Interpretations of the New Testament: The Quest for Holistic and Inclusive Translation and Interpretation. *Journal of Feminist Studies in Religion*, vol. 6, no. 2, pp. 41-61.
- Mollenkott V., 1994. *The Divine Feminine: The Biblical Imagery of God as Female*. New York, Crossroad Publication. 120 p.
- Munday J., 2012. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*. London, Routledge. 384p.
- Neff D., 1995. Lost in the Translation: Can the New Inclusive Bible's Human One, Child of Father-Mother God, Save Us? *Christianity Today*, vol. 39, no. 2, pp. 19-25.
- O'Day G.R., 1996. Probing an Inclusive Scripture. *Christian Century*, no. 3, pp. 692-694.
- Pontifical Biblical Commission. The Interpretation of the Bible in the Church*, 1993. URL: http://catholic-resources.org/ChurchDocs/PBC_Interp1.htm (accessed 20 October 2018).
- Poythress V.S., 1998. Gender in Bible Translation: Exploring a Connection with Male Representatives. *Westminster Theological Journal*, vol. 60, pp. 225-253.
- Scholz S., 2010. The Bible as "Men's World"? Feminism and the translation of the Hebrew Bible. *Lectio Difficilior*, no. 1, pp. 1-43.
- Schroer S., Bietenhard S., 2003. *Feminist Interpretation of the Bible and the Hermeneutics of Liberation*. London, Sheffield Academic Press. 178 p.
- Spencer A.B., 1997. Power Play: Gender Confusion and the NIV. *Christian Century*, vol. 114, no. 20, pp. 618-619.
- Stanton E.C., 2003. *The Woman's Bible: A Classic Feminist Perspective*. Mineola, New York, Dover. 384 p.
- Russell L.M., ed., 1977. *The Liberating Word: A Guide to Nonsexist Interpretation of the Bible*. Philadelphia, PA, Westminster Press. 121 p.
- Walker M., 1989. The Challenge of Feminism to the Christian Concept of God. *Journal of Theology for Southern Africa*, vol. 66, pp. 4-20.

Walsh M.P., 1999. *Feminism and Christian Tradition. An Annotated Bibliography and Critical Introduction to the Literature*. Westport, CT, Greenwood. 472 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

Bibliya sirech Knigi Sshchennago Pisaniya Vetkhago i Novago Zaveta., 1751. Saint Petersburg, Eya Imperatorskago Velichestva Tipografiya. 3624 p.

Bibliya., 1876. Saint Petersburg, Tipografiya Svyashhennago Sinoda. 2440 c.

Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar. S vneseniem v nego vazhneyshikh drevnerusskikh slov i vyrazheniy [Full Church Slavonic Dictionary. With the Most Important Old Russian Words and Expressions]. URL: <http://www.orthodic.org>.

Tanakh. Editio Jacobi ben Chajjim, 1556. Regensburg, Hr Rotman Publ. 2682 S.

Drevneevreysko-russkiy slovar [Hebrew-Russian Dictionary]. URL: <https://ru.glosbe.com/hbo/ru>.

A Dictionary of the English Language in Which the Words are Deduced from Their Originals, and

Illustrated in Their Different Significations by Examples from the Best Writers, 1755. London, J.F. Rivington.

The Holy Bible, Conteyning the Old Testament, and the New: Newly Translated out of the Originall Tongues: And with the Former Translations Diligently Compared and Reuised, by His Maiecties Special Comandement. Appointed to Be Read in Churches, 1611. London, Robert Barker Publ. 1504 p.

The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (By Priests for Equality), 2009. New York, Sheed & Ward. 808 p.

The New Jerusalem Bible, 1985. Garden City, New York, Doubleday. 2108 p.

The New Revised Standard Bible, 2009. Grand Rapids, MI, Zondervan. 1536 p.

The New Testament and Psalms (Inclusive Version), 1995. Oxford, Oxford University Press. 535 p.

The Revised English Bible with the Apocrypha, 1989. New Rochelle, New York, Oxford University Press, Cambridge University Press. 1269 p.

Today's New International Version, 2005. Grand Rapids, MI, Zondervan. 1184 p.

Information about the Author

Konstantin S. Sharov, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Philosophy Department, M.V. Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovskiy, 27, Bld. 4, 119991 Moscow, GSP-1, Russia, const.sharov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4784-0333>

Информация об авторе

Константин Сергеевич Шаров, кандидат философских наук, старший преподаватель, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119991 г. Москва, ГСП-1, Россия, const.sharov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4784-0333>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.19>

UDC 811.111'01:81'37
LBC 81.432.1-002

Submitted: 14.12.2018
Accepted: 11.03.2019

THE OLD ENGLISH PRAYER *THE LORD'S PRAYER* AS A SEMANTIC WAY OF CONVEYING CHRISTIAN MORALS

Anna V. Proskurina

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The paper highlights the integral traditional formula of the prayer *Pater noster* that has reached our days because of the New Testament, whereas its earlier variations remained at the level of literary monuments. In the article the prayer to the Lord, which came to our days as part of a poetic collection of the 10th century The Exeter Book, is presented. This prayer is an extension of the New Testament prayer through additional appeals to the Lord, as well as additional lexemes that are not found in the Biblical version. The author notes that at the dawn of the Christianity of the Anglo-Saxon world, there were many accepted versions of the naming of Jesus Christ, literally fixed lexemes of the Old English language, reflecting the name of the Son of God. The current article deals with the prayer's discourse in the light of primary and secondary codes. The text of the prayer *Pater noster* is given in Latin and Old English. The Latin text is presented as the primary code in the sense what the sentence means, the Old English text is added to the Latin text and tells what the speaker of the prayer means. The primary code is the sentence content and the secondary code is the speaker means.

Key words: Lord's Prayer, primary code, secondary code, semantics, Old English, Latin, translatoin.

Citation. Proskurina A. V. The Old English Prayer *The Lord's Prayer* as a Semantic Way of Conveying Christian Morals. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 217-227. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.19>

УДК 811.111'01:81'37
ББК 81.432.1-002

Дата поступления статьи: 14.12.2018
Дата принятия статьи: 11.03.2019

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ МОЛИТВА *THE LORD'S PRAYER* КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ ХРИСТИАНСКОЙ МОРАЛИ

Анна Вячеславовна Проскурина

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье утверждается, что сохранению молитвы Господней (*The Lord's Prayer*) в той целостной традиционной формуле, что дошла до наших дней, способствовала ее фиксация в Новом Завете, тогда как более ранние вариативные оформления молитвенного текста остались на уровне литературных памятников. Показано, что молитва Господня, включенная в состав поэтического сборника X в. «The Exeter Book», является расширением новозаветной молитвы *Pater noster*, которое осуществлено посредством дополнительных обращений к Господу, а также добавочных лексем, не встречающихся в евангельском варианте. Молитвенный дискурс рассмотрен в аспекте первичных и вторичных кодов: *The Lord's Prayer* представлена в латинской и древнеанглийской версиях; при этом текст на латинском языке явлен в первичном коде, то есть в том, что означает предложение, текст на древнеанглийском языке дополняет его, раскрывая содержание просьбы молящегося. Делается вывод о том, что значение молитвы *The Lord's Prayer* зависит от комбинации первичного и вторичного кодов: изначального варианта *Pater noster* и его древнеанглийской интерпретации, не претендующей на звание самостоятельного произведения. Христианская мораль транслируется в значениях первичного и вторичного кодов молитвы.

Ключевые слова: Молитва Господня, первичный код, вторичный код, семантика, древнеанглийский язык, латинский язык, перевод.

Цитирование. Проскурина А. В. Древнеанглийская молитва *The Lord's Prayer* как семантический способ трансляции христианской морали // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 217–227. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.19>

Когнитивное понимание веры

Молитвенное обращение представляется для каждого человека, будь то атеист или верующий, адресной просьбой о желаемом к верховным божествам. В зависимости от вероисповедания просящего эта адресность может варьироваться от обращения к дереву до упоминания всех Святых. Христиане чаще всего обращаются в своих молитвенных просьбах к Господу Иисусу Христу, поскольку заступничество и помощь Бога – это то, что является главной опорой в их греховной жизни. Молитва, в христианском понимании, – это совокупность искреннего прошения с обязательными обрядовыми действиями, как то: ежедневное чтение религиозных текстов, стояние и поклоны, покаяние, причащение святых Христовых Тайн, соблюдение постов и т. п. Молитва – источник и двигатель христианской идеи о нравственно-религиозной жизни. Страх Божьего судного дня побуждает верующих возносить ежедневные молитвы не только, например, о здравии (своем и ближних), но и об отпущении своих грехов. Обязательные христианские обрядовые традиции непрерывно транслируются из поколения в поколение, передавая накопленную столетиями мораль авраамических религий.

Чему способствовало широкое распространение христианской морали? Почему для одних людей молитва являет собой ежедневный ритуал, тогда как для других она не имеет никакого смысла? Религиовед Паскаль Буайе (Pascal Boyer) в своем антропологическом труде «Объясняя религию» так отвечает на эти вопросы: «Я объясняю существование религии через механизмы, которые имеются в любом человеческом разуме и выполняют разнообразную важную и интересную работу, однако формировались вовсе не для того, чтобы порождать религиозные представления или поведение. У человека не существует религиозного инстин-

кта, особой склонности или предрасположенности к таким понятиям, особого религиозного центра в мозге, и по основным когнитивным функциям верующие ничем не отличаются от неверующих. Судя по всему, вера и убеждение – просто побочный продукт той работы, которую общие представления и умозаключения делают для религии в той же степени, что и для других областей. <...> Картина разочаровывающая, потому что религия в таком случае предстает банальным следствием или даже побочным эффектом наличия у нас разума, а в этом нет ничего сенсационного или драматичного. Но ведь религия как раз драматична – она играет ключевую роль в жизни многих, она сопряжена с глубокими эмоциональными переживаниями, ради нее человек может убить или пожертвовать собой. Нам кажется, что драматичные явления заслуживают таких же драматичных объяснений. По этой же причине те, кого религия отталкивает или пугает, хотели бы видеть у того, что они считают вопиющей ошибкой, единственного источника, некую развилку, на которой многочисленные человеческие умы выбирают неверный путь. Но правда в том, что такой развилки нет, поскольку убедительным религиозные представления делает многочисленное “тайное общество” разных когнитивных механизмов» [Буайе, 2018, с. 440–441]. Мы привели объемную цитату, чтобы показать, что наиболее привлекательные для психики человека религиозные идеи транслируются из поколения в поколение благодаря особым когнитивным механизмам, сформировавшимся у человека в ходе эволюции. Передаются именно те идеи, которые оказались наиболее культурно пригодными, тогда как остальные варианты были отклонены человеческим мозгом в силу культурной непригодности.

Немаловажным фактором усвоения религиозных доктрин является исповедание той или иной религии обществом, с коим вза-

имодействует индивид. Иными словами, для человека, рожденного и воспитанного в протестантской среде, логично будет исповедовать именно протестантизм, а не, например, иудаизм. Выдающийся британский этолог Ричард Докинз (Richard Dawkins) в своих выступлениях часто отмечает, что религия передается от одного человека к другому только одним путем – наследственным. Перенимание детьми тех или иных представлений родителей является также следствием работы когнитивных систем. Подчеркнем вслед за Паскалем Буайе, что именно активация когнитивных механизмов отвечает за наделение сверхъестественных существ стратегическими знаниями, то есть способностью видеть и оценивать абсолютно все человеческие поступки. Кроме того, на передачу христианских религиозных ценностей из поколения в поколение существенное влияние оказывают политические процессы практически на всем отрезке европейской истории. Значимым для передачи религиозных идей является и факт абсолютного отрицания эволюции истинными адептами Церкви. Ричард Докинз пишет об этом: «Тех, кто отрицает эволюцию, я назвал “отрицателями истории”. Эти люди уверены в том, что возраст планеты исчисляется тысячами, а не тысячами миллионов лет, а также в том, что люди делили землю с динозаврами» [Докинз, 2017, с. 19]. Именно данная базовая креационистская теория о сотворении мира единым Создателем побуждает последователей христианской Церкви денно и нощно молить Бога о спасении своей грешной души.

Молитва Господня в аспекте ее когнитивного содержания

Перейдем от когнитивного понимания веры к содержанию молитвы *The Lord's Prayer* (*Pater noster*). Ее текст дважды воспроизводится в Евангелии: от Матфея (6:9-13) и от Луки (11:2-4). Приведем оба варианта молитвы Господней из Библии короля Иакова (XVII в.), являющейся общепризнанным в Англии «авторизованным» переводом, а также русский вариант перевода из греческой Библии *Textus Receptus* XVI–XVII вв. [тек-

сты приводятся по: (The Holy Bible, 1978; Библия, 2008)].

Matthew 6:9-13

9. ...Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name.

10. Thy kingdom come. Thy will be done in earth, as *it is* in heaven.

11. Give us this day our daily bread.

12. And forgive us our debts, as we forgive our debtors.

13. And lead us not into temptation, but deliver us from evil: For thine is the kingdom, and the power, and the glory, for ever. Amen.

Мф. 6:9-13

⁹ Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; ¹⁰да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; ¹¹хлеб наш насущный дай нам на сей день; ¹²и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; ¹³и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.

Luke 11:2-4

2. ...Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name. Thy kingdom come. Thy will be done, as in heaven, so in earth.

3. Give us day by day our daily bread.

4. And forgive us our sins; for we also forgive every one that is indebted to us. And lead us not into temptation; but deliver us from evil.

Лк. 11:2-4

² Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; ³хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; ⁴и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

Первоначальный вариант молитвы Господней был известен на британской территории на латинском языке (*Pater noster*), поскольку в первой половине VII в. на остров Британия, в королевство англосаксов Нортумбрию, через ирландских миссионеров (Церковь в Ирландии была утверждена уже в V в.) проникло христианство и, как следствие, латинский алфавит и книжная культура. По мере усвоения новообращенными христианской веры в религиозных текстах становится все больше толкований молит-

венных обращений на древнеанглийском языке. Так, в составе текстов манускрипта X в. «The Exeter Book» обнаруживается древнеанглийское молитвенное обращение к Господу, представляющее собой слияние латинского текста *Pater noster* с разъяснениями на древнеанглийском языке смысла всех прошений. Эта молитва – последовательное объяснение основных религиозных догм, изложенное в 137 строках.

Представим полный текст молитвы Господней на латинском языке с его переводом на современный английский язык по: (Old English shorter poems, 2012). Отметим, что имеется небольшое лексическое несходство современного англоязычного варианта *Pater noster* с представленными выше вариантами молитвы Господней из Библии короля Иакова.

*Pater noster qui es in celis
Sanctificetur nomen tuum
Adveniat regnum tuum
Fiat voluntas tua sicut in cello et in terra*

*Panem nostrum cotidianum da nobis hodie
Et dimitte nobis debita nostra
Sicut et nos dimittimus debitoribus nostris
Et ne nos inducas in temptationem
Set libera nos a malo
Amen*

Our Father who are in heaven
Hallowed be your name
Your kingdom come
Your will be done as it is in heaven, so too on
the earth
Our daily bread give us today
And forgive us our debts
As we forgive our debtors
And lead us not into temptation
But deliver us from evil
Amen

В основе *Pater noster* лежит призыв (начальная строка) – *Our Father which art in heaven; Pater noster qui es in celis* (Отче наш, сущий на небесах!), а также семь прошений:

Hallowed be thy name; Sanctificetur nomen tuum (Да святится имя Твое);
Thy kingdom come; Adveniat regnum tuum (Да приидет Царствие Твое);

Thy will be done in earth, as it is in heaven (Thy will be done, as in heaven, so in earth); Fiat voluntas tua sicut in cello et in terra (Да будет воля Твоя и на земле, как на небе);

Give us this day our daily bread (Give us day by day our daily bread); Panem nostrum cotidianum da nobis hodie (Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; Хлеб наш насущный дай нам на сей день);

And forgive us our debts, as we forgive our debtors (And forgive us our sins; for we also forgive every one that is indebted to us); Et dimitte nobis debita nostra Sicut et nos dimittimus debitoribus nostris (И прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим);

And lead us not into temptation; Et ne nos inducas in temptationem (И не введи нас в искушение); *But deliver us from evil; Set libera nos a malo* (Но избавь нас от лукавого).

Далее следует утвердительная часть молитвы: *For thine is the kingdom, and the power, and the glory, for ever Amen* (Ибо твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь).

Обратимся к тексту молитвы *The Lord's Prayer*, вошедшей в состав манускрипта X в. «The Exeter Book», и далее остановимся на семи молитвенных прошениях [оригинал текста представлен по изданию: (Old English shorter poems, 2012, p. 69–77); перевод на русский язык наш. – А. П.].

Как можно заметить, некоторые строки семи молитвенных прошений разбиты на части, каждая из которых снабжена дополнениями, а именно: прошение *Pater noster qui es in celis; Panem nostrum cotidianum da nobis hodie* (Хлеб наш насущный дай нам на сей день) разделено на две строки, а прошение *Fiat voluntas tua sicut in cello et in terra* (Да будет воля Твоя и на земле, как на небе) – на три.

Рассмотрим смысл семи молитвенных прошений сквозь призму христианской морали.

Pater noster:

Ʒu eart ure fæder, ealles wealdend,
cyninc on wuldre. Forðam we clypiað to þe,
are biddað, nu þu ypost miht
sawle alysan. Ʒu hig sændest ær
þurh þine æþelan hand in to þam flæsce;
ac hwar cymð heo nu,
buton þu, engla God, eft hig alyse,
sawle of synnum þurh þine soðan miht?

10 *Qui es in celis:*

Ʒu eart on heofonum hiht and frofor,
blissa beorhtost; ealle abugað to þe,
þinra gasta þrym, anre stæfne
clypiað to Criste, cweþað ealle þus:
“Halig eart þu, halig, heofon-eangla cyningc,
drihten ure, and þine domas synd
rihte and rume, ræcað efne gehwam,
æghwilcum men, agen gewyrhta.
Wel bið ðam þe wyrcð willan þinne!”

20 *Sanctificetur nomen tuum:*

Swa is gehalgod þin heah nama
swiðe mærllice manegum gereordum,
twa and hund-seofontig, þæs þe secgað bec,
þæt þu, engla God, ealle gesettest
ælcere þeode þeaw and wisan.
Þa wurþiað þin weorc wordum and dædum,
þurh gecynd clypiað and Crist heriað
and þin lof lædað, lifigenda God,
swa þu eart geæþelod geond ealle world.

30 *Adveniat regnum tuum:*

Cum nu and mildsa, mihta waldend,
and us þin rice alyf, rihtwis dema,
earda selost and ece lif,
þar we sibbe and lufe samond gemetað,
eagena beorhtnyse and ealle mirhðe,
þar bið gehyred þin halige lof
and þin micelle miht, mannum to frofre,
swa þu, engla God, eallum blissast.

39 *Fiat voluntas tua:*

Gewurðe þin willa, swa þu waldend eart
ece geopenod geond ealle world,
and þu þe silf eart soðfæst dema,
rice ræd-bora, geond rumne grund.
Swa þin heah-setl is heah and mære,
fæger and wurðlic, swa þin fæder worhte,
æþele and ece, þar ðu on sittest
on sinre swiðran healf. Ʒu eart sunu and fæder,
ana ægþer; swa is þin æþele gecynd
micclum gemærsod. And þu monegum helpst,
earla cyninga þrym, clypast ofer ealle;

Pater noster:

Ты – Отец наш, Правитель всех нас, Царь
во славе. Мы потому вопием к Тебе и
вымаливаем у Тебя прощение, что Ты легко
можешь очистить душу. Своею величавой
рукою Ты ранее устремил ее в плоть; но
куда она направится сейчас, о Бог ангелов,
если Ты не высвободишь душу от грехов
своим справедливым могуществом?

10 *Qui es in celis:*

Ты наша надежда и утешение на небесах,
ярчайшая радость, все преклоняются перед
Тобой, сплоченные Тобой; они единогласно
зывают к Христу, говоря: «Свят, свят Ты,
царь небесных ангелов, наш Господь, и
Твоя кара справедлива и всеохватывающая,
настигающая каждого человека по его
заслугам. И это разумно для того, кто
выполняет Твою волю!»

20 *Sanctificetur nomen tuum:*

Потому Твое пречистое имя возвеличено на
многих языках, на семидесяти двух, раз уж
книги повествуют о том, что Ты, Бог ангелов,
установил все обычаи и уклад жизни для
каждого народа. Своими словами и деяниями
они прославляют Твои труды, естественным
порывом взывая к Христу и возвеличивая
Его, вознося хвалу Тебе, о Бог живой, потому
что Ты известен по всему миру.

30 *Adveniat regnum tuum:*

Приди же сейчас и окажи милость,
могущественный правитель, даруй нам свое
царство – наилучшее прибежище и жизнь
вечную, где мы встретим мир и любовь,
улады для наших глаз и всяческие
наслаждения, где Твое святое возношение и
великая сила внемлют как утешение для
человеческого существа, ведь только Ты,
Бог ангелов, вселяешь им радость.

39 *Fiat voluntas tua:*

Твоя воля, как Правителя, будет выполнена
во веки веков, распространенной по всему
миру, и Ты известен сам как праведный
судья и могущественный наставник на всей
широкой земле. Поэтому Твой возвышенный
трон является таким же возвеличенным и
прекрасным, великолепным и почетным,
каким твой Отец великодушно и навечно
сотворил его, где Ты восседаешь по правой
стороне. Ты и Сын, и Отец воедино; поэтому
твоя величественная сущность весьма
почитается. И Ты, Величество всех царей,
оказываешь помощь многим, возвышаешь
свой голос над ними;

bið þin wuldor-word wide gehyred,
þonne þu þine fyrde fægere geblissast,
slyest miht and mund micclum herige,
and þe þanciað þusenda fela,
eal engla þrym, anre stæfne.

56 *Sicut in cello:*

Swa þe on heofonum heah-þrymnesse
æþele and ece a þanciað,
clæne and gecorene Cristes þegnas,
singað and biddað soðfæstne God
are and gifnesse earle þeode;
þonne þu ead-mod eart earle worlde.
Sy þe þanc and lof þinre mildse,
wuldor and willa; þu gewurðod eart
on heofon-ricc, heah casere,

67 *Et in terra,*

and on eorðan, ealra cyninga
help and heafod, halig læce,
reðe and rihtwis, rum-heort hlaford.
þu geæþelodest þe ealle gesceafta,
and tosyndrodest hig siððan on manega,
sealdest ælcra gecynde agene wisan
and a þine mildse ofer manna bearn.

75 *Panem nostrum cotidianum:*

Swa mid sibbe sænst urne hlaf
dæg-hwamlice duguðe þinre,
rihtlice dælest
mete þinum mannum and him mare gehætst
æfter forð-siðe – þines fæder rice,
þæt wæs on fruman fægere gegearwod,
earða selost and ece lif-
gif we soð and riht symle gelæstað.

84 *Da nobis hodie:*

Syle us to dæg, drihten, þine
mildse and mihta and ure mod gebig,
þanc and þeawas, on þin gewil.
Bewyrce us on heortan haligne gast
fæste on innan, and us fultum sile,
þæt we moton wyrcan willan þinne
and þe betæcan, tyr-eading cyningc,
sawle ure on þines silfes hand.

Твое великое слово будет услышано повсюду, когда Ты благосклонно радуешь свое войско, даешь крепость духа и покровительство этой великой армии, и многие тысячи из них, единая сила ангелов, возносят единогласно благодарность тебе.

56 *Sicut in cello:*

Именно поэтому возвеличенные божественные силы, великодушные и вечносушие, всегда воздают благодарность Тебе, пречистое божье войско Христово воспевают и возносит молитвы праведному Богу о помощи и всепрощении людского люда; и Ты даруешь им это, о Царь, благословленный во славе, с тех самых пор, как Ты благоволишь всему миру. Благодарность и хвала, слава и радость возносятся тебе за твое милосердие; Ты почитаешься всевышним правителем в царстве небесном,

67 *Et in terra,*

как и на земле, будучи Подспорьем и Вождем всех властителей, святой Целитель, строгий и справедливый, великодушный Господь. Ты облагородил все живое существо и затем сделал его многообразным, дав каждому виду свою особенность, и Ты всегда удостаивал милосердия чад своих.

75 *Panem nostrum cotidianum:*

Потому Ты своему войску ниспосылаешь наш хлеб насущный; Ты достойно разделяешь пищу между своею паствой, и Ты обещаешь им большее после смерти, а именно – царство твоего Отца, которое было чудесно уготовано в начале всех начал, наилучшее обиталище и вечная жизнь, если только мы будем всегда вести себя честно и правильно.

84 *Da nobis hodie:*

Поддай нам сегодня, о Господь, свою благодать и силу, и направь наш разум к себе, наши мысли и наш образ жизни. И прочно заключи Святой Дух в наших сердцах, и дай нам помощь, чтобы мы смогли исполнить Твою волю и вверить наши души в Твои руки, о Царь, благословленный в изобилии.

93 *Et dimitte nobis debita nostra:*

Forgif us ure synna, þæt us ne scamige eft,
drihten ure, þonne þu on dome sitst
and ealle men up arisað
þe fram wife and fram were wurdon acænned.
Beoð þa gebrosnodon ban mid þam flæsce
ealle ansunde eft geworden;
þar we swutollice siððan oncnawað
eal þat we geworhton on world-ricc:
betere and wyrse þar beoð buta geara.
Ne magon we hit na dyrnan, for ðam þe hit
drihten wat,
and þar gewitnesse beoð wuldor-micele,
heofon-waru and eorð-waru, hel-waru þridde.
Þonne bið egsa geond ealle world,
þar man us tyhhað on dæg twegan eardas,
drihtenes are oððe deofles þeowet,
swa hwaðer we geearniað her on life,
þa hwile þe ure mihta mæste wæron.

111 *Sicut et nos dimittimus debitoribus nostris:*

Ac þonne us alyseð lifigende God
sawle ure, swa we her forgifað
earmon mannum þe wið us agilt.

115 *Et ne nos inducas in temptacionem:*

And na us þu ne læt laðe beswican
on costunga, cwellan and bærnan
sawla ure, þeah we sinna fela
didon for ure disige dægges and nihtes,
idele spræce and unrihte weorc,
þine bodu bræcon. We þe biddað nu,
ælmihctig God, are and gifnesse;
ne læt swa heanlice þin hand-geweorc
on ende-dæge eal forwurðan,

125 *Set libera nos a malo:*

ac alys us of yfele. Ealle we beþurfon
Godes gifnesse; we agylt habbað
and swiðe gesingdon. We ðe, soðfæstan God,
heriað and lofiað, swa þu, halend, eart
cune-bearn gecydd cwycum and deadum,
æþele and ece ofer ealee þingc.
Þu miht on anre hand eaðe befealdan
Ealne middan-eard. Swilc is mære cyningc!

134 *Amen*

Sy swa þu silf wilt, soðfæst dema.
We þe, engla God, ealle heriað,
swa þu eart gewurðod a on worlda forð.

93 *Et dimitte nobis debita nostra:*

Отпусти нам грехи наши, чтобы мы не
устыдились их потом, о наш Господь, когда
ты будешь судить нас и все станет явным:
кто родился мужчиной или женщиной. Их
кости сгниют вместе с плотью, и все
произойдет снова; а потом мы ясно
осознаем все то, что мы сделали в царстве
этого мира: наши лучшие и худшие
поступки будут представлены вместе. Мы
ни в коем случае не сможем что-либо
угаить, потому что Господь знает все, и на
суде будет величественное многообразие
свидетелей: обитатели неба и земли, и треть
ада. Здесь будет ужас повсюду, по всему
миру, когда возникнут два места
пребывания для нас: расположение Господа
или же порабощение дьявола, что бы мы ни
заслужили в этой жизни, пока наши силы
были велики.

111 *Sicut et nos dimittimus debitoribus nostris:*

Но Бог живой только тогда отпустит нам
наши грехи, если мы простим сейчас
несчастных людей, кто грешат против нас.

115 *Et ne nos inducas in temptacionem:*

И ни в коем случае не позволяй нашим
недоброжелателям склонить нас лукавством
к искушениям, убить и сжечь наши души,
даже если мы по своей глупости грешили
денно и ночью, а наше празднословие, и
неправильные поступки нарушили Твои
заповеди. И сейчас мы молим Тебя,
всемогущий Господь, о Твоей милости и
всепрощении; не позволяй делам рук Твоих
всецело погибнуть так позорно в
светопреставлении,

125 *Set libera nos a malo:*

но скорей избави нас от лукавого. Мы все
нуждаемся в Божьем всепрощении. Мы
прославляем и воспеваем Тебя, праведный
Бог, для Тебя, о Спаситель, для Тебя
обнажен мир живых и мертвых, как для
величественного Сына, благородного и
нетленного, установившего все сущее.
В одной своей руке Ты можешь легко
держать всецелый мир. Таков Ты великий
Царь!

134 *Amen*

Может быть, это по Твоей воле, о
праведный Судья. Мы все молим Тебя, Бог
ангелов, ибо ты почитаем навеки вечные.

Призыв (начальная строка) – *Our Father which art in heaven; Pater noster qui es in celis* (Отче наш, сущий на небесах!) – является собой главную религиозную мысль о единстве Божьем, требующем единства веры в Него. Бог един, как и в Царствие Небесном, так и на земле.

Первое прошение – *Hallowed be thy name; Sanctificetur nomen tuum* (Да святится имя Твое) – отражает вечносущую песнь Ангелов Небесных Богу: «Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет» (Откр. 4:8). Идея спасения заключается в благочестивой жизни, изложенной в Евангелии от Матфея: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16).

Второе прошение – *Thy kingdom come; Adveniat regnum tuum* (Да приидет Царствие Твое) – выражает креационистскую идею о сотворении Богом миров. Однако под «Царством Небесным» может пониматься не только Рай, но и душевное чувство блаженства, достигнутое в результате праведной жизни.

Третье прошение – *Thy will be done in earth, as it is in heaven (Thy will be done, as in heaven, so in earth); Fiat voluntas tua sicut in cello et in terra* (Да будет воля Твоя и на земле, как на небе) – посвящено христианской идее об обязательном подчинении своей воли воле Бога. Ср. с евангельскими цитатами о молитве Господа в Гефсиманском саду: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26:39); «Отче Мой! Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя» (Мф. 26:42).

Четвертое прошение – *Give us this day our daily bread (Give us day by day our daily bread); Panem nostrum cotidianum da nobis hodie* (Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; Хлеб наш насущный дай нам на сей день) – представляет собой мольбу о душевной и насущной пище, поддерживающей земное человеческое бытие. Однако все, что лежит за гранью простых потребностей, – смертный грех. Подтверждение тому находим в Библии: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и

вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогатиться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (Тим. 1 6:6-10).

Пятое прошение – *And forgive us our debts, as we forgive our debtors (And forgive us our sins; for we also forgive every one that is indebted to us); Et dimitte nobis debita nostra Sicut et nos dimittimus debitoribus nostris* (И прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим) – раскрывает суть обязанностей верующего человека по отношению к Богу и людям, изложенных в Заповедях Синайского Законодательства. Для вхождения в Царство Небесное, как учит христианская Церковь, необходимо простить всех обидчиков, иначе Бог не отпустит все прегрешения. В Евангелии от Матфея читаем: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших!» (Мф. 6:14-15).

Шестое прошение – *And lead us not into temptation; Et ne nos inducas in temptationem* (И не введи нас в искушение) – выражает просьбу о защите от «сеятеля» зла, единственным оружием против которого является Крест Божий. Главные враги верующего человека, склоняющие к совершению того, что запрещено Заповедями Синайского Законодательства, помимо дьявола, являются человеческая плоть и внешний мир. Христиане склонны полагать, что начало всех похотей, от которых велит избавляться Церковь, лежит именно в плоти человеческой. Так, в Послании Иакова отмечается следующее: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его. В искушении никто не говори: «Бог меня искушает»; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает грех,

а сделанный грех рождает смерть. Не обманывайтесь, братья мои возлюбленные» (Иак.1:12-16).

Седьмое, заключительное, прошение – *But deliver us from evil; Set libera nos a malo* (Но избавь нас от лукавого) – выражает просьбу об избавлении молящегося от козней лукавого, вводящих в искушение. В послании Ефесянам даны следующие напутствия для жизни праведной: «Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы. Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия» (Еф. 5:15-17).

Далее, в утвердительной части молитвы – *For thine is the kingdom, and the power, and the glory, for ever Amen* (Ибо твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь) – постулируется существование Бога. Заключительная строка служит кульминацией прошения, некой «магической формулой» для скорейшего исполнения желаемого. В Евангелии от Матфея приведены условия получения желаемого и дарения, согласно воле Божьей: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын просит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:7-12).

Языческие коннотации в древнеанглийском тексте молитвы Господней

Исходя из пояснений, вкрапленных в канву молитвенного текста *Pater noster*, можно судить о достаточно развитой христианской традиции древнеанглийского периода. Однако в древнеанглийском тексте встречаются следующие лексемы, отсылающие к языческим верованиям (в скобках приведен словарный вариант лексемы):

– в третьем прошении (*Fiat voluntas tua sicut in cello et in terra*): *fyrde (fierd)* – «войско»; *miclum herige (mice here)* – «великая армия»; *clæne and gecorene Cristes þegnas (clæ (ge)coren) Crist þegen* – «пречистое божье войско»;

– в четвертом прошении (*Panem nostrum cotidianum da nobis hodie*): *dugude (dugup)* – «войско».

Эти лексические единицы создают языческий образ предводителя воинов. На заре христианизации Иисус Христос представлялся в образе Вождя, а верующие – его дружинников [Бенвенист, 1995]. Возможно, такая репрезентация была необходима для плавного перехода от язычества к христианству.

Рассуждая о молитве Господней как о семантическом способе трансляции христианской морали, упомянем палиндром *Pater noster*, в теле которого отчетливо прослеживается форма креста. В древнеримской традиции палиндром *Sator* был известен задолго до того, как возникло христианство. Именно с обретением молитвы *Pater noster* палиндром начинает распознаваться в качестве анаграммы начальных слов молитвы, обеспечивая себе трансляцию во времени и пространстве:

SATOR
AREPO
TENET
OPERA
ROTAS

Образ креста на заре христианства также претерпевает ряд изменений, о чем свидетельствует лексика английского языка. Наиболее почитаемыми богами для германцев были Воден (верховный бог) и его сыновья Тюр (бог воинской доблести) и Тор (бог грома и бури). Христос воспринимался на ранних этапах христианизации в качестве древнегерманского бога бурь, грома и плодородия – Тора, в снаряжение которого входил молот Мьельнир, имитировавший крест (подробно см.: [Grimm, 1844; 1854]). Впоследствии слова со значением «деревокрест», отсылающим к языческой картине мира, замещаются нейтральным заимствованием *cross* («крест»), не имеющим языческих коннотаций.

Заклучение

Текст, включающий основную молитву и комментарий, есть комбинация первичного и вторичного кодов. С.Г. Проскурин так определяет границу между этими кодами: «Первичное и вторичное в понимании кода представляет интерес в чисто семиотическом плане, поскольку в самом широком смысле любое высказывание на языке, его орфографию на письме можно интерпретировать как первичный кодовый сигнал. Кроме того, каждое “культурное слово” имеет, помимо своего культурного концепта, и свой синтаксис, которого не имеют другие “культурные концепты”. Таким образом, первичные коды отражают то, что значит предложение (принцип «the sentence means»). Вторичные коды говорят о том, что имеет в виду говорящий (принцип “the speaker means”))» [Проскурин, 2005, с. 111]. Следовательно, текст молитвы Господней с вкраплениями объяснений является семантическим способом трансляции христианской морали. Значение молитвы *The Lord's Prayer* обусловлено именно комбинацией первичного и вторичного кодов: изначальной молитвы *Pater noster* и ее древнеанглийской интерпретации, не претендующей на звание самостоятельного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э., 1995. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс-Универс. 452 с.
- Буайе П., 2018. Объясняя религию: Природа религиозного мышления. 2-е изд. М. : Альпина нон-фикшн. 496 с.
- Докинз Р., 2017. Самое грандиозное шоу на Земле: доказательства эволюции / пер. с англ. Д. Кудьмин. М. : АСТ : CORPUS. 496 с.
- Проскурин С. Г., 2005. Семиотика индоевропейской культуры. 2-е изд., перераб. и испр. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 234 с.
- Grimm J., 1844. *Deutsche Mythologie*. Bd. 1–2. 2nd ed. Göttingen : Dieterich. 1246 s.

Grimm J., 1854. *Deutsche Mythologie*. Bd. 1–2. 2nd ed. Göttingen : Dieterich. 1246 s.

ИСТОЧНИКИ

- Библия*, 2008 – Библия. М. : Российское Библейское общество, 2008. 1296, XXXII с.
- Old English shorter poems, 2012* – Old English shorter poems / ed. and transl. by A. Ch. Jones. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2012. 456 p.
- The Holy Bible, 1978* – The Holy Bible: Containing the Old and New Testaments (King James Version), placed by the Gideons. Havelock : National Publishing company, 1978. 1217 p.

REFERENCES

- Benveniste E., 1995. *Slovar indoeuropeyskikh sotsialnykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow, Progress-Univers Publ. 452 p.
- Boyer P., 2018. *Obyasnyaya religiyu: Priroda religioznogo myshleniya* [Explaining Religion: The Nature of Religious Thinking]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ. 496 p.
- Dawkins R., 2017. *Samoe grandioznoe shou na Zemle: dokazatelstva evolyutsii* [The Greatest Show on Earth. The Evidence for Evolution]. Moscow, AST Publ, CORPUS Publ. 496 p.
- Proskurin S.G., 2005. *Semiotika indoeuropeyskoy kultury* [Semiotics of Indo-European Culture]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 234 p.
- Grimm J., 1844. *Deutsche Mythologie*. Göttingen, Dieterich. 1246 S.
- Grimm J., 1854. *Deutsche Mythologie*. Göttingen, Dieterich. 1246 S.

SOURCES

- Bibliya* [The Bible], 2008. Moscow, Rossiyskoe Bibleyskoe obshchestvo. 1296, XXXII p.
- Christopher A.J., ed., 2012. *Old English Shorter Poems*. Cambridge, MA, Harvard University Press. 456 p.
- The Holy Bible: Containing the Old and New Testaments (King James Version), Placed by the Gideons*, 1978. Havelock, National Publishing company. 1217 p.

Information about the Author

Anna V. Proskurina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Novosibirsk State Technical University, Prosp. Karla Marksa, 20, 630073 Novosibirsk, Russia, a.vyacheslavovna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9026-2511>

Информация об авторе

Анна Вячеславовна Прокураина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный технический университет, просп. Карла Маркса, 20, 630073 г. Новосибирск, Россия, a.vyacheslavovna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9026-2511>

www.volsu.ru

РЕЦЕНЗИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.20>

UDC 81.161.1
LBC 81.411.2

Submitted: 19.03.2019
Accepted: 17.05.2019

THE COMMUNICATIVE POTENTIAL OF MODALITY: PARADIGMS OF INTERPRETATIONS

(Book Review: The communicative potential of modality in diachrony and synchrony of the Russian language [Text] : monograph / S. S. Vaulina, I. Yu. Kuksa, N. A. Probst, A. I. Tkachenko, A. N. Chernyakov ; under the editorship of S. S. Vaulina. – Kaliningrad : Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2018. – 206 p.)

Zoya L. Novozhenova

University of Gdansk, Gdansk, Poland

УДК 81.161.1
ББК 81.411.2

Дата поступления статьи: 19.03.2019
Дата принятия статьи: 17.05.2019

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДАЛЬНОСТИ: ПАРАДИГМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

(Рец. на кн.: Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка [Текст] : монография / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса, Н. А. Пробст, А. И. Ткаченко, А. Н. Черняков ; под ред. С. С. Ваулиной. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 206 с.)

Зоя Леонидовна Новоженова

Гданьский университет, г. Гданьск, Польша

Полипарадигматичность современной лингвистической науки обеспечивает многообразие подходов к объектам исследования, что в идеале должно привести к полноте и объективности их описания.

Удачная попытка изучения столь сложного и неоднозначного объекта, каковым является модальность, в рамках сравнительно-исторической и функциональной парадигм на основе объединения диахронического и синх-

ронического подходов предпринята в коллективной монографии «Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка», вышедшей в издательстве Балтийского федерального университета имени И. Канта под редакцией профессора С.С. Ваулиной. Именно синтетический подход позволил авторам – С.С. Ваулиной, И.Ю. Куксе, Н.А. Пробсту, А.И. Ткаченко, А.Н. Чернякову – раскрыть коммуникативный потенциал

модальности, описав коммуникативные аспекты данной категории, обусловленные ментально-прагматическими факторами и требованиями речевой ситуации, а также выявить особенности реализации коммуникативного потенциала модальности в текстах различной жанрово-стилевой принадлежности и временной отнесенности.

Ключевыми в монографии являются, во-первых, предложенная С.С. Ваулиной оригинальная теоретически стройная и логически последовательная концепция категории модальности и, во-вторых, объединение диахронического и синхронического подходов, фиксирующих динамическую перспективу в функционировании модальности в русском языке. Как справедливо отмечает В.В. Колесов, «только динамический аспект изучения объекта и предмета способен доказательно и всесторонне представить его онтологическую сущность – в становлении, в движении, в развитии, то есть целиком и во всех системных отношениях» [Колесов, 1999, с. 340].

Именно эти два аспекта и определили тематико-организационный принцип построения монографии, ее композицию. В формальном плане структура работы организована следующим образом: первая глава – теоретическая, в которой рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с квалификацией модальности как функционально-семантической и коммуникативной категории, вторая – «диахроническая», в ней представлены результаты анализа реализации коммуникативного потенциала категории модальности в истории русского языка, третья – «синхроническая», в ней на материале различных источников (текстов художественного и публицистического стилей) исследован коммуникативный потенциал категории модальности в ее современном состоянии.

В первой главе монографии «Традиционное и дискуссионное в научных подходах к модальности» ее автор С.С. Ваулина затрагивает целый комплекс проблем, касающихся важнейших сторон структурно-содержательного объема и функциональной значимости категории модальности. К ним относятся: разграничение философского (в том числе логического) и лингвистического понимания модальности (как универсальной семантической

языковой категории); применение функционального и полевого подходов к изучению модальности; ее интерпретация как коммуникативной категории, в данном случае в центре внимания автора находятся вопросы функционального статуса ее отдельных структурно-содержательных компонентов, и в первую очередь основных пластов – объективной и субъективной модальности, а также проблемы взаимосвязи категорий модальности и наклонения, модальности и оценочности. Авторская позиция по каждой проблеме выглядит убедительной и аргументированной.

В процессе знакомства с материалом данной главы читатель наблюдает, как на теоретическом фундаменте традиционной лингвистики, в дискуссиях по многим устоявшимся положениям современных исследований, с «подключением» мощного потенциала функциональной лингвистики «вырастает» оригинальная концепция модальности; она апробирована во многих публикациях и принята научным сообществом. Категория модальности трактуется С.С. Ваулиной как «широкая семантическая категория, содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяется... номинативным (пропозициональным) и коммуникативным (прагматическим) аспектами. В рамках номинативного аспекта реализуется пропозициональная модальность (модальность диктума), в рамках коммуникативного аспекта выделяется модальность коммуникативная (прагматическая) как модальность модуса. Пропозициональная модальность включает значения реальности / ирреальности и модальность ситуативную (внутрисинтаксическую) – модальность действительности, возможности, необходимости, желательности. <...> В числе основных структурных компонентов коммуникативной (прагматической) модальности находится субъективная модальность, вопрос и побуждение» (с. 14–15). Теоретическая стройность, логичность, убедительность, значительный интерпретационный потенциал дают возможность поставить концепцию С.С. Ваулиной в ряд наиболее удачных осмыслений категории модальности в современной российской лингвистике.

Важным методологическим положением теории С.С. Ваулиной, наглядно воплощенным

в анализе фактического материала второй и третьей глав рецензируемой монографии, является утверждение полевого подхода к модальности, его последовательная реализация в построении различных модальных полей.

Отметим, что идея поля – одно из важнейших «завоеваний» современной лингвистики: понимание системной организации языковых единиц (синтагматические цепочки, парадигматические отношения в виде оппозиции, тематических групп, лексико-семантических групп и под.) дополняется использованием понятия поля как одного из способов описания структурного, семантического и функционального фрагмента языковой системы (см. об этом: [Новоженова, 2016]). Авторы монографии опираются на функционально-семантическую теорию поля, предложенную А.В. Бондарко и предполагающую учет взаимодействия разноуровневых средств определенного языка на основе общности их семантических функций (см.: [Бондарко, 1972; 1984]).

Для категории модальности, как убедительно доказывает С.С. Ваулина, в силу особенностей ее организации (возможная нечеткость значений, наличие переходных зон, многообразие формальных средств выражения, динамики их формирования и функционирования и под.) полевой принцип оказывается наиболее адекватным способом описания структурно-функциональной иерархии семантической и формальной сторон данной категории. В целом научная концепция ученого, подробно изложенная в первой главе (а также представленная во введении и заключении), обеспечивает монографию стабильной и прочной теоретической основой, которая находит глубокое осмысление, развитие и практическое воплощение в последующих главах.

Как мы уже отмечали, весьма перспективным представляется совмещение в пределах одного исследования диахронического и синхронического подходов к модальности, что приближает нас к адекватному описанию объекта и составляет новизну исследования. Эта идея уже высказывалась классиками науки. Еще Ф. де Соссюр не только настаивал на размежевании диахронии и синхронии как двух принципиально различных подходов к язы-

ковым фактам, но и приветствовал возможность и необходимость их сочетания на определенных этапах исследования. При этом соблюдение принципа неразрывности синхронического и диахронического подходов обеспечивается использованием метода синхронного среза в исторических исследованиях, суть которого, по мнению З. Трестеровой, состоит в том, что изучение языковых фактов диахронического характера предполагает непосредственное наблюдение процесса развития языка как последовательной смены состояний [Трестерова, 1976, с. 12–13]. Такой синтетический подход применен во второй и третьей главах работы.

Во второй главе монографии, написанной И.Ю. Куксой, выявлена специфика реализации коммуникативного потенциала модальности на разных исторических этапах развития русского языка. Недостаточная изученность этой проблемы остроумно подчеркивается редактором монографии: «Среди множества современных исследований данной категории несколько “сиротливо” выглядят немногочисленные монографические и диссертационные работы, выполненные на историческом материале русского языка» (с. 4). Между тем актуальность рассмотрения модальности в историческом плане очевидна.

В этой части монографии охарактеризованы особенности выражения побудительной модальности в древнерусском языке XI–XIV вв. на материале разножанровых памятников письменности, а также модальность газетных текстов в русском языке XVII – первой четверти XVIII в. на материале первых российских изданий (с. 43–104). Временные границы материала, выбранные автором, соответствуют важным этапам в истории русского языка: XI–XIV вв. – период становления языка русской народности; вторая половина XVII в. – первая четверть XVIII в. – начальный этап формирования языка русской нации. Сочетание уникального исторического материала и выбор, как теперь принято говорить, знаковой для данной исторической эпохи категории – побудительной модальности, а также адекватный объекту изучения метод анализа делают данное исследование ценным по ряду причин.

Во-первых, во второй главе предложено оригинальное и весьма убедительное понимание побудительной модальности, которая является одним из важнейших прагматических конституентов категории модальности – речевым инструментом воздействия на волю и чувства адресата. Побудительная модальность отнесена автором (в отличие от достаточно распространенной точки зрения, принятой, например, в вузовских учебниках) не к объективному, а прагматическому пласту модальности, при этом подчеркивается ее непосредственная связь с субъективной модальностью. Во-вторых, в данной главе описан важный фрагмент языковой реальности – значительный массив фактов реализации модальности, зафиксированных в разножанровых памятниках древнерусского периода. И.Ю. Кукса удалось показать процесс формирования как плана содержания, так и плана выражения побудительной модальности в древнерусском языке. В-третьих, в этой части сделаны весьма ценные обобщения и наблюдения относительно плана содержания побудительной модальности, который осмысливается как сложное семантическое образование. Указаны три основные зоны ее семантических вариантов: категорический, смягченный, нейтральный. В рамках зоны отмечаются значения *приказа, инструкции, просьбы, разрешения, совета, предложения, призыва, мольбы*, что дает возможность установить прямые соответствия между значениями модальности и жанровыми разновидностями текстов, говорить о жанрообразующем потенциале категории модальности.

Наблюдения над языком «со стороны его основной и глобальной функции – выражения мышления в процессе коммуникации» позволили автору зафиксировать динамический процесс формирования значений в совокупности со способами их выражения. Так, среди частных значений побуждения отмечены значения *призыва* и *мольбы*, регулярно обнаруживаемые в древнерусских памятниках письменности. И.Ю. Кукса указывает, что наличие таких значений модальности «отчасти обуславливается ментальными особенностями социально-культурного пространства Древней Руси» (с. 49). Автором показано, каким образом содержательная емкость поля определяет слож-

ность и многообразие его плана выражения, конституенты которого образуют структурно-функциональную иерархию.

Несомненный интерес вызывает второй параграф главы, посвященный рассмотрению модальности газетного текста, пожалуй, одного из самых популярных объектов исследования в современной лингвистике. Газетный текст, как верно замечает автор, является идеальным «полем» для изучения прагматического аспекта языка (с. 69). При этом особую ценность исследования составляет анализ прагматической стороны модальности, осуществляемый на историческом материале «Вестей-Курантов» (фактически первой российской газеты) и Петровских «Ведомостей».

Период, когда появляются первые газеты, ознаменован яркими преобразовательными процессами во всех сферах русского общества, нашедшими отражение в языке, в том числе в новых жанровых и стилевых разновидностях русской письменности. Данный период, как справедливо отмечает И.Ю. Кукса, характеризуется поиском оптимальных форм языковой интерпретации сфер общественно-политической жизни, что отражается в особенностях функционирования в русском языке ключевых семантических категорий: в первую очередь к категории модальности.

Модальная организация газет «Вести-Куранты» и «Ведомости» времени Петра Великого исследуется автором в полном объеме: рассматривается и пропозициональная (объективная и ситуативная – микрополя *возможности, необходимости, желательности*), и субъективная модальность. Последовательно применяемый в анализе принцип поля дал возможность автору наглядно представить пропозициональную модальность как структурно-содержательный фундамент газетных жанров, выделить ее центральные и периферийные конституенты, а также зоны их пересечения.

Перспективными не только с точки зрения теории модальности, но и с позиции функциональной стилистики, дискурсологии, жанроведения являются наблюдения автора над возможностью субъективно-авторских наслоений на пропозициональную модальность.

Однако особо значимыми в плане наблюдений над становлением газетно-публицистического стиля и формированием журналистских жанров надо признать теоретические размышления о субъективной модальности как способе выражения авторских интенций и анализ фактов ее реализации. Во-первых, И.Ю. Кукса предлагает рассматривать «Вести-Куранты» как своеобразную «стартовую точку» для анализа особенностей эволюции субъективной модальности и средств ее выражения в газетных текстах последующих исторических этапов (с. 93). Во-вторых, через анализ значений субъективной модальности (вероятности, достоверности / недостоверности, уверенности / неуверенности и т. п.), которые реализуются достаточно широким спектром разнородных средств, ученый показывает, что уже на этапе зарождения отечественной периодической печати и газетных жанров для автора газетного (публицистического) текста важным оказывается выражение собственной позиции. В-третьих, в исследованных газетных текстах И.Ю. Кукса прослеживает динамику в сторону увеличения в них авторского присутствия.

Третья глава рецензируемой монографии «Особенности реализации коммуникативного потенциала модальности в современном русском языке», авторы которой – Н.А. Пробст, А.Н. Черняков и А.И. Ткаченко, посвящена изучению специфики реализации коммуникативного потенциала модальности на современном срезе функционирования русского языка. Исследование ориентировано на выявление результатов эволюции тех компонентов модальности, которые были рассмотрены в предыдущей главе. Описывая коммуникативный потенциал побудительной модальности в текстах современной художественной литературы, Н.А. Пробст и А.Н. Черняков раскрывают механизмы реализации коммуникативных возможностей данной составляющей категории модальности. Причем авторы не ограничиваются анализом поля побудительной модальности, а выделяют межполевую зону вопросительно-побудительной модальности, эксплицируемой в первую очередь посредством основных директивных актов в различных сферах речевой коммуникации.

А.И. Ткаченко, изучая особенности реализации коммуникативного потенциала мо-

дальности в современном газетном тексте, устанавливает характер соотношения в нем объективной и субъективной модальности в непосредственной зависимости от газетного, новостного или аналитического жанра, выявляя ядерные и периферийные средства выражения целевого авторского участия в речевой коммуникации. Как свидетельствуют результаты проведенного анализа в современном газетно-публицистическом дискурсе, в отличие от дискурса первых российских газет, авторские модальные интенции реализуются не только эксплицитно, с помощью определенного набора лексических и морфологических средств, но и имплицитно, посредством элементов окружающего грамматического (синтаксического) контекста.

Завершая рецензию, отметим, что появление данной монографии – это закономерный этап исследований, проводимых на протяжении ряда лет коллективом ученых калининградской «модальной» школы, возглавляемой профессором С.С. Ваулиной. Результаты исследования, обобщенные в монографии, значительно восполняют существующие научные представления о модальности как важнейшей антропоцентрической языковой категории. Последовательность применения оригинальных методологических принципов, богатство эмпирической базы позволяют оценивать данную монографию как важный шаг не только в теоретическом осмыслении категории модальности, но и в развитии теории художественного, публицистического и газетного дискурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А. В., 1972. К теории поля в грамматике // Вопросы языкознания. № 3. С. 20–35.
- Бондарко А. В., 1984. Функциональная грамматика. Л. : Наука. 136 с.
- Колесов В. В., 1999. «Жизнь происходит от слова...». СПб. : Златоуст. 368 с.
- Новоженова З. Л., 2016. Русское глагольное предложение: структура и семантика. М. : Ленанд УРСС. 265 с.
- Трестерова З., 1976. Проблематика синхронного среза и изучение древнерусского придаточного предложения следствия // Československa rusistika. XXI(2). С. 12–15.

REFERENCES

- Bondarko, A.V., 1972. К теории поля в грамматике [On the Theory of the Field in Grammar]. *Voprosy Yazykoznanija*, no 3, pp. 20-35.
- Bondarko A.V., 1984. *Funktsionalnaya grammatika* [Functional Grammar]. Leningrad, Nauka Publ. 136 p.
- Kolesov V.V., 1999. «*Zhizn proiskhodit ot slova...*» [“Life Comes from the Word...”]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 368 p.
- Novozhenova Z.L., 2016. *Russkoe glagolnoe predlozhenie: struktura i semantika* [Russian Verbal Sentence: Structure and Semantics]. Moscow, Lenand URSS. 265 p.
- Tresterova Z., 1976. *Problematika sinkhronnogo sreza i izuchenie drevnerusskogo pridatochnogo predlozheniya sledstviya* [The Problems of Synchronous Cross-Section and the Study of the Old Russian Subordinate Consecutive Clause]. *Cheskoslovenska rusistika*. XXI (2), pp. 12-15.

Information about the Author

Zoya L. Novozhenova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, University of Gdansk, Veit Stoss St., 51, 80-308 Gdansk, Poland, zin@02.pl, <https://orcid.org/0000-0003-3266-8251>

Информация об авторе

Зоя Леонидовна Новоженова, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и переводоведения, Гданьский университет, ул. Вита Ствоша, 51, 80-308 г. Гданьск, Польша, zin@02.pl, <https://orcid.org/0000-0003-3266-8251>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

- обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском и немецком языках, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

- поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

- публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2019 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2019 года 928 руб. 00 коп. Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English and German, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2019 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2nd half of 2019 is 928,00 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все, кто внес значительный вклад, должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN THE *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.*
LINGUISTICS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
